

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН
Научно-координационный совет
по философским проблемам социальной теории
РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
РАДИОТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
Межвузовский центр социальной теории

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Научный альманах. Том XII. 2020

РОССИЯ КАК ЦИВИЛИЗАЦИЯ БУДУЩЕГО

Под редакцией Ю.М. Резника

Москва 2020

Двенадцатый том научного альманаха «Вопросы социальной теории» рекомендован к печати Научно-координационным советом по философским проблемам социальной теории (Институт философии РАН).

Рецензенты тома:

Доктор философских наук, профессор А.М. Бекарев (Нижний Новгород)
Доктор философских наук, профессор А.Л. Золкин (Москва)

Редакционный совет:

В.А. Лекторский (Москва, ИФ РАН) — *председатель совета.*

Члены совета: А.Б. Гофман (Москва, НИУ-ВШЭ), В.С. Диев (Новосибирск, НГУ), Г.В. Драч (Ростов-на-Дону, ЮФУ), Д.И. Дубровский (Москва, ИФ РАН), А.А. Гусейнов (Москва, ИФ РАН), А.Л. Журавлев (Москва, ИП РАН), А.А. Кара-Мурза (Москва, ИФ РАН), С.В. Комаров (Пермь, ПГНИУ), А.А. Кузьмин (В. Новгород, НовГУ), Н.И. Лапин (Москва, ИФ РАН), Б.В. Марков (Санкт-Петербург, СПбГУ), К.Х. Момджян (Москва, МГУ), С.С. Неретина (Москва, ИФ РАН), А.Л. Никифоров (Москва, ИФ РАН), А.М. Орехов (Москва, РУДН), Л.С. Перепелкин (Москва, Ин-т востоковедения РАН), К.С. Пигров (Санкт-Петербург, СПбГУ), В.И. Разумов (Омск, ОмГУ), З.М. Саралиева (Нижний Новгород, ННИУ), Я.И. Свирский (Москва, ИФ РАН), В. Сломский (Варшава), А.В. Смирнов (Москва, ИФ РАН), С.А. Смирнов (Новосибирск, НГУЭУ), Н.М. Смирнова (Москва, ИФ РАН), В.Г. Федотова (Москва, ИФ РАН), М.В. Чиркин (Рязань, РГРТУ), В.Н. Шевченко (Москва, ИФ РАН), В.В. Щербина (Москва, ИС РАН), В.Н. Щербина (Киев).

Редакционная коллегия: Ю.М. Резник (Москва, ИФ РАН) — *главный редактор*, Н.Б. Афанасов (Москва, ИФ РАН) — *отв. секретарь*, В.Г. Николаев (Москва, НИУ ВШЭ), Н.А. Степанов (Рязань, РГРТУ).

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ: Научный альманах. Том XII. 2020. РОССИЯ КАК ЦИВИЛИЗАЦИЯ БУДУЩЕГО / Институт философии РАН, Научно-координационный совет по философским проблемам социальной теории; под редакцией Ю.М. Резника. — М.: Издательство Независимого института гражданского общества, 2020. — 288 с.

Данный том альманаха содержит материалы II Междисциплинарного научного симпозиума «Социальная теория и проблемы цивилизационного развития» (Рязань, сентябрь 2020 г.). Он посвящен осмыслению философских и социально-научных проблем построения цивилизационного будущего современной России. В книге анализируются цивилизационные проекты отечественных и зарубежных мыслителей и возможности их практического применения к преобразованию современного российского общества. В ней представлены цивилизационные контуры России XXI века, а также некоторые проблемы её цивилизационного развития.

Альманах предназначен для научных сотрудников, преподавателей, аспирантов и студентов социально-гуманитарных факультетов вузов, а также для специалистов-практиков, интересующихся проблемами цивилизационного выбора современной России.

Содержание	3
Предисловие (В.А. Лекторский)	5

Раздел 1. ОБРАЗЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО БУДУЩЕГО РОССИИ: ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ИНТЕГРАЦИИ

(Ю.М. Резник)

1.1. О подходе к интерпретации и реконструкции цивилизационных проектов России (вместо введения)	17
1.2. Некоторые проекты цивилизации для России (опыт проектной реконструкции)	25
1.2.1. Образы духовной организации жизни цивилизации	26
«Цивилизация духа» (Г. Гегель)	26
«Цивилизация жизни» (А. Швейцер)	32
«Трансцендентная цивилизация» (С. Хантингтон)	35
1.2.2. Софийность, всеединство и интегрализм как принципы проектирования российской цивилизации	39
«Цивилизация общего дела» (Н.Ф. Фёдоров)	39
«Цивилизация Софии» (В.С. Соловьёв)	43
«Интегральная цивилизация» (П.А. Сорокин)	46
1.2.3. Всечеловечность как способ полагания российской цивилизации	49
«Славянская цивилизация» (Н.Я. Данилевский)	49
«Евразийский проект» (Н.С. Трубецкой)	53
<i>Опыт современной интерпретации всечеловечности</i> (А.В. Смирнов)	58
1.3. Сравнительная характеристика проектов цивилизационного будущего России и пути их интеграции	63
1.4. Возможен ли «интегральный» проект российской цивилизации? (вместо заключения)	74
<i>Приложение. Так существует ли «общечеловеческая» цивилизация и какое место в ней отводится России? (в порядке полемики с В.М. Межуевым и Н.В. Мотрошиловой) .....</i>	<i>96</i>
Литература и примечания	115

Раздел 2. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ КОНТУРЫ РОССИИ В XXI ВЕКЕ

АФАНАСОВ Н.Б. (Москва, ИФ РАН) Ретро-шок будущего и российский цивилизационный проект	121
БЕСПАЛОВА Т.В. (Москва, Институт наследия) Будущее российской цивилизации: некоторые идеологические контуры	131
ГЛУХОВА О.Ю. (Чебоксары) Российская цивилизация глазами современных китайских философов	143
КАЗИН А.Л. (Санкт-Петербург, Рос. ин-т истории искусств) Православный социализм как русская национальная идея	150
МАРКОВ Б.В. (Санкт-Петербург, СПбГУ) Имперский и цивилизационный проекты будущего России	160
ПЕРЕПЕЛКИН Л.С. (Москва, ИВ РАН) Россия и её цивилизационное будущее: выигрышные позиции (взгляд антрополога) ...	172
РАЗУМОВ В.И. (Омск, ОмГУ) Российское общество в XXI веке: достигнуты ли пределы роста?	187
РОМАНОВ Д.Д. (Москва, РУДН) Будущее российской цивилизации: мистико-интуитивистский аспект	197
ТИТОВ Р.В. (Волгоград) «Сверх-усилие воли» как уникальная черта русской цивилизации	204
ТЮГАШЕВ Е.А. (Новосибирск, ИФиП СО РАН) Кирилло-Мефодиевская традиция в понимании российской цивилизации	212
ФЕДОТОВА В.Г. (Москва, ИФ РАН) Роль модернизации в цивилизационном проекте для России	222
ЩЕРБИНА В.Н. (Киев) Цивилизационные координаты украинского общества в условиях современных вызовов	237

Раздел 3. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ГОРДОВА Т.В., КОРНЕЕВА Г.К. (Рязань, РГРТУ) Цивилизационные перспективы высшего образования в России	248
ДИЕВ В.С. (Новосибирск, НГУ) Управление в российской цивилизации: к построению национальной модели	254
ПОДОЛЬ Р.Я. (Рязань, РГУ им. С. Есенина) Дистанционное образование как проект цивилизационного развития России	263
СОКОЛОВ А.С., СТЕПАНОВ Н.А. (Рязань, РГТУ) Междисциплинарность исторических исследований как условие поиска цивилизационной идентичности	276
Содержание (на англ.)	285

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые читатели! Перед вами находится очередной том альманаха «Вопросы социальной теории», который посвящён теме «Россия как цивилизация будущего». Я с удовольствием познакомился с его содержанием и теперь могу поделиться своими впечатлениями с вами.

Альманах открывается большим разделом, подготовленным Ю.М. Резником. В нём анализируются образы цивилизационного будущего России посредством их проектной реконструкции. Автор применяет данный подход к девяти совершенно разным концепциям цивилизационного развития, проецируя их содержание на будущее России, занимающей особое место в мировом сообществе. Он подразделяет их на три группы, выделяя разные основания для типологизации.

Первая группа (Г. Гегель, А. Швейцер, С. Хантингтон) представляет образы духовной организации цивилизации, которые, по мнению автора, можно применить к цивилизационному проектированию России. Ю.М. Резник даёт им условные обозначения — «цивилизация духа» (Гегель), «цивилизация жизни» (Швейцер) и «трансцендентная цивилизация» (Хантингтон). Эти модели объединены понятиями «дух», «трансцендентное», «жизнь». Другими словами, цивилизация понимается в духовном измерении как жизнь духа или бытие трансцендентного.

Вторая группа мыслителей и их концепций (Н.Ф. Фёдоров, В.С. Соловьёв, П.А. Сорокин) выделяется по основаниям софийности, всеединства и интегрализма. Общее между ними — идея всеединства российской цивилизации, которая рассматривается как своего рода «локомотив» мирового цивилизационного развития. Автор называет эти модели соответственно «цивилизацией общего дела» (Н.С. Фёдоров), «цивилизацией Софии» (В.С. Соловьёв) и «интегральной цивилизацией» (П.А. Сорокин).

Наконец, третья группа концепций (Н.Я. Данилевский, Н.С. Трубецкой, А.В. Смирнов) выражает идею всечеловечности применительно к российской цивилизации. Всечеловечность рассматривается как способ полагания цивилизации. Причём носителем этой идеи выступает, с точки зрения указанных мыслителей, общественность России. Автор подчёркивает, что проекты «славянской» и «евразийской» цивилизаций являют-

ся прообразами всечеловеческой цивилизации, модель которой обосновывает А.В. Смирнов.

Далее Ю.М. Резник приводит сравнительную характеристику рассмотренных выше проектов цивилизационного будущего России, различая их по способу построения будущего и с точки зрения критериев реалистичности и реализуемости. Он приходит к выводу, что ни один из этих проектов не обладает всей полнотой выделенных им критериев цивилизационного развития (духовность или наличие духовно-нравственных идеалов – «трансцендентность», «экзистенциальность» и пр.; ориентация на поддержание и развитие жизни и «жизненность» самой цивилизации; человекообразность и степень свободного развития человека; достаточно высокий уровень развития науки и образования; технологичность, подчиненная целям развития человека и общества; соответствие политической организации и хозяйственного уклада собственной логике культуры; социальная справедливость и защищенность; экологическая безопасность). Из этого вовсе не следует, что они не являются обоснованными с точки зрения автора. Скорее всего, в указанных проектах имеются собственные основания для цивилизационного проектирования России, которые автору не удалось согласовать со своими критериями. И всё же определенное родство между ними имеется. Однако его можно установить, лишь модифицировав эти критерии в терминах указанных мыслителей. Очевидно, что современная терминология (экологическая безопасность и пр.) не всегда соответствует логике их мышления. Необходимо выработать новый язык (а точнее – концептуальный аппарат) для проектирования российской цивилизации на данном этапе её исторического развития, который бы смог учесть соответствующий проектный опыт мыслителей прошлого и настоящего.

Ю.М. Резник высказывает предположение о том, что Россия имеет шансы пойти по пути строительства всечеловеческой цивилизации. В заключительном подразделе он обосновывает экологическую модель такой цивилизации, к созданию которой уже приступили в Китае, объявив программу её построения на общегосударственном уровне. Но Россия, по мнению автора, должна пойти своим путём, вобрав в него весь позитивный опыт цивилизационного строительства в мире. Для формирования образа экологической цивилизации в общественном сознании России необходимо разработать комплекс программных мер по развитию экологии духа, в т.ч. по экологическому воспитанию и просвещению населения страны, утверждению экологии жизни, основанной на идее благоговения перед жизнью А. Швейцера, и экологии человека, в частности.

Автор предлагает также расширить сферу экологических преобразо-

---

ваний российского общества, распространив их на науку и образование, технологическое развитие (экологическая модернизация), социальные отношения (принцип социальной справедливости) и культуру в целом (экосознание). Он выдвигает и обосновывает идею сочеловечности как «бытия всех и для всех», которая позволяет интегрировать межчеловечность («бытие-с-другими») и всечеловечность («бытие всех со всеми») в единую этико-экологическую формулу взаимодействия человека и мира.

В приложении к своему очерку Ю.М. Резник вступает в дискуссию с В.М. Межуевым и Н.В. Мотрошиловой, отстаивающих в той или иной мере возможность существования общечеловеческой цивилизации. Если Н.В. Мотрошилова считает такую цивилизацию реально существующей и имеющей свои культурные основания на Западе, то В.М. Межуев пишет о ней как о становящейся цивилизации диалога, которая, возможно, придёт на смену множеству цивилизаций. Ю.М. Резник же убеждён в том, что для возникновения такой цивилизации ещё не созданы исторические предпосылки, и пока о ней можно рассуждать как о цивилизации будущего. Кроме того, за образом такой цивилизации он усматривает контуры западной цивилизации, которая нашла свой путь к преодолению варварства и при этом смогла навязать его странам, находящимся от неё в экономической или политической зависимости. Однако, как показывает автор, у России существует собственная логика развития культуры и у неё уже имеется отрицательный опыт «интеграции» в западную цивилизацию. Так что ей по пути с теми странами, которые выстраивают альтернативную (например, экологическую) модель цивилизации.

Во втором разделе данного тома альманаха собраны статьи, посвящённые анализу цивилизационных контуров России в XXI веке.

Так, Н.Б. Афанасов анализирует шок ретро-будущего как контекст российского цивилизационного проекта, связывая, в частности, последний с преодолением ностальгии россиян по своему прошлому (прежде всего, по советской модели цивилизации).

Т.В. Беспалова представляет в своей статье некоторые идеологические контуры будущей российской цивилизации, делая основной акцент на необходимости формирования патриотизма и защиты исторической памяти.

О.Ю. Глухова рассматривает представления современных китайских исследователей о российской цивилизации и её культурных истоках.

В свою очередь А.Л. Казин предлагает в качестве русской национальной идеи православный социализм, который может, с его точки зрения, стать «общим делом» для российских людей.

Б.В. Марков анализирует имперский и цивилизационный пути развития России как взаимодополняющие проекты построения её будущего.

Л.С. Перепёлкин подчёркивает в своей статье те выигрышные позиции (природные ресурсы, производство продуктов питания, образованность большинства населения, научный потенциал страны и пр.), которые имеет Россия с точки зрения формирования своего цивилизационного будущего.

В.И. Разумов и О.Р. Онищенко анализируют пределы роста как возможные ограничения цивилизационного развития России. Они настаивают на том, что её цивилизационные перспективы напрямую связаны с осмыслением процессов развития общества как субстанционального объекта и общепланетарного явления.

Д.Д. Романов рассматривает будущее российской цивилизации сквозь призму мистико-интуитивистского подхода, разработанного, с точки зрения автора, В.С. Соловьёвым, С.Л. Франком, А.Ф. Лосевым и другими мыслителями. Вслед за ними он предлагает использовать метод трансрационального анализа в философском постижении будущей цивилизации в России.

Р.В. Титов определяет сверх-усилие воли в качестве существенной и уникальной черты русской цивилизации. Он считает, что Россия обладает высоким волевым потенциалом и может состояться как самостоятельная цивилизация, при условии преодоления негативных факторов со стороны Запада, развивающегося при помощи технологий, которые приводят, в конце концов, к «пороку воли» или «безволию».

Е.А. Тюгашев излагает своё понимание российской цивилизации, основанное на актуализации кирилло-мефодиевской традиции в русской культуре и философии. Цивилизационную идентичность России он напрямую связывает с учением Кирилла и Мефодия, заложивших основы русского языка, в т.ч. установившие каноны использования глаголицы и кириллицы.

В.Г. Федотова подчёркивает в своей статье роль модернизации в цивилизационном проекте современной России. Она подчёркивает значение культурной специфики национальных моделей модернизации, учитывающих своеобразие стоящих перед конкретным обществом задач.

В.Н. Щербина представляет собственную версию перспектив цивилизационного развития Украины с учётом возрастающей роли России и Китая в евразийском геополитическом пространстве. Он показывает, что с течением времени цивилизационные ориентиры Украины могут меняться. А это приводит к тому, что украинской политической элите рано или поздно придётся опираться на собственные культурные основания (например, принцип соборности).

Конечно, указанным авторам не удалось избежать разногласий мнений и представить всесторонний анализ, что неизбежно в таком издании как

альманах. Цивилизация в России характеризуется ими либо как «русская цивилизация» (Т.В. Беспалова, Д.Д. Романов, Р.В. Титов, Е.А. Тюгашев), либо как «незавершенный цивилизационный проект» (Н.Б. Афанасов, О.Ю. Глухова, Б.В. Марков, Л.С. Перепёлкин, В.И. Разумов, О.Р. Онищенко, В.Н. Щербина), либо как проект модернизации, являющийся частью более общего проекта цивилизации модерна (В.Г. Федотова). Кроме того, они используют разные термины для определения цивилизационного будущего России (ретро-футурошок, идеологические ориентиры, онтологические ограничения, мистико-интуитивистский аспект, «сверх-усилие воли», и пр.). Ещё раз повторяю, всё это разнообразие оправдано в таком издании.

В третьем разделе альманаха рассматриваются некоторые проблемы цивилизационного развития России, связанные с отсутствием национально ориентированной модели управления (В.С. Диев), с цивилизационными перспективами современного образования (Т.В. Гордова, Г.К. Корнеева, Р.Я. Подоль), а также с необходимостью поиска цивилизационной идентичности России на основе междисциплинарных социально-гуманитарных исследований (А.С. Соколов, Н.А. Степанов). Не могу не отметить, что этот раздел оказался недостаточно полным с точки зрения представленности в нём проблем экономики, политики и духовной сферы российского общества и его движения к цивилизации будущего. Полагаю, что редакция альманаха учтёт это пожелание в дальнейшей работе.

В целом данный том альманаха «Вопросы социальной теории» произвёл на меня хорошее впечатление. Он, несомненно, привлечёт внимание читателей к актуальной проблематике цивилизационного развития современной России. Но тема, которую поднимают его авторы, настолько широка и объемна, что осветить её, хотя бы частично, в одном издании невозможно. Следует учесть, что у нас в Институте философии РАН имеются также специализированные научные издания (например, электронный журнал «Проблемы цивилизационного развития», главный редактор — В.Н. Шевченко), на страницах которых рассматриваются разные аспекты российской цивилизации. Эта проблематика представлена также и в других академических журналах. И всё же редколлегия и коллективу авторов альманаха «Вопросы социальной теории» удалось найти своё место в столь «плотном» издательском пространстве и предложить оригинальные взгляды на цивилизационные перспективы России.

В.А. Лекторский

Раздел I. Образы цивилизационного будущего России: отдельные проекты и возможности их интеграции (Ю.М. Резник)

UDC 101.9

DOI: 10.30936/2227-7951-2020-12-10-120

***Аннотация:** В данном очерке предпринимается попытка актуальной реконструкции проектов российской цивилизации, обоснованных русскими и зарубежными мыслителями XIX-XX вв. Автор поставил перед собой цель не только провести сравнительный анализ их концепций, но и предложить свой вариант их интеграции. Следует отметить, что в некоторых анализируемых им трудах отсутствует чёткая проектная направленность и целостное видение цивилизационного будущего России. Поэтому автору очерка пришлось реконструировать их идеи и приблизить их к пониманию цивилизационных реалий современной России, взяв за основу предложенные им критерии цивилизационного развития. Автор подразделяет предложенные модели цивилизации на три группы в зависимости от признания той или иной идеи (принципа) цивилизационного проектирования.*

Во-первых, он выделяет проекты, базирующиеся на идее духовной организации жизни цивилизации (Г. Гегель, А. Швейцер и С. Хантингтон). Так идея жизни Гегеля послужила отправным пунктом проектной реконструкции цивилизации, которую автор попытался применить к России. Дух как высшее проявление жизни находит своё выражение на всех уровнях организации цивилизации. Россия в своём цивилизационном развитии должна пройти стадию развития объективного духа и воплотиться в собственной нравственной идее, а тем самым преодолеть противоречие между эгоистической субъективностью, с одной стороны, и объективной потребностью в интеграции разных цивилизационных проектов — с другой.

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра философских коммуникаций Института философии РАН (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru.

Проект «цивилизации жизни» А. Швейцера автор выбрал не случайно. Он подходит России по своему характеру, учитывая исконную привязанность и любовь русских людей к родной земле. Но для его реализации потребуются с их стороны значительные усилия — развить в себе способности к самоотречению и самосовершенствованию. Предпосылки для этого у них есть, но вместе с тем имеется и традиционное для российской власти пренебрежение человеческой жизнью и равнодушное отношение многих людей к экологическим проблемам.

С. Хантингтон рассматривал Россию как незавершенный цивилизационный проект, объединяющий весь православный мир. Для неё характерен межрелигиозный раскол: с одной стороны, между православием и западным христианством, а с другой — между православием и исламом. Хантингтон приписывает российской цивилизации такие черты, как централизация власти, восточный деспотизм и трансцендентную идеологию. Он считал, что Россия должна умерить свои имперские амбиции и пойти на более тесное сотрудничество с Западом. А это заведомо ставит её в зависимую позицию.

Во-вторых, автор рассматривает проекты, в которых на первый план выдвигаются принципы софийности, всеединства и интегрализма. Так, например, идея общего дела Н. Ф. Федорова связана с воскрешением всех ушедших на основе братской любви. Поэтому его модель можно назвать цивилизацией бессмертных или «цивилизацией общего дела». Он выступает за возрождение нравственных основ жизни и устранение анонимности и безразличия в обществе. Кроме того, его проект содержит предвидения относительно будущего России и всего человечества. В нём высказываются идеи о новых технологиях, позволяющих преодолеть болезни и смерть, а также совершать космические путешествия, преобразовать среду обитания и пр. Основопологающим способом организации духовного бытия России Фёдоров признаёт Софию — всеобщее начало вечной и божественной премудрости.

Софию можно рассматривать как основополагающую идею другого русского философа В. С. Соловьёва. Она воплощается в земной жизни во Вселенской церкви. На русский народ возлагается божественная миссия — объединить все народы в единую христианскую семью под предводительством папы римского. Для этого он обладает всеми необходимыми качествами. Проект Соловьёва оказался утопичным не только для своего времени, но и для будущей России.

Проект П. А. Сорокина базируется на идее единства трёх цивилизационных типов (чувственного, идеационального и идеалистического), каждому из которых соответствует своя логика культуры. Идеалистическая система соединяет в себе преимущества двух других типов. Путь к ней Россия

(СССР) может пройти посредством конвергенции. Для этого у неё имеются: великая культура, стабильная социальная структура и моральные и творческие качества людей. Но, чтобы реализовать такой проект, ей необходимо заимствовать достоинства западной цивилизации.

В-третьих, имеется ещё одна группа цивилизационных проектов России, которые объединены идеей всечеловечности. Так, в основе проекта славянской цивилизации Н.Я. Данилевского находится идея всеславянства, которая противопоставляется европейской экспансии и стремлению к господству. Он предлагает создать Всеславянский союз наподобие Священного союза в Европе и объединить все славянские народы. Последние обладают религиозной духовностью, прирождённой гуманностью, умением повинаться и устойчивостью к революционным переменам. Но они должны, по мнению русского философа, пройти историческую школу и обрести гражданские и политические свободы.

Евразийский проект представляет собой открытый манифест, заявляющий о необходимости противостояния европейской цивилизации, заимствование благ (европеизация) которой Н.С. Трубецкой называет безусловным злом, а европейский эгоцентризм и шовинизм антисоциальными началами, ведущими к разрушению любой другой культуры. Он призывает интеллигенцию сплотиться в борьбе против западного насилия. В качестве позитивной программы предлагаются: переустройство советского общества на основе идеократии, суть которой заключается в служении «правлящего отбора» евразийской идее, определение «месторазвития» России-Евразии и отказ от доминирования православия как господствующей религии.

Проект «всечеловечности» А.В. Смирнова представляет интерес с точки зрения его логико-смыслового обоснования. Ему соответствует логика все-субъектности как возможности быть самим собой и в то же самое время быть «всем со всеми». Такой подход позволяет учитывать всё многообразие культур России, субъекты которой получают оправданность и могут встраиваться естественным образом в общую систему — цивилизацию. Всечеловечность связана с идентификацией каждого субъекта с общим делом, обеспечивающему «единство множественности».

С учётом критериев цивилизационного развития автор подразделяет модели российской цивилизации, обоснованные в проектах разных мыслителей на несколько групп и, прежде всего, на «трансцендентные» (Гегель, Н.Ф. Фёдоров, В.С. Соловьёв, Н.Я. Данилевский, П.А. Сорокин, С. Хантингтон) и «экзистенциальные» или «смешанные» (Н.С. Трубецкой, А. Швейцер, А.В. Смирнов). Он отмечает, что возможности интеграции проектов весьма ограничены, поскольку они основаны на разных идейных предпосылках. Однако можно попытаться обобщить то, что относится в них к обоснованию цивилиза-

ционных признаков России. В этой связи большинство мыслителей рассматривает Россию как трансцендентную (наличие «высших ценностей» или «божественной миссии» и пр.), человекообразную (соответствие природе человека или национальному характеру общества), интеллектуально мобильную (ориентация на развитие науки и образования), устойчивую в политическом и экономическом отношении цивилизацию. В меньшей степени они обращают внимание на такие цивилизационные критерии, как ориентация на поддержание и развитие жизни, технологичность и экологическую безопасность. Но надо учитывать время, в которое были созданы эти проекты.

Далее автор переходит к «сборке» проектов и предлагает свой обобщённый образ цивилизационного будущего России. Опираясь на анализ различных проектных представлений, он пытается определить перспективы развития экологической цивилизации, в т.ч. её трансформацию в духовную (духовность человеческого существования), «жизненную» (ориентация на развитие всех форм жизни), всечеловеческую («собрание» разных типов культур, народов и отдельных людей в «единство множественности»), интеллектуально мобильную («возвращение» к национально ориентированной системе науки и образования, укоренённой в собственной культуре), технологическую и мобильную в техническом плане (ориентация на технологический прорыв в традиционных сильных сферах народного хозяйства), направленную на устойчивое экономическое и политическое развитие в соответствии с логикой своей культуры, социальную (практическое осуществление принципа социальной справедливости) цивилизацию. Все эти качественные изменения и, прежде всего, становление экологической цивилизации в России, где на первом плане будет поддержание разумного баланса между человеком и его социоприродной средой, станут, по мнению автора, возможными, если возобладает такой тип человека как «эко-деятель», способный создать образ жизни, альтернативный образу «эго-деятеля». Именно от него и его «пассионарной» энергии во многом зависит то, какой станет российская цивилизация в нынешнем веке.

Abstract: This essay attempts to reconstruct the actual projects of Russian civilization, justified by Russian and foreign thinkers of the XIX-XX centuries. The author has set a goal not only to conduct a comparative analysis of their concepts, but also to offer his own version of their integration. It should be noted that some of the works analyzed by him lack a clear project orientation and a holistic vision of the civilizational future of Russia. Therefore, the author of the essay had to reconstruct their ideas and bring them closer to understanding the civilizational realities of modern Russia, taking as a basis the criteria of civilizational development proposed by him. The author divides the proposed models of civilization into

three groups, depending on the recognition of a particular idea (principle) of civilizational design.

First, he identifies projects based on the idea of spiritual organization of the life of civilization (G. Hegel, A. Schweitzer and S. Huntington). So the idea of Hegel's life served as the starting point of the project reconstruction of civilization, which the author tried to apply to Russia. The spirit as the highest manifestation of life finds its expression at all levels of the organization of civilization. Russia in its civilizational development must pass the stage of development of an objective spirit and be embodied in its own moral idea, and thus overcome the contradiction between egoistic subjectivity, on the one hand, and the objective need to integrate various civilizational projects, on the other.

The author chose the project "civilizations of life" by A. Schweitzer not by chance. It is suitable for Russia in its nature, given the native attachment and love of Russian people to their native land. But it will require considerable effort on their part to develop the capacity for self – denial and self-improvement. They have the prerequisites for this, but at the same time there is a traditional Russian government disregard for human life and the indifferent attitude of many people to environmental problems.

S. Huntington considered Russia as an incomplete civilizational project that unites the entire Orthodox world. It is characterized by an inter-religious split: on the one hand, between Orthodoxy and Western Christianity, and on the other – between Orthodoxy and Islam. Huntington attributes to Russian civilization such features as the centralization of power, Eastern despotism, and a transcendent ideology. He believed that Russia should moderate its Imperial ambitions and go for closer cooperation with the West. And this obviously puts it in a dependent position.

Secondly, the author considers projects that emphasize the principles of sophism, unity and integralism. For example, the idea of a common cause of N.F. Fyodorov is connected with the resurrection of all the departed on the basis of brotherly love. Therefore, its model can be called the civilization of the Immortals or the "common cause civilization". He stands for the revival of the moral foundations of life and the elimination of anonymity and indifference in society. In addition, his project contains predictions about the future of Russia and all of humanity. It offers ideas about new technologies that can overcome disease and death, as well as space travel, transform the environment, and so on. Fyodorov recognizes Sofia as the fundamental way of organizing the spiritual existence of Russia – the universal beginning of eternal and divine wisdom.

Sofia can be considered as the fundamental idea of another Russian philosopher V. S. Solovyov. It is embodied in earthly life in the Universal Church. The Russian people are entrusted with a divine mission – to unite all Nations into a single Christian family under the leadership of the Pope. To do this, it has all the

necessary qualities. Solovyov's project turned out to be utopian not only for its time, but also for the future of Russia.

The project of p. A. Sorokin is based on the idea of unity of three civilizational types (sensuous, ideational and idealistic), each of which corresponds to its own logic of culture. The idealistic system combines the advantages of the other two types. Russia (the USSR) can make its way to it through convergence. To do this, it has: a great culture, a stable social structure, and the moral and creative qualities of people. But to implement such a project, it needs to borrow the advantages of Western civilization.

Third, there is another group of civilizational projects in Russia that are United by the idea of all-humanity. Thus, the project of the Slavic civilization of N. Y. Danilevsky is based on the idea of all-Slavism, which is opposed to European expansion and the desire for domination. He proposes to create an all-Slavic Union like the Holy Union in Europe and unite all the Slavic peoples. The latter have religious spirituality, innate humanity, the ability to obey and resistance to revolutionary changes. But they must, according to the Russian philosopher, pass the historical school and gain civil and political freedoms.

The Eurasian project is an open Manifesto stating the need to resist European civilization, which N. S. Trubetskoy calls the borrowing of goods (Europeanization) an absolute evil, and European egocentrism and chauvinism anti-social principles that lead to the destruction of any other culture. He calls on the intelligentsia to unite in the fight against Western violence. As a positive program, we propose: the reconstruction of Soviet society on the basis of an ideocracy, the essence of which is to serve the "ruling selection" of the Eurasian idea, the definition of the "local development" of Russia-Eurasia, and the rejection of the dominance of Orthodoxy as the dominant religion.

The project of "all-humanity" by A.V. Smirnov is of interest from the point of view of its logical and semantic justification. It corresponds to the logic of all-personality as a possibility to be oneself and at the same time to be "all with all". This approach allows us to take into account all the diversity of cultures in Russia, whose subjects are justified and can be integrated naturally into the General system — civilization. All-humanity is associated with the identification of each subject with a common cause, which ensures the "unity of multiplicity".

Taking into account the criteria of civilizational development, the author divides the models of Russian civilization, based on the projects of different thinkers into several groups and, first of all, into "transcendent" (GE-gel, N. F. Fedorov, V. S. Soloviev, N. Ya. Danilevsky, P. A. Sorokin, S. Huntington) and "existential" or "mixed" (N. S. Trubetskoy, A. Schweitzer, A.V. Smirnov). He notes that the possibilities for integrating projects are very limited, since they are based on different ideological premises. However, we can try to generalize what they refer to the justification of civilizational features of Russia. In this regard, most thinkers consider Russia

as a transcendent (the presence of “higher values” or “divine mission”, etc.), human-sized (corresponding to human nature or the national character of society), intellectually mobile (orientation to the development of science and education), stable in political and economic relations civilization. To a lesser extent, they pay attention to such civilizational criteria as orientation to the maintenance and development of life, technology and environmental safety. But we must take into account the time when these projects were created.

Then the author proceeds to the “Assembly” of projects and offers his generalized image of the civilizational future of Russia. Based on the analysis of various project concepts, it tries to determine the prospects of the development of ecological civilization, including its transformation into a spiritual (spirituality of human existence), “vital” (orientation to the development of all forms of life), universal (“gathering” of different types of cultures, peoples and individuals into a “unity of plurality”), intellectually mobile (“returning” to a nationally oriented system of science and education rooted in its own culture), technological and mobile in technical terms (orientation to a technological breakthrough in the traditional strong spheres of national economy), aimed at sustainable economic and political development in accordance with the logic of its culture, social (practical implementation of the principle of social justice) civilization. All these qualitative changes and, above all, the formation of an ecological civilization in Russia, where the first plan will be to maintain a reasonable balance between a person and his socio-natural environment, will, in the author’s opinion, become possible if such a type of person as an “eco-worker”, able to create a way of life alternative to the image of an “ego-worker”, prevails. It is from him and his “passion” energy that much depends on what Russian civilization will become in the current century.

Ключевые слова: культура, логика культуры, цивилизация, общечеловеческая цивилизация, цивилизационное развитие, цивилизационные проекты, Россия, дух, духовная организация жизни, трансцендентность, экзистенциальность, человекоразмерность, интеллектуальная мобильность, технологичность, устойчивое развитие, экологическая безопасность, идея жизни, благоговение перед жизнью, природа, живой индивид, семья, гражданское общество, государство, род, православие, общее дело, воскрешение, София, софийность, Вселенская церковь, чувственная культура, идеациональная система, идеалистическая система, конвергенция, всечеловечность, всеславянство, евразийская идея, идеократия, логико-смысловой подход, всесубъектность, экологичность, эго-деятель, эко-деятель.

Keywords: culture, logic of culture, civilization, civilizational development, civilizational projects, Russia, spirit, spiritual organization of life, transcendence, existentiality, human dimension, intellectual mobility, technology, sustainable development, environmental security, idea of life, reverence for life, nature, living individu-

al, family, civil society, state, race, Orthodoxy, common cause, resurrection, Sofia, Sophia, Universal Church, sensuous culture, ideational system, idealistic system, convergence, all-humanity, all-Slavism, Eurasian idea, ideocracy, logical-semantic approach, all-personality, ego-figure, eco-figure.

1.1. О ПОДХОДЕ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ И РЕКОНСТРУКЦИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ РОССИИ (ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)

Разнообразие концепций цивилизации. Потребность в осмыслении образов цивилизационного будущего мира вообще, и России в частности, была как у мыслителей прошлого, так и у современных исследователей самой разной идейно-теоретической ориентации. Но нужно отметить, что корни их понимания зачастую находятся в трактовке самого цивилизационного подхода. Не зря говорят, «как запряжешь лошадь, так она и повезёт».

Цивилизационный подход после некоторого забвения снова возвращается в современный дискурс (см. прим. 1). К нему всё больше обращаются как его сторонники, так и противники. Причём «универсалисты» убеждают нас в том, что существует единая человеческая цивилизация («человеческий универсум»), а всё остальное — не более, чем частные формы её проявления. И если это так, то тогда следует признать и единые сущностные черты или критерии цивилизованности, а следовательно, страны, которые не соответствуют им должны рассматриваться как «дикие», варварские или в лучшем случае — доцивилизационные. К таковым зачастую относят и Россию.

В отечественной литературе данный подход представлен множеством фундаментальных исследований, в т.ч. таких отечественных философов, как В.Ж. Келле, Н.В. Клягин, Н.И. Лапин, Н.В. Мотрошилова, М.Т. Степанянц и др. (см. прим. 2). В них рассматриваются глобальные проблемы выживания человечества и обеспечения непрерывности человеческой истории. Об одной такой концепции и связанной с ней дискуссии речь пойдёт в приложении к моему очерку (см. приложение 1).

«Партикуляристы» же, напротив, утверждают, что не существует никаких универсальных критериев цивилизационного развития и каждая цивилизация по-своему уникальна и самобытна. Она выражает историческое и этнокультурное своеобразие входящих в неё народов. Но главное в ней — наличие собственной, не сводимой к другим (и не выводимой из них) логики культуры. И такая цивилизация дифференцируется далее на субцивилизации и культурные ареалы, которые привносят в неё свою специфику.

Как известно, у истоков теории локальных цивилизаций стояли Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби и др. Их идеи нашли широкое распространение в научной литературе и получили развитие (П.А. Сорокин, С. Хантингтон и др.). Поэтому нет необходимости в данном очерке отдельно рассматривать Шпенглера и Тойнби, так как в их трудах уделяется меньше внимания изучению системы цивилизационных координат России.

Очевидно, что мир локальных цивилизаций чрезвычайно разнообразен. По разным оценкам сегодня в мире насчитывается около 10 локальных цивилизаций. Так, С. Хантингтон рассматривает западную, индуистскую, синскую или китайскую, исламскую, латиноамериканскую и японскую. Отдельно он называет потенциальные цивилизации: африканскую и восточно-европейскую или православную. Статус российской цивилизации пока окончательно не определён в западной философии. Как известно, Шпенглер относился к России как к зарождающейся культуре, хотя и признавал, что у неё есть цивилизационное будущее. А тот же Хантингтон называл Россию, с одной стороны, «разорванной» цивилизацией, а, с другой – православной. Несмотря на эти концептуально разные взгляды, наша цивилизация, с моей точки зрения, может быть отнесена к потенциальной цивилизации, процесс строительства которой ещё не завершён. Именно из этого я и буду исходить в дальнейшем.

В теоретическом плане мне близка идея множественности цивилизаций, которая предложена в своё время Н.Я. Данилевским и развита далее А. Тойнби, С. Хантингтоном и другими западными мыслителями. К ним присоединяются сегодня и многие отечественные философы (А.А. Кара-Мурза, В.М. Межуев, С.А. Никольский, В.Н. Расторгуев, А.В. Смирнов, В.С. Стёпин, В.И. Толстых, В.Ф. Шаповалов, В.Н. Шевченко и др.) (см. прим. 3). С этой точки зрения, современный мир не представляет собой единую, всемирную цивилизацию. В нём сосуществуют друг с другом разные цивилизации. То, что выдаётся порой за общечеловеческое, на самом деле есть ни что иное, как завуалированная форма западной цивилизации (см. прим. 4).

Разумеется, я не буду углубляться далее в дискурс о глобальных или частных проблемах всего человечества. Меня интересует в первую очередь модели локальных цивилизаций и возможности их применения к пониманию цивилизационного развития современной России. Поэтому под цивилизацией я буду понимать здесь и далее *исторически сложившуюся локальную систему обществ, объединённых общим геополитическим положением, родственными культурами и языковым пространством, сходным хозяйственным (экономическим) укладом, сопоставимым политическим устройством и близким менталитетом*. При этом мне придётся сразу отме-

жеваться от «широкого» взгляда на цивилизацию как конкретно-историческую стадию развития всего человечества.

Философия и цивилизации: от исследования к проектированию. Несколько слов о роли философии в цивилизационном проектировании. Философия изначально занималась проблемами цивилизаций и цивилизационного развития. Но, на мой взгляд, она вполне может претендовать на обоснование *цивилизационного проекта*, поскольку её существование непосредственно связано с рефлексией бытийных оснований и созданием образов будущего конкретной цивилизации (см. прим. 5). В известном смысле она выступает не только её самосознанием, но и способом мысленного конструирования или предвидения. При этом я не отрицаю существование национальных школ в философии, которые занимаются преимущественно рефлексивными практиками. Однако кризис цивилизации, который сегодня переживают многие страны, причём каждая по своему — это и кризис самой философии, который требует от неё новых исследовательских экспериментов и проектов.

Позволю себе такое утверждение. Лишь та цивилизация достойна своего положения, которая имеет собственную философскую систему. И лишь та философия заслуживает к себе серьёзного отношения, которая попыталась создать обобщённый образ собственной цивилизации и представить его в виде различных теорий и сопутствующих им исследовательских проектов (см. прим. 6). К примеру, на Западе существует несколько национальных философских школ, но имеется также феномен «западная философия», который выступает в известной степени обоснованием проекта всей западной цивилизации.

Моё исходное допущение состоит в следующем: если отечественные философы претендуют на обоснованное утверждение особого цивилизационного статуса России, то им необходимо в первую очередь осмыслить логику собственной культуры и выразить её в системе философских идей и проектов. Отчасти такая система (прежде всего, в лице русской философии) уже имеется, но в целом, ей ещё предстоит пройти стадию конституирования в качестве самостоятельного философского направления, развивающегося с учётом опыта, накопленного представителями других философских школ. Именно в этом может состоять вклад отечественных философов в цивилизационное строительство России.

Идея цивилизации России появляется примерно в одно и то же время с национальной (русской) идеей. Они имеют сходную топологию, включая, если воспользоваться предложенной О.А. Донских дихотомией, два аспекта: (1) «идея-для-себя» — то, что думает нация (народ) о себе и (2) «идея-для-других» — то, что думают об этой нации другие народы.

Первый аспект («внутренняя идея») Донских связывает с культурой, а второй аспект («внешняя» идея) — с цивилизацией (см. прим. 7).

Я бы хотел всё-таки уточнить содержание второго аспекта идеи и сформулировать его по-своему. Идея-для-других — это, скорее всего, те представления о цивилизации, которые нация или народ формирует у окружающих её народов. Если первая разновидность идеи является по сути самоописанием нации, её своеобразным автопортретом, предназначенным для «собственного пользования», то вторая — её «визитная карточка» (демонстрационная версия идеи), т.е. то, что она желает, чтобы другие видели в ней. Необходимость в обосновании последней часто возникает, когда мы пытаемся донести иностранцам, что нас отличает от них и каковы наши культурные или цивилизационные особенности. Обе разновидности идеи выступают сторонами национального самосознания и входят в более широкий комплекс цивилизационных представлений. Но можно также предположить существование третьей, условной разновидности — «идеи-в-себе». Речь идёт в первую очередь об архетипах коллективного бессознательного, которые передаются от поколения к поколению и усваиваются нами в раннем возрасте. Данный вид идеи трудно поддаётся интерпретации, так как включает в себя мистический момент, связанный с неосознанными желаниями, верованиями и откровениями.

Так чем же проект цивилизации отличается от её идеи? Совершенно очевидно, что такая идея может быть самостоятельной, а может входить в проект в качестве проектной идеи, соединяющей идеалы и осознанные намерения их осуществить. С одной стороны, цивилизационная идея, как и всякая идея, есть мысленный образ цивилизации, в котором «схвачены» её наиболее существенные черты. С другой стороны, она содержит в себе все три аспекта («для-себя», «для-других» и «в-себе») и в то самое же время направлена в будущее, выражая «бытие-впереди-себя». Следовательно, это идея не о том, чем уже стала цивилизация или что с ней происходит в действительности, а о том, какой она может или должна стать. Другими словами, идея цивилизации представляет собой одну из альтернатив её возможного будущего. Проект же является более детальным обоснованием этой идеи с указанием конкретных путей её реализации или способов применения к современным реалиям. Из всего многообразия идей автор проекта, как правило, выбирает тот вариант, который соответствует больше всего его представлениям о должном.

Прежде чем приступать к идейному обоснованию того или иного цивилизационного проекта, философы должны определить: что такое российская цивилизация? Какова её сущностная специфика? Какие шаги необходимо учитывать в процессе её цивилизационного проектирования?

Но главное, что им необходимо прояснить, это критерии цивилизационного развития, которые должны быть положены в основу разрабатываемого или рассматриваемого проекта.

Состав участников проектного эксперимента. Определяя состав участников, я исходил, прежде всего, из собственных идейных и ценностных предпосылок. Кроме того, мне нужно было попытаться воссоздать по возможности целостный проект российской цивилизации, избегая вместе с тем опасности механического соединения фрагментов разных концепций. Лучше всего, если мой опыт будет восприниматься как мысленный эксперимент определённого рода. Поскольку речь пойдёт о цивилизационных концепциях, которые я буду рассматривать в виде проектов, то можно условно назвать такой эксперимент проектным.

Мыслители, об идеях и проектах которых пойдёт далее речь, принадлежат, как известно, к разным историческим эпохам. Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770-1831) создал свою философскую систему в первой трети XIX в. Николай Яковлевич Данилевский (1822-1885) — русский философ и культуролог, заложивший основы цивилизационного подхода к истории, известен также как идеолог панславизма. Николай Фёдорович Фёдоров (1829-1903), который во многом критически относился к философии Гегеля, представляет русскую религиозную философию XIX в. и является по праву родоначальником русского космизма. Владимир Сергеевич Соловьёв (1853-1900) — яркий представитель христианской философии, отстаивавший идеи экуменизма. Николай Сергеевич Трубецкой (1890-1938) — русский философ, этнограф и лингвист, известный также как один из главных идеологов евразийства. Альберт Швейцер (1875-1975) — немецкий и французский философ, протестантский теолог и видный представитель гуманизма. Питирим Александрович Сорокин (1889-1968) — российский и американский социальный философ и социолог, разработавший и воплотивший в своих трудах методологию интегрализма в социальных науках. Сэмюэл Филлипс Хантингтон (1927-2008) — американский социолог и политолог, создавший концепцию этнокультурного взаимодействия цивилизаций. Наконец, Андрей Вадимович Смирнов (1958 г.р.) — наш современник, философ, специалист по сравнительной философии и истории классической арабской философии.

Каждый из них отвечает по-своему на вопрос: чем может стать российская цивилизация, если учесть некоторые основания и критерии, способные повлиять на картину её будущего. При этом многие из мыслителей, работы которых я анализирую в своём очерке (Н.Ф. Фёдоров, В.С. Соловьёв, Н.Я. Данилевский, Н.С. Трубецкой) полагали, что российская цивилизация уже состоялась как исторический факт или находится в ста-

дии становления, но ей ещё предстоит пройти путь длительной эволюции. И уже теперь следует сосредоточить внимание на обосновании путей её дальнейшего развития. В ряде же других, анализируемых мной трудов, цивилизационная специфика России практически не затрагивалась (Г. Гегель, А. Швейцер). Я лишь попытался реконструировать идеи этих мыслителей и приблизить их к современным цивилизационным реалиям России. Насколько правомерен такой подход, покажут результаты исследования.

Что же побудило меня объединить столь разных мыслителей в одну группу? Ведь, кроме них, имеется ещё не один десяток имён, занимавшихся цивилизационным подходом и предлагавших свои концепции настоящего и будущего российской цивилизации. По мере знакомства с текстами этих мыслителей я находил между ними, кроме их общего интереса к проблемам цивилизационного развития, всё больше и больше идейно-теоретических связей. И мне захотелось сравнить подходы этих мыслителей по определённым основаниям, показав вместе с тем как концептуальные сходства, так и различия между ними.

Об основаниях и этапах цивилизационного проектирования. Что же это за основания, которые позволили мне отобрать именно эти имена в одном очерке? Так полагание любых вещей, по мнению А.В. Смирнова, задаётся предельным основанием, «которое только и создаёт возможность инаковости и полагания “другого”» [14, 9]. Такое основание не является «сущностью», вещью («что-то» или «нечто вот-это») или методом, который необходимо приложить к какому-либо содержанию. Раз это нечто безусловное, то оно само себя обосновывает и создаёт «возможность говорения», оставаясь при этом невысказанным. Поскольку оно не является вещью, то у него не может быть и границ. Предельное основание есть основание всякой осмысленности. Его нельзя понимать как разделяющее что-то или отграничивающее одно от другого. Это — не что-то внешнее и трансцендентное. Оно делает нечто тем, чем оно на самом деле является [14, 15-17]. А.В. Смирнов, анализируя предпосылки нашего мышления, приходит к выводу, что таким основанием выступает принцип «то же иначе». Это тот способ, посредством которого наше мышление создаёт осмысленность (всё существующее для нас, которое мы можем помыслить). А это и есть логика смысла (или способ работы со значениями «изнутри», а не извне), которая, в одном случае, выступает как процессуальная логика, а в другом — как субстанциальная. Но эти базовые интуиции можно, по мнению Смирнова, увязать при помощи принципа «то же иначе», обеспечив тем самым каждой из них оправданность [14, 222].

Но для целей моего анализа нет необходимости обращаться к предельным или «первичным» основаниям мышления. Я буду называть свои

основания «вторичными», имея в виду *идейно-теоретические предпосылки*, которые вытекают из базовых интуиций. Ведь в любом случае я буду иметь дело преимущественно с субстанциальной логикой, о которой речь пойдёт далее. Мне же достаточно указать на то, что задаёт различие этих видений цивилизационного развития внутри самого субстанциального мышления. А это — основополагающие идеи, принципы или исходные послышки, которыми руководствуются мыслители. Например, утверждения типа «жизнь духовна» или «жизнь цивилизации обладает духовной организацией» являются иллюстрацией субстанциальной логики. Но имеются примеры и других логик культуры, варианты которых разрабатывает, в частности, А.В. Смирнов (логики «процессуальности», «всесубъектности»).

Разумеется, и до меня предпринимались многочисленные попытки известных философов, социологов, политологов и культурологов определить цивилизационную специфику России и выделить основания её цивилизационного бытия (см. прим. 8). И мне ещё предстоит осмыслить всё многообразие их идей и выразить своё отношение к ним. В предварительном порядке можно утверждать, что большинство исследователей выделяют такие черты российской цивилизации, как огромная территория, соединяющая Европу и Азию, полиэтничность, многоконфессиональность, традиционно высокая роль государства, приоритет духовно-нравственных ценностей, преобладание коллективистской ментальности и др. О.А. Донских, например, идёт дальше и структурирует саму национальную идею, выделяя в ней следующие компоненты: «1) представление об организации властных отношений; 2) представление о границах территории, на которые эти властные отношения распространяются; 3) религиозные представления; 4) определённые социально-этические нормы и модели отношения к миру и способы его понимания; 5) совокупность разделяемых населением мифов, относящихся как к неисторическим, так и историческим лицам и событиям» (см. прим. 7). Эти формулировки можно с успехом отнести к определению любого государства или страны в целом. Они не указывают на цивилизационную специфику России.

Но всё это представляет безусловный интерес как предмет отдельного исследования. В данном очерке мне необходимо провести анализ уже состоявшихся цивилизационных проектов, предложенных вполне конкретными мыслителями. И нужно отталкиваться, прежде всего, от их идейно-теоретических установок, выстраивая их, разумеется, и с учётом собственных оснований.

Для актуализации того или иного видения я буду использовать метод проектной реконструкции, который направлен на выявление проектных возможностей концепций разных мыслителей путём воссоздания их ви-

дения будущего цивилизации. Такая реконструкция допускает дополнение или развитие идей авторов проектов и остаётся целиком и полностью на совести того, кто это делает (см. прим. 9). Она включает в себя несколько процедур: (1) определение исходных идейно-теоретических предпосылок как оснований для систематизации цивилизационных проектов; (2) оценка обоснованности этих проектов с точки зрения содержательных критериев; (3) формулирование формальных критериев оценки проектов; (4) применение выделенных мной оснований и критериев в процессе реконструкции.

Во-первых, в зависимости от того, что считается определяющим началом цивилизационного развития в тех или иных учениях, я выделяю на первом этапе реконструкции три идейно-теоретические основания, между которыми условно распределяются проекты указанных выше мыслителей:

А. *Духовная организация жизни* цивилизации применительно к России (Г. Гегель, А. Швейцер и С. Хантингтон);

Б. *Принципы софийности, всеединства и интегрализма* как основания проектирования российской цивилизации (Н.Ф. Фёдоров, В.С. Соловьёв и П.А. Сорокин);

В. *Идея всечеловечности* как исходная предпосылка формирования образа российской цивилизации (Н.Я. Данилевский, Н.С. Трубецкой и А.В. Смирнов).

Во-вторых, необходимо теперь конкретизировать содержание каждого из этих оснований. Для этой цели я предлагаю две группы критериев цивилизационного проектирования (содержательные и формальные). Выскажу вначале предположение, которое мне потребуется подтвердить или опровергнуть в ходе дальнейшего анализа разных цивилизационных проектов: по-видимому, уровень *обоснованности* (и комплексности) таких проектов зависит, в первую очередь, от полноты представленности в них содержательных критериев, а именно:

- *духовность*, наличие духовно-нравственных идеалов («трансценденность», «экзистенциальность» и пр.);

- ориентация на *поддержание и развитие жизни* (и «жизненность» самой цивилизации);

- *человекоразмерность* и степень *свободного развития* человека;

- достаточно высокий уровень *развития науки и образования*;

- *технологичность*, подчиненная целям развития человека и общества;

- соответствие *политической организации и хозяйственного уклада* собственной логике культуры;

- *социальная справедливость* и защищенность;

- *экологическая безопасность*.

Приведенный перечень содержательных критериев не может быть исчерпывающим и подлежит коррекции в дальнейших исследованиях. Разумеется, он выражает ценностные предпочтения автора очерка, хотя и учитывает по возможности представления самих философов.

В-третьих, следует ввести группу формальных (или формально-логических) критериев, которые связаны, на мой взгляд, с обоснованностью, реалистичностью и реализуемостью этих проектов. Но это мне также предстоит ещё проверить, производя проектную реконструкцию концепций, предложенных данными мыслителями.

Следовательно, все избранные мной проекты необходимо оценивать далее по следующей формально-логической шкале:

- комплексная обоснованность — недостаточная обоснованность;
- реалистичность — утопичность;
- практическая реализуемость — нереализуемость.

В-четвертых, процесс реконструкции цивилизационных проектов предполагает: (1) уточнение *исходной проектной идеи* мыслителя как автора проекта (определение первоначального образа желаемого — идеальной цивилизации); (2) проведение *возможной реконструкции* его проекта (представление данного образа в виде развёрнутого содержания по заданным мной параметрам — «проектной матрицы»); (3) *актуализацию этого проекта* применительно к сегодняшней России; (4) *сравнение проектных возможностей* концепций (см. прим. 10).

Таким образом, в данном очерке я постараюсь представить результаты реконструкции девяти цивилизационных проектов России. Лишь проделав такую работу, я смогу попытаться обобщить эти проекты по указанным основаниям и критериям, а затем предложить свой взгляд на возможности их интеграции и создания обобщенного проекта.

1.2. НЕКОТОРЫЕ ПРОЕКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ ДЛЯ РОССИИ (ОПЫТ ПРОЕКТНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ)

1.2.1. Образы духовной организации жизни цивилизации

В первую группу вошли мыслители, представляющие разные исторические эпохи в истории западной цивилизации: Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770-1831), Альберт Швейцер (1875-1975), Сэмюэл Филипс Хантингтон (1927-2008). Приступая к краткому анализу их моделей цивилизационного развития, относящихся к первому идейно-теоретическому основанию («духовная организация жизни цивилизации»), я хочу отметить, что данные участники проектного эксперимента меньше всего думали о дальнейшей судьбе России, хотя до нас дошли некоторые из их размышлений о ней. Но, прежде всего, эти мыслители являются предста-

вителями собственной цивилизации, ценности которой они и отстаивали в первую очередь.

В понимании идеальной цивилизации, образ которой можно попытаться применить к России, их объединяют представления о духовно-жизненном измерении цивилизационного развития. Каждый из них вкладывал, хотя и по-своему, в неё трансцендентный смысл. Однако, если для Гегеля отправным пунктом была абсолютная идея, как таковая, а для Швейцера — идея жизни, наполненная духовно-нравственным содержанием, то для Хантингтона такой исходной точкой в трактовке цивилизации выступает религиозная идея. Вот почему последний рассматривал Россию как православную цивилизацию.

«Цивилизация духа» (Гегель)

Проектная идея. Должен признать, что термин «цивилизация» Гегель применяет крайне редко и далеко не в том смысле, в котором её понимаю я. Поэтому моя попытка обоснования цивилизационного проекта, используя идею жизни Гегеля, есть всего лишь результат реконструкции, который не следует воспринимать как позицию немецкого философа.

Конечно, истоки цивилизационной теории Гегеля следует искать, прежде всего, в его философии права и философии истории. Однако, гегелевская идея жизни оказалась не менее продуктивной с точки зрения осмысления настоящего и будущего такой современной цивилизации, как Россия. Обращение к ней позволяет ответить на некоторые из вопросов, которые нас сегодня волнуют, в т.ч., что такое жизнь в её духовном измерении, и каковы могут быть проекции духа на развитие цивилизации, в т.ч. российской. Представлю вначале некоторые положения гегелевской идеи жизни применительно к цивилизации, которую можно условно назвать «цивилизацией духа».

Но сначала мне необходимо представить учение Гегеля о жизни и её духовном измерении, которое изложено в ряде его трудов, в т.ч. «Науке логики», «Философии духа» и «Философии права» [1; 2; 3; 4]. Так природа в идее жизни не только достигает своей внешней проявленности, но и выходит за свои собственные пределы. Гегель мыслит жизнь в единстве с духом, который освобождает её от объективности и субъективности, поднимая на высоту «абсолютной всеобщности». Всё живое, включая человека, есть непрерывное восхождение к духу, выход за границы природного лона. Другими словами, природное и духовное существуют в едином континууме жизни. Однако жизнь животного как «жизнь для себя» ещё не есть истинная жизнь в духе. Только в человеке жизнь достигает своего наивысшего духовного развития и выходит из природы в царство духа.

Процесс жизни людей предполагает у Гегеля поэтапное движение от единичного (живой индивид) как несовершенного духа через особенное (семья и гражданское общество) ко всеобщему (человеческий род, творящий всемирную историю). Живой индивид обладает субъективным духом и телесностью от природы. В то же время в нём заключена не только объективность живого, но и всеобщее как родовая сущность, которая в свою очередь находит своё выражение и дополнение во внешнем (природном или телесном). Можно предположить, что жизнь человека выстраивает себя из материала природы.

Семья есть непосредственный или природный дух, который проявляется как чувствующее себя единство (любовь) и выступает в форме брака, собственности и воспитания детей. Особенное в жизни людей раскрывается также в гражданском обществе как «формальной всеобщности индивидов» и дифференцированном единстве людей, объединяющихся в семьи и корпорации, и поддерживающих порядок при помощи полиции и системы правосудия. Однако пика своих духовных возможностей жизнь достигает в роде как реальной всеобщности индивидов и субъекте всемирной истории, который выходит уже за пределы духа народа или нации и поднимается до уровня абсолютного духа в лице гениальных представителей человечества.

Что же такое дух, заключенный в жизни? Это — «в себе и у себя бытие», «сознание самого себя» (самосознание). Это также то, что имеет центр в самом себе, выражая истинную свободу. Как указывает Гегель в «Лекциях по философии истории», дух сам себя познаёт и сам себя производит, делая себя тем, чем он есть (см. прим. 11). Смысл жизни, следовательно, состоит в том, чтобы признать постижение свободы в духе конечной целью всего мира. Для этого дух использует различные средства: желания, интересы и страсти, с одной стороны (субъективные представления) и формальные цели, правила, принципы, законы и пр., с другой (объективные представления). Свобода же понимается Гегелем как право действовать в соответствии с законом. Она представлена в духе конкретного народа или нации как «бесконечное самоопределение свободы». Но кроме наций имеются ещё исторические личности, выступающие от имени большой совокупности людей. И те, и другие подчинены разуму, который заставляет действовать людей. Поэтому нации и личности суть ни что иное как средства деятельности разума («субстанции духа»).

Каково же место цивилизации в духовной организации жизни людей? Могу предположить, что она охватывает все её «этажи», начиная от индивида и заканчивая родом. Абсолютный дух (мировая идея) пронизывает их собой, направляя тем самым ход развития цивилизации в направ-

лении достижения «свободы всех», а не только отдельных индивидов. Прототипом такой цивилизации у Гегеля выступает, скорее всего, романо-германский мир и непосредственно — прусская государственность. Именно государство, как «божественная идея» и всеобщая форма объективного духа, является основой свободы. Ему предшествует непосредственно гражданское общество, в котором «каждый для себя — цель, всё остальное для него — ничто» [4, 228]. С момента возникновения гражданского общества и государства, ограничивающего его деятельность, можно говорить о появлении современной цивилизации как таковой.

Однако, Гегель, рассматривая гражданское общество как один из опорных пунктов цивилизации, вовсе не восхвалял последнее, признавая за ним субъективный произвол и другие недостатки. Поэтому и «свобода всех», которую оно предоставляет индивидам, является всего лишь формальной свободой, а само общество — формальной всеобщностью. Государство же, выражающее всеобщий интерес, — важная сила, которая ограничивает этот произвол, превращая тем самым совокупность частных индивидов с их особенными интересами в общество. Однако могут быть и плохие государства, не имеющие истинной реальности в духе. Второй не менее важной силой выступала христианская религия и непосредственно католичество. При таком подходе трудно представить себе отношения между государствами, входящими в состав цивилизации. Независимость государства, в которой находит своё существование «бытие-для-себя реального духа», объявляется им главным требованием международных отношений.

Если целью государства выступает сохранение жизни и собственности своих граждан, то что тогда является целью всей цивилизации, объединяющей страны романо-германского мира? Государства сами для себя являются целью и наивысшим законом. Тогда что выступает формой их сотрудничества? Ведь Гегель не признаёт никакие надгосударственные органы. Но, объявляя первенство романо-германского мира, он тем самым указывает на определённое духовное родство входящих в него народов и государств. Трудно сказать, можно ли данное объединение называть цивилизацией, и не будет ли это искажением взглядов самого Гегеля. И стоит ли полагать, что, кроме романо-германской цивилизации, для него существуют ещё другие цивилизации?

Идеалом общественной организации для Гегеля была, как известно, античная Греция с её гармонично устроенной жизнью, хотя и последняя не отличалась полной свободой индивидов. При этом и отдельная цивилизация не является целым, поскольку она не объёмлет весь человеческий род (человечество). А значит, она не может обладать всей целостнос-

тью, необходимой для выражения всеобщего. В лучшем случае о цивилизации можно говорить не как об уже сформированном целом, а в терминах становления целостности, в которой соотносятся друг с другой абсолютный, объективный и субъективный дух. Свою всеобщность она обретает в абсолютном духе, преобразуясь в мировую идею и становясь тем самым всемирной историей. Вместе с тем цивилизация у Гегеля есть, с моей точки зрения, «срединный» уровень, находящийся между государством, с одной стороны, и человеческим родом вообще (человечеством), с другой стороны. Так, понимаемая цивилизация не является всемирно-исторической.

В этом смысле цивилизация не может быть завершающим итогом развития духа. Поскольку её развитие происходит в духовной сфере всемирной истории, то именно дух как субстанция бытия цивилизации связывает индивида, гражданское общество и государство с идеей всего человеческого рода. Это то, что стремится стать всеобщим, но ещё не является таковым по сути.

Следовательно, цивилизация характеризует историческое развитие мирового духа, который, по мнению Гегеля, проходит три стадии: восточную, греко-римскую и германскую (романо-германскую). А значит, мы можем признать существование, как минимум, трех цивилизаций. И только романо-германская цивилизация достигает в духе «свободы всех». Благодаря христианству она объявила человека свободным, хотя и в ней не сразу были разумно организованы правительство и государственное устройство. Потребовалась, с точки зрения Гегеля, значительная культурная работа. В известном смысле он рассматривает её как «вершину» цивилизационного развития, которую достиг на данный момент мировой дух. В качестве же ведущей силы данной цивилизации он признавал германскую нацию. Но на этом, как мы знаем, не заканчивается история, и «прогресс в сознании свободы» продолжается.

Таким образом, мировой дух, познающий себя в свободе, находит своё воплощение в цивилизации как духовном бытии всех в свободе. В развитии цивилизации Гегеля интересует в первую очередь логическое в ней, а историческое рассматривается как способ воплощения логического. С этой точки зрения, идея цивилизации есть ни что иное как её понятие, взятое вместе с его воплощением и связанное с «шестью разума в мире», торжеством свободы в нём. При этом Гегель не идеализировал современную ему романо-германскую цивилизацию, обнаруживая в ней противоречия и случаи примирения духа с неизбежным злом.

По-видимому, цивилизация, не достигшая всемирно-исторического масштаба и не ставшая воплощением мирового духа, не может быть у Гегеля совершенной. При этом право на свободу отдельных индивидов ус-

Табл. 1.

Уровни организации и жизни людей	Формы духа, проявляющиеся в жизни цивилизации		
	Субъективный дух	Объективный дух	Абсолютный дух
Живой индивид (единичное)	Субъективность, составляющая почву для всякой свободы	Тело и непосредственное окружение (вещи, предметы быта)	Всеобщее в индивиде, его родовая сущность, тяготеющая к абсолюту
Семья (особенное)	Любовь как особая склонность лиц, вступающих в половые отношения	Брак, домохозяйство, воспитание детей, имущество как формы объективации семьи	Действительный дух семьи как воление её свободной всеобщности
Гражданское общество (особенное) и государство	Свобода индивидов, существующих "в качестве особенных для себя" (субъективный произвол)	Сословия и корпорации, полиция и система правосудия, осуществляющие внешний контроль	Форма всеобщности, получающая своё развитие в нации и государстве, и стремящаяся к абсолютному духу
Человеческий род (всеобщее)	"Отношение к самому себе как к другому живому", индивидуальные истории членов рода	Реальная всеобщность, обеспечивающая преемственность поколений	Всеобщая ступень, выражающая "истину жизни" и дух всемирной истории, и поднимающаяся до знания абсолютного

тупает место праву мирового духа как субъекта всеобщей свободы, способного творить историю по своему образу и подобию. Последний стоит также выше того, что Гегель называл «духом народа» и даже выше объективной нравственности государства. Ведь этот дух и есть не что иное, как всеобщность, объединившаяся с особенностью и ставшая божественностью народа. Поэтому мой предварительный вывод таков: идея цивилизации в гегелевском понимании является выражением всеобщего в специфической для неё социокультурной форме, представленной в духе входящих в неё народов.

Реконструкция проекта. Представлю теперь некоторые результаты анализа модели духовной организации жизни цивилизации Гегеля в виде проекта (см. табл. 1).

Таким образом, Гегель показывает, что жизнь цивилизации развивается благодаря духу и в духе, начиная от единичного (живой индивид) и особенного (семья и гражданское общество) и заканчивая всеобщим (всем человеческим родом). Причём на каждом из указанных уровней присутствуют все формы духа (субъективный, объективный и абсолютный), которые участвуют в творении цивилизации. Поэтому последняя есть восхождение от природы к духу и далее – от природного (субстанциального) духа через его субъективную и объективную форму к абсолютному духу, проявляющемуся в искусстве, религии и философии. Особенная или единичная цивилизация достигает целостности во всемирной цивилизации. А в действительности она не может быть целостностью и представляет собой лишь стремление стать всеобщим и обрести себя в абсолютном духе как «мыслящей самую себя идее».

Следовательно, жизнь отдельной цивилизации, будучи духовной по сути, включает в себя все уровни организации жизни людей — от индивида до рода. Всемирная же цивилизация — это высшее проявление земной жизни вообще. В ней дух достигает предела своего развития в мире людей. В локальной же цивилизации Гегель обнаруживает противоречия между природным и духовным в жизни человека, а также между частными или особыми формами жизни, с одной стороны, и всеобщими — с другой (между индивидом и семьей, между семьей и гражданским обществом, между гражданским обществом и государством или родом в целом). И эти противоречия не преодолеваются в современном мире, а некоторые из них даже обостряются. Так что жизненное пространство современных цивилизаций нельзя назвать целостным и непрерывным. Это относится в полной мере и к России, цивилизационное строительство которой ещё не завершено.

Что же касается обоснованности цивилизационного проекта Гегеля, то нужно признать, что он этим специально не занимался. Полагаю, что, если бы такой проект был им разработан, то он в чём-то походил бы на идеальную модель прусского государства, идеологом которого не случайно считают Гегеля. Можно также предположить, что с его точки зрения, жизненность цивилизации обусловлена силой, заложенной в неё духа. Этим же определяется во многом и степень реалистичности предполагаемого проекта.

Актуализация проекта. Несмотря на гегелевский универсализм, можно рассмотреть настоящее и будущее российской цивилизации сквозь призму понимания уровней и противоречий духовной организации человеческой жизни. Но для этого необходимо провести своего рода мысленный эксперимент. Так, можно предположить, что, игнорируя законы развития духа, мир оказался в очередной раз перед лицом катастрофы. К этому отчасти привело игнорирование гегелевского принципа единства единичного, особенного и всеобщего в духовной организации жизни. В результате жизненное пространство современных цивилизаций было деформировано, развиваясь в направлении либо единичного, или особенного (расширения индивидуальных прав и свобод), либо всеобщего (укрепление государства), и тем самым усиливается противоречие между субъективными и объективными сторонами духа.

Россия находится сегодня на цивилизационном перепутье. С точки зрения гегелевской философии, ей не удалось пройти до конца стадию развития объективного духа, как действительного воплощения нравственной идеи, и завершить процесс цивилизационного строительства, в т.ч. построить гражданское общество и правовое государство. Она по-прежнему находится в тисках цивилизационных дилемм как в своём настоящем,

так и в ожидаемом будущем. Можно предположить, что её жизненное пространство деформировано и находится между двумя противоборствующими тенденциями: между традиционализацией и модернизацией в настоящем. Налицо оказался также конфликт между эгоистической субъективностью субъектов управления, а также близких к ним авторов цивилизационных проектов, с одной стороны, и объективной неготовностью большинства жителей страны к реальному цивилизационному выбору – с другой. Для последнего ещё не созданы благоприятные условия и соответствующие институты. Поэтому жизненное пространство российской цивилизации оказалось разорванным на части, соответствующие сегментам разных цивилизационных проектов.

Удастся ли России разорвать этот заколдованный круг цивилизационного развития, укрепить «средние» или особенные уровни организации жизни и сформировать «верхний» этаж жизни цивилизации, в котором содержится её собственный образ всеобщего в мире, покажет время. Однако, гегелевский анализ духовных противоречий жизни людей, в т.ч. противоречий между субъективным духом и объективной реальностью, который можно проецировать на жизненное пространство современной цивилизации, не потерял своей актуальности и в наши дни. А пока приходится констатировать, что «время собирать камни» ещё не пришло. Россия пока не готова к интеграции разных цивилизационных проектов и выработке консолидированной позиции.

«Цивилизация жизни» (А. Швейцер)

Проектная идея. С помощью А. Швейцера я попытаюсь представить этическую версию проекта цивилизации, которую можно использовать для обоснования перспектив российской цивилизации. В её основе лежит приоритет и ценность жизни как таковой. Такая «цивилизация жизни» подготовлена, с точки зрения Швейцера, всем ходом человеческой истории и может базироваться на этике благоговения перед жизнью. Её цель – бережное и творческое отношение к жизни во всех её проявлениях. Она предполагает поворот в сознании людей и реализуется посредством таких этических практик как самоограничение, самоотречение и самосовершенствование.

Во-первых, если воссоздать образ цивилизации жизни, то следует в первую очередь представить *общество (или систему обществ) самоограничения и самоотречения*. И это самоотречение индивидуального бытия осуществляется ради всех других явлений бытия и, прежде всего, бытия живого существа. Такое бытие «должно совершаться не только ради человека, но и ради других существ, вообще ради любой жизни, встречающейся в мире и известной человеку» [28, 212].

Обращение к абсолютному, мировому духу в эпоху культурной катастрофы Швейцера, в отличие от Гегеля, считал бессмысленным предприятием, подчёркивая, что не стоит отречься от самих себя ради абсолютного. Не дух спасёт человечество, а его собственное самоограничение и бережное отношение к другим формам жизни. Поэтому Швейцера советует «отбросить все декорации и декламации сцены и вновь обрести себя в живой природе» [28, 215]. Конечно, он не призывает отказаться от духовности и вернуться «назад к природе», хотя его идея жизни во многом напоминает гегелевскую.

Но как эти положения Швейцера перевести в практику цивилизационного проектирования России? Ведь практически никто из представителей ныне действующей элиты не готов стать на путь самоограничения и самоотречения. А значит, мы не можем требовать этого и от обычных людей, не имеющих властных полномочий и особых статусов. Единственный выход — действовать путём просвещения, усилить экологическую составляющую общественной идеологии и образования. Но сколько времени на это уйдет, трудно даже представить.

Во-вторых, Швейцера рассматривает цивилизацию жизни как *систему, в которой преобладают процессы самосовершенствования*. В их основе лежит доброжелательное и заботливое отношение ко всем живым существам. До сих пор этика выступала как пассивная реакция человека на происходящее в мире. Свою внешнюю принадлежность к бытию он так и не сделал «внутренней» и духовной по содержанию. Но, чтобы вывести человека из круга пассивности, нужна этика благоговения перед жизнью, согласно которой требуется привести своё становление в подобие миру и взять ответственность за него. Кроме того, в этике самосовершенствования он усматривает мистические мотивы, которые как раз и наделяют традиционную этику духовным измерением. Следовательно, духовное измерение жизни у Швейцера приобретает мистические мотивы, а его этическая утопия выходит за грань рационально постижимого.

Можно предположить, что российский человек склонен к самосовершенствованию и духовному развитию. Однако, чтобы поставить такую задачу на общегосударственном уровне, необходимы совместные усилия разных политических субъектов и их разумная воля к «жизни среди другой жизни». А вот в этом можно усомниться.

И, наконец, в-третьих, цивилизация жизни у Швейцера — это *цивилизация благоговения перед жизнью*. Её смысл «заключается, следовательно, в том, что я испытываю побуждение выказывать равное благоговение перед жизнью как по отношению к моей воле к жизни, так и по отношению к любой другой. В этом состоит основной принцип нравственного.

Добро — это то, что служит сохранению и развитию жизни, зло есть то, что уничтожает жизнь или препятствует ей» [28, 218]. И здесь принципиально то, что поведение человека считается нравственным, если он помогает любой жизни и воздерживается от того, чтобы причинить даже незначительный ущерб живому.

Но не понимает ли Швейцер слишком буквально благоговение перед жизнью? Ведь, с его точки зрения, нельзя даже сорвать листок с дерева. И не дай вам Бог раздавить какое-нибудь насекомое или навредить случайно животному. Конечно, я допускаю, что бывают крайне редкие и произвольные случаи нанесения ущерба живому. Вместе с тем, допускаю и случаи совершенно бессмысленного или, что ещё хуже, сознательного причинения вреда живому. Но стоит ли абсолютизировать любовь ко всему живому?

Однако цивилизация жизни, по Швейцеру, невозможна, если у большинства людей отсутствует «безграничная ответственность за всё, что живёт» [28, 218]. Она предполагает любовь к жизни во всех её проявлениях и противостоит утверждению одной жизни за счет другой. Это в природе мы наблюдаем повсеместно драму уничтожения одной жизни ради сохранения другой. Так, например, поступают все хищники, убивая свою жертву и продлевая тем самым свою собственную жизнь. В мире же людей это совершенно недопустимо, хотя до сих пор ещё встречаются случаи каннибализма или ничем не мотивированных жестоких убийств.

Таким образом, воссозданная мной этическая версия цивилизации жизни А. Швейцера, имеет отношение не только к человеку, но и к иным мирам живого. «Вся этика иного, чем мир, бытия только тогда течёт чистым ручьем, когда она берёт своё начало из этого родника» [28, 221]. Она освобождает людей от иллюзий и сомнительных идеалов, побуждая их брать ответственность за свою и чужую жизнь. Такая этика не допускает проявлений эгоизма и равнодушного отношения к своим соплеменникам, другим людям и живым существам.

Реконструкция и актуализация проекта. Представлю вкратце итоги анализа идеи цивилизации А. Швейцера в виде проекта (см. табл. 2).

А теперь сформулирую вывод. Главное, к чему я пришел, анализируя проектную версию А. Швейцера, заключается в том, что Россия до сих пор не реализовала свой огромный экологический потенциал и продолжает процесс нерационального использования природных ресурсов, игнорируя по-прежнему ценность многих форм жизни. Конечно, она может ещё какое-то время дрейфовать в сторону западной цивилизации, которая несёт основную ответственность за глобальный экологический кризис, или постепенно сближаться с восточными цивилизациями, в т.ч.

Табл. 2

Компоненты проекта	Содержание проекта и возможности его применения к российской действительности
<i>Сфера проектирования</i>	<p>"Цивилизация жизни", базирующаяся на этике благоговения перед жизнью</p> <p>В России ещё не сложились институциональные предпосылки для построения данной цивилизации. Единственная политическая партия "Партия жизни", инициированная "сверху", просуществовала недолго (2002-2006 гг.) и не получила поддержки электората. Однако врожденная любовь к жизни и земле делает из российских людей потенциальных союзников данного проекта.</p>
<i>Способы создания</i>	<p>Социально-этические практики: благоговение перед жизнью как поворот в сознании большинства людей, способный вывести их из состояния деморализации; культуротворчество и глубокое переосмысление своей жизни.</p> <p>Учитывая культурно-исторический опыт России, этический критерий цивилизационного развития страны будет трудно реализовать на практике. Традиционно считается, что ценность жизни обычных людей в глазах властвующей элиты не очень высока. Но это утверждение нуждается в доказательстве.</p>
<i>Выбор альтернатив</i>	<p>Формирование личной и социальной ответственности людей за всё живое на планете; поддержание и развитие всех форм жизни; самоограничение, самоотречение и самосовершенствование как практики переустройства общества на иных основаниях.</p> <p>Выбор "цивилизации жизни" в России ограничивается, с одной стороны, неспособностью властей стать на путь самоотречения и служения людям, а с другой - отсутствием условий в обществе для самосовершенствования человека и недостатком культуры бережного отношения к жизни.</p>
<i>Пути согласования действий</i>	<p>Переоценка жизненных приоритетов человека и общества; запрет на любые акты насилия и уничтожения жизни на планете; выработка новых правил человеческого общежития.</p> <p>Необходимо усилить "жизненную политику" различных субъектов управления в России, расширив её пространство от обеспечения жизнедеятельности отдельных групп к развитию самостоятельности людей, связанной с культивированием всех форм жизни.</p>

с Китаем, приступившим к осуществлению проекта экологической цивилизации, сущностная специфика которой состоит в проведении взвешенной экологической политики и сбережении всех форм жизни.

«Трансцендентная цивилизация» (С. Хантингтон)

Проектная идея. До сих пор я пытался сконструировать образ цивилизации «для России», используя идеи двух западных мыслителей, живущих в разные эпохи. Теперь же мне предстоит реконструировать цивилизационный проект, который не только применим к России, но относится к ней самым непосредственным образом.

Как известно, цивилизацию американский социолог и политолог С. Хантингтон рассматривает как «культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей» [27, 34]. Она отличается сходством языка, истории, религии, обычаев и институтов тех или иных стран, которые входят в её состав.

Хантингтон посвятил в своей книге «Столкновение цивилизаций» немало места описанию цивилизационных признаков России [27]. Он называет её, с одной стороны, «разорванной» или «расколотой» цивилизацией, а с другой — трансцендентной (нерациональной). Во-первых, в ней происходит раскол между православными и мусульманскими реги-

онами (Северный Кавказ и Поволжье), которые отстаивают свой особый статус. Состояние разорванности Хантингтон объясняет также тем, что лидеры стержневой страны, в которой существует своя господствующая культура, предпочитают соотносить себя с западной цивилизацией. Во-вторых, раскол существует между православием и западным христианством.

С тем, что такой раскол существует, можно отчасти согласиться, как и с тем, что Россия и Запад разделены, помимо прочего, культурной границей. Но политическое руководство страны в 1990-е гг. не очень волновал тот факт, что большинство населения страны не признавало западную цивилизацию «своей». Её скорректированная модель была навязана ему сверху, как это чаще всего и бывает. Да и Хантингтон полагал, что «российская цивилизация — это продукт самобытных корней Киевской Руси и Москвы, существенного византийского влияния и длительного монгольского правления» [27, 311]. А значит, она имеет свою цивилизационную специфику. С точки зрения Хантингтона, «разорванность» российской цивилизации усугубляется усилившимся с давних пор западно-славянофильским дуализмом, а во внешнем плане — сопротивлением стран, входивших ранее в Советский Союз, их нежеланием быть в состоянии политического подчинения и экономической зависимости от России.

В целом цивилизация в России имеет трансцендентный характер, который С. Переслегин, автор послесловия к книге Хантингтона, объясняет тем, что в отличие от Запада, который в первую очередь связывает мир людей с миром вещей, «для русской культуры характерно первичное связывание мира людей с миром идей (иррациональная информационная деятельность)» [27, 812]. Да и этот момент можно в целом признать. Но вряд ли стоит называть Россию, как это делает Хантингтон, православной цивилизацией, приписывая ей не только общие византийские корни, но и особый восточно-деспотический бюрократизм, а также отсутствие (в отличие от Запада) опыта культурного «чистилища» в виде Возрождения и Просвещения.

Конечно, Хантингтон не воспринимает Россию как «неправильный Запад» в силу того, что её «ошибки» коренятся, как он считает, в иной цивилизационной парадигме. В качестве причин он называет отсутствие западного отношения к авторскому праву и демонстрация восточного отношения к государству, связывая последнее с опытом преодоления последствий монголо-татарского нашествия и других завоеваний. При этом он считает, что после каждого завоевания традиционная структура российского общества и деспотический характер государства восстанавливаются.

Какой же вывод делает Хантингтон относительно цивилизационного будущего нашей страны? Россия, по его мнению, может стать на путь

создания самостоятельной (например, «северной») цивилизации, если откажется от своих имперских амбиций и перестанет вмешиваться в дела других народов (прежде всего, сербов, моджахедов и пр.). (Интересно, а посылать войска США и их союзников в любую точку земного шара для наведения «демократического» порядка он, видимо, считает вполне оправданным...). Следовательно, по мнению Хантингтона, Россия должна отказаться от того, чем она является (прежде всего, от имперских амбиций), для того, чтобы стать другой, которой она не может быть в принципе. Не правда ли, странное допущение? И надо признать, что в 1990-е гг. она во многом перестала быть самой собой, безуспешно пытаясь войти в лоно западной цивилизации. И до сих пор она так и не может прийти в себя после такой цивилизационной прививки.

В представлении Хантингтона получается, что Россия действует недружественно и не желает вступать в коалицию с западными государствами против центров государственного произвола или международного терроризма, а Запад, напротив, проявляет добрую волю и гуманность. Впрочем, такое самописание меня несколько не удивляет. Не случайно его принципиальное деление цивилизаций на западную и не-западные имеет под собой определённое основание. На мой взгляд, это Запад, а не Россия, противопоставил себя всему миру и продолжает своё победоносное «демократическое» шествие по всей планете, навязывая другим странам и целым цивилизациям свой цивилизационный (экономический и политический) порядок.

Я же как раз убеждён в обратном: именно имперское прошлое России даёт ей основание укрепить свой цивилизационный статус и преодолеть культурную и экономическую зависимость от Запада. К этому можно также добавить, что ведущие цивилизации современного мира (прежде всего, западная и китайская) имеют значительный опыт имперского существования. Но это несколько не помешало им стать сильными цивилизациями.

И всё же Хантингтон, заглядывая в будущее, склоняется к мнению, что Россия должна сохранить центральное место в создании единого евразийского блока и остаться «стержневой» страной православной цивилизации. При этом она окружена, с одной стороны, внутренним кольцом стран, которые состояли ранее в составе СССР (Беларусь, Украина, Казахстан, Молдова, Армения), и внешним кольцом православных стран, входивших в социалистический лагерь (Болгарией, Грецией, Сербией), а с другой — слабыми мусульманскими странами, которые зависят от неё экономически (государства Средней Азии). Будем благодарны Хантингтону не только за эти откровения, но и за то, что он оставляет за Россией роль государства, «несущего ответственность за поддержание безопасности среди православных стран и в тех районах, где доминирует правосла-

Табл. 3.

Параметры цивилизационного проектирования	Описание проекта
<i>Предмет (объект) проектирования и его исходное состояние</i>	Объект - Россия после холодной войны. В нынешнем состоянии это - "разорванная" цивилизация. Внешняя линия разлома проходит между православием, имеющим византийские корни, и западным христианством, а внутренняя - между православием и исламом внутри страны. Кроме того, в ней сохраняются такие особенности, как чрезмерная централизация власти, ориентация части элиты на западные ценности, восточный деспотизм, имперские амбиции и трансцендентная идеология, которая выражается в приоритете идей перед вещами и в признании сакральности власти
<i>Метод (подход)</i>	Полицивилизационный подход, призванный систематизировать и обобщать реальность, устанавливать причинные связи между явлениями, предсказывать будущие события, показывать, куда надо двигаться, чтобы достичь целей [27, 33]
<i>Желаемое (проектируемое) состояние</i>	У России имеются все шансы занять своё место в ряду других цивилизаций, укрепить своё положение "стержневой" страны православной цивилизации и вобрать в себя признаки северной цивилизации, если она ограничится контролем над регионами православия и не будет проявлять геополитические амбиции в других регионах и, прежде всего, в Западной Европе
<i>Пути согласования модели</i>	Достижение соглашений между Западом и Россией, предполагающих значительные уступки со стороны последней и отказ от каких бы то ни было геополитических претензий

вие» [27, 572]. Но это она, разумеется, сможет сделать лишь при условии принятия ведущей роли Запада и отказа от своих внешнеполитических претензий в Европе.

Реконструкция и актуализация проекта. Сформулирую вкратце некоторые положения проекта Хантингтона (см. табл. 3).

Таким образом, Хантингтон предлагает нам своё видение цивилизационного настоящего и будущего России, определяя её место среди других цивилизаций и, прежде всего, в отношениях с западной цивилизацией. Очевидно, что он отводит ей второстепенную роль региональной державы, призванной контролировать ситуацию в православном мире и не вмешиваться в конфликты в других регионах, которые находятся в зоне контроля Запада. А это неизбежно ведёт к отсечению от неё территорий, населённых преимущественно мусульманским населением. Хантингтон рассматривал Россию и исторически связанные с ней страны как «разорванную» цивилизацию, призванную в перспективе объединить православный мир, если она пойдёт на сотрудничество с Западом.

Остаётся определиться с тем, нужна ли нам такая цивилизация, образ которой нарисовал С. Хантингтон. Готовы ли мы, отечественные исследователи принять его рекомендации для последующей разработки и корректировки российского цивилизационного проекта. Лично я, признавая реалистические оценки Хантингтона, считаю его проект не только утопическим и принципиально нереализуемым, но и имеющим опасные последствия для цивилизационного будущего России. Но полагаю, что так думают далеко не все отечественные исследователи.

1.2.2. Софийность, всеединство и интегрализм как принципы проектирования российской цивилизации

Вторая группа участников проектного эксперимента – Николай Фёдорович Фёдоров (1829-1903), Владимир Сергеевич Соловьёв (1853-1900) и Питирим Александрович Сорокин (1889-1968) объединена идеями Софии и всеединства, а также принципом интегрализма. И, если между Фёдоровым и Соловьёвым имеется прямая связь, прежде всего общие духовно-религиозные поиски, то Сорокин стоит в этой группе несколько особняком. Он идейно сформировался в другую эпоху, когда первые два философа уже давно завершили свою деятельность. Кроме того, появление его интегрального подхода объясняется отчасти тем, что ранний период его научного творчества (до 1922 г.) прошёл в России, а всю последующую жизнь он провёл в США. И всё же в его интегрализме можно найти при тщательном анализе отголоски «общего дела» Фёдорова и идеи всеединства Соловьёва. Вот почему я счёл возможным включить Сорокина в данную группу.

«Цивилизация общего дела» (Н.Ф. Фёдоров)

Проектная идея. Русский мыслитель, рассматривая смерть как истинное зло, высказывает убеждение в том, что путь к её преодолению лежит через всеобщее воскрешение. Смысл же самого воскрешения состоит в том, чтобы вернуть жизнь своим отцам и предкам посредством всемирной любви, братства и аскетизма.

Несовершенство философии Фёдоров видит в её неготовности к участию в общем деле. С его точки зрения, в нынешнем виде она представляет собой «мысль без дела» или игру понятий. Чтобы приспособить её к общему делу, необходимо сделать её деятельным знанием, соединяющим в себе теоретический и практический разум, с одной стороны, и обладающим воспитательной силой – с другой. Источник же силы самой философии заключается в её нравственной религиозности. Поэтому этика является главным разделом философии, постигающим свободу как проектное действие человека, направленное на достижение бессмертия и объединение во имя этого всего человечества.

Несовершенство же общества есть результат неисполнения сыновьего долга перед отцами, утраты братства и родства. На место последних пришли суррогаты нравственности – гражданственность и государственность как анонимные структуры, безразличные личной судьбе каждого и родственным отношениям. Как видим, он радикально расходится с Гегелем, ставящим в основание цивилизации гражданское общество и государство. Нравственное общество базируется, по мнению русского мыслителя, на собирании сынов во имя общего дела. Оно должно управлять

ся мудрыми руководителями, способными взять на себя ответственность за воспитание и образование своего народа, его подготовку к общему делу. В таком обществе не будет надзора, принуждения и наказания. И в нём родственное и коллективное, священное и светское будут совпадать по смыслу друг с другом.

Подлинная история есть родовая жизнь разума, преодолевшего рознь и зависимость от природы. В проекте (точнее — проектном действии) осуществляется воскрешение как душевное состояние, присущее человеку, мыслящему о деле. И такое состояние Фёдоров называл «естественной общностью потомков и предков». Оно связано непосредственно с Христовым воскресением и предполагает восстановление всего человеческого рода по образу Софии (божественной премудрости). Всемирное родство необходимо для того, чтобы люди стали, в конечном счете, бессмертными и возвысились над природой.

Сам проект общего дела состоит, по Фёдорову, из предмета, способа или условий действия и согласования действий или центра. Предметом является общество и непосредственно — родовой быт, община, государство. В качестве способов или условий проектного действия выступают: выгодное географическое положение России, её тысячелетний застой, склонность к собиранию земель и воссоединению народов Запада и Востока, отсутствие сделок между духовной и светской властями. Фёдоров выделяет также несколько уровней организации российской цивилизации (жизненное, софийное, миротворческое, экологическое, космическое, технологическое и «знаниевое»), которым соответствуют те или иные проектные действия в рамках общего дела.

Конкретизируя содержание проекта, Н.Ф. Фёдоров вводит понятия «сущностные уровни цивилизации» и «основной критерий цивилизационного развития». Очевидно, что для него основным критерием цивилизационного развития являлся христианская религия. Поэтому его модель российской цивилизации в первом приближении можно было бы назвать *христианской*. Однако, учитывая то значение, которое он придавал Софии, можно предположить, что российская цивилизация в существенной мере выступает для него *софийной цивилизацией*, являющейся по сути интегративным образованием. Софийность определяется здесь как основополагающий принцип духовной организации бытия России. Это живой и всеобъемлющий логос мира, способный к его творческим преобразованиям. Как известно, русский философ и религиозный деятель П.А. Флоренский рассматривал Софию как идеальную личность, поддерживающую целостность мира и заключающую в себе целомудрие. Несколько иное толкование мы находим у В.С. Соловьёва.

Табл. 4.

Сущностные признаки цивилизации	Предполагаемые проектные действия государственных и общественно-религиозных деятелей, направленные на создание "цивилизации общего дела"
<i>Жизнь и бессмертие</i>	1) задача человечества - восстановление жизни, а не только устранение смерти; природа - враг временный, а друг вечный [26, 521]; выход человека из животного или полубессознательного состояния - не только нравственная задача, но и физическая необходимость [26, 512]; 2) следует использовать все достижения науки и медицины, чтобы не только преодолеть смерть, как чуждое нам явление, но и победить все болезни, заставив работать на эту высокую цель солнечную энергию и психофизические силы [26, 366-367];
<i>Родство и мир</i>	3) в основу братского союза людей должна быть положена идея собирания земель без принуждения или насилия; 4) надо стремиться к вечному миру; устранением же временной вражды может заняться Россия, призванная примирить народы Европы и Азии, Запада и Востока [26, 332];
<i>Софийность</i>	5) необходимо создать всемирный музей, центром которого станет храм Софии (Премудрости Божьей), в целях воспитания всех народов и преодоления промышленной, научной и иной розни [26, 326-329]; 6) человечество способно открыть для себя невидимый мир и сделать его видимым и осязаемым; а это возможно, если оно станет бессмертным и возьмёт звездное небо в качестве образца будущего храма Софии [26, 507-508, 517];
<i>Экологичность</i>	7) на первый план выступает развитие сельского образа жизни на основе лучших достижений городского знания, в т.ч. астрономии и наук о земле; 8) человек своими действиями не должен разрушать природу, лишая себя тем самым полноценной среды существования;
<i>Связь с Космосом</i>	9) задача человека состоит не только в том, чтобы приспособить к труду всю земную природу, но и освоить небесное пространство, преодолеть границы земли и выйти в Космос при помощи летательных аппаратов [26, 359-361]; для выполнения этой задачи общество должно стать космогоническим этносом, а также соединить все естественные и гуманитарные науки в астрономию и создать небесную науку как "историю мысли и дела человеческого" (небесную механику и ботанику, физику и историю) [26, 522-523]; 10) следует решать вопросы "о регулировании атмосферных явлений, об управлении движением земли и об отыскании новых "землиц", которые являются частью вопроса о восстановлении жизни предков [26, 362];
<i>Технологичность</i>	11) подчиняя себе природу и соединяя сознание и бесконечность, человек обязан научиться безграничному перемещению, преодолевать пространство и время [26, 429]; 12) вместе с тем, он должен "вырабатывать" себе новые органы, превращать их в орудия, раскрывающие ему неограниченные возможности стать разумом Вселенной [26, 441];
<i>Знание и образование</i>	13) необходимо подготовить человечество к новой жизни; "для осуществления общего дела необходимо соединить все искусства в храме-школе (всеобщиеобразовательные образования), не как подобий лишь мироздания, а как проекте мира, в котором поглощение заменено воскрешением, осуществляемом через все науки, объединенные в науке мироздания астрономии, и притом чрез всех людей, ставших благодаря школе познающими" [26, 525]; 14) новая интеллигенция должна стать миссионером такого объединения или союза народов и овладеть проектным действием по образцу Троидного Бога [26, 329-330].

Таким образом, философия общего дела Н.Ф. Фёдорова связана непосредственно с идеей Софии [26]. Конечно, последняя не является аналогом абсолютного духа Гегеля и несколько отличается по содержанию от Софии В.С. Соловьёва, смысл которой на протяжении всей творческой эволюции последнего менялся. И всё же софийность цивилизации не яв-

ляется у Н.Ф. Фёдорова единственным определяющим признаком российской цивилизации. Исходными пунктами его проекта выступают идеи *воскрешения* и бессмертия, а также достижение человечеством состояния *всемирного родства*. Однако установить тесную связь между проектом общего дела и идеей всеединства В.С. Соловьёва, сопряженной по смыслу с объединением человечества во Вселенскую христианскую церковь, мне пока не удалось.

Реконструкция проекта. Изложу теперь некоторые проектные идеи Н.Ф. Фёдорова, которые могут быть применимы в цивилизационном строительстве России и стран, пожелавших вступить на этот путь (см. табл. 4).

Таков в общих чертах цивилизационный проект Н.Ф. Фёдорова. Как видно, большинство выделенных мной критериев цивилизационного развития русский мыслитель не только учёл, но и детально реализовал в своём проекте. Значит ли это, что его проект соответствует современным реалиям? Конечно же, нет, несмотря на всю его комплексность. Он разработан в первую очередь для своего времени, хотя в каких-то пунктах намного опережает его.

Так, например, идеи Фёдорова об освоении космического пространства на тот исторический момент были новаторскими. Он рассматривал человека, действующего по мудрости Божьей (Софии), как посланника к другим звездам и планетам, способного проникнуть в новые миры, чтобы установить связь с иными существами [26, 361]. Всё это будет способствовать, с его точки зрения, построению нравственного общества, которое и может только появиться, создав обширный план освоения Вселенной.

Актуализация проекта. Россия прошла длительный путь исторического развития с тех пор, как Н.Ф. Фёдоров предложил свой проект общего дела. Многие из намеченного им, конечно, осталось нереализованным. А что-то пошло своим чередом и его трудно было предусмотреть заранее. И всё же некоторые критерии цивилизационного развития, обоснованные Фёдоровым, можно использовать для проектирования и сегодня. Так, предложенная им модель «цивилизации общего дела» не потеряла своей актуальности и сегодня.

Должна ли Россия отправиться по этому пути самостоятельно или попытаться объединить другие народы – этот вопрос остаётся для меня открытым. При этом Фёдоров вполне отдаёт себе отчет в том, что «пока человечество не достигло воскрешения, оно составляет род только в предствлении, в мысли...» [26, 349]. Поэтому необходима твёрдая власть, которая представляет интересы всех прошедших поколений. Конечно, его можно упрекнуть в том, что он считал идеалом общественного устройства всеобщую земледельческую общину, работающую под началом

наставников (интеллигентов) и с учётом преимуществ мануфактурной промышленности. Но ведь он и жил в такое время, когда эти мечты имели под собой почву. Именно этим обстоятельством корректируется степень реалистичности его проекта.

«Цивилизация Софии» (В.С. Соловьёв)

Проектная идея. Известный русский религиозный философ В.С. Соловьёв, помимо других идей и концепций, вошёл в историю отечественной философии ещё и как автор оригинальных проектов России, т.е. обоснованных представлений о её будущем с точки зрения заданных им критериев должностования. Речь идёт, прежде всего, о проектах Софии и Вселенской церкви [16; 17]. И я ставлю перед собой задачу показать, насколько эти проекты подходят для построения образов цивилизационного будущего России и учитывают её социокультурные реалии.

Начну с уточнения философско-этических оснований проектной идеи В.С. Соловьёва. Таковыми являются, на его взгляд, допущения о добре и благе, которые лежат в основе представлений о совершенстве Бога, человека и его истории. Благодаря единству последних становится возможным возникновение богочеловечества, смысл деятельности которого выражает идея Софии. И это единство возможно только на более высокой ступени — вечного и абсолютного всеединого (Бога).

София представляет собой трансцендентное начало в русской или российской цивилизации, которая, будучи божественной премудростью, соединяет в себе мир людей и мир Бога на земле. Она наделяется образами вечной женственности и божественной красоты. С точки зрения абсолютного, Бог непостижим, а в Софии он открывается человеку через откровение и в виде интимно-личного отношения к нему. София реализуется в историческом бытии людей поэтапно или в виде последовательности её сущностных моментов: как абсолютная, дотварная и внемировая, как тварная и нетварная, космическая и человеческая, вечно женственная и интимно-романтическая, божественно красивая и магическая, наконец, как русская национальная идея.

София воплощается у В.С. Соловьёва в христианском государстве как прибежище Вселенской церкви. Последняя выступает божественным предназначением России, призванной осуществить идею Софии в земной жизни и воссоединить её потерянную душу с Богом. Для этого русскому народу необходимо объединить другие нации и народы в единую церковь, а его представителю (царю) возглавить светскую власть. Однако духовное первенство и пост первосвященника Соловьёв возлагает на папу римского, доказывая, что тот имеет прямое отношение к первоапостолу Петру, а значит имеет право возглавить объединённую церковь.

Следовательно, Россия, с точки зрения Соловьёва, не может быть отдельной и самобытной цивилизацией. Её миссия заключается в духовном освобождении всего человечества и обеспечении неуклонного движения к богочеловечеству. А это означает, что она должна пожертвовать собственным культурным творчеством во имя более высокого идеала. Мне, как и моим предшественникам, критиковавшим данную позицию, трудно согласиться с такой постановкой вопроса. Её противники настаивали на том, что такая религиозная утопия противоречит культурным устоям самой России и чаяниям большинства её народов, исповедующих разные религиозные верования. Поэтому Россия не может принять её без ущерба своим национальным интересам и потери суверенитета. Кроме того, такая культурно-религиозная унификация приведёт к этническим, религиозным и прочим конфликтам.

Реконструкция проекта. При всём обилии идей В.С. Соловьёва реконструировать содержание его проектов достаточно сложно. Ещё сложнее выделить в них цивилизационные признаки России, признание которых, как у современников Соловьёва, так и у нынешних исследователей вызывает если не отторжение, то вполне аргументированные возражения.

Представлю некоторые результаты реконструкции проектов Софии и Вселенской церкви и соотнесу их с образами цивилизационного будущего России (см. табл. 5).

С учётом приведённых данных, я прихожу к выводу, что проекты цивилизации Софии и Вселенской церкви, хотя теоретически и совместимы друг с другом в рамках философии всеединства В.С. Соловьёва, нереализуемы на практике как в то время, так и сегодня, когда мир изменился до неузнаваемости. По своей форме они представляют собой двойную утопию, поскольку предполагают и дополняют друг друга. Их утопичность заключается в том, что ни один из них не обладает потенциалом, необходимым хотя бы для его частичной и поэтапной реализации. Причём первый проект являет собой «чистую» (теоретическую) утопию, представляющую интерес лишь для историков философии, а второй — сугубо религиозную утопию, отторгаемую не только в силу существующего раскола христианской церкви и непримиримого конфликта между её ветвями, но и по соображениям геополитического характера, в т.ч. нарастающего столкновения западной и российской цивилизаций, о котором писал в конце XX века С. Хантингтон.

Актуализация проекта. Надо признать, что Россия, будучи незавершённой по форме и транскультурной по сути цивилизацией, «беременная» трансцендентным началом, в т.ч. софийностью или всечеловечес-

Табл. 5

Этапы цивилизационного проектирования	Проекты возможного цивилизационного будущего России, основанные на идее всеединства	
	Проект "София"	Проект "Вселенская церковь"
Цель проекта	Производство человеческого бытия во всей полноте его божественной сущности; восхождение человека к высоте духовного совершенства	Создание христианского государства на основе органического единства государства и церкви; практическое осуществление христианства в повседневной жизни людей
Образы желаемого будущего	София как человеческое и социальное воплощение Бога на земле; Россия - неразрывная часть софийной цивилизации (богочеловества)	Россия как историческая сила, способная обеспечить "универсально-жизненное осуществление христианства", объединить человеческий род в единый социальный организм, а все церкви во Вселенскую церковь
Способы проектирования	Разворачивание абсолютного как вечно-единого и всеединого в облике вечной женственности и космической красоты, а также с учётом русского национального момента, необходимо сподвигнуть народы России к выполнению их великой миссии	Органическое единение духа, разума и души в христианстве, прежде всего практическое воссоединение истинной веры и высокого разума; преодоление национальных предрассудков и исторических аномалий, препятствующих цели проектирования
Возможности согласования и практической реализации проекта	София - один из возможных проектов трансцендентной цивилизации в России; аналогичные проекты имеются, как у предшественников (Н.Ф. Фёдоров, Н.Я. Данилевский), так и у современников (например, "православная цивилизация" С. Хантингтона). Ни один из них не получил поддержки и практического применения	Это наиболее слабый пункт проекта; трудно даже представить, как можно убедить не только церковных иерархов, но и рядовых верующих в правомерности создания Вселенской церкви и отказа от догматов православия; российская общественность, как прошлого, так и нынешнего веков, не готова к восприятию столь масштабных проектов, затрагивающих геополитические интересы других стран

тью. Но вряд ли она пойдёт по пути, предложенному В.С. Соловьёвым и осуществит его двойную утопию, т.е. станет Софийной цивилизацией и в то же время вольётся в лоно Вселенской церкви под предводительством папы римского. Предположить сегодня такой исход — означало бы полностью проигнорировать реальность мира современных цивилизаций, который претерпел радикальные изменения в конце XX — начале XXI вв., и навсегда отказаться от поиска какой бы то ни было цивилизационной идеи самой России.

Одним словом, Россия на протяжении последних ста лет развивалась как особенная цивилизация. И её никак нельзя «вместить» в проектные рамки Софии или Вселенской церкви, как бы этого не хотелось В.С. Соловьёву и его сторонникам. Но что-то из того, что предложил русский философ можно, конечно, использовать для формирования новых образов цивилизационного будущего России. И это заслуживает отдельного изучения.

Полнота предложенных мной критериев цивилизационного развития в данном случае не так важна. Могу лишь предположить в заключении, что В.С. Соловьёв, возможно, и не стремился к практической реали-

зации своего проекта, а рассматривал его как своего рода интеллектуальный вызов, призванный расшевелить консервативно-патриотическое «болото», сложившееся в то время в среде гуманитарной интеллигенции и общественно-религиозных деятелей. Если это так, то ему, по крайней мере, удалось посеять смятение в рядах славянофилов и «почвенников», а также других патриотически настроенных мыслителей, вызвав с их стороны мощный шквал критики. Как известно, критике этих идей Соловьёва посвящены книги и статьи многих его современников. А это уже немало-важный факт, необходимый для формирования общественного мнения в России конца XIX – начала XX вв.

Мой вывод заключается в том, что проекты Софии и Вселенской церкви не подходят для сегодняшней России, правомерно претендующей на статус самобытной цивилизации, а идеи самого Соловьёва следует считать не только утопическими, но и потенциально опасными, способными взорвать и без того шаткий мир существующих цивилизаций и связанных с ними религиозных систем. Опыт последнего столетия показал, что христианство так и не стало единым, а столкновения между цивилизациями продолжаются, хотя и в новом историческом формате.

«Интегральная цивилизация» (П.А. Сорокин)

Проектная идея. Понятие «цивилизация» чаще всего соотносят с представлениями о культуре. Однако П.А. Сорокин проводит между культурой и цивилизацией более чёткую границу. Под цивилизацией он понимает широкую социокультурную общность, которая складывается на базе крупной культурной системы или суперсистемы и представляет собой реальную причинно-смысловую целостность, отличную от малых культурных систем, нации, государства, других политических, религиозных, расовых, этнических систем или групп. Цивилизационное развитие Сорокин рассматривает, с одной стороны, как смену социокультурных порядков, а с другой – как процесс усложнения возможностей конкретной цивилизации и её движение в сторону преобразования в интегральную суперкультурную систему. «Высшим» уровнем такого развития он считает идеалистическую систему, которая возникает в результате культурной интеграции других систем.

Свой взгляд на цивилизационное устройство современного мира он предлагает в работах «Социальная и культурная динамика», «Главные тенденции нашего времени», «Кризис нашего времени» и других трудах [18; 19; 20]. На момент выхода этих работ ещё существовал Советский Союз.

Вот как видит цивилизационную карту мира П.А. Сорокин.

Во-первых, в каждую историческую эпоху, по его мнению, в мире существует свой творческий центр цивилизационного лидерства. Такими

центрами были в своё время Египет, Греция, Рим и пр. В ходе истории они могут перемещаться. Теперь эти центры находятся в США и СССР. В будущем возможно перемещение такого центра в Китай, Индию и другие цивилизации. Это стало возможным, на его взгляд, благодаря освобождению их народов от колониального рабства, быстрому росту экономик и укреплению государств.

В-вторых, с точки зрения Сорокина, продолжается распад социокультурного строя западной цивилизации, в основе которого лежит чувственный тип культуры. Несмотря на произведённый им научно-технический переворот и повышение общего уровня телесной жизни, время существования этого типа уходит. Идеациональная культура также исчерпала свои возможности и не может служить далее делу прогресса в своём прежнем виде.

В-третьих, возникает и развивается новый социокультурный строй, построенный на базе интегральной («идеалистической») культуры, от которого зависит будущее всего человечества. Новая модель не отрицает чувственную форму реальности, но ставит её в один ряд с другими уровнями реальности (рациональной и сверхчувственной).

Такова в общем цивилизационная схема П.А. Сорокина. Не берусь анализировать то, что у него, в конце концов, получилось, а что нет. Пусть этим занимаются историки философии и социологии. Но на мой взгляд, его прогнозы будущего цивилизационного развития мира пока не подтвердились. Чувственная культура и основанные на ней общественные и технологические устои продолжает «распадаться» вот уже несколько веков, а эра интегральной культуры со всеми её преимуществами и приматом «высших» ценностей так до сих пор и не наступила. И боюсь, что ни у кого из нас уже не останется времени дожидаться её прихода.

Реконструкция проекта. Приведу вначале сокращённый вариант проекта цивилизационного развития с учётом оснований, предложенных П.А. Сорокиным (см. табл. 6).

В итоговой таблице П.А. Сорокин приводит наряду с основными посылами «логические сопровождающие», необходимые для различения разных типов и подтипов культурной ментальности, положенных в основу различных моделей цивилизационного развития, в т.ч.: по характеру мировоззрения (смыслополагания); по объёму контроля и власти; по характеру активности; Я-концепция; знание и истина; моральные и эстетические ценности; социальные и практические ценности.

Таким образом, Сорокин предложил модель конвергенции, призванную объединить западную и советскую цивилизации в единую или интегральную цивилизацию. Он считал, что сближение противоположных социокультурных систем идёт полным ходом, а конфронтация между ними

Табл. 6

Основания (посылки) проектирования	Чувственная цивилизация	Идеациональная цивилизация	Идеалистическая ("интегральная") цивилизация
<i>Природа реальности</i>	Становление как процесс эволюции и преобразования социокультурного мира	Сверхчувственное, нематериальное и непреходящее бытие	Многогранная реальность непреходящего Бытия и непрекращающегося Становления
<i>Цели и потребности</i>	Преобладание физических потребностей	Преобладание духовных потребностей	Соединение материальных и духовных потребностей
<i>Степень удовлетворения потребностей и целей</i>	Максимальное удовлетворение физических и чувственных потребностей ("контроль человека над внешним миром")	Максимальная степень удовлетворения духовных потребностей ("контроль человека над самим собой")	"Возвышение потребностей" (подчинение материальных потребностей духовным)
<i>Способы удовлетворения потребностей</i>	Преобразование или эксплуатация внешнего (предметно-чувственного) мира	Добровольная минимизация физических потребностей, вплоть до полного отказа от них	Самосовершенствование как преобразование чувственного мира в духовный

постепенно уступает место духу сотрудничества и взаимопонимания. Что же это будет за цивилизация? Не капиталистическая и не социалистическая (экономическая система), не индивидуалистическая и не коллективистская (социальные отношения), не идеалистическая и не материалистическая (философия), не религиозная и не атеистическая (религия). Мне это напоминает эклектическую смесь или гибрид, полученный от скрещивания цивилизационных типов, имеющих разную логику развития.

Отмечая цивилизационную специфику России, П.А. Сорокин сформулировал её цивилизационные черты (наличие исторической миссии, великой культуры, сильной нации, склонность к социальным экспериментам, спонтанный демократизм, стабильная социальная структура, национально ориентированная элита и интеллигенция, культурная и расовая терпимость, высокие моральные принципы и творческая личность), которые должны, по его мнению, обеспечить ей условия для возрождения и последующего процветания.

Кроме того, Сорокин обосновал такие принципы цивилизационного строительства России, как ненасилие, реализм, конкретно-исторический подход, постепенность изменений, примат права (легальность). Он ратовал за развитие индивидуальной инициативы, прежде всего, в хозяйственной сфере, призывая к тому, чтобы дать дорогу личному интересу и обеспечить максимальную правовую защиту гражданам. Думаю, что если бы эти требования были положены в основу реформ 1990-х гг., то нам бы удалось избежать столь сокрушительного развала страны.

Таким образом, проделав обстоятельный анализ цивилизационных черт российского общества и сформулировав принципы его цивилизаци-

онного развития, П.А. Сорокин попытался доказать, что Россия не только заслужила право называться полноценной цивилизацией, не уступающей в культурном отношении любой другой цивилизации, но и имеет исторический шанс реализовать модель идеалистической культуры при условии, что она впитает в себя лучшие достижения западной цивилизации, т.е. пойдёт путем конвергенции.

Актуализация проекта. В целом проект цивилизационного развития России, предложенный П.А. Сорокиным, с учётом всестороннего анализа её социокультурного опыта, заслуживает серьёзного отношения. Но нельзя не отметить имеющиеся у него попытки идеализировать ряд феноменов российской жизни как в прошлом, так и в настоящем. Это относится, в первую очередь, к всячески превозносимому им русскому национальному характеру, преувеличению роли крестьянства и интеллигенции, игнорированию некоторых существенных пороков (преклонение перед высшей властью, чрезмерная бюрократизация, безответственность лиц, принимающих решения и пр.), которые воспроизводятся с удивительной повторяемостью в каждую новую историческую эпоху.

Но как бы мы не отнесли к огромному исследовательскому опыту и богатству социологического воображения П.А. Сорокина, нам представлен проект западного человека, сохранившего ностальгию по русской культуре. Другими словами, этот проект создан для западного общества, которому, увы, не суждено воплотиться на нашей социокультурной почве. Однако отдельные предложения и идеи Сорокина, как это не удивительно, оказались применимы по отношению к другим социокультурным системам (например, к Китаю), которые переживают сегодня удивительную и весьма успешную трансформацию.

1.2.3. Всечеловечность как способ смыслополагания российской цивилизации

Третья группа участников проектного эксперимента – Николай Яковлевич Данилевский (1822-1885), Николай Сергеевич Трубецкой (1890-1938), Андрей Вадимович Смирнов (1958 г.р.) – представляет идею всечеловечности, которая рассматривается мной как ещё одно основание цивилизационного развития России.

«Славянская цивилизация» (Н.Я. Данилевский)

Проектная идея. Россия, по Н.Я. Данилевскому, является самобытной цивилизацией, выступающей результатом божественного творения и развивающейся по собственным законам. Благодаря этому она получила воплощение в своей национальной культуре и стала тем, чем является в данный момент. За основу Данилевский берёт естественную историю, в

которой различает культурно-исторические типы или самобытные цивилизации. Он предлагает типологию, в которой помимо цивилизаций как положительных деятелей истории существуют ещё и «отрицательные герои» (кочевники-завоеватели), а также «этнографический материал», т.е. племена, которые не обладают самобытностью и входят в другие цивилизационные образования.

Каковы же черты славяно-русской цивилизации?

Во-первых, Н.Я. Данилевский полагает, что на долю России выпала историческая судьба стать цивилизацией, т.е. ей свойственна «положительная деятельность самобытного культурно-исторического типа...» [5, 113]. Ей дано быть самостоятельным субъектом и творцом истории, но только в качестве объединителя всех славянских народов на основе идеи *Славянства*, которая имеет сопоставимый смысл с идеями Эллинизма, Европеизма и пр. Славянство и есть то содержание, которое придаёт форму нашей цивилизации. Без него России не суждено стать самостоятельной цивилизацией, и ей грозит опасность превратиться в этнографический материал для других цивилизаций. «Итак, для всякого славянина: русского, чеха, серба, хорвата, словенца, словака, болгара (желал бы прибавить: и поляка), — после Бога и Его святой Церкви, — идея Славянства должна быть высшей идеей, выше свободы, выше науки, выше просвещения, выше всякого земного блага...» [5, 154].

Во-вторых, главной целью строительства российской цивилизации Н.Я. Данилевский считал создание *Веславянского союза* как единственно твёрдой почвы, «на которой может возрасти самобытная славянская культура» [5, 476]. Однако, такой союз не будет аналогом Священного союза в Европе, а станет новым дружественным образованием народов. Он показывает, какое значение этот союз имеет для таких стран как Греция, Болгария, Сербия и др. Такой союз предоставляет определённые выгоды всем славянским странам и позволяет укрепить могущество России, обеспечить её безопасность на западных и южных границах. И ради такого союза не стоит жертвовать славянскими целями и отдавать предпочтение так называемым общечеловеческим (т.е. западным) целям и интересам. Он создаст преграду на пути установления мирового владычества Запада. Ведь бороться с соединённой Европой, претендующей на всемирное владычество, может только соединённое Славянство как федерация государств, которая установит равный и справедливый раздел власти или влияния между группами народов [5, 509-510]. Общим языком такой славянской федерации Данилевский предлагает сделать русский язык, а непреложными символами славянства — православие и крестьянский надел.

В-третьих, Н.Я. Данилевский выделяет *черты русского национального характера* (общие всему народу, постоянные, не зависящие от обстоятельств и существенные) и показывает различия в психическом строе славян и других национальностей (этносов), которые населяют их цивилизацию. Эти черты формируются в самые ответственные периоды российской истории: призвание варягов, принятие христианства, татаро-монгольское иго, освобождение от поляков и других захватчиков, освобождение крестьянства и т.д.

Особое внимание Данилевский уделял этнографическим (племенным) качествам, нравственному началу и различиям в историческом воспитании народов. Европейской насильственности он противопоставлял миролюбие и терпимость славянских народов, а склонности европейцев к гражданским и политическим свободам — религиозную духовность и прирожденную гуманность, революционным переменам — процесс внутреннего перерождения народного самосознания, которому присущ консервативный инстинкт, интересам материального свойства — «внутреннее нравственное сознание», в т.ч. преобладание общенационального над личным, благость, умеренность, мягкость, непритязательность, благоразумие, чистота и чувство справедливости. Вот те черты, которые присущи, на его взгляд, всем славянам.

В-четвёртых, одним из важных условий цивилизационного развития России Данилевский считает её движение к гражданской и политической *свободе*. Он ставит вопрос: способен ли русский народ к свободе? И сам же отвечает на него. Стремление к свободе основано «на следующих свойствах, присущих русскому человеку: на его умении и привычке повиноваться, на его уважении и доверии к власти, на отсутствии в нем властолюбия и на его отвращении вмешиваться в то, в чем он считает себя некомпетентным; а если вникнуть в причины всех политических смут у разных народов, то корнем их окажется не собственно стремление к свободе, а именно властолюбие и тщеславная страсть людей к вмешательству в дела, выходящие из круга их понятий» [5, 585].

Однако я бы не стал идеализировать характер русского человека, приписывая ему равнодушие к власти и нежелание участвовать в революциях и иных делах, в которых он недостаточно компетентен. Будущее, до которого Данилевский так и не дожил, показало, что русские люди были втянуты в революционное движение и оказались способны к разрушению духовных и политических основ общественной жизни, которыми так дорожил русский мыслитель.

Концептуализация проекта. Представлю теперь содержание проектной версии Н.Я. Данилевского (см. табл. 7).

Табл. 7

Цивилизационные "кирпичики" России	Описание цивилизационного проекта
<i>Общесцивилизационные признаки</i>	Наличие собственного культурно-исторического типа, дифференцированного на четыре вида деятельности; всечеловечность; религиозность как ведущий вид деятельности славян; преемственность цивилизационного развития; способность к историческому творчеству и самоописанию; политическая независимость народов, входящих в состав цивилизации; невозможность копирования и переноса образов чужого типа; федерация народов, система обществ или государств; культурное и этническое разнообразие цивилизации
<i>Необходимые уровни жизни цивилизации</i>	В России сформированы пока не все уровни цивилизационного единства: личность, имеющая своё назначение, - малый коллектив (община) - большой коллектив (род) - всечеловечность вместо общечеловечности (славянство ещё не достигло этой стадии); неразделённость национального (зависимого) и человеческого (свободного) в бытии цивилизации
<i>Миротворчество</i>	Россия не склонна к завоеваниям; она способна жертвовать своими интересами ради достижения мира, выступая служебной силой для европейских стран
<i>Славянство как идея союза государств</i>	Россия может выступать творцом истории, лишь объединяя вокруг себя другие страны и народы на основе идеи Славянства; создание Всеславянского союза, который способен укрепить могущество России и стать преградой на пути западного влияния.
<i>Национальный характер</i>	Миролюбие, терпимость, мягкость, религиозная духовность, доверие к власти, консервативность, умеренность, неприязнательность, чистота, благоразумие, справедливость
<i>Стремление к свободе</i>	Россия должна пройти путь к гражданской и политической свободе. Для этого у русского человека имеются: привычка повиноваться, доверие к власти, отсутствие властолюбия и нежелания вмешиваться в чужие дела

Таким образом, главными особенностями славяно-русской цивилизации Данилевский считал её миротворческий и совершенно не агрессивный характер, всеславянское единство, основанное на началах «нравственности, любви и самопожертвования», положительное влияние православия на культуру, а также неразрывную связь в ней образов Бога и Богоматери, которые достигают своей гармонии в Красоте, что выражено в свою очередь в духе Софии. Всё это указывает на духовные приоритеты данной цивилизации.

Актуализация проекта. Подводя итог реконструкции проекта Н.Я. Данилевского необходимо отметить, что он абсолютизировал идею Славянства, поставив её выше всех других цивилизационных признаков. Его предложение о создании Всеславянского союза оказалось утопическим и не получило в дальнейшем поддержки среди славянских стран, часть из которых (Польша, Болгария, Чехия, Словакия, бывшие республики Югославии, кроме Сербии) в конце XX века примкнула к западной цивилизации и вошла на разных условиях в состав Европейского союза (ЕС).

Под влиянием Запада оказалась и Украина, которая сегодня проводит националистическую политику и упорно держит курс на вступление в ЕС. Конечно, для этого были социально-экономические и политические причины, но факт остаётся фактом. Но всё это трудно было предугадать в конце XIX века. Поэтому я не буду упрекать Данилевского в чрез-

мерной утопичности его проекта. К тому же ему удалось построить достаточно обоснованную концепцию и выделить ряд существенных признаков российской цивилизации, в т.ч. её миротворческий характер и приоритет духовных ценностей. А с ними я готов согласиться.

«Евразийский проект» (Н.С. Трубецкой)

Проектная идея. Россия и Европа. В данном фрагменте я отнесусь лишь к некоторым идеям Н.С. Трубецкого, высказанных им в ряде трудов [24; 25]. При этом я буду опираться также на книгу А.В. Смирнова «Всечеловечность vs общечеловечность», в которой детально анализируется проект цивилизационного переустройства России, предложенный представителями классического евразийства.

Под евразийским проектом понимается, прежде всего, культуросцентричный проект, предполагающий возврат к себе, к своей собственной культуре, а не поиск оснований в чужой культуре или в славянстве и православии, о чём писали в своё время Данилевский и Достоевский. По мнению А.В. Смирнова, евразийская идея — «идея свободного развития всех тех народностей, языков, религий и т.д., т.е. всех субъектов, которые составляют симфоническую культуруличность. Идея свободного, гармоничного развития всех. Это — та же идея всечеловеческого, с которой мы встречались у Данилевского, но в масштабе России-Евразии, а не земного шара. Здесь — идея необходимости удержать субъектность, неповторимую личность каждого, т.е. каждого народа, каждого языка, каждого этноса, которые создадут симфоническую личность» [15, 180]. Всечеловеческое здесь «представлено собранием максимальных достижений разных культур» [15, 180]. Это — «срединный уровень» культурной идентичности, располагающейся между общемировой и национальной идентичностью.

В отношениях с Европой, которая претендует на общечеловечность, Россия всегда вела себя недостаточно последовательно. Этапы заимствования европейской культуры сменялись враждебными отношениями с ней, особенно в военные годы. Как считал Н.С. Трубецкой, цивилизация есть общее благо, во имя которого приходится жертвовать национальными особенностями. Но стоит ли жертвовать российскими интересами ради ничем необоснованного желания войти в лоно европейской цивилизации? С его точки зрения, романо-германская цивилизация отличается эгоцентризмом и шовинизмом как началами антисоциальными, разрушающими культурное общение между людьми. Поэтому нельзя принять эту культуру в качестве образца, не принимая вместе с тем эту её деструктивную, по сути, особенность.

По мнению Трубецкого, свою культуру романогерманцы называют общечеловеческой цивилизацией, а свой шовинизм — космополитизмом,

который коренится в самой природе международных хищников, их ненасытной алчности. Что же предлагает понять Трубецкой тем представителям неевропейской интеллигенции, которые хотят скопировать европейский опыт для построения собственной цивилизации? Прежде всего то, что европейская культура не есть культура всего человечества, она объединяет лишь народы, близкие по языку и этническим характеристикам. Поэтому она ничем не выше других культур и её усвоение не является безусловным благом, а смешение с ней представляет собой лишь суррогат. При этом усваивается лишь статика культуры, а не её динамика, что приводит в свою очередь к отказу от самостоятельного культурного творчества и последующей зависимости.

Следовательно, Трубецкой считал, что европеизация является безусловным злом для народов России и с ней надо всеми силами бороться. Но для этого необходимо это осознать не только внешним образом, но и внутренне, т.е. прочувствовать, пережить, выстрадать, осмыслив вместе с тем относительность самой европейской цивилизации [25, 79-81]. Казалось бы, эти доводы звучат убедительно и не нуждаются в дополнительных комментариях. Однако значительная часть сегодняшней интеллигенции продолжает «заигрывать» с Западом или «тащить» Россию в Европу. Не случайно Трубецкой называл такую интеллигенцию проводником европеизации и главным агентом Запада.

Такова позиция Трубецкого по вопросу о необоснованном стремлении прозападной части русской интеллигенции заимствовать чужой опыт. Он предлагает переосмыслить собственный социокультурный опыт, чтобы побудить русскую элиту опираться главным образом на свои силы.

Реконструкция проекта. Удивительно, что некоторые прогнозы евразийцев похоже начинают сбываться. Так украинцы, как и сто лет назад, когда Н.С. Трубецкой писал о создании ими литературного языка, так и сегодня, отказались от русского языка и стали формировать свою «срединную» идентичность на основе европейской идентичности. Поэтому высказанные тогда слова Трубецкого о нагнетании злобно-шовинистической обстановки и растущей ненависти к России и ко всему русскому в Украине оказались во многом пророческими. Неужели об этом не знали российские политики, принимающие решение о демонтаже Советского Союза и выстраивающие отношения с нынешней Украиной в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Наверняка они догадывались, что националистическая часть украинской элиты попытается взять реванш. Так оно, в конце концов, и случилось.

В этой связи Трубецкой вместе со своими сторонниками разрабатывает проект цивилизационного переустройства России, основными пун-

тками которого выступают «идеократия», «месторазвитие», евразийская идентичность, соборность, симфоническая личность, «правлящий отбор», «автаркия», «демогия», программа мирного преобразования советского общества в евразийский союз.

Рассмотрим некоторые из них по порядку.

Во-первых, *идеократия* выступает как способ осуществления власти в обществе. Она должна стать делом служения евразийской идее. Западное государство встроено в собственную логику культуры. Формально оно основано на идее демократии, а фактически подчинено служению интересам сильных мира сего. По мнению Трубецкого, российское государство должно быть подчинено идее и стать своего рода идеальной государственной машиной. Поэтому «правлящий отбор» призван в первую очередь служить евразийской идее и олицетворять собой идеократический строй, основным признаком которого «является общность мировоззрения» [24, 428].

Во-вторых, Россия есть не только *нация*, но и *месторазвитие*. Национальностью Н.С. Трубецкий называет совокупность народов, населяющих государство и объединенных общей исторической судьбой. Он рассматривает её как особую многонародную нацию. «Эту нацию мы называем евразийской, её территорию — Евразией, её национализм — евразийством» [24, 423]. В этой связи русский народ должен осознать себя первым среди равных (причем не только по численности, но и по значимости). По мнению Трубецкого, евразийский национализм необходимо воспитывать, формируя национальное самосознание людей. В этом состоит первостепенная задача философов, публицистов и людей искусства.

В то же время Россия-Евразия является особым «месторазвитием» и образует свой языковый союз (славянские, финно-угорские и тюркские народы). «Месторазвитие — естественная территория, отличающаяся географически, климатически... от соседних регионов и ставшая местом длительного исторического развития и взаимного общения и обогащения заселявших её народов, что приводит к появлению в их культурах, языках, психологии, мировоззрении общих черт» [15, 177].

В-третьих, в *отношении к славянству и православию* родоначальники евразийства, в т.ч. Н.С. Трубецкой, занимают достаточно критическую позицию. Историческая миссия России состоит не только в объединении славянства, но и туранского Востока. По мнению Н.С. Трубецкого, русская культура не исчерпывается православием. В ней присутствуют и другие черты народной стихии, способные сплотить в одно целое разные племена, связанные общей судьбой с русским народом. Он предлагает обратить внимание на целый круг народов евразийского мира, а не только на

славян. По мнению А.В. Смирнова, «российский мир» есть идентичность второго уровня, а народный уровень (этнос «русские») — идентичность первого уровня. «С этой точки зрения, быть русским значит 1) быть русским и 2) быть евразийцем» [15, 188]. И с этим доводом я полностью согласен.

В-четвёртых, Н.С. Трубецкой рассматривает *автаркию* как особую форму организации хозяйства. «Надо доказать, что основной плюс автаркии — её неизменность, гарантирующая мирное сожительство внутри и вовне, — возможен лишь при том усилии, если области, объединенные в особый мир, спаяны друг с другом не только экономикой, но историй (“общностью судьбы”), цивилизацией, национальными особенностями и национальным равновесием...” [24, 436]. Следовательно, у Трубецкого автаркия тесно связана с типом цивилизации и вырабатываемым ею стандартом жизни. Если цивилизация предполагает различные стандарты, что порождает социальное неравенство, то в пределах автаркического мира можно добиться единого стандарта

В-пятых, Трубецкой и его соратники предлагают *программу преобразования советского общества на евразийских началах*. Они планировали внести изменения в советский строй, чтобы реализовать свой проект, в т.ч. на началах религиозности, некапиталистического типа хозяйствования, новой евразийской социальности. При этом классические евразийцы не собирались устранять советскую систему государственного управления и планировали действовать через свободно избранные советы. Их цель — практическая организация жизни посредством государства и на основе идеократии, т.е. служения евразийской идее, и *демотии*, понимаемой как прямое правление народа («сороботничество»), достигаемое путём сложения сил в единое симфоническое действие.

Вместе с тем евразийцы предлагают свой проект развития науки и духовности. Они считали, что государству необходимо максимально вкладывать средства в духовное развитие индивидов и коллективов, а также в восстановление целостности научного знания и преодоление его излишней специализации.

Только так, по мнению А.В. Смирнова, евразийцы собирались превратить государство в гарант все-субъектности и обеспечить все-связность общества при плановой государственно-частной системе хозяйствования [15, 198-199]. Следовательно, евразийцы допускали частную хозяйственную инициативу и частный сектор при наличии общего плана государственного хозяйства. Они понимали соборную («симфоническую») личность как органический синтез личного и частного, общего дела и автономии личности.

Табл. 8

Параметры цивилизационного развития	Пути цивилизационного развития	
	Запад	Россия-Евразия
<i>Исходная идея</i>	Идея общечеловечности (Запад как "венец человеческих достижений")	Евразийская идея, понимаемая широко, как всечеловечность
<i>Основные категории анализа</i>	Автономия личности ("эгоцентричность"), свобода	"Соборность", "симфония", "симфоническая личность"
<i>Цель развития</i>	Свободное развитие эгоистического человека и различных форм ассоциации	Практическая организация жизни и мира посредством системы свободно избранных советов
<i>Логика развития культуры</i>	Субстанциальная, ориентированная на изолированного индивида и его интересы	Всесубъектная, ориентирующая на других субъектов и взаимодополнительность их позиций
<i>Месторазвитие (естественная территория проживания)</i>	Западные страны (Европа, США, Канада и пр.)	Россия-Евразия (территория, на которой проживают славянские, финно-угорские и тюркские народы, объединённые естественными границами и языковым союзом)
<i>Тип человека</i>	Изолированный, абстрактный и самодовлеющий	Гармоничный, увязывающий свои действия с действиями других индивидов
<i>Преобладающая форма социальности</i>	Отношения между отдельными индивидами и их ассоциациями, опосредованные вещами, собственностью и правом (соглашениями)	Симфоническая личность как "единство множества" или собрание разных личностей, участвующих в общем деле и подчиненных единому порядку; соборность как "собрание", сотрудничество
<i>Культурная идентичность</i>	Западная, претендующая на общечеловеческий уровень	Евразийская, как идентичность второго уровня, объединяющая все народы России
<i>Характер власти</i>	Формальная демократия ("власть народа", а точнее - его партийно-политических представителей)	Идеоократия (как служение евразийской идее) и правящий отбор, носящий всеклассовый характер; сохранение советов как системы самоуправления (демотия)
<i>Тип хозяйствования</i>	Капиталистическая экономика, основанная на частной собственности	Государственно-частная система экономики, сочетающая в себе личный интерес и плановую организацию народного хозяйства
<i>Способ взаимодействия с другими культурами</i>	Экспансия, колонизация, стратегия доминирования и борьбы за сферы влияния	Мирное сосуществование, сотрудничество

Увы, реализовать свой проект евразийцам так и не удалось. Они не стали правящей силой («правлящим отбором») в России, а вскоре были окончательно «нейтрализованы» большевистской властью и стёрты с политической карты.

Представлю теперь некоторые результаты реконструкции отдельных положений проекта евразийской цивилизации Н.С. Трубецкого и других классических евразийцев, взяв за основу комплексную оценку их идей А.В. Смирновым, которая приводится в его книге «Всецеловечность vs общечеловечность» [15] (см. табл. 8).

Таким образом, евразийский проект вносит ряд принципиально новых представлений в понимание эволюционного пути цивилизационно-

го развития России. Один из его главных разработчиков Н.С. Трубецкой предлагает навсегда отказаться от перманентного «хождения в Европу» («западноклонничества»), что каждый раз наносит непоправимый ущерб русской культуре, и заняться практическим цивилизационным строительством новой России посредством реформ и на основе принципов идеократии, месторазвития, симфонической личности («единства множественности»), евразийской идентичности и мирного переустройства общественной жизни на началах религиозности, государственно-частной системы хозяйствования и соборности. «Слабыми» пунктами в их проекте оказались представления о социальной справедливости и экологической безопасности.

Актуализация проекта. Единственно возражение с моей стороны относится к неэффективности самой идеократии, будь то коммунистической или евразийской. Рано или поздно всегда найдутся люди, которые собьются с «верного» пути и извратят суть исходной идеи. Поэтому строить проект российской цивилизации на основе идеократии — означает заведомо обречь его на провал. Конечно, я несколько не уверен в том, что лучшей заменой этой идее будут интересы, которыми руководствуются чаще всего субъекты субстанциональной логики, которых я называю эгодеятелями. Ради интересов бизнеса или политики они готовы пойти на многое. Но интересы тоже могут меняться со временем. Хочу лишь высказать предположение, что более надёжным и устойчивым основанием, чем идеи и интересы, могут служить, на мой взгляд, лишь практические ценности (ориентации и установки), которые объединяют людей в общности и делают их поведение более предсказуемым. Но этот тезис требует дальнейшего обоснования.

Опыт современной интерпретации всечеловечности (А.В. Смирнов)

Проектная идея. По мнению А.В. Смирнова, цивилизационный подход пытается выстроить типологию цивилизаций, не имея для этого четких оснований. Он предлагает различать субстанциональную и процессуальную логики развития цивилизаций или культур, которые подразделяются в зависимости от преобладающих в них субъект-предикатных комплексов. «Термины “субстанциональный”, “процессуальный” имеют в этом контексте не метафизический, а логический смысл: они отсылают к предикационному механизму, основанному на определенном типе задания связности... Субстанциональная или процессуальная метафизика, хотя и дают свое имя соответствующим базовым когнитивным механизмам обеспечения связности, сами зависят от этих механизмов, а не наоборот. В этом смысле можно также говорить о субстанциональной или процессуальной логике, отсылая не к каким-то содержательным учениям, а к ядерно-

му механизму связности, который обеспечивает в соответствующих логических системах очевидность и доказательность» [15, 54].

Следовательно, для понимания мира цивилизаций существует, как минимум, две оптики (видения) — субстанциальная и процессуальная. Причём невозможно видеть что-либо одновременно (субстанциально и процессуально). Событие, по Смирнову, является сырьем для нашего сознания, которое переплавляет культуру в эти две логики.

Субстанциальная логика доминирует, с точки зрения А.В. Смирнова, в западной цивилизации. В ней процесс понимается буквально как изменение субстанции во времени. А что значит мыслить субстанциально или процессуально? «Если вы считаете это эквивалентом “вода текущая”, тогда вы мыслите субстанциально. Если считаете эквивалентом “течение текущего”, то перемещаетесь в область процессуальной логики [10, 293]. Или «...если мы мыслим субстанциально, можем сказать “человек есть знающий”, если мыслим процессуально, — “познавание познающим познаваемого”, т.е. будем иметь дело с познанием как процессом, а не со знанием как чем-то фиксированным» [10, 294].

Процессуальная логика преобладает, по мнению Смирнова, в арабско-мусульманских странах. В европейской логике «пространство — это вместительница субстанциальных вещей, а время существует как “рамка” для событий и действий» [9, 255]. Напротив, в арабо-мусульманском мире действие протекает вне времени или длительности. В нём присутствует процессуальный субъект, который «всегда является связкой двух, это не связка со всеми, для отдельного человека всегда существует кто-то другой, но не все вообще» [10, 303].

В процессуальной логике действие всегда осуществляется «парой», т.е. самим действующим и претерпевающим. Субъект процессуален, а процесс рассматривается как онтологическая данность, но не в смысле бытия, а в смысле протекания. Вместо бытия как всего наличного (всеобъемлющего) А.В. Смирнов вводит понятие «осмысленность». Это — «абсолютная сфера явленности нам всего», выступающая как субъект-предикатная склейка или предельная категория, которая обозначает всё то, что можно помыслить и воспринять, а также то, с чем мы можем иметь дело [13, 77, 152]. Другая категория — «утвержденность», в т.ч. то, что считается принятым данной парой, т.е. как действующим, так и претерпевающим.

Третий вид логики у Смирнова — *всесубъектность*. И это есть связка «всех со всеми», когда мы проникаемся другими и становимся частью целого. «... Всесубъектность предполагает оправданность, как место каждого, которое дает субъекту полное право быть. Это включенность человека в общую систему, иначе он выпадает. А оправданность всего проис-

Табл. 9

Основания и признаки проектирования	Логика культур		
	Субстанциальная логика	Процессуальная логика	Логика всесубъектности
Природа первичной реальности (мир "чистых" событий)	Бытие как всеобъемлющее или наличие всего сущего	Осмысленность ("утвержденность")	Осмысленное бытие и бытие осмысленности
Субъект-предикатный комплекс и качество связывания	Связка субъекта и объекта, автономия личности	Связка действующего и претерпевающего, вовлеченность в пару	Связка всех со всеми, включенность в общую систему
Способ смыслополагания	Субстанциальный (мыслить нечто как субстанцию)	Процессуальный (мыслить нечто как "протекание")	Всесубъектный (мыслить нечто как совместное творение)
Структурная композиция сознания	Теоретическое мышление (рационализм) - восприятие - язык	Чувственное восприятие - язык - теоретическое мышление	Органическое единство всех компонентов сознания
Приоритетная сфера деятельности и отношение к ней	Мир вещей ("присутствие", "преобразование" и пр.)	Мир с другим ("со-присутствие", "делание", "говорение" и пр.)	Мир людей ("сотворчество", "сотрудничество", "сотрабочничество" и пр.)
Преобладающая форма общения	Общение между атомарными индивидами	Общение в паре ("действующий - претерпевающий")	Соборность ("собрание")
Я-концепция и доминирующий тип идентичности	Индивидуализм и самоидентификация	Со-субъектность и идентификация через другого	Всечеловечность и идентификация с общим делом
Рефлексивная позиция	Смоделировать возможную ситуацию, не меняя собственное мышление и сохраняя дистанцию с окружением	"Впустить в себя другого, перевоплотиться, стать другим"	Стремиться быть всем со всеми, проявляя разные грани своей индивидуальности

текает из оправданности каждого» [10, 303]. Можно предположить, что всесубъектность выступает у Смирнова в качестве интегральной логики (логики всечеловечности), которая, с его точки зрения, наиболее полно подходит для цивилизационного развития России. Но это предположение требует дополнительных пояснений.

Следовательно, всесубъектность является логической оболочкой всечеловечности. Но как перейти от субъектности к всесубъектности, чтобы сохранить целостность? «Если поставить вопрос, как сохранить целостность *после* субъектности, то мы должны искать путь к всесубъектности... Не стоит стягивать весь мир в одну точку «Я», из которого должно исходить «не-Я», а нужно распределить «Я» по субъектам мира. Русский язык и русская история дают подсказку, как это возможно, в т.ч. и в логическом смысле. Задача заключается в том, как из этого вытащить полноценную логику (формальную и неформальную)» [10, 306]. А вот это как раз самое сложное. Удастся ли человечеству в лице своих лучших представителей «вытащить» логику всесубъектности из культуры и сделать её общим достоянием?

Реконструкция проекта. Конкретизирую теперь позицию А.В. Смирнова, выстроив основания и логики проектирования культур в собственной последовательности (см. табл. 9).

Таким образом, А.В. Смирнов предлагает свой вариант типологии культурных логик, являющихся основаниями для построения разных цивилизационных проектов. В качестве дуальных логик он рассматривает субстанциальную и процессуальную логики, которые соответственно задают разные критерии долженствования. Например, в западной цивилизации, существующей в субстанциальной логике, любое сущее воспринимается в своём бытии (как всего наличного или всеобъемлющего), а в исламской — как процесс разворачивания и сворачивания осмысленности. Соединить эти логики друг с другом на практике невозможно, также как и нельзя мыслить другую цивилизацию в логике собственной цивилизации. Чтобы понять её, необходимо, по мнению Смирнова, размонтировать собственную логику и выстроить её элементы в композиции чужой логики.

Актуализация проекта. Общечеловеческое в понимании А.В. Смирнова предполагает моно-логичность и безальтернативность одной культуры, навязываемой другим народам и их культурам в виде глобального цивилизационного проекта, а всечеловечность несёт в себе, как он утверждает, «самоценность и нередуцируемость логик каждой из культур, составляя важнейшее обоснование многоцивилизационного проекта [10, 28-29]. Но почему именно России отводится решающая роль в реализации последнего проекта?

А.В. Смирнов отвечает на этот вопрос: «Я убежден, что Россия себя ещё не осознала. Великое отставание России заключается не в том, что она так плохо воплотила европейские формы, а в том, что она себя не поняла до конца в том смысле, что не смогла построить свой проект будущего, исходя из собственной логики развития. Как мне кажется, эта логика воплощена и в нашем языке, и в нашей истории. Если это так, то нужно это оттуда извлечь, вытащить на свет» [10, 305].

Но ведь такие попытки «вытащить на свет» национальную или русскую идею предпринимались неоднократно, в т.ч. дважды, на рубежах XIX и XX вв., а также XX и XXI вв. И сколько лучших умов России ломали голову над этой проблемой. Неужели им не хватило глубины и проницательности, чтобы извлечь из анналов русской культуры её собственную логику? Может быть причина заключается в незавершённости цивилизационного развития России и, следовательно, в несформированности её культурной логики? Ведь трудно искать то, что ещё не родилось, не проявилось в полной мере. Поэтому проще всего, как считают «западники», взять уже готовый цивилизационный образец, как это было не раз в нашем историческом прошлом, когда заимствованные на Западе «инновации» рассматривались как предпосылки дальнейшего социального про-

гресса России. К чему это, в конце концов, приводило, мы тоже не раз убеждались на своём опыте.

Но только ли с одной Россией связана необходимость создания цивилизационной альтернативы Западу? Продолжая далее свою мысль, Смирнов отмечает, что «сейчас стало очевидно, что огромные цивилизационные ареалы (Китай, Индия, исламский мир) не готовы принять глобалистский проект Запада. Но как избежать столкновения цивилизаций в этих условиях? Очертить границы? Но все будут выходить за эти границы. Тогда нужно придумать такую схематику, которая позволяла бы всем быть и всем реализовываться, но не претендовать на всеобщую гегемонию. Здесь начинает играть роль идея всечеловеческого, которая всё утверждает, но ничего не отрицает» [10, 306]. Придумать, конечно же, можно, но миром, к сожалению, правят не ученые или философы, а реальные политические субъекты, интересы которых зачастую не совпадают с интересами сообщества, от имени которого они выступают.

Таким образом, с точки зрения А.В. Смирнова, для понимания российской цивилизации больше подходят термины «всецеловечность», «всесубъектность» и «единство множественности». Но он полагает, что философам и гуманитариям вообще предстоит ещё открыть схематизм рациональности, стоящий за фактами русского языка, словесности и истории. И пока Россия не осознала свой путь цивилизационного развития, ей не удастся создать проект всечеловечности, который в случае широкого признания повлечет за собой глубокие социальные изменения, в т.ч. становление иного политического устройства. Воспользуемся ли мы этим историческим шансом, покажет опять же время.

В заключении данного раздела я не буду подводить итоги. Это мне ещё предстоит сделать в следующем разделе очерка. Отмечу лишь, что проект всечеловечности, разработанный Н.Я. Данилевским и Н.С. Трубецким, с одной стороны, и далее развитый А.В. Смирновым, с другой стороны, представляет, с моей точки зрения, наиболее реалистичный и идейно привлекательный проект. Если хотя бы часть из намеченного ими нам удастся практически обосновать, то это уже будет значительный шаг в продвижении российского цивилизационного проекта.

1.3. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОЕКТОВ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО БУДУЩЕГО РОССИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ИНТЕГРАЦИИ

Общая характеристика проектов. Итак, я представил несколько цивилизационных проектов России, в т.ч.:

- проекты, подчёркивающие значение духовной организации жизни (версия Г. Гегеля — «цивилизация духа», которой созвучны проект «цивилизации жизни» А. Швейцера и проект «трансцендентной цивилизации» С. Хантингтона);

- проекты, построенные с учётом принципов софийности, всеединства и интегрализма (проект «цивилизации общего дела» Н.Ф. Фёдорова и соотносящийся с ним проект «Софийная цивилизация» В.С. Соловьёва, а также проект «интегральной цивилизации» П.А. Сорокина);

- проекты, разворачивающие идею «всечеловечности» (проект «славянской цивилизации» Н.Я. Данилевского, евразийский проект Н.С. Трубецкого и проектная интерпретация А.В. Смирнова).

Конечно, они не исчерпывают всего многообразия цивилизационных моделей или проектов. Но их выбор не случаен. В той или иной степени они выражают приведённые мной выше критерии цивилизационного развития России. Причём в каждой из этих групп наиболее разработанными оказались проекты А. Швейцера, Н.Ф. Фёдорова и Н.С. Трубецкого. И здесь я хочу присоединиться к мнению А.В. Смирнова, справедливо полагающему, что именно классическим евразийцам и, прежде всего, Н.С. Трубецкому, принадлежит заслуга в создании тщательно и всесторонне разработанного проекта цивилизационного развития России.

Приведу сначала результаты их сравнительного анализа (см. табл. 10).

Таким образом, в таблице приведены некоторые цивилизационные признаки или параметры России, объединённые в три группы и отличающие нашу цивилизацию от других социокультурных ареалов. Ни один из этих проектов не обладает всей полнотой критериев цивилизационного развития, сформулированных мной во введении к данной работе. Это объясняется, с одной стороны, тем, что они были созданы в разное время и задолго до того, как Россия на рубеже XX–XXI веков в очередной раз сменила вектор своего цивилизационного развития. С другой стороны, в этом имеется, возможно, моя вина как автора, поскольку мне не удалось предложить достаточно репрезентативные критерии. Однако, я настаиваю на том, что для того, чтобы российская цивилизация вышла из «протосостояния» и сформировалась окончательно как историческая данность, необходимы соответствующие условия или предпосылки, а также силы интеграции, напоминающие чем-то гравитацию в космическом пространстве.

ОБРАЗЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО БУДУЩЕГО РОССИИ

Табл. 10

Проектные версии	Характеристика обоснованности критериев развития российской цивилизации	Способ построения будущего	Реалистичность и реализуемость проекта
Проекты, основанные на идее духовной организации жизни			
"Цивилизация духа" (Г. Гегель)	Недостаточная разработанность проекта: жизненность цивилизации определяется духом (единство жизни и духа; человек как живой индивид является одновременно единичным сущим, подчиненным общему развитию духа, и всеобщим ("родовая сущность"); государство есть высшая форма бытия объективного духа.	Диалектический метод, принцип единства всеобщего, особенного и единичного	Россия не стала пока "действительным воплощением нравственной идеи"; противоречия между тенденциями традиционализации ("природным духом") и модернизации ("духом государства").
"Цивилизация жизни" (А. Швейцер)	Комплексность проекта: акцент на самоограничении и самоотречении; преобладание процессов самосовершенствования; понимание добра как того, что служит сохранению и развитию жизни; привязанность к земле как источнику жизни	Бережное отношение ко всем формам жизни, принятие этики благоговения перед жизнью; культуротворчество и выработка новых правил общежития	Неподготовленность России к этической версии цивилизационного развития, отсутствие культурно-исторических предпосылок для формирования данного цивилизационного типа
"Трансцендентная жизнь" (С. Хантингтон)	Неполнота предложенного проекта: акцент на религиозном расколе России (между православием и исламом); воспроизводство традиционной структуры общества и деспотического характера власти; имперские амбиции и трансцендентная идеология	Полицивилизационный подход, призванный систематизировать и обобщать реальность	Реалистичность проекта в части демонстрации отношения Запада к России и его нереализуемость с учётом выделенных автором параметров, ставящих её в зависимость от западной цивилизации
Проекты, построенные на принципах софийности, всеединства и интегрализма			
Цивилизация общего дела (Н.Ф. Фёдоров)	Комплексность проекта: софийность, жизненность, бессмертие, отношения братства и родства, экологичность, связь с Юмосом, технологичность, научность и образованность	Христианство как способ переустройства мира на божественных началах	Проект во многом реалистичен, хотя и не лишен утопичности; многие идеи уже частично реализованы (космические путешествия и пр.)
Цивилизация Софии (В.С. Соловьёв)	Недостаточная разработанность проекта с точки зрения выделенных критериев: София как трансцендентное начало; Вселенская церковь и всемирное христианское государство; миссионерство русского народа	Разворачивание всеединого как духовное освобождение человечества и его движение к богочеловечеству	Утопичность проекта; Россия оказалась не готова к осуществлению предложенной ей христианской миссии и объединению на этой основе всего человеческого рода
"Интегральная цивилизация" (П.А. Сорокин)	Комплексность проекта: примат "высших ценностей"; соединение материальных и духовных потребностей; спонтанный демократизм; культурная и расовая терпимость; национально ориентированная элита и интеллигенция	Перемещение центров цивилизационного лидерства и конвергенция культурных социокультурных систем	Утопичность проекта и его нереализуемость применительно к России; возможность его применения к другим социокультурным ареалам
Проекты "всечеловечности"			
"Славянская цивилизация" (Н.Я. Данилевский)	Неполнота проекта: славянство; религиозная (православная) духовность, гуманность, всечеловечность, стремление к свободе, миротворчество; сдержанный национальный характер	Создание Всеславянского союза на основе общности культуры и религии (православия)	Утопическая направленность идеи всеславяинства, её этнократический характер и принципиальная нереализуемость

Проектные версии	Характеристика обоснованности критериев развития российской цивилизации	Способ построения будущего	Реалистичность и реализуемость проекта
“Евразийская цивилизация” (Н.С. Трубецкой)	Комплексная разработанность проекта: практическая организация жизни и мира, всесубъектность, соборность, симфоническая личность, евразийская идентичность, идеократия, демократия, государственно-частная система хозяйствования и пр.	Мирное реформирование советского строя на основе евразийской идеи	Конструктивный характер и практическая нереализованность большинства программных положений евразийцев, не прошедших испытания реальной политической борьбой
“Всечеловеческая цивилизация” (А.В. Смирнов)	Незавершенность проекта: разработанность схемы дуальных цивилизаций, сформированных субстанциальной и процессуальной логикой; понимание всечеловечности как цивилизационной перспективы России; всесубъектность как логическая оболочка всечеловечности; соборность как процесс собирания разных культур	Логико-смысловой подход: рассмотрение цивилизаций в соответствие с присущими им логиками культур и схематизмами мышления	Признание недостаточной цивилизационной идентичности России, неосознанности ею собственной логики развития и отсутствие у неё своего проекта будущего

Каковы же имеются основания для интеграции указанных выше проектов цивилизационного развития России? Приведу вначале свои комментарии к ним с учётом выделенных мной критериев.

1. По убеждению многих мыслителей Россия сможет обрести прочный цивилизационный статус, если ей удастся преодолеть духовный кризис и сформировать чёткие *духовно-нравственные идеалы*. Как известно, у Г. Гегеля эти идеалы были воплощены в идеальном государстве как объективно-всеобщем, тяготеющем к абсолютному духу. Другие же мыслители предлагают иные концептуальные решения. Так, Н.Ф. Фёдоров, как и его последователь В.С. Соловьёв, связывал духовное развитие России с Софией («божественной премудростью»), которая своим образом открывает путь ко всеобщему воскрешению и бессмертию. Вместе с тем она является для него основополагающим принципом духовной организации российской цивилизации. София как вечно божественная и женственная сила выступает отправным пунктом философии всеединства В.С. Соловьёва. Она воплощается в христианском государстве, Вселенской церкви и призвана соединить Бога с земной жизнью людей. Именно на русский народ им возлагается миссия объединить все народы в лоне единой церкви. Вопрос заключается лишь в том, соответствует ли такая миссия чаяниям и надеждам самого народа.

Думаю, не подходит России в качестве духовной опоры и идея всеславяинства Н.Я. Данилевского, который категорически выступал против духовного господства Запада. Но на объединение под эгидой славянства вряд ли пойдут другие народы и этносы, населяющие Россию. Скорее, они согласятся со статусом космического суперэтноса, который приписывал народам России Н.Ф. Фёдоров. Очевидно, что духовные истоки

российской цивилизации не следует искать только в христианстве, православии или славянстве, к чему были склонны В.С. Соловьёв, Н.Я. Данилевский и С. Хантингтон. Н.С. Трубецкой и другие евразийцы придерживались как раз другой позиции и отстаивали цивилизационную независимость России. Вместе с тем они обогатили понимание духовности цивилизации понятиями симфонии, культуричности, соборности и др.

Представления П.А. Сорокина о создании путём конвергенции интегральной («идеалистической») цивилизации в России не нашли исторического подтверждения. Прогнозируемый им социокультурный распад Запада так и не завершился, а его духовные пороки («потребительство», эксплуатация труда, несправедливость и пр.) оказались не столь губительными, как он предполагал. Однако его вывод о необходимости формирования творческой личности с высокими моральными принципами вполне можно принять. Хантингтон же в свою очередь объясняет духовный раскол России исключительно религиозными причинами, что не соответствует действительности. Очевидно, что Россия не может конкурировать с Западом на его цивилизационном поле. У них совершенно разные логики культуры. Понять это позволяет логико-смысловой подход А.В. Смирнова, который видит цивилизационную специфику России в феномене всецелочеловечности, базирующейся, с его точки зрения, на логике всесубъектности.

2. По мнению указанных выше мыслителей, цивилизация в России может состояться, если она направлена *на поддержание и развитие жизни во всех её проявлениях*. Этот критерий наиболее полно представлен в проектах Г. Гегеля, Н.Ф. Фёдорова, Н.С. Трубецкого и А. Швейцера, которые по-разному понимали как саму жизнь, так и жизненность идеальной для них цивилизации. Возможно, их объединяет представление о духовной стороне жизни цивилизации и непрерывном восхождении человека к духу. Одним из первых мыслителей такую задачу (восстановление жизни и утверждение бессмертия) перед российской цивилизацией ставит Н.Ф. Фёдоров. Жизненный уклад российских людей Н.Я. Данилевский связывает с их миролюбием, религиозной терпимостью, мягкостью и консервативностью славянских народов как истинных творцов истории, умаляя при этом значение других жизненных форм.

Свой значительный вклад в разработку данного критерия внесли евразийцы (Н.С. Трубецкой и др.). Они поставили в качестве главной задачи цивилизационного переустройства России «практическую организацию жизни и мира». В своём проекте А. Швейцер, опираясь на этику благоговения перед жизнью, предложил обоснованную идею «цивилизации жизни», которую можно, с его точки зрения, реализовать на практике путём самоограничения, самопожертвования и самосовершенствования.

В её основе лежит «разумная воля к жизни среди другой жизни» и безграничная ответственность за всё живое.

3. С точки зрения большинства мыслителей, цивилизационное будущее России зависит от того, будет ли она *человекоразмерной и сможет ли предоставить человеку достаточную степень свободного развития*. Как ни странно, данный критерий менее всего разработан в рассмотренных выше проектах цивилизационного развития России. Для Г. Гегеля человек свободен лишь в той мере, в какой он выражает бытие духа своего рода, государства и всего человечества. Как живой индивид он представляет собой субъективность, составляющую почву для свободы. Но эта свобода не является полной, если она не связана с родовой сущностью человека и его особенным или всеобщим бытием, воплощенным соответственно в семье, гражданском обществе и государстве.

Движение к свободе, по мнению Н.Я. Данилевского, присуще русскому человеку, так же как и природенная гуманность. При этом он явно недооценивал роль революционных сил, полагая, что русские люди не могут быть втянуты в революцию в силу присущих им свойств равнодушия к власти и терпимости. Евразийцы переосмыслили данный критерий и предложили своё представление о гармоничном человеке и симфонической личности как «единстве множества». Напротив, П.А. Сорокин выступал за развитие индивидуальной инициативы и личного интереса, а также соединение их в цивилизации будущего с другими чертами национального характера русского народа. Он, так же как и Данилевский, идеализировал русский национальный характер.

4. Как считают многие мыслители, у России есть исторический шанс стать самостоятельной цивилизацией, если она сможет обеспечить *высокий уровень развития науки и образования*, а тем самым совершит рывок в научно-технической сфере и создаст новые поколения высокообразованных людей, способных заниматься созидательным трудом или тем, что А. Швейцер называл «культуротворчеством». Для Н.Ф. Фёдорова достижения науки, прежде всего, медицины, должны служить излечению всех болезней и достижению бессмертия. А у Н.Я. Данилевского, напротив, идея славянства должна быть выше свободы, науки и просвещения, что вряд ли понравится народам России, которые правомерно претендуют на своё место в её цивилизационном пространстве. Н.С. Трубецкой и другие классические евразийцы предложили более обоснованный проект развития науки и образования, используя критерий целостности научного знания. П.А. Сорокин выступал со своей стороны за развитие единой науки во всём мире, что станет возможным, с его точки зрения, в условиях интегральной цивилизации.

5. Россия сможет стать технологической (а не техногенной) цивилизацией, если она сумеет подчинить технологии более высоким целям развития человека и общества (гуманизм, физическое и нравственное здоровье людей, мирное и ненасильственное освоение Космоса и пр.). Так считают некоторые из указанных выше мыслителей. Именно к этому призывал Н.Ф. Фёдоров, когда предлагал в своё время заняться делом всеобщего воскрешения и расширением жизненного пространства людей посредством высоких технологий (например, преобразования солнечной энергии, приобщения к силам природы, создания новых человеческих органов и пр.) и организации космических путешествий, которые осуществлялись бы при помощи специальных летательных аппаратов. Только так человек может стать «разумом Вселенной». С точки зрения разработанности данного критерия, другие мыслители, в т.ч. классические евразийцы, оказались не на высоте.

6. По мнению многих философов, России нужны стабильная *политическая организация и хозяйственный уклад, соответствующие её собственной логике культуры*. Если Г. Гегель предлагает в качестве образца модель прусского государства, то Н.Ф. Фёдоров в основу политического устройства положил идеи твердой власти и братского союза людей, а также мирного и ненасильственного собирания земель. Он выступал за развитие сельского образа жизни на основе лучших технологических достижений городского хозяйства.

В отличие от него Н.Я. Данилевский ратовал за Всеславянский союз, способный укрепить могущество России и не допустить западного влияния. Увы, он не признавал тот факт, что это поставило бы другие народы России в зависимое положение. К тому же не стоит так идеализировать национальный характер русских и славян вообще. Однако, тезис Данилевского о необходимости реализации гражданских и политических свобод граждан можно вполне принять. У евразийцев, прежде всего, у Н.С. Трубецкого, данный критерий более тщательно проработан, хотя с их принципом идеократии вряд ли можно согласиться. Со своей стороны А. Швейцер предлагает человечеству произвести переоценку ценностей и поставить на первый план выработку новых правил общежития и проведение взвешенной политики в отношении всего живого на планете.

7. Как полагают некоторые философы, Россия в силу сложившихся исторических традиций должна обеспечить на всём своём цивилизационном пространстве *социальную справедливость и защищённость* людей, предоставив им равные условия для всестороннего и гармоничного развития. И всё же во времена, когда создавалось большинство этих проектов, задача социальной защиты граждан, по-видимому, не была столько акту-

альной, как сегодня. Однако проблема социальной справедливости поднимается большинством авторов проекта, хотя и с определённым уклоном.

Так, например, у Н.Я. Данилевского она выражается в равноправном и дружественном союзе славян, что противоречит интересам других народов России. Кроме того, политическую независимость он ставил выше идеи справедливости, а национальное не отделял от человеческого. В свою очередь Н.С. Трубецкой и его соратники выступали за равноправное участие каждого человека в общем деле, а также за справедливое вознаграждение за его трудовые усилия.

8. Российская цивилизация, чтобы сохранить жизнь и создать условия для полноценного человеческого развития, должна стремиться к *экологической безопасности*. На первый план философии общего дела Н.Ф. Фёдорова выступает развитие естественного образа жизни людей и бережное отношение к природе, от которой зависит их полноценное существование. Несмотря на свою привлекательность, я не уверен, что проект А. Швейцера с его «этикой благоговения перед жизнью» сможет побудить большинство российских людей совершить поворот в своём сознании в пользу природосохранения. Пока ценность всех жизненных форм не так велика в современной России. Это относится в первую очередь к экологии человека. Смогут ли люди взять на себя ответственность за всё живое, выйти из состояния деморализации и преодолеть чувство безнаказанности — вопрос не только риторический, но и практический. К сожалению, этот критерий недостаточно разработан другими мыслителями.

Таким образом, можно подвести предварительные итоги. Удалось ли указанным выше философам разработать и предложить достаточно реалистические и практически реализуемые проекты цивилизационного развития России? Ответ на этот вопрос вызывает у меня определённые затруднения. Мне сложно себе представить, что возможны единые основания как для проведения сравнительного анализа проектов, так и для самого проектирования российской цивилизации. Наверное, с моей стороны это было бы слишком самонадеянным решением.

Однако, учитывая всё многообразие позиций и предложенные механизмы практической реализации, можно предположить, что проекты Н.Ф. Фёдорова и Н.С. Трубецкого отличаются наибольшей проработанностью. В целом же сравнительный анализ проектов показывает, что большинство высказанных идей и предложений обладает не только теоретической (или историко-философской), но и практической значимостью. Уверен, что они не утратили своей актуальности и сегодня. И ещё не одно поколение философов и гуманитариев будет обращаться к наследию этих великих мыслителей за поиском ответов на волнующие их вопросы.

Получится ли у кого-то из современных исследователей разработать на основе этих проектных идей интегральный проект, покажет будущее. Однако уже сейчас можно с уверенностью утверждать, что главная ценность реконструируемых проектов заключается в том, что каждый из авторов проливает свет на цивилизационную специфику России, в т.ч. на её цивилизационный «стержень», который по-разному интерпретируется в современной отечественной философии («культурный код», «логика смысла» и пр.).

Можно ли интегрировать цивилизационные проекты России? Моя позиция в этом вопросе такова. Объединить предложенные проектные версии можно условно, и то лишь на определенных условиях. Можно попытаться, например, выделить наиболее существенные, с точки зрения «интегратора», качественные черты или характеристики российской цивилизации, которые являются необходимыми и достаточными в данной системе цивилизационных координат. Поэтому, прежде чем предложить своё обоснование достоинств и недостатков интегрального проекта, вначале следует привести эти координаты. На мой взгляд, они вытекают из предложенных мной в начале очерка критериев цивилизационного развития:

1) *трансцендентность* («потусторонняя» духовность, духовность, исходящая от абсолюта, Бога) — *экзистенциальность* (духовность, заложенная в самом человеческом существовании «здесь-и-сейчас», «бытие-для-себя»);

2) *ориентация на развитие жизни* (и связанная с этим жизнеспособность самой цивилизации, т.е. её способность к саморазвитию) — *ориентация на поддержание жизни* (или адаптивность цивилизации);

3) *человекоразмерность* (и сопутствующее ей свободное развитие человека) — *недостаточная человекоразмерность* (относительно зависимое или полузависимое положение человека);

4) *интеллектуальная активность и мобильность* (научоёмкость и образованность) — *интеллектуальная пассивность и зависимость* (недостаточное развитие науки и образования);

5) *высокая технологичность* (как значительная степень обеспеченности технологиями процессов жизнеобеспечения) — *низкая технологичность*;

6) *устойчивое и стабильное развитие* политической и экономической систем, соответствующее логике их культуры — *неустойчивое и нестабильное развитие*, противоречащее собственной логике культуры;

7) *социальная справедливость* (соблюдение баланса интересов между основными социальными группами, социальная защита нуждающихся) — *социальная несправедливость* (наличие жесткой социальной иерархии, незащищённость уязвимых социальных слоев и пр.);

Табл. 11

Проекты цивилизационного развития	Цивилизационные координаты России							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Проекты духовной организации жизни цивилизации								
"Цивилизация духа" (Гегель)	1.1	2.2	3.2	4.1	-	6.1	-	-
"Цивилизация жизни" (А. Швейцер)	1.2	2.1	3.1	-	5.1	6.1	-	8.1
"Трансцендентная цивилизация" (С. Хантингтон)	1.1	-	3.2	4.1	-	6.2	-	-
Проекты софийной и интегральной цивилизаций								
"Цивилизация общего дела" (Н.Ф. Фёдоров)	1.1	2.1	3.1	4.1	5.1	6.1	-	8.1
"Цивилизация Софии" (В.С. Соловьёв)	1.1	-	-	-	-	6.1	-	-
"Идеалистическая цивилизация" (П.А. Сорокин)	1.1	2.2	-	4.1	5.1	6.1	-	-
Проекты "всечеловечности"								
"Славянская цивилизация" (Н.Я. Данилевский)	1.1	-	-	-	-	6.1	-	-
"Евразийский проект" (Н.С. Трубецкой)	1.2	2.1	3.1	4.1	-	6.1	7.1	-
"Всечеловеческая цивилизация" (А.В. Смирнов)	1.2	-	3.1	-	-	6.1	-	-

Где 1.1, 2.1 и т.д. характеризует представленность первой стороны дилеммы (например, трансцендентный), 1.2, 2.2 и т.д. – вторую сторону (например, экзистенциальный или «смешанный» тип цивилизации), а – отсутствие или недостаточная разработанность данного пункта в проекте.

8) экологическая безопасность (наличие экологически здоровой среды) – небезопасность (наличие «зон риска» в социоприродной среде).

С учётом выделенных мной координат, попытаюсь оценить рассмотренные проекты (см. табл. 11).

Таким образом, в зависимости от выбора той или иной стороны в системе цивилизационных координат России, получается следующее распределение позиций авторов проектов:

- проекты трансцендентных цивилизаций (Г. Гегель, Н.Я. Данилевский, Н.Ф. Фёдоров, В.С. Соловьёв, П.А. Сорокин, С. Хантингтон);
- проекты экзистенциальных или «смешанных» типов цивилизаций (Н.С. Трубецкой, А. Швейцер, А.В. Смирнов);
- проекты цивилизаций, ориентированных на развитие жизни (Н.Ф. Фёдоров, Н.С. Трубецкой, А. Швейцер);
- проекты цивилизаций, ориентированных на поддержание жизни (Г. Гегель, П.А. Сорокин);
- проекты человекообразных цивилизаций (Н.Ф. Фёдоров, Н.С. Трубецкой, А. Швейцер, А.В. Смирнов и др.);
- проекты недостаточно человекообразных цивилизаций (Г. Гегель, С. Хантингтон).

Кроме того, практически все авторы проектов выступают за устойчивое развитие политических и экономических систем, соответствующее их логике культуры. Любопытно, что экзистенциальную или, скорее все-

го, «смешанную» модель цивилизации предложили всего лишь трое авторов из девяти. Ведь этот пункт является проверочным для подтверждения правомерности выбора авторами проектов человекоразмерной цивилизации. Конечно, «чисто» экзистенциальную модель представить себе достаточно трудно, если не обращаться к таким фигурам, как Ж.-П. Сартр или К. Ясперс. Экологическую модель цивилизации смогли частично обосновать только два мыслителя (Н.Ф. Фёдоров и А. Швейцер). Но именно в ней проступает, на мой взгляд, цивилизационное будущее России.

Таким образом, большинство авторов проектов хотят видеть Россию трансцендентной, человекоразмерной, интеллектуально мобильной, устойчивой в политическом и экономическом отношениях цивилизацией. И лишь немногие из них обращают внимание на её способность не только поддерживать, но и развивать жизнь, а также на высокую технологичность, стремление к социальной справедливости и экологической безопасности.

Можно ли из этого, весьма схематического анализа сделать вывод о том, что эти показатели цивилизационного развития не являются значимыми для указанных мыслителей? Конечно же, нет. Каждый из них выделял лишь те критерии, которые были для него в тот момент актуальными. И только три автора (Н.Ф. Фёдоров, Н.С. Трубецкой и А. Швейцер) предложили комплексные проекты, в которых представлено максимально возможное число критериев, реализованных ими в достаточной мере (6 или 7 из 8). Однако и их проекты не следует считать образцом цивилизационного проектирования. Ведь они всего лишь отражают авторские позиции, которые нельзя механически суммировать.

В заключении данного подраздела хочу сказать несколько слов о том, как я вижу Россию в контексте предложенных выше проектов цивилизационного развития. Не удивительно, что универсалистская, по сути, идея духовной организации жизни, обоснованная Г. Гегелем, а затем трансформировавшаяся в этике А. Швейцера и сравнительной политологии С. Хантингтона, оказалась не совсем пригодной для проектирования российской цивилизации. И причина состоит не в том, что они не принимали Россию, вычеркивая её, например, из списка цивилизаций. Дело заключается в другом: они мыслили совсем по-другому. Другими словами, они пытались понять другие цивилизации, в т.ч. и Россию, «своим умом», исходя из логики западной культуры. А их нельзя, в принципе, понять со стороны, не будучи укорененными в культуре и не имея соответствующей ей базовой интуиции. Поэтому и П.А. Сорокин, и С. Хантингтон видели Россию преимущественно глазами западного (американского) интеллектуала. Они не могли в силу присущей им логики культуры по-

стичь её «изнутри». Для этого нужно обладать, по-видимому, экосознанием и всесубъектностью.

Столь же утопическими и нереализуемыми оказались цивилизационные проекты России, базирующиеся на идеях всеединства, софийности и интегрализма (Ф.Н. Фёдоров, В.С. Соловьёв и П.А. Сорокин). Причиной тому стало, скорее всего, искреннее желание этих мыслителей перевести миссию России и её «благое место» в трансцендентную плоскость, превратить русский народ, с одной стороны, в народ-богоносец, в проводителя Вселенской церкви, или, с другой стороны, в народ, вечно экспериментирующий со своей страной, хотя и способный интегрировать в своё сознание идеи западной цивилизации.

Наконец, идея всечеловечности, которую представляют такие русские мыслители, как Н.Я. Данилевский, Ф.М. Достоевский и Н.С. Трубецкой, другие классические евразийцы, оказалась, на мой взгляд, наиболее продуктивной с точки зрения возможностей её применения к цивилизационному проектированию России. Современная же интерпретация, предложенная, в частности, А.В. Смирновым, наполняет её новыми смысловыми оттенками и подкрепляет методологически (логико-смысловой подход, в первую очередь — принцип «то же иначе»), хотя и не является завершённой, так как сам автор ещё находится в пути. Сможет ли проект всечеловечности обрести своих сторонников, пока непонятно. Но он представляет собой реальную перспективу заняться тем, что евразийцы называли «практической организацией жизни», и вместе с тем предполагает взгляд на жизнь не с высоты абсолютного духа или божественного предназначения, а с точки зрения самих людей как непосредственных участников цивилизационного строительства России.

Итак, Россия имеет все шансы пойти по пути развития всечеловечности или иному пути, и тем самым обрести собственное место в мире цивилизаций. Но для этого ей нужно, наконец, перестать быть нерадивой «ученицей», повторяя раз за разом пройденные уроки, и как можно скорее приступить к практическому обустройству собственного дома, опираясь на логику всей *своей* разнообразной культуры и полагаясь на творческую энергию *своего* многонационального народа.

1.4. ВОЗМОЖЕН ЛИ «ИНТЕГРАЛЬНЫЙ» ПРОЕКТ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ? НА ПУТИ К ЭКОЦИВИЛИЗАЦИИ

Какую цивилизацию можно считать идеальной с точки зрения выделенных мной критериев? На мой взгляд, такой цивилизация не существует в принципе. Но если позволить себе пометчать, то можно предположить, что ею может стать цивилизация, «удобная для жизни людей», а значит духовная, ориентированная на развитие жизни, человекоразмерная, экологичная и пр. Опыт строительства экологической цивилизации уже имеется в современном Китае, хотя и последний был вынужден пойти на это в связи нарастающими проблемами. Об этом пишут и отечественные исследователи: «Строительство экологической цивилизации — это комплексный проект, основанный на отказе от утилитарной концепции развития, создании новой концепции гармоничного развития и коэволюции общества и природы, совершенствовании экологического сознания людей» (см. прим. 12).

Программа построения экологической цивилизации в Китае принята на самом верху в 2015 г. А это свидетельствует о серьёзности намерений китайского руководства воплотить в жизнь один из самых амбициозных проектов нынешнего века. Конечно, внедрение экологических ценностей проходит не без принуждения со стороны властей. И всё же лёд тронулся. Реформы затрагивают такие показатели, как энергоэффективность, ресурсосберегающие технологии, безотходные циклические производства и пр. В этой связи разработана дорожная карта и приняты другие решения. При этом Китай начинает пропаганду Великого шелкового пути и устанавливает свои правила игры на территории от Тихого океана до Африки. Фактически он берёт на себя роль лидера новой, объединённой цивилизации, используя накопленные за годы экономического подъёма ресурсы (см. прим. 13).

На этом фоне Россия выглядит более чем скромно. Её же место в проекте Китая до конца не определено. На первый взгляд она становится «сырьевым придатком» к экологической цивилизации Китая и потенциальным местом для хранения его отходов. Пойдёт ли она в этом направлении и насколько далеко, пока не ясно. Но Китай уже приступил к выполнению своих масштабных планов. Не пора ли и нашему политическому руководству задуматься о собственной программе цивилизационного строительства? Иначе мы рискуем потерять (или превратить в безжизненную зону) свои «бескрайние» просторы Сибири и Дальнего Востока.

Так, уже сегодня Китай из экологических соображений практически полностью прекратил вырубку леса на своей территории, рассчитывая,

видимо, на её экспорт из России. И пока он не встречает на своём пути сопротивления российских властей, которые с готовностью идут на создание вредных производств (целлюлозных заводов и пр.) на собственной территории. Так что мы уже работаем на экологию Китая, создавая условия для строительства его цивилизации, т.е. соглашаясь с экологически неравноценным обменом. Это ставит Россию на второстепенную позицию, т.е. позицию «младшего» партнёра.

Как известно, в советский период истории России Китай изучал и перенимал наш опыт. Сегодня мы поменялись местами. Теперь, наверное, настала наша очередь присмотреться к опыту Китая в строительстве экологической цивилизации, совместимой с развитием «среднезажиточного» социализма. Возникают вопросы: а может ли такая цивилизация, как Россия, возникнуть в условиях государственно-олигархического капитализма? И готова ли она к «внедрению» экологической модели цивилизации? Пока у меня нет ответов на эти вопросы. Ведь для Китая это не только проблема выживания, но и политический вопрос, который решается сверху и в масштабах всего государства. Решить его в условиях многоярусной и весьма неэффективной вертикали власти в России пока не представляется возможным. Ведь до сих не выполнены многие майские указы Президента РФ, изданные ещё в 2012 г. и рассчитанные на ближайшую перспективу. Сроки их выполнения уже давно прошли. И практически никто из ответственных исполнителей не понёс за это ответственность. При таком подходе к выполнению стратегически важных решений мы вряд ли сможем конкурировать с Китаем.

Так что, приступая к анализу возможностей интеграции рассмотренных выше цивилизационных проектов, я не питаю иллюзий по поводу их применимости в российских условиях. Но надежда, как известно, умирает последней.

Пути экологической интеграции цивилизационных проектов России. А теперь перейду к некоторым положениям, позволяющим обосновать или опровергнуть экологической образ российской цивилизации, который постепенно вырисовывается в ходе разворачивания данной исследовательской схемы. С этой точки зрения цивилизация рассматривается мной в контексте её обустройства в качестве удобного и безопасного для жизни людей дома. А цивилизационное проектирование должно учитывать экологичность как главный критерий. Однако я не буду уделять внимание традиционной экологической проблематике, связанной с охраной окружающей среды, природосбережением и пр.

Моя задача состоит в том, чтобы расширить экологическое видение до масштаба всей цивилизации. В этом смысле экология понимается мной

как теория и практика проектирования жизнеспособной и гармоничной цивилизации. Предмет исследования – экологическая модель будущей российской цивилизации. А подход, который я буду использовать в данном разделе очерка, можно условно назвать *экоинтегральным*. Именно таким подходом руководствуются многие современные китайские философы.

1. В первую очередь хочу отметить, что Россия имеет все шансы стать *экологической цивилизацией*, но для этого субъектам всех уровней системы управления необходимо совершить «поворот в сознании». Выскажу в порядке предположения мнение о том, что перед Россией, как и прежде, в силу присущего ей социокультурного раскола стоят две цивилизационные дилеммы, как в настоящем, так и в будущем, каждой из которых соответствуют альтернативные модели российской цивилизации: цивилизационное настоящее (традиционная или современная модели); цивилизационное будущее (информационная или экологическая модели). За каждой из этих моделей стоит своя большая группа влияния – субъекты управления и агенты конкретного цивилизационного проекта. Их столкновение друг с другом привело к неизбежному цивилизационному кризису страны. Поэтому приходится констатировать, что Россия так и не завершила свой цивилизационный выбор и, следовательно, не определилась до конца с логикой развития своей культуры.

Чтобы выйти из цивилизационного кризиса, необходимо, на мой взгляд, реализовать в уже не столь отдалённой перспективе экологическую версию цивилизационного проекта. Однако стремление к экологизации в российском обществе не настолько сильно, чтобы появились новые силы, способные позаботиться сообща о нашем общем доме – родной земле. А именно это сегодня, как никогда, требуется от экологической ответственности России. Она же пока пребывает в пассивном состоянии и практически не проявляет себя в политической жизни страны. К сожалению, у нас так и не сложились механизмы и традиции для появления и полноценной деятельности сильных экологических движений и партий. Не сформирован также экологический тип личности (эко-деятель), способный поддерживать гармонические отношения с внешним миром. Так что, возможно, тенденция становления цифрового капитализма постепенно возьмёт вверх в будущем, хотя ещё рано делать какие-либо выводы.

2. *Экология духа*. Неблагоприятные последствия проведённых реформ сказываются до сих пор и выражаются непосредственно в духовном кризисе общества. Россия в идеале может состояться как духовная цивилизация или «цивилизация духа», но только в собственном культурном облики (например, как «цивилизация общего дела» Н.Ф. Фёдорова, «Софийная цивилизация» В.С. Соловьёва или «цивилизация жизни» А. Швейце-

ра) и при условии, что она пойдет по пути развития экологии духа и формирования у людей экосознания. Для этого у неё имеются все необходимые идейные предпосылки, в т.ч. идеи авторов проектов, предпочитающих практическую реализацию модели экологической цивилизации в российских условиях. Ведь жизненное пространство цивилизации определяется не только противоборствующими духовными тенденциями, но и полнотой представленных в нём уровней жизни. И здесь можно воспользоваться критерием единства всеобщего, особенного и единичного, который был всесторонне разработан Г. Гегелем. Без единичного не может быть и всеобщего в духовной организации российской цивилизации. Однако их связь должна быть опосредована духовно особенным, которое в России оказалось наиболее слабым звеном (отсутствие развитой гражданской общественности).

Могу также предположить, что в отличие от эпохи Г. Гегеля в наше время духовно особенное в жизни цивилизации дифференцируется внутри себя на личное особенное (семейная жизнь), формальное особенное (жизнь местных сообществ и организаций) и общее особенное (гражданская жизнь). Последнее тяготеет к духовно всеобщему («Софии» и пр.), но ещё несёт на себе «родимые пятна» старого гражданского общества с его разделением на сословия (классы) и корпорации. Одной из таких корпораций, возвысившейся над гражданским обществом и подчинившим его себе, стало авторитарное государство, опирающееся на мощный аппарат принуждения (см. прим. 14).

Конечно, Россия не может принять нравственную идею Запада о приоритете ценностей индивидуальной и корпоративной свободы, присущих эго-деятелям (автономным и изолированным индивидам). По мнению же некоторых мыслителей, она должна выполнить свою историческую миссию в мире, осуществить «общее дело», связанное с претворением в жизнь образа Софии как идеальной личности мира или со всеобщим воскрешением предков. Но эти идеи не получили развитие как в своё время, так и не стали предметом дискуссий в нынешней России.

Однако, если представить, что нам всё-таки удастся, в конце концов, создать новую гражданскую общественность, опирающуюся на экологическую идею или иные представления, и поставить под контроль авторитарное государство, то, возможно, у России появится исторический шанс наладить духовную организацию на всех уровнях жизни, а тем самым заложить «кирпичики» в здание экологической цивилизации. Но этот путь цивилизационного развития мне представляется маловероятным, поскольку трудно совместить критерии идеациональной и чувственной логики развития культуры, хотя П.А. Сорокин и попытался это сделать.

На мой взгляд, трансцендентная модель цивилизации в России (православная, коммунистическая и пр.) уже исчерпала свой потенциал. Не подходит ей и идеократический строй Н.С. Трубецкого и других классических евразийцев. К тому же Россия ещё не разу в истории не пыталась апробировать экзистенциальную или «смешанную» модель цивилизации, сочетающую в себе установки экзистенциализма и экософии. Ведь цивилизационное развитие страны может пойти при определённых условиях и по этому пути. Поэтому я не могу согласиться с авторами проектов, которые предлагают однозначный выбор в пользу трансцендентной цивилизации с её неизбежным спутником — всесильным государством. Полагаю, что будущее России может быть в какой-то мере связано с экзистенциально-экологическим вектором цивилизационного развития, сопряженным по смыслу с критериями человекоразмерности и экологии человека. Именно с ними я связываю возможность создания «цивилизации для людей».

3. *Экология жизни.* Цивилизационное своеобразие России во многом определяется особой, *органической связью жизни и земли в бытии людей.* На это указывают, прежде всего, Н.Ф. Фёдоров и А. Швейцер. Земля для российского человека есть главное место его жизни («месторазвитие» каждого). На этом же построено огромное количество мифов, легенд и народных преданий. Ведь земля для большинства народов нашей страны является самым важным источником жизни. Она — «матушка» и «кормилица». На ней рождается сам человек и его далёкие предки. С детства он запоминает запах и вкус свежескошенной травы, научается чувствовать тепло и энергию земли. Земля даёт ему силы и защищает его от многих невзгод или опасностей. Именно с освоения человеком земли и его породнения с ней начинается процесс становления цивилизации. Поэтому без обретения чувства родной земли («родины») не может быть и полноценной жизни человека, а его социализация будет прерванной или нарушенной.

Так, жители многих из регионов России обладают собственной культурной идентичностью, в которой акцент делается не на этнокультурной принадлежности, а на приверженности культурным традициям и обычаям своей земли, края, территории (например, «поволжец» или «волжанин», «сибиряк», «уралец», «северянин» и пр.). Но это крупные культурно-региональные типы людей, а существует ещё множество частных идентичностей, связанных с особенностями конкретной земли или края. Этим, как правило, принято и не без основания гордиться, подчёркивая культурный статус своей причастности к родной земле.

Таким образом, российская цивилизация будет «прорастать» на собственной культурной почве, связанной с исходными представлениями о жизни на родной земле. Этот фактор цивилизационного развития («эко-

логия жизни») является, с моей точки зрения, во многом определяющим, хотя и не до конца осмысленным.

4. *Экология человека.* У России есть возможность создать *человекоразмерную цивилизацию* и сделать её «человекоберегающей», хотя она и не так велика, как хотелось бы. В нашем обществе не столь значительна ценность жизни вообще и человеческой жизни в частности. Однако человекоразмерность — это, прежде всего, соответствие той или иной модели цивилизационного развития условиям свободного и благополучного развития человека. На это обращают внимание, разумеется каждый по-своему, Н.Ф. Фёдоров и А. Швейцер. Мне же больше всего импонирует позиция А.В. Смирнова, в основе проекта которого лежит идея всечеловечности. Если мы сможем мобилизовать общественность и политических субъектов на совместную реализацию этой идеи, то нам удастся продвигнуться в направлении всечеловеческой цивилизации. Ведь её смысл заключается в том, чтобы быть «всем со всеми» и строить свою жизнь с учётом всего многообразия культур.

Как я уже отмечал, всечеловечность рассматривается А.В. Смирновым как альтернатива европоцентристской (субстанциальной) логике развития цивилизации. Это — «собрание разных типов культур» и разных типов рациональности. Именно данный подход позволяет выработать такие правила общежития в обществе, которые помогут нам утвердить самоценность каждой культуры и каждого этноса в обществе, что соответствует культурной идентичности первого типа, а уже затем создать на этой основе дружественный союз народов и этносов («соборность» в понимании евразийцев и других русских мыслителей), т.е. сформировать второй тип идентичности. И лишь потом можно переходить на следующий уровень всечеловечности, соответствующий третьему типу идентичности, который Н.Ф. Фёдоров называл космической цивилизацией, а В.С. Соловьёв «всеединством». А это и есть всечеловеческая цивилизация в мировом масштабе, которая первоначально может возникнуть на территории России (или в другом культурном ареале), а затем собрать в единую семью другие народы и культуры мира. Признаю, что пока это выглядит как утопия, но утопия, имеющая шансы на реализацию в отдалённом будущем.

Именно так можно мыслить цивилизационное будущее России с точки зрения критерия человекоразмерности и лишь при условии, что оно впитает в себя экологическую культуру. Но могут быть и другие сценарии её цивилизационного развития. Многое зависит от того, какой тип человека станет доминирующим в обществе. Если «победит» эго-деятель (эгоистический и автономный человек), а у него для этого имеются все шансы, то мы пойдём по пути западной цивилизации и будем возвращать,

как это было уже не раз в нашей истории, инородное тело на теле своей культуры. Хотя такой гибрид не будет долговечным, но он окончательно дезориентирует российскую общественность, которая до сих пор не может прийти в себя после реформ 1990-х гг. Если эмо-деятелю («традиционному человеку») всё-таки удастся своей массой вытеснить эго-деятеля на периферию социокультурного пространства, что представляется маловероятной возможностью, то мы вернёмся к традиционной модели общества с её патриархальными и авторитарными тенденциями. Здесь возможны трансцендентные (теократические или этнократические) варианты цивилизационного развития. При этом оба варианта чреватых распадом России как социокультурной целостности.

Таким образом, путь всечеловеческой цивилизации и соответствующая ему логика все субъектности открывают для нашего общества гораздо более привлекательные цивилизационные перспективы, чем те, которые связаны с его «врастанием» в западную цивилизацию или с пребыванием в состоянии консервации традиций или «застоя». Но для этого нам нужны не только реализация некоторых из идей, предложенных, в частности, евразийцами («соборность», «симфоническая личность», «евразийская идентичность», «демотия», «государственно-частная система хозяйствования» и др.), но и пассионарии нового типа. Я считаю, что таковым по своей сути выступает эко-деятель («экологический человек»), т.е. человек, способный к гармоничному и сбалансированному сосуществованию с окружающей социоприродной средой, в т.ч. с людьми других социокультурных типов (эмо-деятелями и эго-деятелями), которые никуда не исчезнут и ещё долгое время будут отстаивать свои сценарии развития страны. Именно эко-деятель, руководствуясь главным образом логикой все субъектности и будучи по своему образу жизни и стилю мышления «всем со всеми и для всех», сможет выработать такую «срединную» позицию.

Но пока я не вижу достаточных социально-антропологических предпосылок для «выращивания» такого типа человека в России. Главный социокультурный раскол, который констатировал А.С. Ахиезер, остаётся прежним: между моделью поведения людей (в моём понимании это — эмо-деятели), стремящихся воспроизводить себя в неизменном виде в соответствии с принятым ими идеалом сохранения традиции (архаические или традиционные культуры) и моделью поведения (эго-деятели), направленного на развитие в соответствии с достижительным идеалом (современные или модерные культуры). Обе модели (и соответствующие им логики — традиционная и достиженческая) реализуются в социокультурных практиках одновременно, «разрывая» общество на части. Поэтому в нынешней ситуации сбалансированное взаимодействие между ними практически невозможно.

Остаётся надеяться, что в теле российской культуры сможет взрасти за несколько десятилетий новый тип человечности — эко-деятель. Ведь некоторые условия для этого имеются. Так, вырастают новые поколения российских людей, которые уже не хотят как возврата к прошлому, так и сохранения нынешних тенденций развития государственно-олигархического капитализма. Многие из них убеждены в том, что «третий путь» всё-таки возможен. И кто знает, может кто-то из них выберет модель поведения эко-деятели, который станет со временем новым «человеческим лицом» будущей российской цивилизации. А я убежден, что каждая цивилизация, в т.ч. экологическая, должна иметь своего массового представителя, иначе она обречена на постепенное угасание.

5. *Экология науки и образования.* Данная экология продолжает линию духовности и экологии духа. И для её осуществления нужна другая интеллектуальная составляющая, о которой писали многие мыслители (Н.Ф. Фёдоров, Н.С. Трубецкой, П.А. Сорокин и др.). Российские учёные находятся в положении вынужденных иждивенцев. В настоящее время наука востребована в основном в сфере оборонно-промышленного комплекса России. Так уж исторически случилось, что большинство научно-технических достижений в России связаны в той или иной степени с военной или космической промышленностью. Однако это не отменяет многочисленные факты выдающихся научных открытий, совершенных отечественными учеными за два последних столетия. До недавнего времени фундаментальная наука в России развивалась достаточно высокими темпами. Но ей не хватало сфер практического применения полученных результатов и технологической оснащённости.

Каким же образом Россия сможет стать ведущей научной державой и тем самым заложить в культурный фундамент своей цивилизации ещё одно прочное основание? Нынешнее состояние академической и отраслевой науки производит угнетающее впечатление. Нет необходимости подробно анализировать сложившуюся ситуацию в российском научном сообществе. Диагноз и так очевиден: отечественная наука попала в жернова бюрократической мельницы, которая шаг за шагом перемалывает её на мелкие части, зачищая научное пространство от малейших признаков творческой мысли и подчиняя его формально понимаемым стандартам исследовательской деятельности. Похоже наши чиновники окончательно утратили доверие к учёным и относятся к ним как к ненужному балласту. Повторяю, незначительное исключение составляют ученые, связанные с ОПК или космической промышленностью.

Есть ли выход из сложившейся ситуации? Думаю, что единственной возможностью сохранить остатки былой славы отечественной науки и её

традиций остаётся «замораживание» большинства бюрократических решений и регламентов. Конечно, отпустить науку в «свободное плавание» никто не позволит, но предоставить ей условия для постепенного возрождения вполне возможно даже при нынешней власти. Для этого нужна лишь политическая воля первых лиц государства, которые, судя по всему, ещё не осознали пагубность последствий всех проведённых ими реформ науки и образования.

Рассчитывать же на долговременную стратегию их развития, в разработке которой приняли бы непосредственное участие сами ученые и преподаватели, пока не приходится. Вертикаль власти не предполагает выстраивание системы обратных связей. Такая система замкнута на саму себя и представляет собой автаркию, проявляющуюся не только в экономическом отношении, когда минимизируется внешний товарный оборот, но и в политико-идеологическом плане, когда сводятся к минимуму связи между бюрократической системой и населением страны. При такой системе невозможна не только гибкая модель управления развитием науки и образования, но и «демотия» (например, прямое участие ученых в управлении делами науки), о которой ратовали евразийцы, отстаивая требование «возвращения к себе».

«Вернуться к себе» для отечественной науки и системы образования означает не только освободиться от формально-бюрократической регламентации, но и отказаться от навязанных им западных научно-образовательных стандартов. А это значит, что надо руководствоваться в первую очередь самыми очевидными ориентирами — национальными интересами России. При этом не нужно ничего придумывать. У нас уже был положительный опыт организации научных исследований и образовательной деятельности. Причем не только в советское время. Только так Россия может сохранить и приумножить статус научной цивилизации. Но для этого необходимо в корне изменить систему управления наукой и образованием, приблизить её к истокам собственной культуры и привести в соответствие с экологическим требованием сбережения научного наследия. Впрочем, конкретные рекомендации на этот счёт имелись не только у классических евразийцев, но и у других мыслителей.

6. *Экотехнологии*. Технологичность — «камень преткновения» цивилизационного развития России в последние столетия её истории. На это обращали внимание Н.Ф. Фёдоров, Н.С. Трубецкой и П.А. Сорокин. В мире известно несколько технологически развитых цивилизаций (например, западная, японская и др.) и их число непрерывно пополняется (пример Китая). Но Россия, к сожалению, пока к ним не относится. Я не буду вдаваться в особенности национального характера россиян, чтобы объяснить

одну из причин технической и технологической отсталости нашей страны. Достаточно отметить, что все попытки запустить двигатель технической модернизации народного хозяйства увенчались недолговременным успехом и всего лишь несколько раз. При этом они сопровождались колоссальной по своим масштабам мобилизацией человеческих и прочих ресурсов (например, эпоха Петра I, периоды советской индустриализации, годы Великой Отечественной войны и последовавшей за ней «гонки вооружений», которую советская Россия, в конце концов, проиграла). Так или иначе, такие попытки были связаны в первую очередь с угрозой войны и обусловлены необходимостью защищать свою страну от захватчиков.

Сможет ли Россия стать, помимо прочего, ещё и технологической (и далее — посттехнологической) цивилизацией, я не берусь однозначно утверждать. Но могу предложить в порядке гипотезы следующее: технологическое развитие российской цивилизации должно быть переориентировано на решение фундаментальных задач XXI века, которые пытались решить ещё мыслители прошлого: *поиск новых видов энергии и топлива* (разработка энергосберегающих и экологических технологий); *изыскания в области продления жизни* (развитие технологий в сфере здравоохранения); *разработка новых материалов* (развитие приоритетных для науки технологий ядерной физики, нанотехнологий и пр.); *создание высокоскоростных транспортных средств* (технологии освоения земного и космического пространства) и др. Разве не об этом мечтали Н.Ф. Фёдоров и другие русские философы конца XIX — начала XX вв. И разве не этим сейчас занимается Китай. По-видимому, китайские руководители и учёные умеют учиться не только на своём, но и на чужом опыте.

Кроме того, нужно иметь в виду, что конкуренция технологий в тех областях народного хозяйства, в которых традиционно сильны другие страны (автомобилестроение, вычислительная и бытовая техника, автоматизация и роботизация, цифровая экономика и пр.), для нас труднодоступна в силу дороговизны и трудоёмкости процесса разработки технического оборудования и материалов. Здесь можно воспользоваться опытом заимствования технологий, который так ярко нам демонстрирует тот же Китай. Однако в области ОПК и космической промышленности, а также в аграрной сфере и системе образования мы ещё не так сильно отстаём и здесь возможен технологический прорыв. Отдельного внимания заслуживают экологические технологии, которые должны стать приоритетным направлением технологического развития России.

7. *Экология развития.* Меня не удивляет тот факт, что данному пункту («устойчивое развитие политических и экономических систем») в рассматриваемых цивилизационных проектах уделяется не столь значительное

внимание. Кроме Н.Ф. Фёдорова, евразийцев и П.А. Сорокина, на эту сторону цивилизационного развития практически никто из авторов проектов не обращает серьезное внимание. И это, по-видимому, не случайно. Однако экология развития требует от нас частичного и поэтапного реформирования всех отраслей народного хозяйства.

Так уж случилось, что на протяжении длительной эволюции российского общества, его устойчивое и поступательное развитие так и не стало реальным (а не просто декларируемым) приоритетом государства и других институтов. Политическая система современной России существует без каких-либо изменений на протяжении последних тридцати лет. Экономическая система переживает очередной кризис и никак не может выйти на уровень роста. Такая «стабильность» лишь замедляет экономическое развитие и постепенно ведёт его к состоянию стагнации. Здесь, как ни странно, не помогают и механизмы рыночных отношений. Они у нас либо работают вхолостую, либо уже давно прекратили своё существование. А значит что-то неладное происходит в нашей экономике. По-видимому, она так и не стала рыночной, хотя и утратила свой планомерный характер.

На мой взгляд, основная причина нынешнего политического застоя и экономического спада России состоит в принципиальном несоответствии всей её общественной системы логике развития культуры, которая и является реальным «базисом». Если культура, как утверждает А.В. Смирнов, есть исторически сложившийся способ смыслополагания, который определяет посредством субъект-предикатного конструирования не только общее видение людьми своего мира, но и их повседневные практики (привычные действия и типичные формы общения), то значит именно она является базисом общества.

Поэтому вся привнесённая извне политическая и экономическая «надстройка», имеющая логику чужой культуры, зиждется сегодня на не очень прочном фундаменте. Как раз культурные смыслы, в т.ч. и смыслы жизни человека, во многом утрачены или противоречат ей самым радикальным образом. Очевидно, что с «нашей» культурой и присущей ей логикой смысла мы можем построить только «нашу» экономику и «нашу» политическую систему. Пока же вся так называемая надстройка «повисла в воздухе» и превратилась во многом в виртуальную реальность. Виртуальными становятся государство и экономика, которые не вырастают из собственной культуры. Многие люди зарабатывают деньги, ничего не производя, а производят то, что никто не покупает за эти деньги, которые также превращаются в виртуальную ценность. Формула «деньги — товар — деньги», выражающая до недавнего времени суть капиталистического способа производства, уже перестаёт быть актуальной. Очевидно, что наше

общество не приняло капитализм и не сделало его своей культурной нормой. Он так и остался виртуальным, породив чудовищные перекосы в общественном сознании и социальной практике.

Возникает вопрос: станет ли Россия, в конце концов, динамически развивающейся цивилизацией, опирающейся на мощный народнохозяйственный комплекс и прочную политическую систему? Сразу признаюсь, у меня на этот счет нет оптимистических взглядов. Но я не считаю себя экономистом или политологом, так что оставляю прогнозы им. Как философ могу предположить, что для устойчивого развития страны или общества нужны не только материальные ресурсы, но и духовные предпосылки, корнящиеся в данной культуре. А последние, как показывает опыт последних десятилетий, практически утрачены. И их нельзя восполнить отдельными поправками в Конституцию.

В первую очередь «страдают» чувственные слои культуры, определяющие социальное самочувствие людей (см. прим. 15). Ведь одно из фундаментальных духовных свойств российского человека — *чувство доверия* (доверия к другим людям, семье, к государству, стране, миру в целом), «объём» которого в обществе катастрофически снизился. Второе фундаментальное свойство — *чувство личного достоинства* — также подвержено коррозии со стороны разлагающихся на наших глазах субъектов и институтов. И, наконец, третье важнейшее свойство, от которого зависит социальное самочувствие большинства людей — «уверенность в завтрашнем дне» или «*вера в собственное будущее*». Ничто так не деморализует человека, как отсутствие такой веры, которая подпитывается во многом религиозными убеждениями, общественными идеалами и целями, т.е. средними и верхними слоями культуры.

Затем наступает время деформации идеациональных слоёв культуры, в которых сосредоточены религиозные и идеологические представления людей, связанные с верованиями и традициями. Наконец, затрагиваются «высшие» слои культуры — рациональные построения, определяющие мировоззрение людей в целом (идеалы, ценности, нормы и пр.). Так, постепенно, шаг за шагом вымываются целые пласты культуры, что непосредственным образом сказывается на менталитете большинства людей.

Ведь многие из них не склонны работать только «ради куска хлеба» или поддержания минимального уровня жизни, т.е. довольствоваться минимумом чувственных представлений. Они хотят быть успешными, счастливыми и благополучными уже сейчас, а не потом, когда выплатят все кредиты и совсем утратят интерес к жизни. Нет печальнее образа общества, потерявшего свои идеалы и основополагающие ценности. Это — путь к духовной деградации. Появились целые поколения людей, в т.ч.

среди власть имущих, которые живут «двойными» или даже «тройными» стандартами, т.е. чётко дифференцируя в своём сознании то, что можно или нужно делать «для себя и своей семьи», «для своей корпорации или сообщества» и «для общества». Причём в обществе позволено теперь практически всё, включая убийство по преступной халатности, что совершенно неприемлемо в собственном доме. Но ведь такая губительная «практика» проникает и в семью, в воспитание детей.

Следовательно, если эти фундаментальные или базовые свойства человека размываются, разрушаются или вытесняются на периферию сознания, то вместе с ними рушится и вся система духовного производства общества, интегрирующая культуру и общество. Она оказывается уже не в состоянии обеспечивать людей достойными целями и идеалами, ради которых им стоило бы жить и работать, в т.ч. строить жизнеспособную экономику или осуществлять эффективную политику. Очевидно, что вся существующая ныне индустрия досуга и виртуальных СМИ не способна заполнить духовный вакуум, образовавшийся в результате непрекращающегося манипулирования сознанием людей и систематического откладывания момента удовлетворения их потребностей и ожиданий на неопределенный период.

Выход напрашивается следующий: чтобы укрепить экономику и создать устойчивую политическую систему общества, следует сначала позаботиться о «базисе» — культуре и в первую очередь о её духовной стороне. А это значит, что необходимо восстановить духовно-нравственный иммунитет общества, подорванный ничем не оправданными радикальными реформами в сфере экономики и политики, или как утверждали евразийцы, надо «вернуться к себе», к своим собственным культурным истокам. Причём, это не будет «откатом назад», как заявляют либеральные оппоненты. И уже затем надо строить новую «надстройку», которая будет соответствовать логике культуры и духовным идеалам как всего общества, так и отдельного человека. Ещё раз повторяю, что существующая в стране социально-экономическая и политическая ситуация пока не внушает мне такой оптимизм. И вряд ли в ближайшие годы наша правящая элита освоит логику всесубъектности и пополнится эко-деятелями или иными новыми субъектами цивилизационного строительства.

8. *Экология социальных отношений.* В настоящее время в России образовался резкий дисбаланс между позициями разных социальных сил. Разрыв между самыми бедными и самыми богатыми продолжает нарастать. Социальное напряжение только усиливается. Вряд ли большинство российских людей устраивает подобный сценарий их цивилизационного настоящего.

Социальная справедливость в течение последнего века выступает важнейшим критерием цивилизационного развития России и, в известной степени, служит главным препятствием дальнейшей социальной поляризации общества. Не буду вдаваться в социологические концепции среднего класса. Возможно, последний существует как социальный феномен, но его практически не видно в сфере культуры. Здесь также продолжает расти дифференциация возможностей людей в получении образовательных услуг и проведении культурного досуга, в т.ч. в доступе к произведениям искусства. Большинство населения страны довольствуется суррогатами массовой культуры.

Одна из главных причин социальной незащищённости многих групп людей заключается в отсутствии в нынешней России сильного социального государства и развитой системы социальной защиты. Седьмая статья Конституции РФ не подкреплена действующим законодательством и реальными механизмами социальной защиты. Поэтому многие социальные права воспринимаются гражданами как сугубо декоративные. Слабое и минималистское по сути государство не в состоянии обеспечить достойный уровень жизни своим гражданам. И здесь нам ещё только предстоит пойти по пути становления «государства всеобщего благоденствия», которое уже давно стало фактом истории в большинстве развитых стран.

Однако социальная справедливость не ограничивается оказанием адресных социальных услуг наиболее уязвимым в материальном плане слоям населения. Речь идёт также о политике «равных жизненных шансов», поддержании достойной жизни людей и создании возможностей для их свободного развития. Так называемые «социальные лифты» в современной России практически не работают. По-прежнему процветают кумовство и «полезные связи», которые преграждают путь «наверх» более талантливым и профессиональным работникам. Существующая же система конкурсного замещения должностей в полной мере не функционирует и, как правило, блокируется бюрократическими процедурами и заинтересованными участниками.

Где же выход? Его уже нам подсказали отчасти Н.С. Трубецкой и другие евразийцы. Необходим ведущий или правящий отбор лиц, способных к эффективной деятельности во всех отраслях народного хозяйства. По сути дела, речь идёт о справедливой селекции членов общества и формировании новой элиты, которая будет отличаться от старой лишь одним качеством — не мнимыми или былыми заслугами, а также родственными связями, а установкой на личностный и профессиональный рост. Но для этого необходимо опять же изменить систему управления обществом и

сам подход к формированию кадрового резерва. Как это сделать на практике, я пока себе трудно представляю. Но уверен, что без привлечения «свежей крови», в т.ч. тех, кого я называю эко-деятелями, здесь не обойтись. Ведь застойные явления поразили не только экономику и политику, но и кадровую сферу.

Предложения же евразийцев о введении идеократии, которая состоит, прежде всего, в служении евразийской идеи, здесь явно не подходят. Столь же далека от этапа практической реализации и модель экспертократии, у которой имеются свои сторонники. При этом нужно учитывать и то, что П.А. Сорокин называл ментальностью людей. И хотя он идеализировал, как известно, национальный характер русского и советского народа, его представления о существовании ментальной доминанты, которая влияет на ход общественного развития, следует признать убедительными.

Таким образом, принцип социальной справедливости продолжает оставаться неразрывной частью экологического вектора цивилизационного развития России. Однако механизмы и процедуры её обеспечения в обществе пока являются «слабым местом» социальной политики государства в целом, и деятельности различных политических партий, общественных движений, в частности. В ситуации отсутствия конструктивной общественности и каналов формирования независимого общественного мнения, в т.ч. проведения социальной или гуманитарной экспертизы, добиться его реализации будет крайне сложным делом.

9. *Экология культуры.* Культура, которую многие исследователи считают реальным базисом, пока находится в плачевном состоянии. И я имею в виду не «отраслевую» культуру, которой руководит Министерство культуры, а российскую культуру в целом. То, что удалось достичь в культурном развитии в предыдущие столетия, оказалось под угрозой распада. Сохранение и приумножение культуры становится неотложной задачей всего общества.

Между тем, у меня имеются все основания полагать, что российская цивилизация, складывающаяся уже целое тысячелетие на стыке мировых культур и религий и впитавшая в себя многие из их достижений, не может не быть ничем иным, как *транскультурным феноменом*, который сформировался в результате взаимодействия разных культурно-исторических типов. Об этом писал, в частности, Н.Я. Данилевский. И это во многом обусловлено массовыми переселениями людей и интенсивными контактами разных культурных групп и этносов на территории России. При этом в ходе перемещений в географическом и социальном пространстве процессы культурной ассимиляции не возобладали. Так появился феномен «межкультурья» или «транскультуры».

Именно в этом заключается одновременно сила и слабость грядущей цивилизации в России. Транскультурный подход, как и сам термин «транскультура», не новы в научной литературе (см. прим. 16). Он указывает на виртуальную принадлежность одного индивида (или группы) ко многим культурам одновременно. Именно бытие на границе разных культур (в межкультурном пограничьи) позволяет использовать нераскрытые возможности каждой из них, превращая человека в субъекта межкультурья. Слабостью же транскультурного типа цивилизации можно считать размытость границ между входящими в неё культурными ареалами и отсутствие жесткого культурного «ядра» с присущими ему центробежными тенденциями.

Можно предположить, что таким же транскультурным характером обладает и сама русская культура, которая не является монолитной или однородной по своему составу. Благодаря этому свойству или, возможно, вопреки ему, она, тем не менее, каким-то удивительным образом «стягивает» другие культуры в единое целое, создавая благоприятную для разнообразного творчества среду. Быть русским по культуре означает во многом быть россиянином, испытывающим культурную близость к татарам, евреям, чеченцам и другим этносам. А это значит, что русский (в культурном смысле) человек есть также немного татарин, еврей, чеченец и пр. С раннего детства он впитывает в себя многое из других национальных и региональных культур, а во взрослой жизни приобретает опыт постижения иного в культуре. Может быть культурная многоликость российского человека и его терпимое отношение к иному послужит ещё одним важным условием для становления экологической цивилизации в России, ориентированной на сохранение и развитие всех культур?

10. Российская цивилизация призвана сохранить и приумножить межрегиональные и международные связи. В этом смысле она характеризуется *транзитивностью*, так как соотношения между её элементами (региональными культурами и субкультурами) можно описать при помощи следующего умозаключения: из отношений А-В, В-С, следует отношение А-С. Это относится в первую очередь к пограничным территориям и регионам России, которые дают нам яркие иллюстрации не только транзитивности, но и транкультурности. Транзитивными по сути являются практически все крупные регионы Российской Федерации, которые связаны между собой отношениями добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества, а во внешнем мире многие из них выступают посредниками в международных отношениях.

Причём такие регионы не совпадают по своим границам с территориями субъектов РФ, а оказываются ближе по географии к федеральным

округам. Многие из них объединены общим географическим положением и культурным пространством (например, регионы Урала или Поволжья, Западной Сибири или Юга России). Подобная структура несколько отличается от привычного административно-территориального деления США, где каждый штат обладает, как известно, суверенитетом, имеет свою конституцию и органы государственной власти.

Итак, именно эти свойства делают Россию одним из самых уникальных образований в современном мире, которое может состояться как цивилизация, воплощающая в себе высокие духовные идеалы, утверждающая жизнь и создающая здоровую в экологическом и нравственном плане среду существования. Но как на самом деле пойдёт процесс её цивилизационного развития, покажет её Величество История.

Пока же у меня не складывается «интегральный» проект экологической цивилизации в России. И главной причиной является отсутствие реальных носителей этой идеи и субъектов цивилизационного проектирования. Пока на рынке цивилизационных проектов выигрывает эго-деятель с его приверженностью западным ценностям. А эко-деятель ещё не вышел на историческую сцену. Остаётся лишь надеяться на то, что он появится в ближайшее время.

Российская цивилизация обладает потенциальными признаками экологической цивилизации, располагая вместе с тем культурно-региональными особенностями, которые препятствуют её становлению. С одной стороны, в силу огромной территории, особенного природного ландшафта и многообразия региональных, этнических культур в ней сложились особые условия, близкие по сути к экологической модели, в т.ч.: гармонизация отношений с окружающей средой (экологичность), органическая связь жизни и земли в бытии российских людей, человекообразность и всечеловечность, духовность и интеллектуальная мобильность, технологичность и устойчивое развитие, социальная справедливость, транскulturность и транзитивность. С другой стороны, этот потенциал не может быть реализован в существующих условиях. Необходимы революционные перемены, которых каждый из нас ожидает и вместе с тем опасается.

Конечно, можно попытаться осуществить этот проект поэтапно. На первом этапе следует ограничиться приоритетными направлениями, выделив ключевые цивилизационные критерии. Например, разработать и предложить для широкого обсуждения стратегию развития экологической цивилизации, сосредоточив её содержание вокруг пяти программных пунктов (к примеру, «Духовное возрождение общества», «Устойчивое развитие», «Научно-технический прорыв», «Социальная справедливость» и «Экологическая безопасность»). И на первый план я бы поставил духов-

ное возрождение человека и экологическую безопасность, а это значит, что роль философов и других гуманитариев резко возрастает, и на них ложится большое бремя ответственности. Однако, учитывая опыт реализации национальных проектов в стране, мне трудно верится в то, что подобные идеи могут заинтересовать кого-либо из представителей нашей политической элиты.

Этико-экологическое обоснование совместного цивилизационного будущего России и дружественных ей стран: от «благоговения перед жизнью» к «сочеловечности». В завершении приведу определение российской цивилизации будущего, которое потребует от меня дополнительных пояснений и уточнений. В научной литературе, кроме общих признаков (природно-климатических и географических условий) выделяются обычно такие составляющие, как полиэтничность, многоконфессиональность, синтез культур и определяющая роль государства (см. прим. 17). Наряду с этим обсуждаются так называемые «цивилизационные константы» России, к числу которых зачастую относят «объединяющую» миссию русского народа, русскую культуру, государственность имперского типа, православие и другие традиционные религии. «Ядром» такой цивилизации, как правило, признаётся русский народ и его культура. Однако эти факторы относятся преимущественно к характеристике цивилизационного настоящего России и не затрагивают нравственных основ её бытия. И поэтому речь в них идёт главным образом о стране-цивилизации или государстве-цивилизации.

Но российская цивилизация включает в себя помимо территории России ещё и трансграничное пространство, в котором происходит её активное взаимодействие с дружественными и культурно родственными странами (см. прим. 18). И в случае их успешной цивилизационной интеграции, пусть даже в отдалённой исторической перспективе, придётся искать и другое название цивилизации (см. прим. 19). Для меня наиболее привлекательным является выражение «экологическая цивилизация» или «экологическая евразийская цивилизация».

Я не вижу ничего постыдного в том, чтобы для начала изучить опыт строительства экологической цивилизации, накопленный в последние годы Китаем. Именно в философии этой большой страны следует искать предпосылку понимания гармонического единства человека и природы, мира в целом. С момента своего возникновения китайский проект был этически окрашенным, что придёт ему культурное своеобразие. Ему присущи такие установки, как сочувствие, сострадание и гуманность, которые близки по смыслу идеям софийности и соборности.

Китайские ученые и реформаторы сосредотачивают усилия сегодня на трёх проблемных областях. Во-первых, они отмечают противоречие

между требованиями экономического развития и охраны окружающей среды и вносят предложения по их преодолению. Во-вторых, они базируются свои представления о цивилизационном будущем страны на *теории экологической модернизации*, исходя из необходимости построения «зеленой» экономики, реконструкции сельской среды и нахождения баланса между индустриализацией и устойчивостью развития. Удивительно, что об этом писал значительно раньше Н.Ф. Фёдоров, предлагавший преобразовать сельский образ жизни с привлечением городских технологий. И, наконец, в-третьих, китайские исследователи и практики уделяют первостепенное внимание этико-экологическому воспитанию молодёжи, у которой предлагается сформировать экологическое или «планетарное» сознание в соответствии с установкой «планета — наш общий дом» (см. прим. 12).

В данном фрагменте очерка я сосредоточу внимание лишь на этико-экологических ориентирах России как цивилизации будущего. Почему выбор пал именно на них? Полагаю, что мне, как специалисту по философии человека, не стоит вторгаться в предметную область экономистов или политологов и тем самым чрезмерно расширять область своих интересов. На данном этапе проектного анализа достаточно ограничиться проблемами экологической этики, которые со всей остротой встают как перед каждой цивилизацией в отдельности, так и перед мировым сообществом в целом. Решив их, мы сможем продвигаться дальше и в частных сферах. К тому же эти ориентиры, будучи усвоенными и принятыми людьми в качестве руководящих принципов их деятельности, становятся ментальными доминантами общественного сознания.

Каким же мне видится совместное цивилизационное будущее России и других стран? И что можно рассматривать в качестве его этико-экологических ориентиров, направленных на сбалансированное развитие (коэволюцию) человеческих популяций и окружающего мира? Я считаю, что такими ориентирами объединённой вокруг России цивилизации, позволяющими с уверенностью говорить о её будущем, выступают принципы, связанные с экологией человека и его отношений с миром. В первую очередь необходимо выделить природосбережение и непосредственно — *принцип благоговения перед жизнью*, который распространяется, по мнению А. Швейцера, на все стороны бытия цивилизации. Его практической реализацией может заняться лишь один социокультурный тип человека — эко-деятель.

Следующим ориентиром является, на мой взгляд, *межчеловечность* как пространство взаимопроникновения и взаимопересечения соборных или симфонических личностей, «обмен мирами» между ними. Путь к ней начинается с осознания неполноты и недостаточности бытия отдельного

субъекта (индивида, народа, нации или страны). Она складывается в виде свободной конфигурации коллективных волей и сознаний, а также в ситуации междумирья и трансграничности культур. При этом каждый субъект сообщества, взаимодействуя с другими, сохраняет свою самобытность. Межчеловечность чаще всего выступает в форме диалога или общения между свободными и равноправными субъектами. В отличие от формата международных отношений в ней акцентируется внимание не на формально-правовой стороне взаимодействия, а на его духовно-нравственном измерении (взаимодействие «лицом к лицу»). В реальной жизни — это прямые межличностные, семейно-родственные и дружеские связи между представителями разных культур, а также неформальные межкультурные контакты.

Далее я отталкиваюсь от идеи *всечеловечности*, разработанной рядом русских философов и выражающей полноту свойств и проявлений всего человеческого рода, которая воплощена в определённой культуре. Как известно, для одних мыслителей это — «последовательное и совместное развитие всех культурно-исторических типов» (Н.Я. Данилевский), а для других — «всеобъемлемость русского духа», его всеотзывчивость или способность откликаться на любые духовные стороны человечества и участвовать в «мировом общении народов» (Ф.М. Достоевский). А.В. Смирнов трактует её в свою очередь как «бытие всех со всеми», которое выражает «единство множественности», т.е. ориентацию на признание опыта других культур и отношение к ним как к особенным, имеющим свою логику развития.

Межчеловеческими практиками могут заниматься и эго-деятели, ставящие превыше всего личностную автономию. Однако они не могут подняться до уровня всечеловечности. Их останавливает на полпути позиция «изолированного» и «замкнутого на себя» индивида.

Каким же образом можно соединить межчеловечность как способность «быть самим собой со всеми», вступая в непосредственные контакты с представителями других культур, и всечеловечность как «бытие всех со всеми», расширяющее пространство межкультурного взаимодействия? Полагаю, что их синтез намечается в рамках становления *сочеловечности* как «бытия всем (т.е. всем, чем ты можешь быть для другого) и для всех». Следовательно, у последней имеется, как минимум, две стороны. «Быть всем» — это значит проявить все свои лучшие качества во взаимодействии с другими субъектами (индивидами, народами и пр.), подарить им свой мир. А это, по мнению Н.А. Бердяева, и есть духовное братство людей, основанное на признании достоинства и ценности каждой человеческой личности (см. прим. 20). В свою очередь «быть для всех» — формула бес-

корыстного служения другим. Однако сочеловечность связана не только со служением, но и с умением отдавать себя другим, в т.ч. с благородством, милосердием, состраданием, благотворительностью, духовным подвижничеством и т.д. Без этих качеств невозможно построить совместное цивилизационное будущее стран и народов, имеющих сходное историческое прошлое.

Субъектами всечеловечности и сочеловечности могут выступать только эко-деятели и их ассоциации, достигшие в своём духовном развитии высокой ступени. Разумеется, этими ориентирами и субъектами не исчерпывается экологическая специфика будущей цивилизации.

Какое же отношение эти ориентиры имеют к российской цивилизации? На мой взгляд, самое непосредственное. Межчеловечность, всечеловечность и сочеловечность — разные грани человечности, которые указывают на стремление к гармонии или *гармоническому единству людей в общем для них цивилизационном пространстве*. Именно так я понимаю экологию как социокультурную практику. И, возможно, в этом и состоит экологический вектор цивилизационного развития России и дружественных ей стран. Нам всем ещё предстоит пройти этап экологического оздоровления человека и общества. Но до осуществления такого проекта ещё далеко.

В ситуации, когда наблюдается расцвет национальных культур стран, входивших когда-то в состав СССР, а также их стремление к политической независимости и культурной автономии, центром притяжения уже не может выступать русский язык или русская культура в целом. Здесь следует искать другие формы человеческой и культурной коммуникации. Конечно, в идеале их может объединить экологическая по своей сути идея всечеловечности, понимаемая скорее в духе Н.Я. Данилевского, а не Ф.М. Достоевского с его настойчивым обращением к единственному Всечеловеку — Иисусу Христу. И такая идея должна стать при этом неотъемлемой частью транскультурного пространства, объединяющего эти страны. Но одной идеи, имеющей к тому же определённый шлейф различных толкований, уже будет недостаточно для цивилизационной интеграции России и дружественных ей стран.

Необходимо поддержать стремление стран к цивилизационному союзу с Россией на условиях экологичности и сочеловечности, проявляющейся в систематической заботе о жизни вообще, и жизни людей в частности, а также о развитии разнообразных практик взаимопомощи. Именно эта установка, возведённая в ранг долговременной стратегии международного сотрудничества, позволит в значительной мере преодолеть национальный эгоизм и погасить сепаратистские настроения. Увы, желание «быть вместе с другими в благоприятной для жизни среде» следует

подкреплять конкретными шагами в налаживании мирного и взаимовыгодного сосуществования стран или народов. Цивилизация — тот символ, который требует постоянных усилий и ресурсных вложений со стороны «стержневой» страны (в данном случае — России), включая разветвлённую систему пропаганды и информационной поддержки.

Подведу итог. Цивилизационное содружество России и других стран может быть определено с точки зрения их возможного совместного будущего как *предельно широкая форма культурной общности людей, охватывающая территорию России, дружественных ей стран (а также их трансграничное пространство) и базирующаяся на духовном родстве народов, которые не только объединены общей исторической судьбой и крепкими культурными узами, но и стремятся к гармоническому единству с окружающей средой (и друг с другом) в соответствии с принятыми или экологическими ориентирами (бережное отношение к жизни, духовное развитие, всечеловечность, сочеловечность и пр.)*.

Итак, у меня получился слишком противоречивый образ экологической цивилизации, важную роль в которой сможет при определённых условиях сыграть Россия. Практически ни один из пунктов проекта не может быть реализован в действительности. По сути дела, это такой же утопический проект, как и у моих предшественников. Предложенные мной критерии и ориентиры цивилизационного развития уже в первом приближении оказались слишком оторванными от социально-исторической практики. Проблема заключается в том, что они не являются пока главенствующими поведенческими установками и ментальными доминантами в сознании современных российских людей, и могут быть расценены другими исследователями как плод воображения автора данного очерка. Ещё больше трудностей возникает с формированием экосознания у наших соотечественников. И пока отсутствует «главный герой» (эко-деятель), мне трудно будет убедить кого-либо в целесообразности каких-либо действий.

Мне приходится лишь сожалеть, что то, к чему пришел в ходе исторического развития Китай (реализация программы построения экологической цивилизации), для нас остаётся неосуществимой мечтой. Но если отбросить претензии России на роль единственного лидера цивилизации, то можно, конечно, строить и более грандиозные планы (например, включить в повестку дня цивилизационного строительства страны интеграцию с Китаем в рамках единой цивилизации «Великой гармонии мира», формирующейся на основе экологического баланса и распространения экосознания). Но это будет уже другой сценарий цивилизационного развития России.

Приложение. Так существует ли «общечеловеческая цивилизация» и какое место в ней отводится России?

(в порядке полемики с В.М. Межуевым и Н.В. Мотрошиловой)

Сразу оговорюсь, что эта часть очерка не имеет прямого отношения к знаменитому спору «западников» и «почвенников». Во-первых, я не считаю себя настоящим «почвенником», а своих воображаемых оппонентов — откровенными «западниками», хотя, возможно, что наши позиции близки в чём-то тем и другим. Тема навеяна моим знакомством с книгой известного философа Н.В. Мотрошиловой «Цивилизация и варварство в современную эпоху», которая вышла тринадцать лет назад в издательстве Института философии РАН [7]. Книга и сегодня актуальна, и впечатляет своей обстоятельностью, а главное — идейной убежденностью её автора. Впервые я встречаю столь аналитическую, и в то же самое время страстную позицию.

Начну с того, что я согласен с автором книги в том, что цивилизационный подход не стоит превращать в инструмент борьбы за мировое господство и выдавать его за миссию «цивилизованных стран» [7, 6]. Ни у кого нет права диктовать свои условия развития другим странам или народам. Но по ходу чтения её книги, у меня появились сомнения, которые хотелось бы подтвердить или развеять.

Главная линия размежевания наших позиций проходит между идеей универсальной цивилизации, которой придерживается Н.В. Мотрошилова, и близкой мне идеей множественности цивилизаций. Прежде чем перейти к рассмотрению указанной позиции, приведу вначале оценку её концепции В.М. Межуевым [6].

В.М. Межуев о концепции цивилизации Н.В. Мотрошиловой. В одной из своих статей В.М. Межуев подробно анализирует подход Н.В. Мотрошиловой, формулируя следующий вопрос: существует ли универсальная цивилизация в самой действительности? Ведь каждая из цивилизаций по-своему отрицает варварство, но значит ли это, что что-то заставит их «слиться в одну цивилизацию» [6, 44]. Пока прообразом такой цивилизации выступает лишь образ жизни европейских народов или Европы как единственной в своём роде цивилизации.

Однако со временем на первый план выходит не сравнение цивилизации и варварства, а то, что отличает цивилизации друг от друга. «Ведь то, что является варварством для западного человека, представители других народов могут расценивать как отличительный признак своей цивилизации. Что же в таком случае может служить эталоном полной победы над варварством?... Варварство, следовательно, — не только внешняя, но и внутренняя проблема, которую каждая цивилизация решает по-своему и за свой собственный счет» [6, 45].

Как считает В.М. Межуев, к варварству Н.В. Мотрошилова относит самые разные проявления во всех областях общественной жизни, связанные с отступлениями от цивилизационных норм (экологическое, политическое, безнравственное, милитаристское, бытовое и прочее варварство). И добавляет: «Порой складывается впечатление, что под цивилизацией Н.В. Мотрошилова вслед за К. Оффе понимает все же только западную цивилизацию» [6, 45]. Именно об этом я и буду говорить далее.

В.М. Межуев видит выход в том, чтобы истолковать «цивилизацию не как множество эмпирических фиксируемых разных цивилизаций, а как единый процесс становления одной общей для всех и, следовательно, универсальной цивилизации, по отношению к которой все существующие на данный момент “цивилизации” предстают как её подготовительные фазы или ступени. Общим понятием цивилизации будет тогда не пустая абстракция, полученная путем сравнения разных цивилизаций, а мысленно фиксируемый результат, итог всего движения» [6, 45]. Всё это нужно сделать, по его мнению, для того, чтобы понять цивилизацию как антипод варварства. А как же тогда быть с предыдущими утверждениями Межуева о том, что каждая отдельная цивилизация по-своему определяет отношение к варварству?

Для В.М. Межуева, как и для меня, становление универсальной цивилизации отодвигается в будущее, в котором можно окончательно победить варварство. Он исходит из признания существования «мировой истории» и ставит вопрос: можно ли интегрировать в единую цивилизацию все мировые религии, образующие главную разделительную линию между локальными цивилизациями? Возражение против классификации цивилизаций по религиозному признаку содержится в самой логике развития Запада, в которой выделяются помимо прочего традиционная, индустриальная и постиндустриальная стадии развития, а также различные формы общественно-политического устройства. Для европейцев отличительным признаком цивилизованности всегда было государство, основанное на общественном договоре [6, 47].

Как же совместить «широкое» и «узкое» значения цивилизации? Межуев приводит в пример теорию «осевого времени» К. Ясперса, по мнению которого, мировая история начинается со второй прометеевской эпохи, т.е. с XVIII века, когда исчезает конгломерат локальных цивилизаций. Но такой подход Межуев считает попыткой западных мыслителей представить в качества итога развития Запада создание универсальной цивилизации. Он ссылается на С. Хантингтона, для которого последняя является продуктом западной цивилизации, оправдывающим её культурное господство над другими обществами. С моей точки зрения, это именно

так и происходит. Но Межуев полагает, что главным вкладом Запада в создание мировой цивилизации является научная и правовая рациональность, что даёт ему определённые основания для таких претензий, но не оправдывает его стремление к геополитическому превосходству.

Наряду с оппозицией «цивилизация – варварство» В.М. Межуев справедливо видит и другие, не менее сложные оппозиции: «цивилизация – природа», «цивилизация – культура». В действительности разные цивилизации, даже вне рамок универсальной цивилизации, научаются жить в мире друг с другом. Межуев приводит, в частности, идею диалога локальных цивилизаций на основе осознания общечеловеческого родства. И если универсальной цивилизации суждено когда-нибудь стать реальностью, то она сможет возникнуть, на его взгляд, как «цивилизация диалога», превращающая диалог свободных индивидуальностей в основную форму межчеловеческого общения. Мне представляется, что такая модель тоже является утопичной, но об этом я скажу чуть позже.

Идея «мировой цивилизации» как универсальная утопия. Хочу отметить, что я ничего не имею против утопии как представления о вымышленном или воображаемом «благом месте», которому по тем или иным причинам не дано стать реальностью, а если и дано, то уже в скорректированном практикой виде. И тогда такая утопия становится реализуемой либо посредством насилия (насаждения), либо как результат непредвиденного стечения исторических обстоятельств.

Такое бывает в истории, когда утопии становятся явью или, что значительно хуже, «кошмаром» для определённого сообщества людей. Утопия, как и религия, коренится во многом в вере во что-то сакральное. Утопией становится любое учение, которое пытаются практически реализовать вопреки логике здравого смысла и сложившимся историческим предпосылкам. Такой утопией для России начала XX века был коммунизм. Сама по себе эта идея, заключающая в себе огромный гуманистический потенциал, прекрасна, но до тех пор, пока её не стремятся применить к неподготовленной всем ходом истории действительности, в т.ч. используя насилие как инструмент политической борьбы. Чем закончился этот эксперимент в России, мы все прекрасно знаем.

Универсалистский подход к анализу цивилизации обладает бесспорной привлекательностью. Особенно тогда, когда его представляют яркие и вместе с тем равнодушные к переменам, происходящим в современном мире, мыслители. Так, отстаивая идею мировой цивилизации, Н.В. Мотрошилова исходит из собственной логики и убеждений. Для неё такая цивилизация есть неизбежный итог исторического развития. Она анализирует концепции К. Леви-Стросса, О. Шпенглера и П. Тойнби и пока-

зывает, что каждый из них независимо от исследовательских позиций ставит вопрос не только о цивилизациях, но и о цивилизации. Но насколько я понял Леви-Стросса, он не был «универсалистом» и занимался изучением вполне конкретных культур. Идея же «общей цивилизации» была для него всего лишь гипотезой. Такую гипотезу и я готов поддержать. Но согласиться с тем, что данная цивилизация реально существует и должна появиться в ближайшем будущем, я пока не могу. У меня нет для подобного утверждения достаточных оснований. Мне, как и В.М. Межуеву, на которого ссылается Н.В. Мотрошилова, близка идея множественности или «веера» цивилизаций. Эту же идею, насколько я знаю, отстаивает А.В. Смирнов и другие исследователи. При этом цивилизационные исследования не обязательно должны, на мой взгляд, совпадать по смыслу с «целостным видением человечества». Это могут быть и частные видения как всего мира, так и отдельных типов цивилизаций или культур.

Возможно, нам нужна целостная теория (и причём не одна), но это теория разных цивилизаций, базирующаяся на результатах их сравнительного изучения, а не теория одной большой цивилизации. Ещё раз повторяю, для создания последней нет достаточных реальных и идейных предпосылок. Мы всё ещё «плаваем» в культурно-историческом плане в разных океанах и воспринимаем различие между ними не только чувственным, но и теоретическим способом. Поскольку в моём понимании имеется ограниченное множество локальных цивилизаций, объединённых лишь общим пребыванием на одной планете, то для меня не может быть и цивилизации «вообще», «самой по себе» и единой по «своей природе», как утверждает Мотрошилова. Подчёркиваю, каждая цивилизация уникальна и существует как локальное историческое образование. При этом я не исключаю тот факт, что в ней могут содержаться универсальные черты.

Какие смыслы вкладывает Н.В. Мотрошилова в категорию «цивилизация»? Под цивилизацией понимаются «универсальные структуры жизнедеятельности людей», «трансрегиональные», «транскультурные» или «трансисторические формы жизнеустройства человечества», которые опираются на институт частной собственности и многое другое, что дальше конкретизируется в критериях цивилизованности [7, 64-65].

Что же касается оппозиции «цивилизация – варварство», то она имеет определённый смысл не столько в контексте истории всего человечества, а сколько в конкретно-историческом преломлении. На смену эпохи варварства в каждой суперкультурной системе, о которой писал П.А. Сорокин, приходит цивилизация как более зрелая в историческом плане социокультурная система. Возможно, что в далеком будущем её сменит новый культурно-исторический тип. И тогда вместо данной дилеммы

появится трилемма или что-то другое в этом же роде. Уверен, историческое развитие на этом не остановится. Впрочем, такая трилемма уже и так существует. Ведь есть ещё состояние дикости, которое как раз и является, по Л. Моргану, самой первой и примитивной стадией развития человечества. Конечно, можно с ним не соглашаться, но не стоит ограничиваться одной дилеммой даже применительно к анализу современных цивилизационных реалий.

Как известно, история развивается неравномерно. Какие-то народы ещё находятся на стадии «дикости» (а точнее — в первобытном состоянии), тогда как другие уже перешли на цивилизационную стадию. Но даже в современном мире мы можем встретить одновременно все три типа. Следовательно, цивилизация — это социокультурная целостность, которая появляется на определённом этапе исторического развития, но не сразу или одновременно на всей планете, а сначала в отдельных культурных ареалах. И это не одна и та же цивилизация, и даже не её отдельные разновидности, а совершенно разные цивилизации.

Можно предположить, что общее между ними состоит лишь в том, что они зарождаются, как и галактики, вокруг центров мощного притяжения («ядро» цивилизации). При этом, чем меньше центр галактики (в нашем случае — цивилизации) втягивает в себя вещество окружающих звёзд (т.е. других культурных центров), поглощая вместе с тем их энергию, тем больше образуется вокруг созвездий и планетарных систем. Точно также развитая цивилизация позволяет существовать множеству других центров (субцивилизаций), осуществляя вместе с тем политику сдерживания сепаратистских тенденций.

Так можно говорить о существовании европейской, а чуть позже о западной цивилизации, страны которой взяли на вооружение стратегию мультикультурализма, делающую акцент на сохранении культурных различий и всего социокультурного разнообразия. В других же цивилизациях могут поощряться поликультурализм с его ориентацией на творческое взаимодействие между разными культурами и этносами или, напротив, различные формы теократии и этноцентризма. Одним словом, все цивилизации в культурном отношении не похожи друг на друга и выступают как уникальные целостности.

Цивилизация как антропокосмическая реальность. Одним из примеров обоснования более «мягкого» варианта универсалистского подхода является попытка М.Т. Степанянц обобщить различные проектные версии будущей цивилизации в связи с экологическими вызовами человечеству [23]. Признавая существование единой человеческой цивилизации и необходимость общих подходов к проблемам мирового порядка, она выс-

тупает вместе с тем за критическое переосмысление универсалий культуры и избирательное отношение к культурному опыту разных цивилизаций.

В качестве примера Степанянец приводит, в частности, представления Даниила Андреева о гармоничном цивилизационном устройстве мира и преобразовании природы в «цветущий сад» («Роза мира»). Пока же мы живём в ситуации нарастающего экологического кризиса. В качестве альтернативы антропоцентризма западной культуры Степанянец видит антропокосмизм, который иллюстрируется ею далее на примере философии Китая, Индии и пр.

Как известно, в древнекитайской философии мир представлен тремя мировыми силами: Небо — Земля — Человек, которые выражены формулой «единство природы и человека» [23, 699-701]. Идеи гармонии и согласованности действий человека с природными и космическими ритмами (что ведёт, в конце концов, к «резонансу между природой и человеком» и формированию экосознания) пронизывают всю китайскую культуру. Конечно, можно спорить с утверждениями современных китайских философов, которые приводит в своей статье Степанянец, например, с тезисом о тождественности экосознания, с одной стороны, и экософии и философии жизни — с другой, но суть их подхода от этого не меняется. Человек должен не отрываться от природы, самонадеянно считая себя её господином, а жить в согласии с ней. В конце концов, все народы должны объединить свои усилия «в построении многообразной цивилизации — Великой гармонии мира» [23, 702-703]. С этим тезисом трудно не согласиться.

Не меньший экологический потенциал содержится, с точки зрения Степанянца, в культуре и философии Древней Индии. Человек в ней не отличается от других домашних животных (пашу), хотя и выделяется среди них своей особой связью с богами, наличием «Я» («Атмана»), а также сочленённостью индивидуального «я» и «Я» Брахмана, и способностью следовать моральному закону («дхарме»), который сочетает постоянные перерождения («сансару») с кармой и принципом невреждения («ахимсой»). Ахимса выступает в древнеиндийской культуре «одной из пяти важнейших добродетелей (наряду с подвижничеством, щедростью, честностью и правдивостью» [23, 705]. К этому следует добавить, по мнению Степанянца, концепцию М. Ганди об истинной (ненасильственной) цивилизации, которая указывает человеку путь долга и сознательного самоограничения.

Что же можно позаимствовать России в плане культурного творчества у других цивилизаций, прежде всего, у китайской и индийской? Безусловно, триединую формулу «Небо — Земля — Человек», смысл которой во многом интегрируется китайской философией в понятие «жизнь», док-

трину «Середины», призывающей к умеренности во всём, идею экосознания и «экоинтегральности», принцип невреждения («ахимсы») в древнеиндийской индуистской и буддийской философии, идеи ненасильственной цивилизации и сознательного самоограничения (М. Ганди). Но всё это, разумеется, требует творческой переработки с учётом культурных традиций самой России.

Должен отметить, что здесь М.Т. Степанянц продолжают традицию русской философии. Ведь что-то похожее мы находим, например, у Н.Ф. Фёдорова, основателя русского космизма, хотя его проект был более радикальным и призывал к «укрощению» природы, освоению Космоса в целях совершенствования самого человека и расширения его жизненного пространства. О нём и ещё о других философах-космистах пишет и Степанянц. И, конечно, приходится согласиться с ней в том, что экологическая утопия Ганди предпочтительнее того, чтобы искать «пути преодоления социально-экономического отставания посредством слепого копирования чужих моделей» [23, 709]. К сожалению, именно последним занимались наши «реформаторы» 1990-х годов.

А ведь в любой культуре, с точки зрения М.Т. Степанянц, содержится, как минимум, две противоположные тенденции: поддержание гармонии между человеком и природой, и утверждение господствующей роли человека [23, 710]. Почему у нас в 1990-е гг. победила именно вторая тенденция, — это проблема, которая ожидает своего философского решения. Ну с чего наши политические деятели того времени решили, что они могут повелевать законами истории и природы, не разрушая при этом культуру и среду обитания целой страны, я не знаю. Возможно, когда-нибудь будущие историки будут писать об этом периоде как об эпохе большой смуты. К сожалению, народам России не приходится привыкать к смутам. В своей истории они пережили их не один раз.

Жить без утопии как мечтания об идеальном общежитии и «творческого воображения будущего» нельзя. Это отмечает и М.Т. Степанянц. По её мнению утопия, в т.ч. экологическая, ставит диагноз, указывая на необходимость исправлений, предлагает варианты перемен и строит прогнозы будущего [23, 711]. Быть утопистом — значит стремиться воплощать свой идеал в жизнь, опираясь как на рациональные способности, так и на воображение, интуицию. Однако у меня, после прочтения данной статьи М.Т. Степанянц, осталось двойственное впечатление и ощущение какой-то незавершенности процесса. Конечно, мне бы хотелось увидеть в ней цивилизационные перспективы России. Но, возможно, я недостаточно знаком с другими работами этого автора, в т.ч и в области сравнительной философии, чтобы высказывать подобное сомнение.

С моей точки зрения, «универсалистский» подход к цивилизации, как и его полная противоположность — партикуляризм, страдают односторонними оценками. Поэтому я считаю одинаково нежелательными как опыт насаждения культурных образцов другим странам, который осуществляется под вывеской глобальных процессов или «общецивилизационных структур», так и попытки регионализации, самоизоляции и автаркии, предпринимаемые во имя сохранения традиционных порядков. Поэтому сегодня всё чаще раздаются голоса в пользу «срединного» или медиационного подхода. «Основная функция и способность медиации — в сложном противоречивом, опасном социокультурном пространстве искать новую меру осмысления старых идей, формировать новые смыслы, “срединную” культуру и программировать медиационные процессы» (см. прим. 21). А это и есть логика становящейся «срединной» культуры, в которой доминирует медиационный или личностный субъект, стремящийся в свою очередь к взаимопроникновению с субъектами других логик. Но ведь Китай ещё за много веков до появления концепции медиации открыл этот путь. И пусть не всегда последовательно он идёт по нему, но устремления его современной политической элиты к экологической цивилизации лишь подтверждают этот тезис.

Таким образом, концепция «мировой цивилизации» является, с моей точки зрения, теоретически обоснованной универсалистской утопией, которая имеет право на существование среди других социальных утопий, а в «мягком» варианте даже заслуживает в чём-то поддержки. Например, мне бы очень хотелось жить самому в многообразной цивилизации «Великой гармонии мира» или в её современном варианте — экойнтегральной цивилизации. Однако в случае насильственного насаждения любой, даже самой чудесной модели, против чего, кстати, выступал М. Ганди, она превращается в реакционную утопию или опасный миф. Но ещё раз повторяю, это всего лишь моя точка зрения. Я никоим образом не хочу оскорбить своих уважаемых оппонентов или усомниться в их профессиональной честности. Каждый из них имеет право на свой выбор. Позвольте же и мне высказать свои сомнения и привести контраргументы.

О критериях цивилизованности. Поскольку мне чужда идея мировой цивилизации, то я не могу признать и существование единых критериев цивилизованности, разработанных для «всех времён и народов». И по ходу изложения позиции Н.В. Мотрошиловой поясню, почему. Ведь она не только убеждена в необходимости «целостного изучения целостной цивилизации», но и приводит собственную систему универсальных и, наверное, очевидных с её точки зрения, критериев цивилизованности: (1) преобразование материалов природы во «вторую природу» (культуру),

включая соблюдение требований разумной достаточности, полезности и красоты; (2) противоречивое вмешательство в природные процессы; (3) поступательное развитие процессов производства и обмена во имя удовлетворения растущих потребностей и на основе частной собственности; (4) стимулирование частного интереса и индивидуальной инициативы как основы предприимчивости и ответственного выбора; (5) обеспечение всеобщих прав и свобод людей и, прежде всего, их возможностей участвовать в решении судеб нации, страны и всего мира; (6) создание свободных и ненасильственных форм совместного бытия людей и их объединений; (7) стремление к более высокому качеству и комфорту жизни, которые делают жизнь людей достойной их участи; (8) создание всеобщих культурных образцов предметной деятельности и норм человеческого общежития; (9) признание всемирно-исторического, общечеловеческого характера и значения цивилизационного опыта [7, 18-40].

Если утопия — это рационально обоснованный миф о будущем развитии чего-либо, то мне такая утопия нравится. В ней всё выглядит стройно и гармонично, не то, что в действительности. Однако, мне трудно постичь эти критерии, поскольку у меня нет опыта рефлексии «мировой цивилизации» с её «всемирно-историческим» и «общечеловеческим» характером. В то же время у меня имеется свой, пусть и не такой богатый опыт путешествий. Но где бы я ни был, там всегда имел дело с конкретными культурами и цивилизационными порядками. Мне не приходилось встречать культурные образцы «всемирной цивилизации», если, конечно, не суммировать все выдающиеся достижения человечества и не выдавать их за общечеловеческие. Так обычно поступают экскурсоводы, когда рассказывают туристам о «семи (или более) чудесах света», расположенных в разных уголках планеты.

Но, как ни странно, я почему-то узнаю в предложенных Мотрошиловой критериях, по вполне заметным акцентам, пока лишь одну западную цивилизацию («полезность» и «разумность», «частная собственность» и «индивидуальная инициатива», «права» и «свободы», «комфорт» и пр.). Неудивительно, что эти черты так резко контрастируют с чертами восточных цивилизаций (да и с культурой России тоже). Сомневаюсь в том, что китайские или индийские философы с готовностью подпишутся под ними. Тем более, как показала М.Т. Степанянц, они придерживаются прямо противоположных взглядов. И на место антропоцентризма западной культуры они ставят антропокосмизм, который согласуется в ряде пунктов с принципами философии русского космизма.

Особо хотелось обратить внимание на восьмой и девятый пункты в системе критериев, предложенной Н.В. Мотрошиловой, где говорится,

с одной стороны, о создании и распространении образцов, а с другой — об их «общечеловеческом характере». По-видимому, у нас с Нелей Васильевной совершенно разные когнитивные очки. Для меня очевидно то, что ни одна цивилизация не может быть «размыта» или «рассеяна» по всему миру. И мы, как правило, точно знаем, где находится её «центр». Поэтому я в силу субъективности своего видения воспринимаю этот пункт не как описание механизма культурной преемственности и признание ценности всего культурного опыта человечества, а как попытку оправдать стремление одной цивилизации, вообразившей благодаря своим политическим лидерам и философам что она является мировой, навязать свои образцы другим цивилизациям или другим народам. Но подчёркиваю, что это исключительно моё мнение. Тем более, что Н.В. Мотрошилова признаёт, что в разных странах могут быть свои модели цивилизационного развития.

Другой важный тезис, вызывающий у меня возражение: благодаря накопленному человечеством культурному опыту (прежде всего, идеальным продуктам), появляется возможность не только усилить динамику изменений, но и согласовать (увязать) «в общечеловеческое целое развитие индивидов, поколений, народов» [7, 39]. В принципе, я не оспариваю такую возможность. Однако путь к «общечеловеческому целому» будет прокладывать, на мой взгляд, не всё «прогрессивное человечество», а наиболее могущественная во всех отношениях цивилизация. До сих пор на эту роль претендовала западная цивилизация и её авангард — США, а «периферийные» или «полупериферийные» цивилизации вынуждены были соотноситься с ней направленностью своего развития. Кто же будет следующим локомотивом цивилизационного развития мира, сегодня трудно сказать. Во всяком случае у Китая с его философией Великой гармонии и идеологией «мягкой силы» имеется не меньше шансов возглавить движение человечества к «общечеловеческому целому», чем у Запада. И если он, учитывая опыт успешных преобразований в последние десятилетия, предложит мировому сообществу приемлемый проект (например, модель «экологической цивилизации» для всего мира), то кто знает, как сложится дальнейшая судьба человечества.

По мнению Н.В. Мотрошиловой, цивилизованный человек, в отличие от варвара, есть труженик и созидатель в одном лице, который обладает свободой, достоинством и ответственностью. Идеал цивилизованности человека — «собственник, наделённый свободой, здравым смыслом, способностью принимать решения и отвечать за них» [7, 33]. К этому нужно добавить его критическое отношение к любым формам насилия и агрессии, умеренность потребностей и мудрость поведения. Пыта-

ясь мысленно спроецировать этот образ на китайские и индийские типы человека, я каждый раз оказываюсь в затруднительной ситуации.

Удивительно, но в типологическом портрете цивилизованного человека, нарисованном Н.В. Мотрошиловой, я снова узнаю западного человека, хотя временами в нём «проступают» черты «восточного» человека, особенно, когда речь идёт об умеренности и склонности к ненасилию. Западный человек в моём представлении редко отличается умеренностью и мудростью поведения, и всегда был склонен к агрессии. Возможно, это его сегодняшние ценности и качества, о которых я пока ничего не знаю. Но я уверен в том, что речь идёт точно не обо мне, а о каком-то абстрактном человеке, живущем, судя по всему, на другой планете или, что всё объясняет, в другой цивилизации.

Лично я так (и в таких терминах) себя не мыслю. Да, я готов подписаться под словами «труженик» и «созидатель». Мне бы очень хотелось, по крайней мере, так о себе думать. Но я нисколько не идентифицирую себя с собственностью и какими-то отвлечёнными гражданскими свободами, хотя у меня имеются объекты личной собственности (жильё, автомобиль и пр.), ощущение внутренней свободы и представления об идеальном политическом устройстве общества. К тому же я много лет занимался проблемами гражданского общества и пришёл к выводу, что его идея является составной частью образа западной цивилизации, который не подходит для анализа российской социально-политической действительности. Возможно, поэтому нам так и не удалось до сих пор построить гражданское общество в России.

Всякий русский (и не только) человек желает быть свободным, но только свободу он чаще всего понимает в духовном (прежде всего, в духовно-нравственном и религиозном) смысле, а не как гражданскую и политическую. Отсюда вытекают и мифы о его «мессианском сознании» или божественном предназначении. Всё дело в том, что я не могу надеть на себя одежду «цивилизованного человека», скроенную по меркам западного человека. И не потому, что мне претит всё западное или не нравится написанное о нём Н.В. Мотрошиловой. Очень даже нравится. Но это написано не про нас, живущих в сегодняшней России. И я точно знаю (скорее всего, на уровне своей интуиции), что эти качества мне не подходят, хотя это не повод, чтобы немедленно «здесь-и-теперь» заняться саморефлексией, а заодно и самокритикой. Достаточно того, что часть нашей интеллигенции регулярно занимается самобичеванием и сетует на несовершенство российской цивилизации.

Смею предположить, что не только я, но и большинство российских людей не подходят под данный образ. Стоит ли по этой причине зачис-

лять нас в варвары? Может быть, мы просто иные и нас можно понять в соответствие с принципом А.В. Смирнова «то же иначе» (более подробно об этом см. в его книге [14]). Другими словами, у нас имеются общие черты с представителями других цивилизаций, но и есть и то, что отличает от них, делает людьми «своей» цивилизации. Исторический опыт показывает, что все попытки европеизации или западнизации российского общества, как правило, заканчивались провалом. Но каждый раз они отбрасывали нас на несколько десятилетий назад. Тем не менее, либерально мыслящие интеллигенты и политические деятели продолжают наступать на одни и те же грабли.

Вместе с тем мне хотелось бы, чтобы и у нас появились свои аналоги гражданского общества и правового государства, имеющие основания в нашей же культуре. Но одного моего желания здесь явно недостаточно. Они должны произрасти на собственной культурной почве. Пока же я их не вижу, но может быть что-то другое уже «выросло» и осталось при этом незамеченным. Но как говорится в одном замечательном советском музыкальном фильме, русском варианте оперетты Имре Кальмана «Принцесса цирка»: «Ну, что выросло, то выросло, теперь уж не вернёшь. Не доживёт до академика» («Мистер Икс», 1958). Добавлю от себя: а кто знает, может и доживёт. И чуть дальше звучат другие чудесные слова: «Вот уж правда — никогда не угадаешь, из какого ребёнка что получится!».

Этот яркий образ как нельзя лучше подходит для характеристики нынешних социокультурных инноваций, которые возникают чаще всего не благодаря, а вопреки желанию культурной элиты, стремящейся контролировать процесс селекции образцов культуры. Вместе с тем можно привести удивительные примеры преобразования российского человека за относительно короткий период. За свою жизнь многие из нас успели пожить при социализме и примерить к себе одежду коллективиста и убеждённого коммуниста, а затем болезненно войти в эпоху трансформации России в буржуазное общество и проверить себя на прочность средствами полукриминальной рыночной стихии и усилившегося бюрократического произвола. И при этом что-то (возможно, именно часть менталитета или ментальной доминанты по П.А. Сорокину) изменилось в нас основательно и навсегда, а что-то осталось прежним (например, архетипы когнитивного коллективного бессознательного, о которых пишет А.В. Смирнов).

Но значит ли это, что структуры бессознательного связаны с цивилизационными структурами напрямую, исключая посредников в виде сменяющих друг друга типов идеологии и суррогатов массовой культуры? И какую бы модель цивилизационного развития России (коммунистическую, либеральную или консервативную) нам не предложили, мы

остаётся при этом носителями той субъект-предикатной конструкции, которая «вмонтирована» в наше мышление много веков назад на уровне коллективного, в т.ч. когнитивного коллективного, бессознательного. Именно её А.В. Смирнов и называет, насколько я его правильно понял, «базовой интуицией».

Если принять во внимание все перечисленные Н.В. Мотрошиловой качества цивилизованных людей вместе с предложенными ею критериями цивилизованности, то к варварам следует отнести большую часть человечества. Российский человек, наверное, в силу своей извечной «инертности», «переходности» и «промежуточности» находится где-то между цивилизованными людьми и варварами, а значит его можно, согласно этим критериям, отнести к полудивицизованным существам.

И всё же стоить задуматься над тем, почему эти ценности стали «прилипать» к нам именно в данный исторический период. Может быть потому, что мы, сами того не осознавая, как и сто (или тридцать) лет назад, по-прежнему находимся в ситуации цивилизационного выбора. Но ведь кто-то же внушил значительной части российских людей, что собственность, свобода и демократия — это наше «всё», которому они должны поклоняться как современным божествам.

Сегодня этими суррогатными ценностями заражены как вирусами многие представители отечественной интеллигенции, которые своими помыслами уже давно живут там, на благословенном Западе, где уже построено, по их мнению, «хорошее общество», а в реальности имеют дело с совершенно другим, не очень «хорошим» или просто «плохим» обществом. Поэтому они не могут примириться с недостаточной (а, может быть, просто иной) цивилизованностью российского народа, его устойчивым нежеланием «быть как все свободные люди», в т.ч. принимать чужие правила игры. Ему-то и со своими правителями, пророками, сбившимися с истинного пути, живётся нелегко, а тут ещё его призывают к тому, чтобы отказаться от своего «варварства» и стать «цивилизованным» по западному образцу. Ведь только там, по мнению апологетов западного образа жизни, процветают все блага цивилизации. Где уж нам, варварам, их сыскать в собственном доме.

При этом я не отрицаю значение тех цивилизационных благ, которые привнёс в сферу науки и высоких технологий Запад, имеющий вместе с тем многовековой опыт развязывания кровопролитных войн, колонизации других народов, «крестовых походов», геноцида, расизма, искусственного расчленения целых государств и пр. Но я хочу призвать своих коллег к здравому смыслу и показать, что все те ценности, которыми они так восхищаются, «выращены» в другой культуре, имеющей свою логику

развития. И нам их нельзя перенять без усвоения данной логики. Об этом постоянно размышляет и пишет тот же А.В. Смирнов. Но, похоже, его не умеют (или не хотят) слышать (и слушать). Поэтому мне его призывы иногда напоминают «глас вопиющего в пустыне». Что же такое должно произойти с этой частью интеллигенции, чтобы к ней, наконец, пришло осознание.

Разве не понятно, что мы никак не можем быть другими, например, «свободными», «демократическими», «созидательными» и пр. в том смысле, как это понимают на Западе. Нам не дано стать ими в культурном смысле, даже, если мы этого очень захотим. Можно сменить страну, но так и остаться теми же, кем «взрастила» нас родная культура. Конечно, мы будем подчиняться новым правилам, но буквально всё в нас, прежде всего, наша базовая интуиция, будет протестовать против чужой культурной среды. Конечно, до тех пор, пока мы не пройдём вторичную социализацию и не усвоим на подсознательном уровне другие культурные образцы. Но, честно говоря, я с большим трудом верю в то, что такое «культурное перевоспитание» взрослого человека, укоренившегося в культуре и состоявшегося в своей профессии, возможно в принципе.

Конечно, не стоит идеализировать собственную культуру и воспевать её ценности, как это зачастую делают славянофилы или евразийцы. Но надо иметь интеллектуальную решимость и гражданское мужество, чтобы принять в себе человека именно этой, а не другой культуры, а не пытаться заимствовать культурные суррогаты извне или напяливать на себя чужие маски-образы. Принять — не значит смириться с несовершенством своей культуры и пороками общественной жизни. Это всего лишь понять на глубинном уровне, что иного (в смысле другого способа восприятия мира) нам не дано, хотя идеологи так называемой «перестройки» попытались опровергнуть данное правило. И поскольку мы занимаемся философией, нам стоит научиться, кроме рефлексии должного, что прекрасно демонстрируют нам «западники», ещё и рефлексии возможного, которой опять же соответствует установка «то же иначе».

Я понимаю эту установку по-своему, как способность рассматривать себя и свою культуру в контексте других культур, которые обладают инаковостью по отношению к моей культуре, но вместе с тем и тождеством «внутри себя». И я не могу даже мысленно переносить стандарты своей культуры на другие, так же как и наоборот. Каждая из них существует в своей логике и только в ней её можно постичь или освоить. Но для этого, как считает А.В. Смирнов, нужно разобрать и собрать заново свою культуру с учётом элементов другой культуры. Но это уже тема отдельного разговора. Отмечу лишь, что практически никто из современных исследова-

телей, кроме социальных антропологов и отдельных философов, не попытался это проверить на собственном жизненном и научном опыте, предпочитая наиболее очевидный путь — постижение иной культуры сквозь призму собственной. Так поступали и поступают, увы, многие западные и отечественные исследователи.

В заключение хотел бы высказать признательность Н.В. Мотрошиловой за возможность отнестись к её идеальному образу цивилизации. «Цивилизация человечества, — пишет она, подводя предварительный итог, — всеобща в смысле всемирно-исторического континуума и непрменной (хотя и неравномерной, в разное время неодинаковой) причастности всех стран, народов, эпох к формированию её результатов, форм, словом, к возникновению и обогащению цивилизационного опыта» [7, 40]. С тем, что такая цивилизация реально существует, я уже спорил. При этом должен отметить, что Неля Васильевна не отказывает в существовании локальным цивилизациям, а лишь подчёркивает, что последние приходят и уходят, а «общий очаг» мировой цивилизации не затухает. Мне очень хочется верить в то, что так оно и есть на самом деле.

Вместе с тем хочется поддержать озабоченность Н.В. Мотрошиловой судьбой современного мира, который она называет мировой цивилизацией, а я — мировым сообществом или сообществом цивилизаций. С тем, что нужно сохранить этот очаг, я не буду спорить. Но я бы не стал предлагать только один сценарий мирового развития. Возможны и другие варианты, при которых образуются новые очаги развития. Можно, конечно, пойти дальше и поддержать идею ноосферы или модель экологической цивилизации Китая, которые сплотят все цивилизации и сформируют планетарное мышление. А если последовать проекту Н.Ф. Фёдорова и других философов-космистов, то следует расширить планетарное мышление до масштабов космического. Но будущее мировой цивилизации, если таковая когда-нибудь появится, меньше мне видится как «царство свободы», которое утвердится в мире благодаря или вопреки прогнозу К. Маркса.

Возражения по существу. Разумеется, ответить на вопрос, возможна ли мировая цивилизация, опираясь лишь на позицию одного или двух, пусть даже и неординарных авторов, чрезвычайно трудно. Но уже сейчас я могу высказать предположение, что в грядущем будущем её возникновение мне представляется весьма проблематичным. И вот почему.

Во-первых, «общечеловеческая цивилизация» — это всего лишь самописание западной цивилизации, которая пытается выдать себя за единственно возможный путь цивилизационного развития. Об этом и о том, что бывает со странами, которые сойдут со своего пути развития и

устремятся в лоно западной цивилизации, писали многие русские философы, в т.ч. Н.Я. Данилевский, славянофилы, Н.С. Трубецкой и другие евразийцы. Об этом продолжают писать сторонники критической теории (неомарксизм), постколониализма, деколониального поворота, современные «почвенники» и пр. Кроме того, они подтверждают в своих исследованиях, что такая цивилизация не является альтернативой локальных цивилизаций или результатом их органического синтеза.

Мне трудно представить себе динамику мировой цивилизации, о которой пишет Н.В. Мотрошилова. Локальные же цивилизации, как и люди, рождаются, живут и умирают. И нет ничего вечного в мире. Даже галактики и Вселенные в целом умирают (см. прим. 22). Если же допустить существование единой человеческой цивилизации, то и она по всем законам рано или поздно должна погибнуть. С этим связаны во многом неустанные поиски учёными планет, пригодных для жизни. Но колонизация космических тел приведёт уже к новому человечеству или постчеловечеству. Кстати, такая «частная» цивилизация как майя, существовала ещё до появления латиноамериканской цивилизации и, насколько я знаю, историки до сих пор ведут споры о культурной преемственности между ними. Но почему одни цивилизации относительно быстро по историческим меркам уходят, а другие существуют длительное время — вопрос для отдельного обсуждения.

Однако это не значит, что те, кого я называю универсалистами, являются «агентами Запада» или «идеологами западничества» («западнистами», как их называл А.А. Зиновьев). Думаю, что это всего лишь мировоззренческая позиция и их же собственный подход к постижению всеобщего. Универсализм как исследовательская установка проявляется в том, чтобы стремиться найти, раскрыть и систематизировать универсалии культуры или цивилизации как абстрактно-всеобщее, ориентируясь в основном на западный опыт (другого большинство из нас не знает), а уже затем распространять их на весь оставшийся мир. Универсалистами являются, на мой взгляд, и те исследователи, которые предлагает такие цивилизационные дилеммы, как «Запад — Восток», «Север — Юг» и т.д. Востоковеды и специалисты по сравнительной философии уже давно показали, что нет и не может быть одной восточной цивилизации. Восток является в этом смысле собирательным образом или понятием. Он столь же разнообразен в культурно-цивилизационном плане как и Запад, но в отличие от последнего представляет собой множество самых разных цивилизаций (китайская, японская, индийская или индуистская, исламская, буддийская и пр.).

В принципе, я не возражаю против выделения «всеобщих аспектов, измерений» цивилизаций и попыток обобщения их сущностных характе-

ристик, что предлагает сделать Н.В. Мотрошилова. Но я сомневаюсь в том, что они «затрагивают» все регионы, страны и народы мира. Возможно, у тех цивилизаций, которые можно условно отнести к восточным, они одни, а у западной или латиноамериканской цивилизации — совершенно другие. Этим надо специально заниматься. Понятие «цивилизация» фиксирует в себе определенную стадию развития той или иной культуры. Поскольку для меня не существует «мировой культуры», то не может быть, следовательно, и «мировой цивилизации». Я их считаю всего лишь абстракциями или метафорами, используемыми для обозначения культурных достижений человечества в целом. И в этом смысле их универсализм оправдан.

Во-вторых, для объединения локальных цивилизаций в мировую пока нет серьёзных оснований. Это ещё раз убедительно подтвердило отсутствие международной кооперации в борьбе с коронавирусом и другими массовыми бедствиями. Практически каждая страна справлялась с этой пандемией в одиночку, если не считать отдельных случаев сотрудничества. Роль ООН и других международных организаций оказалась весьма незначительной. Но и это (снижение координирующей функции «общецивилизационных структур») не является главной тенденцией. Регионализация и поиски «третьего пути» (постколониализм, деколониальный поворот и пр.) суть ничто иное, как критика модерна и вместе с тем реакция «периферийных» цивилизаций на усиление диктата западной цивилизации, прежде всего, отторжение её технологий организации «цветных», «бархатных» и прочих революций, которые она в лице своих ведущих стран («цивилизационного центра») широко применяет во всех уголках планеты. Кстати, об отчужденности этих стран от европейской цивилизации пишет и Н.В. Мотрошилова. Возможно, она учитывает и то обстоятельство, что западные ценности хотя и сплотили когда-то эту цивилизацию, но они же, пройдя трансформацию и видоизменившись до неузнаваемости, стали основным препятствием на пути цивилизационного развития всего мира.

Однако диалог между локальными цивилизациями, в отличие от цивилизации диалога, за которую выступает В.М. Межуев, возможен. «Универсальность этой цивилизации состоит, следовательно, не в том, что она связывает людей какой-то одной общей для них культурой, а в том, что наделяет каждого индивида правом свободно избирать свою культурную нишу, т.е. его открытостью, толерантностью к самым разным культурам. Диалогические отношения — это всегда отношение равенства между культурами, в силу которого любая из них может стать “моей культурой”. То, что индивид считает здесь “своей культурой”, определяется исключительно его личным и свободным выбором. В этом, собственно, и состоит, на мой взгляд, решение проблемы цивилизации, если рассматривать ее в

масштабе всей человеческой истории» [6, 50]. Ох, как бы мне хотелось верить в это «светлое будущее».

Как только В.М. Межуев переходит к сфере должного, проектируя образ идеальной цивилизации, он вступает, на мой взгляд, на очень зыбкую почву. Ведь снова звучат знакомые слова, характерные для западного универсализма, — «свобода», «открытость», «толерантность», «свободный диалог». Всё это Запад уже проходил, навязывая не только своим народам, но и всему остальному миру политику мультикультурализма. Так что я вижу здесь не решение проблемы универсальной цивилизации, а оправдание реализации этой политики Западом в мировом масштабе.

В-третьих, в оценке цивилизационного настоящего России я согласен как с В.М. Межуевым, так и с Н.В. Мотрошиловой. Да, Россия является «становящейся цивилизацией», но при этом отдельной цивилизацией, а не частью какой-то общемировой. Поэтому о ней, как и о других цивилизациях, можно говорить лишь в контексте всего ансамбля локальных цивилизаций. Ещё раз повторяю, цивилизация вообще или во всемирно-историческом масштабе — миф, придуманный западными философами и подхваченный отечественными исследователями, чтобы уйти от признания многоголосия культур и несводимости их логик друг к другу. То, что такой концепт имеется, вовсе не означает, что за ним стоит реальное содержание (онтологическая данность). Возможно, это моё заблуждение, хотя я пытаюсь аргументировать свою позицию, но на данном этапе своего философского развития я, в отличие от Н.В. Мотрошиловой, могу вести речь лишь о философских исследованиях «единичных», «особенных», «локальных» или «частных» цивилизаций, а не о построении общей философской теории мировой цивилизации.

Я настаиваю на том, что никакого общемирового цивилизационного контекста не существует. Каждая страна движется своим стратегическим курсом и развивается в лоне собственной цивилизации, в которую она входит наряду с другими культурно родственными странами или народами. Примером тому является современный Китай, политическая элита которого сформировала образ экологической цивилизации и приступила к его воплощению. Всему же остальному миру и, прежде всего, странам, находящимся непосредственно в зоне влияния Китая (прежде всего, страны Центральной и Средней Азии), китайцы предложили, как известно, проект «Новый шелковый путь» (или «Евразийский сухопутный мост»), которому соответствует концепция «один пояс — один путь».

Так что у России появилась альтернатива цивилизационного развития, и здесь можно использовать преимущества её «срединного» положения. Если же принять западный проект и признать, что существует толь-

ко одна большая (западная, по сути) цивилизация, в которой уже есть своё «ядро» (так называемые «развитые страны») и «периферия» (все остальные страны), то Россия окажется в ситуации цивилизационной зависимости и будет обречена на перманентное отставание, что и происходит с ней на протяжении последних тридцати лет. Ведь, желая того или нет, она уже не попадает в цивилизационное ядро. Тогда движение России в будущее будет определяться логикой её интеграции не сколько в общечеловеческую, а сколько в западную цивилизацию. И соответственно критерии цивилизационного развития следует искать уже не в её культуре, а вовне. Но именно такой подход меня больше всего и не устраивает.

На мой взгляд, у России как раз нет места в так понимаемой «общечеловеческой» цивилизации. И вовсе не потому, что она ещё цивилизационно не «созрела» или не «поднялась» на более высокий уровень цивилизационного развития. Разнообразие, о котором пишет Мотрошилова, имеет в качестве оборотной стороны культурную унификацию, проявившуюся в наибольшей степени в глобализационной политике Запада. Глобализация в этом смысле есть огромный конвейер или «плавильный котёл», который «переплавляет» всё особенное и самобытное в культурах, оставляя в них лишь универсально-значимое. И если западная цивилизация посредством глобализации утверждает и распространяет в мире собственные культурные образцы, то России, как и другим, незападным и недостаточно «зрелым» цивилизациям, приходится иметь дело с культурной интервенцией, что заставляет её искать собственную логику развития культуры и становиться на свой путь цивилизационного развития.

Многоцивилизационность является признаком всего мира как ансамбля существующих цивилизаций, а не «сущностным отличием» одной единственной человеческой цивилизации. Человечество разрознено и пока не готово к той форме всеединства, о которой мечтали Е. Ф. Фёдоров и В. С. Соловьёв. Не может оно объединиться и под знамёнами западной цивилизации, не разрушая при этом логики развития разных культур. Поэтому ему ещё предстоит пройти длительный путь эволюции, прежде чем различные цивилизации впитают в себя идею всечеловечности и примут всесубъектную или иную логику. Я не исключаю возможность возникновения в недалёком будущем «укрупненных» цивилизаций или союзов цивилизаций (своего рода «скоплений галактик»), объединяющих «частные» цивилизации и имеющих общие геополитические интересы. На этот путь уже стал Китай, стремящийся к созданию экономического пояса будущей евразийской цивилизации, в которой ему будет принадлежать, безусловно, ведущая роль.

Если же представить себе объединение цивилизаций в мировом масштабе, то это, скорее всего, будет, на мой взгляд, «всечеловеческая», а не «общечеловеческая» цивилизация. И только одному Богу известно, какую роль в ней будет играть Россия. Я не могу взять на себя ответственность в том, чтобы заглядывать так далеко в будущее.

Итак, перед современной Россией разворачивается не одна, а, как минимум, две возможности интеграции в крупные проекты междивизицизионных союзов — сближение с Западом, которое чревато для неё, как показал уже исторический опыт, полукOLONиальной зависимостью, или выстраивание продуктивных и добрососедских отношений с цивилизацией Китая, в т.ч. вхождение на выгодных для неё условиях в проект «Нового шелкового пути» и, в конечном счете, в более крупную цивилизацию или союз цивилизаций «Великая гармония», имеющий четко выраженные экологические приоритеты. В последнем случае она может сохранить собственную цивилизацию, если сумеет, конечно, отстоять свои национальные и геополитические интересы. Куда же качнется маятник цивилизационно-го развития России, мы узнаем уже в ближайшей перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х т. Т. 1. — М.: «Мысль», 1970. — 501 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х т. Т. 2. — М.: «Мысль», 1971. — 248 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3-х т. Т. 3. Философия духа. — М.: «Мысль», 1977. — 471 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Философия права. — М.: Мысль, 1990. — 524 с.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Изд. 2-е. — М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. — 816 с.
6. Межуев В.В. Цивилизация или цивилизации? (к спорам вокруг понятия цивилизации) // Знание. Понимание. Умение. — 2016. — № 2. — С. 40-52.
7. Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в современную эпоху. — М.: ИФ РАН, 2007. — 268 с.
8. Резник Ю.М. Феноменология человека. Бытие возможного. — М.: Канон+ РООИ «Реабилитация»; Культура, 2017. — 632 с.
9. Резник Ю.М., Смирнов А.В. Философия в поисках смысла: рефлексия Иного и инаковости. Часть 1 // Личность. Культура. Общество. — 2017. — Т. XIX — Вып. 3-4 (№№ 95-96). — С. 247-273.
10. Резник Ю.М., Смирнов А.В. Философия в поисках смысла: рефлексия Иного и инаковости. Часть 2 // Личность. Культура. Общество. — 2018. — Т. XX. — Вып. 1-2 (№№ 97-98). — С. 291-311.
11. Резник Ю.М., Смирнов А.В. Философия в поисках смысла: рефлексия Иного и инаковости. Часть 3 // Личность. Культура. Общество. — 2018. — Т. XX. — Вып. 3-4 (№№ 99-100). — С. 267-285.
12. Резник Ю.М., Смирнов А.В. Всечеловеческое и общечеловеческое. Часть 1 // Личность. Культура. Общество. — 2019. — Т. XXI. — Вып. 3-4 (№№ 103-104). — С. 290-307.
13. Смирнов А.В. Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 712 с.

14. *Смирнов А.В.* Событие и вещи. — М.: ООО «Садра»: Издательский Дом ЯСК, 2017. — 232 с.

15. *Смирнов А.В.* Всечеловеческое vs общечеловеческое / А.В. Смирнов. — М.: ООО «Садра»: Издательский Дом ЯСК, 2019. — 216 с.

16. *Соловьев В.С.* Сочинения в 2 т. Т. 1. — М.: Мысль, 1988. — 892 с.

17. *Соловьев В.С.* Сочинения в 2 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1988. — 822 с.

18. *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. — СПб.: РХГИ, 2000. — 1056 с.

19. *Сорокин П.А.* Главные тенденции нашего времени. — М.: Ин-т социологии РАН, 1993. — 195 с.

20. *Сорокин П.А.* Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты. — Сыктывкар: ООО «Анбур», 2018. — 640 с.

21. *Сорокин П.А.* Общие принципы цивилизационной теории и её критика // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. — М.: Аспект Пресс, 1999. — С. 47-54.

22. *Сорокин П.А.* О концепциях основоположников цивилизационных теорий // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. — М.: Аспект Пресс, 1999. — С. 38-47.

23. *Степанянц М.Т.* Цивилизационный вектор будущего развития человечества // Наука и социальная картина мира. К 80-летию академика В.С. Стёпина. — М.: Альфа-М, 2014. — 768 с.

24. *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. — М.: Прогресс, 1995. — 800 с.

25. *Трубецкой Н.С.* Европа и Евразия. — М.: Алгоритм, 2014. — 301 с.

26. *Фёдоров Н.Ф.* Сочинения. — М.: Мысль, 1982. — 711 с.

27. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ, 2003. — 868 с.

28. *Швейцер А.* Благоговение перед жизнью. — М.: Прогресс, 1992. — 576 с.

Примечания

1. См., например, работы последних лет: *Келле В.Ж.* Цивилизационный подход и проблемы формирования теории исторического процесса // Вопросы социальной теории. 2008. Т. II. Вып. 1 (2). — М., 2008. — С. 356-374; *Шевченко В.Н.* Цивилизационный подход под углом критики // Вопросы философии. — 2016. — № 2. — С. 33-44.

2. Цивилизация рассматривается этой группой авторов преимущественно как «общечеловеческое целое» (см.: *Мотрошилова Н.В.* Цивилизация и варварство в современную эпоху. — М.: ИФ РАН, 2007. — 268 с.), как «антропогенный способ жизнеустройства» (Н.И. Лапин), как пространство технологий и модернизации (см.: Высокие технологии и современная цивилизация. Сбор. ст. — М.: ИФ РАН, 1999. — 131 с.; Цивилизация и модернизация. Российско-китайская конф. (2012, Москва); Редкол.: Н.И. Лапин, Чуаньци Хэ и др. — М.: ИФ РАН, 2013. — 197 с.), с точки зрения её исторического происхождения (см.: *Клягин Н.В.* Происхождение цивилизации (социально-философский аспект). — М.: ИФ РАН, 1996. — 252 с.). Проблему соотношения понятий «цивилизация» и «цивилизации» анализирует, в частности, В.М. Межуев (см.: *Межуев В.В.* Цивилизация или цивилизации? (к спорам вокруг понятия цивилизации) // Знание. Понимание. Умение. — 2016. — № 2. — С. 40-52).

3. Цивилизация определяется этими авторами как «целостный социальный организм, предполагающий определенный тип культуры» и разделённый на два больших класса — традиционные и техногенные цивилизации (см.: *Стёпин В.С.* Философская антропология и философия культуры. — М.: Академ. Проект, Альма Матер, 2015. — 542 с.), в соотношении с культурой (см.: *Межуев В.М.* Идея культуры. М.: 2006; *Межуев В.М.* История, цивилизация, культура: опыт философского истолкования. — СПб.: СПбГУП, 2011. — 440 с.; *Стёпин В.С.* Цивилизация и культура. — СПб.: СПбГУП, 2011. — 408 с.), в контексте диалога с другими цивилизациями (см.: Диалог цивилизаций. Повестка дня / Под общ. Ред. В.И. Толстых. — М., 2005. — 145 с.; *Межуев В.М.* Диалог между цивилизациями и Россия // От диалога цивилиза-

ций к сотрудничеству и интеграции. Наброски проблемного анализа. — М., 2006), с точки зрения *проблемы варварства* (Кара-Мурза А.А. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. — М.: ИФ РАН, 1995. — 211 с.; Мир цивилизаций и «современное варварство»: Роль России в преодолении глобального нигилизма / Отв. ред. В.Н. Расторгуев. — М.: Институт наследия, 2019. — 472 с.), как «государство-цивилизация» (см.: Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; В.И. Спиридонова, Р.И. Соколова, В.Н. Шевченко. — М.: ИФ РАН, 2016. — 122 с.). См. также: *Ерасов Б.С.* Цивилизации. Универсалии и самобытность. — М., 2002; *Хачатурян В.М.* Цивилизации в новом социальном пространстве // Вопросы социальной теории. — 2009. — Т.VIII. — Вып. 1(3). — М., 2009. — С. 341-258) и др.

4. На этом останавливается специально В.М. Межуев (См.: *Межуев В.В.* Цивилизация или цивилизации? (к спорам вокруг понятия цивилизации) // Знание. Понимание. Умение. — 2016. — № 2. — С. 40-52). Ссылаясь на А. Тойнби, он писал: «Соответственно, научно несостоятельным считается любое суждение о цивилизации как едином, универсальном для всего человечества способе его существования. По словам А. Тойнби, тезис о единстве цивилизации является ложной концепцией, существующей в головах историков, находящихся “под сильным влиянием социальной среды”. Источником этой концепции, как он считает, является экономическая и политическая унификация мира под воздействием западной цивилизации. Подобную унификацию, ставшую следствием экспансионистской политики Запада в его стремлении к мировому господству, не следует выдавать за создание единой цивилизации. Претензия Запада на мировую гегемонию несостоятельна хотя бы потому, что игнорирует культурные особенности стран и народов, находящихся за пределами западного мира и имеющих для них более фундаментальное значение, чем экономика и политика» (там же. С. 41). Межуев приводит в этой связи и аргументы С. Хантингтона. Здесь важно отметить то, что большинство философов, как и социальных антропологов, поддерживают идею множественности цивилизации или исходят из признания многообразия мира цивилизаций.

5. В данном очерке проект рассматривается как способ формирования концептуального видения настоящего и будущего конкретного объекта в соответствии с принятыми критериями долженствования. Под цивилизационным же проектом я буду понимать мысленную конструкцию настоящего и будущего страны (общества) или группы родственных в культурном отношении стран (системы обществ), обоснованную не только логически, но главным образом содержательно и с учётом заданных критериев. Иными словами, это содержательное наполнение цивилизационного настоящего и будущего общества (или обществ), в котором достаточно аргументированным образом соединяются представления о сущем и должном. Разумеется, не следует забывать и о способах (или методах) символического построения такого будущего, которые используют при этом авторы разных цивилизационных проектов.

6. Я согласен с Н.В. Мотрошиловой в том, что философия выполняет цивилизационную функцию. Приведу её слова: «Человечество проходит довольно длительный путь развития цивилизации и культуры, прежде чем возникает настоятельная потребность в вычлениении всеобщего как такового, в специальной работе с ней. На неё и отвечает рождающаяся философия — *специфическое ответвление культуры*... Процесс выделения и обработки всеобщего для цивилизации также всеобщее: недаром же он — синхронизирован или последовательно — происходит в разных регионах мира» (см.: *Мотрошилова Н.В.* Цивилизация и варварство в современную эпоху. — М.: ИФ РАН, 2007. — С. 37-38). Вот здесь бы я сделал паузу и добавил от себя: эти слова лишь подтверждают мысль, что культуры возникают раньше, чем философия. Последняя появляется практически одновременно с цивилизацией, выступая завершающей фазой её символического оформления. А значит, везде, где возникают «островки» не одной, а множества цивилизаций, существует потребность в философии, которая участвует в процессе её самоописания, предлагая тот или иной цивилизационный проект. Ещё раз повторяю, философий существует, как минимум, столько, сколько имеется цивили-

лизаций, испытывающих потребность в «работе со всеобщим». И не случайно, наверное, философия зарождается в Древней Индии значительно раньше, чем в Древней Греции и Древнем Китае.

7. См.: *Донских О.И.* Культура, не ставшая цивилизацией // Россия как цивилизация. Сб. науч. тр. / отв. ред. Донских О.А. — Новосибирск: ИД «Сова», 2008. — С. 8.

8. См., например, некоторые труды отечественных исследователей на тему «Российская цивилизация», с которыми мне удалось познакомиться в последние годы: Мир Россия — Евразия: Антология / Сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. — М.: Высш. шк., 1995. — 399 с.; Мир цивилизаций и «современное варварство»: Роль России в преодолении глобального нигилизма / Отв. ред. В.Н. Расторгуев. — М.: Институт наследия, 2019. — 472 с.; Проект Россия: Вторая книга. Выбор пути. — М.: Эксмо, 2008. — 448 с.; *Расторгуев В.Н.* Цивилизационное наследие России // Журнал Института наследия. — 2018. — № 2. — С. 5-13; Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энци. словарь / От. Ред. М.П. Мчедлов. — М.: Республика, 2001. — 544 с.; Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; В.И. Спиридонова, Р.И. Соколова, В.Н. Шевченко. — М.: ИФ РАН, 2016. — 122 с.; Россия как цивилизация. Сб. науч. тр. / отв. ред. Донских О.А. — Новосибирск: ИД «Сова», 2008. — 296 с.; Россия на пути консолидации: Сбор. ст. — СПб.: Нестор-История, 2015. — 416 с.; Сияевский А.Д. Основы советской цивилизации. — М.: Аграф, 2002. — 464 с.; Смыслы и ценности русского мира: Сб. статей и матер. / Под ред. В. Никонова. — М.: Фонд «Русский мир», 2010. — 112 с.; Цивилизационное развитие России: наследие, потенциал, перспективы / Под общ. Ред. В.А. Черешнева, В.Н. Расторгуева. — М.: Издатель Воробьев А.В., 2018. — 440 с.; *Шановалов В.Ф.* Россия как цивилизация // Философия и общество. — 1999. — № 3. — С. 54-74, и др.

9. Как известно, реконструкция в архитектуре означает буквально переделку или перестройку чего-либо по совершенно иным принципам. *Проектная реконструкция* в гуманитарном или философском знании предполагает такое воспроизводство текста или материала дискуссии мыслителей прошлого и настоящего, которое приближает их идеи к пониманию современных реалий и позволяет заглянуть в будущее. При этом учитывается исследовательская и жизненная позиция автора такой реконструкции. В отличие от исторической реконструкции, задача которой состоит в максимально точном воссоздании исторического ландшафта событий прошлого, такая реконструкция стремится не только приблизить идеи, высказанные в прошлом, к современности, но и спроецировать их на возможное будущее. Другими словами, это из один из способов актуализации идейного наследия, призванный выработать новый взгляд на настоящее и будущее того или иного объекта (например, культуры, общества, цивилизации), и представить его в виде концептуального проекта.

10. Проектная идея — это мысленный образ идеального или желаемого состояния объекта. В гносеологическом плане это то, что субъект познания хочет видеть в создаваемой им картине объекта (например, общества, цивилизации или мира в целом). В практическом плане идея содержит в себе способ решения проблемы, т.е. осознаваемого данным субъектом противоречия между тем, что есть (в реальной ситуации) и тем, чего он хочет достичь (желаемым или необходимым состоянием). В нашем случае проект указывает на намерение субъекта создать образ желаемого будущего. Проектная матрица представляет, на мой взгляд, развернутое в схематическом (табличном) виде основное содержание проекта по параметрам, заданным автором проектной реконструкции.

11. См.: *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории. — М.: Наука, 1993. — С. 70-71.

12. См.: *Бальчиндоржиева О.Б.* Экологическая цивилизация Китая: проблемы и перспективы развития // Вестник Бурятского государственного университета. — 2007. — № 2. — С. 81-85. Цивилизация переводится с китайского двумя иероглифами — культура и свет. Можно интерпретировать её как «свет культуры» или «высветление культуры», которому присущи сочувствие, сострадание и гуманность.

---

13. См.: *Лазырина И.П., Симонов Е.А.* «Экологическая цивилизация» Китая: новые вызовы или новые перспективы для России? // ЭКО. — 2015. — № 7. — С. 52-72.

14. Взгляд на государство как обшенациональную корпорацию, выражающую интересы правящего класса, отнюдь не нов. Но есть и точка зрения, что подобная модель является продуктом постмодерна. Об этом пишет, в частности А. Харин в статье «Корпорация-государство как альтернатива современному государству» (Власть. — 2012. — № 9. — С. 76-79). «Это организация, складывающаяся в период глобализации, подминающая под себя органы государственного управления и ставящая на первое место корпоративную выгоду (прежде всего, экономические интересы)» (с. 76). Среди признаков такого государства выделяется следующее: «государственные интересы воспринимаются сквозь призму интересов данной корпорации» (с. 79). Такое государство может выступать в форме автократии, олигархии или плутократии (власть богатых).

Некоторые исследователи считают такой корпорацией современное российское государство. «Государство-корпорация выдвигает и новые критерии социальной идентичности и лояльности: оно ограничивает количество лифтов мобильности для пассионарных личностей и создает условия, в которых происходит десолидаризация общества и стагнация элиты, ибо попадание/непопадание в корпорацию зависит от сугубо субъективных причин и везения. Корпорация предполагает постоянный “тест на лояльность”, при этом не прошедшие этот тест в очередной раз, изгоняются из корпорации и поддаются остракизму... (см.: *Окара А.Н.* Государство-корпорация как новый тренд для России, Украины и Белоруссии» / http://www.intelros.ru/subject/belorus/551-andrej_okara_gosudarstvokorporacija_kak_novyyj_trend_dlja_rossii_ukrainy_i_belorussii.html; дата обращения — 07.05.20). Однако, возникает вопрос: чьи же интересы преследует данное государство? Ответ не совсем очевиден. Ведь за ним стоят большие ТНК, подчинившие целые страны своим корпоративным интересам. Поэтому государство есть корпорация внутри других корпораций.

15. В отличие от П.А. Сорокина я считаю, что в каждой культуре присутствуют не один, а все три выделенных им уровня: чувственный (социальное самочувствие людей), идеациональный (нерациональные структуры общественного сознания и сверхъестественное в ней) и идеалистический (рациональные общественные идеи, цели, идеалы и ценности). На определенном этапе развития культуры усиливается тот или иной слой культуры.

16. Транскультурный (от лат. trans —сквозь, через) означает в буквальном смысле «проходящий сквозь культуру или культуры».

17. Одно из таких определений даётся в словаре «Российская цивилизация»: это — «научное понятие, которым в рамках теории локальных цивилизаций характеризуется устойчивая социальная общность, сформировавшаяся: 1) на полиэтнической основе в результате интеграции больших и малых народов вокруг ствола великорусского народа; 2) при исторически сложившейся многоконфессиональности; 3) как синтез культур Запада и Востока» (см.: *Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энци. словарь / От. Ред. М.П. Мчедлов.* — М.: Республика, 2001. — С. 405). Значимыми факторами также признаются природно-климатические условия и определяющая роль государства.

18. К числу таких стран можно потенциально отнести не только «бывшие» республики Советского Союза, интегрированные сегодня в различные формы экономического или военно-политического сотрудничества с Россией (СНГ, ЕврАзЭС и пр.), но и те страны, которые близки ей в культурно-историческом плане (Болгария, Сербия, Греция, Монголия и пр.). Многие из них до сих пор находятся в дружественных отношениях с Россией, несмотря на имеющиеся экономические и политические противоречия. В этой связи я хочу сразу же отвергнуть обвинения в попытке воссоздать новую империю во главе с Россией. В данном случае я исключаю любые способы силового давления или «принуждения к миру». Речь идёт лишь о свободном и добровольном содружестве стран.

19. Примечательно, что больше всего для названия такой цивилизации подходит устойчивое выражение «евразийская цивилизация». К сожалению, к нему уже сложилось нега-

тивное отношение среди многих гуманитариев из-за неприязни к идеям евразийцев. Хотя для ряда исследователей совершенно очевидно, что здесь нельзя ограничиться сугубо «евразийским» толкованием такой цивилизации.

20. См.: Бердяев Н. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н.А. О назначении человека. — М.: Республика, 1993. — С. 316.

21. См.: Давыдов А.П. Основание развития как социокультурна 7проблема (к вопросу о медиационной теории эволюции западного социума // Вестник Института социологии. — 2018. — Том 9. — № 1. — С. 46.

22. До недавнего времени мы считали, что наша Вселенная — это единственный универсум. Но исследования астрономов в последние десятилетия показали, что вселенных, как и галактик, существует великое множество. Точно также и человеческая цивилизация не является единственной в нашей Вселенной. И хотя данная гипотеза ещё не доказана, но она и не опровергнута.

Поступила в редакцию 01.05.2020 г.

Раздел II. Цивилизационные контуры России в XXI веке

UDC 304.2

DOI: 10.30936/2227-7951-2020-12-121-130

Н.Б. АФАНАСОВ

ШОК РЕТРО-БУДУЩЕГО И РОССИЙСКИЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ

***Аннотация:** Будущее как предмет социальной науки имеет неоднозначное определение. Классическая социология, как правило, не обращается к глобальному прогнозированию, ссылаясь на невозможность методологически исследовать этот предмет. В свою очередь социально-философская футурология, используя весь доступный инструментарий наук о духе, исследует будущее, стремится дать ответ на вопрос, как оно будет выглядеть. В статье автор предлагает ретроспективный взгляд на понятие «шока будущего», введённое Элвином Тоффлером. Целью исследования является демонстрация не только того, что мышление о будущем возможно, но и того, что именно делает его успешным.*

На материале предсказаний и прогнозов Тоффлера автор показывает, что большинство из них сбылись, поскольку учитывали социальную динамику, а не акцентировали своё внимание на научно-технической стороне вопроса. Тем не менее, в настоящий момент дискуссия о будущем осложнена тем, что проходит в понятиях прошлого мышления о будущем, захвачена ностальгией. Автор делает вывод, что понимание природы ностальгии и методологических особенностей мышления о будущем способны направить дискуссию в более продуктивное русло. Отмечая, что Россия, подобно другим странам, также испытала ретро-футурошок, автор показывает, что понимание тупика ностальгии, как варианта будущего, может быть использовано при разработке российского проекта цивилизационного развития.

Афанасов Николай Борисович – младший научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН (Москва). E-mail: n.afanasyov@gmail.com.

Abstract: *the Future as a subject of social science has an ambiguous definition. Classical sociology, as a rule, does not address global forecasting, referring to the impossibility of methodologically investigating this subject. In turn, socio-philosophical futurology, using all available tools of the spirit Sciences, explores the future, seeks to answer the question of how it will look. In the article, the author offers a retrospective view of the concept of “future shock”, introduced by Alvin Toffler. The purpose of the study is to demonstrate not only that thinking about the future is possible, but also what exactly makes it successful.*

Based on the material of Toffler’s predictions and forecasts, the author shows that most of them came true, since they took into account social dynamics, and did not focus their attention on the scientific and technical side of the issue. However, at the moment the discussion about the future is complicated by the fact that it takes place in terms of past thinking about the future, and is filled with nostalgia. The author concludes that understanding the nature of nostalgia and methodological features of thinking about the future can direct the discussion in a more productive direction. Noting that Russia, like other countries, has also experienced a (retro-)future shock, the author shows that understanding the impasse of nostalgia as a variant of the future can be used in the development of the Russian project of civilizational development.

Ключевые слова: *социальная философия, социально-философская футурология, будущее, российский проект цивилизационного развития, ностальгия, Тoffлер, философия культуры, “шок будущего”.*

Keywords: *social philosophy, social-philosophical anthropology, future, Russian project of civilizational development, nostalgia, Toffler, philosophy of culture, “future shock”.*

Предисловие. В 1970 г. вышла книга американского социолога, социального теоретика и журналиста Элвина Тоффлера «Шок будущего» [17], которая подвела черту под озабоченностью будущим для целого поколения и заложила основы мышления о глобальных перспективах нашего мира. Работа получила культовый статус не только в среде интеллектуалов, но и стала настольной книгой для многих политиков и общественных деятелей [15]. В те годы учёные, как никогда ранее, пытались понять, куда приведут человечество стремительные и глобальные трансформации социального, экономического и технологического устройства мира. Эта фраза может вызвать улыбку у исследователя, да и просто у искушённого обывателя в начале XXI века: озабоченность переменами стала общим местом в социальной мысли. Мы уже привыкли к тому, что все говорят о коренных трансформациях социума, да и похоже думаем, что к самим переменам нам удалось успешно адаптироваться. В конце концов, апока-

липсиса, которым так часто пугали читателей во второй половине XX века, не произошло. Но это не значит, что будущее не наступило.

Чтение предсказаний прошлого о будущем подчас представляет собой достаточно бессмысленное занятие, по крайней мере для социологов. Современный британский социолог Джон Урри считает, что социальные науки, как правило, не занимаются будущим, и отдали это на откуп футурологии, которая не является социальной наукой в строгом смысле слова [13]. Урри связывает это невнимание к предмету со стороны социологии с провалом прогностической составляющей социальной философии Маркса и Энгельса, научный прогноз которых о планомерном движении истории к коммунизму, как известно, не сбывся [11]. Границы футурологии как суб-дисциплины достаточно размыты, поскольку она не имеет собственного методологического инструментария [10], но кому, если не социальному философу мыслить о будущем?

Философское понятие будущего является сложным конструктом, проводящим границы между существующими смыслами и теми, которых ещё нет в действительности. Смысл будущего для человека, обеспокоенного социальным, в том, чтобы, во-первых, суметь понять, какие тенденции в настоящем станут доминирующими через несколько лет. Это то, к чему призывает социальных исследователей Элвин Тоффлер: лучше понять само настоящее [12]. А, во-вторых, понимание перспектив развития может уберечь от потерь и ошибок. Этот смысл аналитики будущего для социальной теории также можно обнаружить и у Тоффлера. Мы, соответственно, можем предпринять попытку ретроспективно взглянуть на предсказания будущего. Чтобы не пытаться охватить слишком большой предмет рассмотрения, в рамках настоящей статьи я возьму в качестве примера российский цивилизационный проект, поместив его в контекст сбывшегося будущего второй половины XX века и самого начала XXI века. В своём размышлении я попробую дать ответ на вопрос о том, почему шок будущего для России обернулся «ретро-шоком».

Ретро-шок будущего. Несмотря на неоднозначность понятия «шок будущего», следует найти для него внятное и исчерпывающее определение. Тоффлер полагал, что «... мы можем определить шок будущего как страдание, физическое и психологическое, возникающее от перегрузок, которые физически испытывают адаптивные системы человеческого организма, а психологически — системы, отвечающие за принятие решений. Проще говоря, шок будущего есть реакция человека на запредельное нервное раздражение» [12, 132]. Если обратиться к генезису понятия, то сам футурошок является парафразом понятия «культурный шок», что, на наш взгляд, замечательно описывает положение дел. Новое будущее — это но-

вая культура, которая порождена социальными изменениями. Шок возникает от перегрузки, когда психические способности индивида оказываются неспособными успешно встроить его в поток изменений.

Собственно, многие из нас, замечают ли они того или нет, сталкиваются с подобным весьма часто, пытаясь укрыться от мира будущего, который уже стал настоящим. В предисловии к русскому изданию «Шока будущего», которое носит замечательное название «Бог поразительных преобразений» П.С. Гуревич даёт литературную характеристику трансформаций, которые постигли российское общество в 1990-е гг.: «Вы просыпаетесь утром и обнаруживаете, что мир, который долгие годы воспринимался как фон вашей жизни, переменялся. Всё, к чему вы привыкли, становится совсем иным. Причём в рекордные сроки, буквально ежесекундно» [5, 3]. Шок будущего коснулся постсоветской реальности гораздо сильнее, чем это было во многих странах. В силу того, что динамика, присущая самому научно-техническому прогрессу и экспансии капитализма, была помножена на различие в жизненных практиках и культуре позднесоветского общества.

Соответственно, первым этапом «шока» становится именно «шок будущего». На эмпирическом материале ускоренной и насильственной модернизации российской культуры мы ясно видим, что тяга к переменам лежит в основе происходящего. Многие в этой культуре жаждало динамики и успешно вестернизировалось. Как правило, большинство проблем в этих процессах исследователи приписывают неравномерному развитию экономики, в т.ч. её отставанию [8]. Но для нашего рассмотрения важно другое — культура и общество, которые на протяжении десятилетий выстраивали альтернативное будущее, оказались втянутыми в вариант динамичного капиталистического будущего.

Следует отметить, что футурология 70-х гг. XX века может давать весьма точные предсказания в отношении того, как будут развиваться события. Перечисляя наиболее важные инновации в области трансформаций потребления, Элвин Тоффлер указывает на наступление эпохи «одноразовых вещей» [12, 152]. На самом деле этот феномен важен для понимания современности. Экономика и капитализм лежат в основе её актуальной итерации и большинства явлений, формируя капиталистический универсум [6]. Соответственно, имеет смысл рассматривать трансформации потребления как социальные характеристики. Одноразовые вещи ускоряют темпоральность, поскольку упраздняют психологическую привязанность субъекта к вещам. Их слишком просто заменить. Отношения к одноразовым вещам распространяются и на отношения людей, их жизненные стратегии [12, 64-65].

Экономическая диверсификация на деле сопровождается медиа-стандартизацией, которая приводит к тому, что современная диалектика свободы и несвободы необычайно сложна. Это значит, что безграничный выбор психологических впечатлений, к которым современный человек не испытывает сильной привязанности, создаёт переизбыток возможностей. Свобода выбора состоит в выборе между одинаковыми вещами при их кажущемся многообразии, что приводит индивида в состояние фрустрации [12, 315]. Результатом всего происходящего становится неспособность человека совладать с шоком будущего, которая приводит к девиантному и асоциальному поведению, к уходу в субкультуры или просто «уходу в себя». Вероятно, все эти процессы были характерны для российской культуры в последние три десятилетия. Не сильно они отличались и на Западе. Похоже, что «социология» Тоффлера верно схватила последствия «шока будущего» в первом аспекте социального познания – в понимании будущего через настоящее и динамику происходящих процессов.

Из этого можно сделать вывод, что не всякая футурология имеет дело с утопиями. Если её инструментарий и теоретические посылки вызывают доверие, то, возможно, она может сказать человеку нечто о нём самом и его будущем. Стратегия Тоффлера о принятии важности перспективы настоящего для анализа самого будущего доказала свою эффективность. Мы же можем попытаться предпринять, вслед за Тоффлером, ещё одну попытку взглянуть на предполагаемое будущее цивилизации, в которое России придётся как-то встраиваться. По меньшей мере, у нас нет оснований полагать, что модернизирующая глобализация обойдёт стороной государства периферийного капитализма [14, 163]. В культуре эти процессы протекают достаточно быстро.

Шоком ретро-будущего станет невероятная правота мыслителей прошлого. В мире, где культура и капитализм построены на бесконечном обновлении и динамике, желательнее экспоненциально ускоряющейся, слова и увещания прошлого выглядят ненужным анахронизмом, но их правота обескураживает. Таким образом, не просто мысль прошлого о будущем, экстраполирующая актуальные тенденции, но и мысль прошлого о будущем, предполагающая новизну, может и должна становиться предметом изучения, что позволит лучше понять будущее российского общества и других стран. Кроме того, шок ретро-будущего позволит понять явление, которое, казалось бы, не вписывается в событийную последовательность происходящего – ностальгию, всё более пронизывающую современную культуру, что, на наш взгляд, применимо и к российскому цивилизационному проекту.

Всепроникающая ностальгия. Говоря о том, что современность слишком недружелюбна для человека, Элвин Тоффлер называл несколько сценариев выхода из ситуации, в т.ч. эскапизм и всепоглощающую ностальгию. Последняя особенно важна для нас, поскольку имеет особое значение в контексте анализа будущего российского цивилизационного проекта.

Понятие «ностальгия» уже вошло в научный оборот: «В XX веке тоска по прошлому становится определяющей метафорой, описывающей смысл ностальгии, что означало переход от её *пространственной* дислокации к *временной*. Современное понятие ностальгии используется в обоих смыслах: как персональная утрата идеализированного прошлого и тяга к нему, так и в качестве интеллектуального эмоционального конструкта, искажающего публичную версию определённого исторического периода или определённой социальной формации прошлого» [1, 9].

Но, если понятие «ностальгия» и используется для анализа социальной реальности, то стать предметом социально-философской футурологии ей ещё только предстоит. Полагаем, что философские интерпретации ностальгии могут послужить для неё пищей. Если отталкиваться от прогнозов Тоффлера, то ностальгию следует считать формой эскапизма для индивида/потребителя и спасения для общества/производителя. Для первого она становится возможностью почувствовать себя «дома», потребить нечто привычное или кажущееся таковым. Для второго — избежать кризиса идей и поисков бесконечной новизны, которую требует капиталистическая логика.

В свою очередь, ностальгическое потребление вписывается в тренд психологического или эмоционального восприятия капитализма. Ностальгия «продаёт» в первую очередь ощущение и эмоцию, а не вещь. В начале нашего рассуждения было акцентировано внимание на мысли Тоффлера о наступлении эпохи одноразовых вещей и утрате чувства привязанности к ним. Судя по всему, дело обстоит действительно так, и ностальгия является одним из способов психологической защиты человека позднего капитализма, или человека «будущего», позволяя ему сохранять стабильность в мировосприятии и поддерживать у него иллюзию владения собой, своим прошлым и настоящим.

Некоторые социологические исследования напрямую обращаются к анализу ностальгического потребления в постсоветской России и приходят к выводам о необычайной важности ностальгической компоненты в ряде категорий товаров. Более того, о значении ностальгии говорит и тот факт, что не только старшая возрастная группа ориентирована на потребление этих товаров: «Какова аудитория <...> ностальгических продуктов? Очевидна ориентация производителей на тех, кто приобретал их ранее. Помимо этого, наблюдается любопытный феномен: ностальгические то-

вары – как “аутентичное” ретро и продукты с традицией производства, так и “имитации”, – интересуют молодых людей, в силу возраста не заставших существования блока социалистических стран» [9, 123]. В силу своей социальной природы ностальгия восходит к динамике трансформаций современности. Скорость изменений в России после распада СССР была выше, чем в большинстве западных стран. Соответственно, следует ожидать, что и феномен ностальгии в ней будет гораздо более значимым.

Таким образом, размышление о будущем в контексте российского цивилизационного проекта приобретает ретро-характер. Судя по всему, ностальгия будет занимать в нём значимое пространство. Делая набросок перспективных исследований этой области, перечислим то, к чему мог бы обратиться социальный философ: ностальгия в политике, в массовой культуре, в практиках потребления. Характер будущих дискуссий о политике, культуре и экономике в значительной степени будет определяться не реальным видением прошлого и будущего, а идеализированными, *ностальгическими* представлениями о них. Именно так, повсеместность ностальгии влияет и на образы будущего. Приведём пример того, где наиболее ярко видна ностальгия, связанная с культурной травмой: полёт Юрия Алексеевича Гагарина в космос 12 апреля 1961 года. Для носителя русской культуры это событие выступает не только исторической точкой отсчёта, но и началом ностальгии по утраченному (идеализированному) прошлому и будущему и, возможно, по проекту будущего.

Важно, что подобное присутствие ностальгии в культуре беспрецедентно и заставляет усомниться в реальных возможностях продуктивного развития. Это значит, что, как правило, новое, в т.ч. и модернизационные проекты, рождалось из осознания реальности и необходимости перемен. Оно упраздняло историческое. Но может ли само мышление в ностальгических категориях стать продуктивным для проектов цивилизационного развития? Пожалуй, здесь мы подходим к грани будущего, с которой не сталкивались ранее, что говорит о прекращении действенности социально-философской футурологии, которая позволяла тому же Тоффлеру верно и весьма точно прогнозировать социальные трансформации. Но то, что должно стать осознанной тенденцией, так это само наличие ностальгической компоненты в размышлениях о будущем. Возможно, это один из тех паттернов мышления, который предвещает рождение нового. Впрочем, нам не следует забывать о его капиталистическом генезисе.

Я уже писал о том, что ностальгия особенно важна именно для понимания российского контекста цивилизационного будущего. Светлана Бойм, американский антрополог, которая родилась в Ленинграде и позже переехала в США, в этой связи пишет: «Ностальгия – это не локальная

российская болезнь, противостоящая глобальным процессам, а феномен мировой культуры; история ностальгии тесно связана с историей прогресса и Нового времени» [2]. В качестве такового феномена ностальгия и будет развиваться и оказывать влияние на культуру современности. Вслед за Светланой Бойм, мы можем говорить о «будущем ностальгии». Для социальной философии это открывает важную проблему осознания тупика мышления о будущем, невозможности помыслить нечто реально новое, не прибегая к ностальгии [16, 79].

Заключение. Легитимация представлений о будущем может выстраиваться в виде двух стратегий. Во-первых, понимание завершения прогрессивных тенденций, которые мы видим в настоящем, даёт нам более глубокое представление о самом настоящем. Во-вторых, всё это позволяет надеяться на понимание будущего.

Социальная философия фиксирует важность представлений о прошлом для понимания будущего, но фантазии и самые смелые прогнозы о нём могут влиять на настоящее настолько существенно, что, в конечном итоге, изменит само будущее. Вероятно, именно такой подход способен превратить социально-философскую футурологию в продуктивную дисциплину. Однако не следует увлекаться прогнозированием конкретных изменений. К примеру, Элвин Тоффлер полагал, что аквакультуры будут играть заметную роль в обеспечении планеты пищей. Этого не произошло, как не произошло и многого другого, что предсказывали мыслители прошлого, и что из перспективы сегодняшнего дня выглядит наивной фантастикой. К примеру, британский социолог Джон Урри в своей книге «Как выглядит будущее» [13] весьма осторожен в своих прогнозах. Стараясь придерживаться конкретики, он всё же отмечает, что разные сценарии могут как реализоваться, так и остаться лишь сценариями.

Большей прогностической силой обладает социальная теория. Возможности техники и научно-технического прогресса велики, и, вероятно, в пределе своего развития превосходят способности человеческого социума к адаптации и изменению, но мы не должны забывать, что именно *социальные* потребности человека делают технические новшества востребованными. Будущее, это в гораздо большей степени социальный, а не научно-технический феномен [4, 59-66]. Соответственно, такие прогнозы сбываются чаще, приспособливая возможности техники к потребностям людей. В числе базовых проектов, которые определили недавнее прошлое, продолжают определять настоящее и будут определять будущее, следует назвать капитализм, глобализацию и пластичность человеческой культуры. Именно черты этих областей будут влиять на мировое будущее, несмотря на частные случаи реализации разных сценариев в разных культурах.

Шок будущего, как невозможность адаптироваться к социальным трансформациям, сменяется шоком ретро-будущего для социальной мысли, т.е. осознанием того, что само по себе будущее зависит от представлений о прошлом гораздо больше, чем от научно-технического прогресса или экономического роста. Всё это уже имеется в нашем прошлом и, причём достаточно давно. Утопическое мышление не выдерживает критики, если говорить о социально-философской футурологии. Соответственно, философии общества следует обратиться к тому, что уже есть «здесь-и-сейчас», что определяло и продолжает определять социальную реальность.

Наиболее характерным элементом восприятия будущего российской цивилизации является ностальгия. Вызванная отчасти капиталистической динамикой и глобализацией, она накладывает свой отпечаток на культуру. На наш взгляд, для того чтобы построить цивилизационный проект будущего России, но не ретро-будущего, необходимо в первую очередь преодолеть ностальгию. В зависимости от того, возможно ли это и в какой мере, будет определяться перспектива развития. С нашей точки зрения, внутри ностальгической культуры отсутствуют инструменты для подобного шага, но вполне вероятно, что кризис капитализма будет способен открыть новые возможности, при условии, что ими кто-то захочет воспользоваться [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамов Р.Н.* Время и пространство ностальгии // Социологический журнал. – 2012. – № 4. – С. 5-23.
2. *Бойм С.* Будущее ностальгии // Неприкосновенный запас. – 2013. – № 3 (89).
3. *Бойм С.* Будущее ностальгии. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 680 с.
4. *Вайсман Дж.* Времени в обрез: ускорение жизни при цифровом капитализме. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – 304 с.
5. *Гуревич П.С.* Бог поразительных преображений // *Тоффлер Э.* Шок будущего. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – С. 3-20.
6. *Джеймисон Ф.* Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – 808 с.
7. *Дююи Ж.П.* Малая метафизика цунами. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2019. – 168 с.
8. *Канарш Г.Ю.* Справедливость, демократия, капитализм: пути модернизации России в XXI веке. – М.: ЛЕНАНД, 2020. – 304 с.
9. *Кусимова Т.Б., Шмидт М.А.* Ностальгическое потребление: социологический анализ // Журнал институциональных исследований. – 2016. – Т. 8. – № 2. – С. 120-131.
10. *Николаи Ф., Тесля А., Афанасов Н.* X Международная конференция «Способы мысли, пути говорения» Школы философии НИУ ВШЭ (НИУ ВШЭ, Москва, 22-23 апреля 2019 года) // Новое литературное обозрение. – 2019. – № 5(159). – С. 424-442.
11. *Павлов А.В.* Будущее как предмет социальной теории // Социологическое обозрение. – 2019. – Т. 18. – № 3. – С. 328-344.
12. *Тоффлер Э.* Шок будущего. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 557 с.
13. *Урри Дж.* Как выглядит будущее? – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 320 с.

14. Федотова В.Г. Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке. – М.: ИФ РАН, 2002. – 208 с.
15. Blaser K. Apocalypse Now?: Social Change in Contemporary America // *American Studies*. – 1996(2). – P. 117-130.
16. Therborn G. *From Marxism to Postmarxism*. – London: Verso, 2008. – 208 p.
17. Toffler, A. *Future Shock*. – New York: Bantam Books, 1970. – 502 p.

Поступила в редакцию 01.05.2020 г.

UDC 304.2

DOI: 10.30936/2227-7951-2020-12-131-142

Т.В. БЕСПАЛОВА

БУДУЩЕЕ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НЕКОТОРЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНТУРЫ

***Аннотация:** Статья посвящена отдельным идеологическим и цивилизационным аспектам будущего России, определяющим иерархию значимых ценностей российского народа и приоритетные стратегии решения конфликтных ситуаций с точки зрения русской истины. Успешное будущее России может быть только цивилизационным, а концепты «российская цивилизация» и «русский мир» могут быть использованы во взаимосвязи в качестве основы национальной идеи современной России. Методологически сложным вопросом является соотношение цивилизационной теории с любой идеологией, решение вопроса видится в идеологии государственного патриотизма и системной политике России по сохранению исторической истины с целью преодоления конфликта конкурирующих версий культурно-исторической памяти.*

***Abstract:** The article is devoted to certain ideological and civilizational aspects of the future of Russia, which determine the hierarchy of significant values of the Russian people and priority strategies for solving conflict situations from the point of view of Russian truth. The successful future of Russia can only be civilizational, and the concepts of “Russian civilization” and “Russian world” can be used in interconnection as the basis of the national idea of modern Russia. A methodologically complex issue is the relationship of civilizational theory with any ideology, the solution to the issue is seen in the ideology of state patriotism and Russia’s systemic policy of preserving historical truth in order to overcome the conflict of competing versions of cultural and historical memory.*

Беспалова Татьяна Викторовна — доктор философских наук, кандидат политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, руководитель Отдела государственной культурной политики Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева (Москва). E-mail: tvb09@bk.ru.

Ключевые слова: *российская цивилизация, идеология государственного патриотизма, идея солидарной цивилизации, экосоциализм, христианские и советские ценности, цивилизационный код России.*

Keywords: *Russian civilization, the ideology of state patriotism, the idea of solidarity civilization, eco-socialism, Christian and Soviet values, the civilizational code of Russia.*

*Будущее оказывает влияние на настоящее
Ничуть не в меньшей степени, чем прошлое.
Ф. Ницше*

Россия как «цивилизационная империя». «Зачем нам мир, в котором не будет России?» – этот вопрос заставил вздрогнуть мировое сообщество. Данное послание могло быть воспринято только однозначно – будущее всего человечества зависит от будущего России. Причем *не от любого будущего, а от такого, которое мы сами определяем.* России предстоит в очередной раз подтвердить свой цивилизационный выбор, и не позволить превратить понятие «цивилизация» в модный политический конструкт.

Подлинная цивилизационная черта русского (российского) человека заключается в таком отношении к власти и государству, которое соотносится с их истинным предназначением. «У народа и правительства должно быть одно понимание святости» – известный тезис Ю. Самарина лучше всего отражает суть национальной идеи России в любые исторические времена. «Русская истина моральна. И миру она потребуется именно в русской версии морального разума – как выжить всем, а не только отдельной группе, претендующей на мировую власть, которая собирается сделать это за счёт гибели подавляющего большинства остальных людей земли» [12, 557].

Начну с предположений:

1. Россия может быть сильна и независима только в форме цивилизационной империи.

2. Идеократия, как тотальная власть идеи (но не любой идеи), является главной характеристикой русской власти, определяющей специфику государственного и политического управления в России, выстраивание общественных отношений на основе идеала. Идеал в истории российской государственности был разным – «христианский», «социалистический» и др., что позволяло менять цивилизационные ориентиры России, однако главным всегда было сохранение идеократии России.

3. Идея христианского социализма (С.Н. Булгаков), русского православного социализма (А.Л. Казин), совмещение христианских (евангелический

код) и советских ценностей (код социальной справедливости) (А.В. Шипков) — образуют единый культурно-цивилизационный код России, который составляет основу идеологии русской государственности.

4. Восстановление привычной иерархии значимых ценностей в российском обществе — жизненная необходимость в процессах сохранения цивилизационной самобытности России.

5. Идея солидарной цивилизации (идея В.А. Лепехина) заключается во взаимосвязи с идеологией государственного патриотизма (см. прим. 1) в культурно-цивилизационном измерении (Т.В. Беспалова, Е.В. Свиридкина), и с учетом новых политических угроз — основа для возрождения экономически сильного и политически независимого российского государства.

По мнению В.Н. Расторгуева, «цивилизационная идентичность трудно совместима с преходящими идеологическими формами идентификации, поскольку цивилизационные отличия чаще всего связаны с конфессиональной принадлежностью, а все так называемые “великие учения” (“измы”), лежащие в основе политических доктрин и стратегий, стремятся занять в массовом сознании место религиозной веры (свято место пусто не бывает)» [2, 96]. Патриотизм выгодно отличается от множества политических идеологий тем, что он не просто совместим с идеей цивилизационного развития России, но и *подлинно не должен существовать без нее*, так как может выступать составной частью национальной идеи [3].

Использование цивилизационной теории в качестве одной из основ стратегического планирования приобрело особую актуальность в условиях новых политических вызовов и угроз российской цивилизации. За период с 2012 г. по 2018 г. в стратегические документы Российской Федерации были введены следующие понятия: российская цивилизация [9], единый культурный (цивилизационный) код [9], междцивилизационный диалог [14], междцивилизационные разломы [7], Россия как историческое государство-цивилизация [4] и др. Использование цивилизационного подхода и конкретизирующих его содержание понятий при разработке официальных документов происходит впервые в истории российского государства. Дальнейшее успешное развитие России возможно только при условии создания системы мер по сохранению и защите цивилизационной самобытности (идентичности) России во всех сферах государственной политики.

Право России на самобытную цивилизационную идентичность. Особо актуальной видится сейчас проблема реального обладания современной Россией (Российской Федерацией) культурно-цивилизационными ресурсами (территориальными, материальными, символическими, духовными

и др.), которые являются необходимыми средствами воспроизводства российской цивилизационной идентичности. При этом особое значение имеет духовный ресурс народа, включающий, в частности, ясное понимание целей возрождения страны, наличие стремления, энергии, желания и воли возродить Россию как великую державу, сохраняющую и развивающую свое цивилизационное наследие и идентичность.

При этом необходимо признать, что часть ресурсов уже утрачена (потеря части исторической территории после распада Советского Союза), часть практически не используется или используется противоречиво (наследие царской и советской эпохи), а оставшихся ресурсов (символических, культурных) в настоящее время недостаточно по причине их неравнозначности и противоречивости по отношению друг к другу. Более того, символические ресурсы, которые используются при формировании российской идентичности нельзя считать ценностно нейтральными, что затрудняет выбор приоритетных символов. Для осуществления подобного выбора необходимо четко представлять, какие ресурсы действительно способствуют укреплению российской цивилизационной идентичности.

Выбор культурно-цивилизационных ресурсов зависит и от понимания границ российской цивилизационной идентичности, которые, конечно, шире государственной границы РФ. Главная граница России всегда создавалась в рамках символического пространства российской цивилизации. Однако любые мыслительные конструкции, связанные с цивилизационным пространством — «Москва — Третий Рим», «Русский мир» и пр. — не могут быть ориентированы только на символический и духовный ресурс, для их актуализации в сфере реальной политики требуются и территориальные, и организационные, и человеческие ресурсы (см. прим. 2).

Особое значение и смысл приобретает тезис А.С. Панарина о праве России на самобытную цивилизационную идентичность и о праве быть не похожей на современную западную цивилизацию [10]. Концепт «российская цивилизация» содержит в себе не только отдельные сущностные смыслы национального и цивилизационного бытия, но и ценности, жизненно необходимые для современного российского общества.

Концепты «Русский мир» и «российская цивилизация» взаимно дополняют друг друга. Концепт «Русский мир» (надэтнический и наднациональный) можно считать социально-культурным феноменом, который, в отличие от концепта «российская цивилизация», связан не с государством, а с защитой соотечественников, русского языка, русской культуры и православной веры. Идея Русского мира может стать определяющей в процессах постепенного добровольного объединения потерявших свою целостность земель, частей когда-то большого целого. По словам прези-

дента России, русские оказались самой большой разделенной нацией в мире сегодня. Это необходимо учесть, и суметь так выразить национальную идею России, чтобы не умалчивать о масштабах произошедшей цивилизационной катастрофы и не игнорировать собственную национальную и этнокультурную идентичность.

Ф.М. Достоевский писал: «Нет, уж лучше просто большая дорога, так просто выйти на нее, и пойти, и ни о чем не думать, пока только можно не думать. Большая дорога — это есть нечто длинное-длинное, чему не видно конца, точно жизнь человеческая, точно мечта человеческая. В большой дороге заключается идея... В подорожной конец идеи (*и конец цивилизации*. — курсив мой. — Т.Б.)» [5, 578].

Какую идею сейчас остро выражают отечественные философы и насколько её слышит российская власть?

Философствование на линии фронта. В 2019 году была издана книга «Философия на линии фронта» по итогам Донецких чтений 2018 г. Мало кому известно, что название научной конференции и, впоследствии, книги, было придумано студентами философского факультета, которые в период активных обстрелов Донецка запаслись необходимым провиантом и провели ночь в университете, обсуждая различные экзистенциальные темы. «Феномен философствования *всегда* происходит на границе, на границе между сущим и несущим, жизнью и смертью, смыслом и абсурдом... не случайно, например, А.А. Зиновьев и Э.В. Ильенков, придя с фронта, смогли восстановить традиции философствования... фронт дал силу мыслить на границе» [13, 93].

Должна, наконец, состояться победа идеалистического целеполагания над доминирующим потребительским существованием российского общества. «Великороссы, малороссы, белорусы — один русский народ», а Киевская Русь — важнейший период отечественной истории; данную версию исторической памяти разделяет большинство российского общества, граждан Белоруссии и даже Украины.

Вопрос будущего России во многом определяется ролью современной русской философии, которая последние несколько лет действительно находится «на линии фронта». Во время войн, в том числе и войн нового типа, возникает особый запрос на национальную философию, как способ решения таких вопросов, которые Бердяев называл проблемами «о Боге и смысле жизни, о смысле смерти и о свободе. Война, как жизненное явление, как трагедия и катастрофа, как экзистенциальный экзамен, не может быть проигнорирована философом, она нуждается в осмыслении, но не отвлеченном и абстрактном, а привлеченном и участвующем. *Это столкновение не только армий, но и столкновение идей*» [8, 85].

Будущее российской цивилизации предсказывалось многократно и философами, и историками, и политиками, и русскими писателями. При этом сложно сказать, что либо изменение цивилизационных ориентиров (при безусловном сохранении культурно-цивилизационного кода России) происходило под влиянием прогнозирования (пророчеств), либо, напротив, прогностика (имеется в виду «эффект Эдипа») приводила к цивилизационным изменениям.

Какие события влияют на прогноз и почему «черный лебедь» (см. прим. 3) меняет не только политическую реальность, но и сам прогноз, а также отношение к ней? Насколько возможно сейчас обозначить основные контуры будущего российской цивилизации или мы находимся в ситуации непредсказуемости подобных сценариев? Какой будет Россия, скажем, через 50 лет, и как относиться к прогнозам о возможной «цветной революции» или «майдане» в России со всеми вытекающими из этого последствиями (см. прим. 4)? Какие технологии должны быть использованы для сохранения иерархии ценностей российского общества и почему это важно? Какую роль будет играть прошлое в определении будущего? Каковы политические риски «коллективных мечтаний» народа, и кто их определяет? Какова национальная идея и государственная идеология современной России?

О мечте, идее и миссии России в XXI веке. Напомним, осенью 2019 г. в сфере российской политики начали активно актуализировать концепт «русской мечты», который связали, прежде всего, с необходимостью сбережения народа (см. прим. 5) и формированием образа будущего России. На различных экспертных площадках с привлечением ученых из разных научных сфер создавался образ будущего России (с учетом ее тысячелетней истории, традиций и ценностей, а также с учетом наступившей информационной эпохи), формулировались основные стратегические направления государственной политики, были обозначены предложения по изменению Конституции РФ. Однако практически никто из участников этих мероприятий не ожидал, что в 2020 г. всё начнет сбываться, правда, не совсем в тех формах, в которых это было спрогнозировано. О влиянии прогноза на формирование реальности написано много, поэтому отдельно не стоит останавливаться на этом сюжете.

Реализация мечты, да еще мечты, которая разделяется большинством общества — казалось бы, что может быть лучше для объединения народа? Наличие мечты у человека/народа является критерием счастья, а последнее — главным критерием эффективности государственной политики. Мечта, безусловно, может быть утопией, не иметь достаточных реальных оснований для реализации, но именно ее недостижимость становится сти-

мулом к совершению политических действий, которые приближают народ к желаемому *общественному идеалу*. Следует заметить, смысл национального бытия коренных народов России в отечественной философии чаще выражался в размышлениях *о национальной идее*, тогда как концепт «мечты» возник в ином социокультурном пространстве — «американская мечта», «китайская мечта» и другие подобные варианты.

Обозначение будущего России — ответственная миссия, и в отдельно взятой статье к ней можно только подойти. В своё время А.С. Панарин задавал три актуальных вопроса:

— кто и почему потерпел поражение в холодной войне — СССР или Россия?

— почему Россия оказалась сегодня в одиночестве, а точнее в глобальном одиночестве?

— *как ведёт себя правящая элита ныне, и как она поведет себя в будущем в этих условиях, каковы её намерения, чего от нее можно ожидать?* [11]

Ответы на поставленные вопросы были найдены не столько в области войны демократии и тоталитаризма, в которой противостояние оппонентов с Россией сводилось к борьбе с коммунизмом, сколько *к борьбе с русской идеей как таковой* [11]. Эта борьба принимала не только идейные формы, но и сводилась к уничтожению «традиционного типа русского человека», русской культуры, образовательных традиций, самобытности экономического уклада и политического устройства России как государства-цивилизации.

В чём же заключается разгадка силы России и, соответственно, её будущего. *Россия никогда не была колонией Запада*, хотя в тех или иных формах в различные исторические эпохи навязывание западного образа жизни происходило в различных сферах общественной жизни. Однако, Россия всегда оставалась собой и, более того, предлагала всему миру решение сложнейших международных проблем. Мессианскую роль России А.С. Панарин связывает: во внутренней политике — *с защитой слабых против сильных* (против бояр, олигархов, «сильных» людей), а во внешней политике — *с противостоянием колонизаторской политике и поддержкой освободительного движения*. Все попытки свести «русскость» лишь к этнографическому измерению (матрёшки, сарафаны, самовар), по мнению Панарина, безуспешны. *Русская идея есть вселенская идея, всемирно-историческая, идея мессианская* [11].

Миссия России в условиях возникших типов угроз заключается в том, чтобы задать необходимый вектор в новом содержании *диалога и солидарности цивилизаций* (см. прим. 6). Россия снова должна выступить как инициатор переустройства мира в русле формирования *нового типа экосоциа-*

лизм» в большинстве стран, возрождения цивилизационной самобытности народов и выстраивания межкультурного диалога, который будет способствовать солидарности народов, культур и цивилизаций, утверждению новой ценностной роли человека в XXI веке (см. прим. 7).

Решить поставленную задачу не просто по причине «глобального одиночества» России, которое А.С. Панарин объясняет тупиковым решением властной элиты в 1990-х гг. сменить её цивилизационную идентичность предательством интересов слабых, обиженных, оскорбленных, в результате чего она потеряла всех своих союзников и на постсоветском пространстве, и в Азии, и в Африке, и в Латинской Америке, и в арабском мире. «Правда, многие наши союзники наделены какой-то великодушной интуицией. Они чувствуют, что перед ними не настоящая Россия, что за официальным фасадом пробивается к свету какая-то другая Россия — исконная, которая всегда была союзником слабых в борьбе с сильными. Именно официальная Россия сегодня одинока и на Западе, поскольку ее так и не приняли в стан богатых, и на Востоке, поскольку она отвернулась от бедных. Здесь кроется причина её рокового одиночества» [11].

Изменение образа «официальной России» требует восстановления аксиологического содержания внешней и внутренней политики Российского государства (что отчасти уже происходит), решения «русского вопроса» безо всяких компромиссов, обозначения нового идеологического вектора государственной политики, реализации эффективной социальной и экономической политики, восстановления научных, культурных, образовательных традиций и дружеских взаимосвязей с народами постсоветского пространства. Эти и многие другие задачи должны быть решены в кратчайшие сроки. Безусловно, важен вопрос доверия к власти и многое зависит от того, кто будет проводить новую цивилизационную политику России.

Российская цивилизация является цивилизацией совести, которая задает приоритеты материального и духовного развития, представления о социальной справедливости, не позволяющей злу побеждать добро [6, 22-26]. Признание существования самобытной цивилизации России и ее базовых ценностей имеет важное мировоззренческое значение, касающееся культурно-цивилизационного кода. Необходимо подчеркнуть, что правда и справедливость в православии являются высшими религиозными ценностями, и для российского человека адекватное понимание справедливости связано, прежде всего, с его жизнеспособностью в настоящем и формированием образа жизни в будущем [3].

Дает ли современное Российское государство своим гражданам достаточную уверенность в завтрашнем дне, стабильность и социальную за-

щиту? И почему успешная внутренняя политика государства становится главным критерием эффективной внешней политики, условием силы и могущества всего государства?

Советский Союз после победы в Великой Отечественной войне стал главным гарантом в сохранении нового миропорядка и мира на всей планете. Именно эта роль позволила советской державе изменить соотношение сил в мире в пользу социалистического устройства, одержать множество побед во многих сферах от международной до внутренней политики. Одна из главнейших задач, стоящих теперь перед российским народом, и народами постсоветского пространства в XXI веке — *защита того мира, за который отдали свои жизни герои Великой Отечественной войны.*

Сейчас особенно четко оформилась необходимость *реальной* интеграции постсоветского пространства не на основе экономического взаимодействия, а, прежде всего, на основе общей исторической памяти, максимального культурного сближения и русскоязычного диалога народов, сохранения самобытности *российской цивилизации (в иных политических версиях — евразийской, Евразийского Союза).*

О защите памяти в эпоху перемен. Во многом решение обозначенных проблем связано с сохранением исторической памяти российского народа и народов постсоветского пространства. Дробление Великой Победы началось с критики/отрицания всего «советского» в 1990-е годы и последующего обозначения какого-то отдельного этнокультурного вклада в общую Победу украинцев, белорусов и т.д. Постепенно все это привело к разделению общего культурно-исторического наследия по «национальным квартирам», враждебности по поводу «трудных» вопросов истории и, в дальнейшем, к возможности кардинального пересмотра роли советского наследия во всем мире, что недопустимо с точки зрения исторической справедливости и совести. Советский народ был многонациональной общностью, но меньше всего солдаты в борьбе с фашизмом, совершая великий подвиг во имя жизни на земле, обращали внимание на национальность. В год 75-летия Победы у народов *постсоветского пространства появился шанс переосмысления своего прошлого, настоящего и общего будущего.*

По прошествии 75 лет в историческом сознании западных стран возникло огромное количество *организованных «черных» мифов по поводу этой войны*, обозначим лишь некоторые:

— уравнивание СССР и нацистской Германии в развязывании Великой Отечественной войны вплоть до обвинения советской власти в агрессорских действиях;

— обвинение России как правопреемницы Советского Союза в преступлениях сталинского тоталитарного режима;

– оспаривание монопольного права на победу во второй мировой войне США, Британией, будто бы победившим в историческом противостоянии с тоталитаризмом, освобождая Европу не только от фашизма, но и от советской деспотии;

– обвинение русского народа в «имперских амбициях» при попытках отстаивания Россией подлинной исторической памяти;

– восприятие самобытности российской цивилизации как угрозы всему миру;

– навязывание комплекса вины русскому/российскому народу, попытка столкновения народов России на почве возвращения «исторических долгов» (репрессии и пр.);

– обвинение России в отсутствии демократических традиций, в отсталости в экономическом, культурном, политическом отношении;

– требование общенародного покаяния за тоталитарное прошлое и т.д.

Список этих надуманных политических обвинений бесконечен. И их цель ясна – *окончательное разрушение постсоветского пространства, стирание памяти о героическом советском прошлом, максимальное ослабление роли России, правопреемницы Советского Союза как главного победителя нацизма.*

Недавно Совет Федерации обратился с обращением к парламентам всех стран, посвященного 75-летию Победы. Основная идея документа заключается в том, что Победа над нацизмом объявляется всемирным наследием всего человечества, а памятники борцам с нацизмом являются общим, всемирным мемориалом. *«Наш общий долг – не только чтить память погибших за свободу и мир на земле, а всеми силами защищать то правое дело, за которое они сражались и отдавали жизни».* Слова замечательные, но что реально сделано за эти годы и делается сейчас для того, чтобы защищать правое дело, за которое отдали жизни наши отцы и деды? Каковы механизмы реализации поставленных задач, и кто несет ответственность за проигранные сюжеты в информационном пространстве?

Проблема «элиты» (во всяком случае, ее отдельных представителей), не идентифицирующей себя с Россией, экономической зависимой от Запада, становится определяющей в процессах конструирования цивилизационного будущего России. Осторожный оптимизм сбывающегося на наших глазах прогноза А.С. Панарина связан с его убежденностью в завершении либеральной фазы мирового цикла и «американского века». «Наша русская идея, требующая реабилитировать слабого и вернуть ему человеческое достоинство – это всемирно-историческая идея. И ей нет альтернативы, если человечество не хочет погибнуть. Русская миссия востребована. С этой перспективой надо жить» [11].

России предстоит сыграть роль главного субъекта в формировании нового полицентричного мира, в изменении социально-экономических отношений, создании новой философии жизни, в целом задать идеологический и ценностный вектор грядущих перемен в условиях нового типа войн.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Асман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер.с нем. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.
2. *Беспалова Т.В., Расторгуев В.Н.* Патриотизм и русская цивилизационная идентичность в современном российском обществе. — М.: Институт Наследия, 2018. — 224 с.
3. *Беспалова Т.В., Свиридкина Е.В.* Культурно-цивилизационные смыслы государственного патриотизма. — М.: Институт Наследия, 2019. — 212 с.
4. Государственная программа Российской Федерации «Развитие культуры и туризма на 2013—2020 годы» утверждена правительством РФ, постановление от 15 апреля 2014 г. № 137.
5. *Достоевский Ф.* Бесы. — М.: Наука, 1990. — 672 с.
6. *Ильин В.Н.* Манифест русской цивилизации. — М.: URSS, 2017. — 142 с.
7. Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная указом президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640.
8. *Коробов-Латынцев А.Ю.* Философия на линии фронта // Философия на линии фронта. Материалы секции «Философия на линии фронта», проведенной в рамках «Донецких чтений 2018»; Отв. Ред. Д.Е. Муза, А.Ю. Коробов-Латынцев. — М.: Объединенное движение «Русская философия», 2019.
9. Основы государственной культурной политики утверждены указом президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808.
10. *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. — М.: Алгоритм, 2002. — 492 с.
11. *Панарин А.С.* Цивилизация и варварство: будущее России в глобальной перспективе [Электронный ресурс] / А.С. Панарин // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. — 2015. — Т. 9 — Вып. 1: Гражданское общество и общество граждан: вопросы теории и практики. Тематический выпуск кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (см.: стационарный сетевой адрес: 22279490e-aprovrg_e-ast9-1.2015.61. <https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilizatsii-i-varvarstvo-budushee-rossii-v-globalnoy-perspektive/viewer> (дата обращения — 20.06.2020)).
12. *Сергейцев Т., Куликов Д., Мостовой П.* Идеология русской государственности. Континент Россия. — СПб.: Питер, 2020. — 688 с.
13. *Смирнов С.А.* Философия на границе: прецеденты и практики // Философия на линии фронта. Материалы секции «Философия на линии фронта», проведенной в рамках «Донецких чтений 2018»; Отв. Ред. Д.Е.Муза, А.Ю. Коробов-Латынцев. — М.: Объединенное движение «Русская философия», 2019.
14. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная указом президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 в ред. указа президента РФ от 6 декабря 2018 г. № 703.

Примечания

1. Государственный патриотизм — это деятельность органов государственной власти по осуществлению культурной, образовательной, национальной, информационной и внешней политики России, соотносимой по содержанию с социокультурным запросом народа, историческими традициями и политическими вызовами; это реализация политики, которая будет близка к подлинному предназначению государства, целью которого является реаль-

ное народосбережение и сохранение российской цивилизационной идентичности, политики, которая четко обозначит ориентиры нового фундаментального интегративного политического проекта, в т.ч. включающего Евразийский проект, проект воссоединения славянских народов в рамках Союзного государства или идейно-теоретического обоснования интеграции народов постсоветского пространства на основе общей исторической памяти и пр. В его реализации должен быть задействован весь народ.

2. Речь об интеграции культурного, образовательного и научного пространства Русского мира.

3. Подробнее: *Талев Н.* Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. — М.: Колибри, 2020. — 736 с.

4. *Лепехин В.* Маразм антиамериканизма и паразитарият на марше. [Электронный ресурс] https://ruskline.ru/opp/2020/06/17/marazm_antiamerikanizma_ili_parazitariat_na_marshe (дата обращения — 20.06.2020).

5. Видеоролик «Народосбережение» был показан на XXIII ВРНС «Народосбережение — настоящее и будущее России» [Электронный ресурс] <https://www.youtube.com/watch?v=geREaV4B7TA> (дата обращения — 20.06.2020).

6. Подробнее см.: *Беспалова Т.В.* Цивилизационная миссия России в XXI веке // *Философия на линии фронта. Материалы секции «Философия на линии фронта», проведенной в рамках «Донецких Чтений 2018»*; отв. ред. Д.Е.Муза, А.Ю.Коробов-Латынцев. — М.: Объединённое движение «Русская философия», 2019. — С.68-70.

7. *Беспалова Т.В.* 75-летие Победы в условиях новых типов войн [Электронный ресурс] <https://histrf.ru/magazine/article/40> (дата обращения - 20.06.2020).

8. *Лыкова В.В.* Историческая память в современной России: проблемы и трансформации [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-v-sovremennoy-rossii-problemy-transformatsii> (дата обращения 30.01.2020).

Поступила в редакцию 01.05.2020 г.

UDC 130.2

DOI: 10.30936/2227-7951-2020-12-143-149

О.Ю. ГЛУХОВА

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ ФИЛОСОФОВ

Аннотация: В статье обобщаются взгляды современных китайских философов на проблему российской цивилизации. По материалам китайских исследований приводятся группы характеристик российской цивилизации. Делается вывод об образе российской цивилизации в представлении китайских философов.

Abstract: The article summarizes modern Chinese philosophers' views of problem of the Russian civilization. The author classifies the characteristics of the Russian civilization on the basis of the Chinese research papers. The conclusions on the image of the Russian civilization in Chinese philosophers' conception are offered.

Ключевые слова: российская цивилизация, современная китайская философия, общество, культура, история.

Keywords: Russian civilization, modern Chinese philosophy, society, culture, history.

*Я не могу узреть истинную форму Лушань, находясь внутри ее гор.
Су Дунпо (1037–1101)*

Постановка проблемы. В последнее время многие вопросы внутренней и внешней политики государств, их дипломатических отношений, научных и культурных обменов и даже экономических взаимодействий не обходятся без упоминания сходств и различий между цивилизациями. Поскольку основания для классификации цивилизаций варьируются от экономических и геополитических до лингвистических и культурно-религиозных, постольку общее число и наименования цивилизаций также различаются от одной классификации к другой. При этом в большинстве случаев особо выделяется «русская» или «российская цивилизация».

Глухова Ольга Юрьевна – независимый исследователь (Чебоксары). E-mail: o.y.glukhova@yandex.ru.

Соглашаясь с термином «российская цивилизация», отечественные и зарубежные ученые и философы, тем не менее, не всегда сходятся во взглядах относительно значения данного термина. Некоторые из них (вслед за А. Тойнби) считают российскую цивилизацию завершенным социально-культурным образованием; другие (как Н.Я. Данилевский) связывают самоопределение российской цивилизации с ближайшим будущим; третьи (подобно А.В. Гринёву) и вовсе отрицают правомерность российско-цивилизационного дискурса. Последняя позиция представляется наименее конструктивной, хотя бы с точки зрения внешнеполитических и дипломатических отношений России с другими государствами.

По указанной причине имеет смысл задаться вопросом о российской цивилизации не только с точки зрения самоопределения, «русской идеи» и призвания русского народа, но и в контексте межгосударственных политических, экономических отношений и межкультурной коммуникации. С этих позиций термин «российская цивилизация» может считаться необходимой основой терминологического аппарата. Это позволит найти общий язык с другими «цивилизациями» в условиях диалога культур.

Одним из наиболее влиятельных государств-соседей и стратегических партнеров России сегодня является Китай. Для китайских философов и социологов образ российской цивилизации очевиден, а само ее существование не вызывает у них сомнений. Такой взгляд берет начало в понимании китайскими исследователями цивилизации как общества, развивающегося под влиянием культуры. Преемственность культурных традиций и обычаев обеспечивает существование цивилизаций, а коренные отличия одних культурных традиций от других позволяют различать цивилизации между собой [5, 31-32]. На этом основании, с точки зрения китайских исследователей, выделяется семь цивилизаций: (1) китайская цивилизация, (2) европейская и американская цивилизация, (3) буддийская цивилизация, (4) российская цивилизация, (5) латиноамериканская цивилизация, (6) африканская цивилизация и (7) японская цивилизация [5, 34].

Не останавливаясь на каждой из них в отдельности, обратимся сразу к образу российской цивилизации в представлении китайских философов. Современные китайские философы сходятся в убеждении, что поскольку культура есть целостное, исторически обусловленное, непрерывно развивающееся образование, постольку и цивилизация может быть понята лишь в целостности, единстве и преемственности культурных традиций.

Философская мысль Китая рассматривает китайскую, русскую и другие цивилизации на основе представления о многогранном, разнообразном историческом опыте народов, а не через противопоставление приемлемого и неприемлемого, должного и недолжного. Как индивидуаль-

ный опыт личности, так и исторический опыт народов достоин не похвалы или осуждения, а осмысления, упорядочения и наилучшего применения в будущем. Разные культурные традиции, пока они имеют своих преемников и последователей, имеют вместе с тем и право на существование, а значит, лишь в единстве многообразия они рисуют детальные портреты своих носителей, своих социально-культурных общностей, т.е. образы цивилизаций. Убери на этих портретах любую деталь, пусть даже самую негармоничную и неприглядную, будь то пережитки древних религиозных верований или крайности идеологических нововведений, и образ станет нечетким или неполным. Поэтому и образ российской цивилизации китайскими философами рисуется не посредством определения чего-то самого главного или правильного в российской культуре, а по принципу «здесь всё главное и правильное», надо «все упомянуть и ничего не упустить».

Исходя из этого, наиболее детальные китайские исследования российской цивилизационной проблематики обычно выстраивают рассуждения по нескольким направлениям: 1) культурно-географические характеристики российской цивилизации; 2) культурно-религиозные характеристики; 3) социально-культурные характеристики и 4) социально-политические характеристики российской цивилизации.

Культурно-географические характеристики российской цивилизации. Российскую цивилизацию в основном географически соотносят с территорией Российской Федерации, занимающей большой процент площади евразийского континента. «Это бесконечная равнина, без каких-либо естественных барьеров вокруг нее», — пишет Чжоу Ли, участник проекта «Модели цивилизаций и российская дипломатия», осуществляемого Министерством образования КНР [8, 75]. И, далее, развивая свою мысль, он отмечает, что география непрерывно создает геополитические условия угрозы военных действий в направлении России. Это из века в век влияет на русский менталитет и культуру, и формирует основные черты образа российской цивилизации, такие как «стойкая и упорная воля, дух солидарности и сотрудничества, взаимопомощи, самоконтроля и аскетической морали» [8, 75].

Необходимость жить в суровом климате тоже повлияла на национальный характер русского народа и на портрет русской цивилизации. Чтобы выжить в данных природных условиях, русскому народу на протяжении жизни многих поколений приходилось тяжело и монотонно трудиться, что по сей день позволяет говорить о таких отличительных особенностях российской цивилизации, как самообладание и терпение. Эти характеристики, по мнению китайского автора, составляют основу понимания всех других отличительных признаков российской цивилизации.

Культурно-религиозные характеристики российской цивилизации.

С христианизацией Руси на почву традиционного терпения русского народа упало семя религиозных идей послушания и терпимости, что еще больше упрочило имевшееся национальное самосознание. Освященная историей неразрывная связь образа Иисуса с традиционной русской культурой сделала почти синонимами слова «русский» и «многострадальный», или «русский» и «долготерпение» [8, 76].

Однако эта же причина вызвала и другое следствие, а именно формирование у русского народа так называемого «мессианского сознания». Почерпнутая из трудов Н.А. Бердяева, идея русского «мессианского сознания» («мессия» — от ивр. «машиах», помазанник, др.-греч. «Христос») получила широкое распространение среди китайских исследователей российской цивилизации. Эта идея позволила им объяснить многие явления русской истории и культуры через противопоставление, с одной стороны, терпимости, а с другой — стремления к духовной свободе. На это указывают исследователи Син Юэ и Ван Цзинь из Института международных отношений Университета Цинхуа [6]. Стремление к духовной свободе подразумевает свободу не только русского, но и других народов. Дух пронизывает и объединяет все и вся, а значит, направляет русский народ к единству и взаимопомощи с другими народами. Отсюда возникает идея уникальной исторической миссии русского народа, призванного воплотить в жизнь культурное единство всех народов и обеспечить их процветание в гармонии и согласии.

В качестве доказательства того, что «мессианское сознание» всегда явно или неявно оставалось неотъемлемой чертой российской цивилизации, даже в эпоху Советского Союза, авторы приводят довод о государственной символике Андреевского креста. Символ креста, берущий начало в раннехристианском учении об апостолах, нашедший продолжение в нововведениях Петра I, долгое время сохранявшийся в эпоху СССР и возрожденный в современной России, всегда напоминал российскому народу о его исторической миссии преемника и последователя Иисуса.

В советское время «мессианское сознание», хотя и утратило религиозную основу, но никуда не исчезло. Напротив, создание Коммунистического интернационала, призванного объединить рабочих всего мира, могло считаться своеобразным воплощением идеи «мессианского сознания». Авторы находят достойной внимания мысль, высказанную однажды лидером современной Коммунистической партии Г.А. Зюгановым, что «Иисус Христос был первым коммунистом, потому что хотел создать общество, в котором все равны» [6, 47]. По мнению исследователей, эта мысль уже многие века имманентно присуща русскому «мессианскому сознанию».

Социально-культурные характеристики российской цивилизации. Фэн Шаолэй, директор Центра российских исследований Восточно-Китайского педагогического университета, называет географическую территорию России «всемирно известным перекрестком» [7, 17]. В силу своего положения на евразийском континенте, Российское государство под разными именами во все эпохи являлось центром пересечения влияний разных культурных традиций. «В разные исторические периоды влияние разных национальностей, языков, религий сменялось, как в калейдоскопе», и все они неизбежно накладывали свой след на русскую культуру и русскую ментальность. Таким образом, российская цивилизация постепенно приобретала черты некоего нового интегрального единства восточных и западных цивилизаций [7, 17]. «Восток» и «Запад» применительно к ней стали использоваться не как названия отдельных социально-культурных образований, а как дополнительные характеристики в ряду прочих.

Цзу Чуньмин, научный сотрудник Института философии при Китайской академии общественных наук, связал эти исторические процессы с закономерным возникновением в XX веке учения и общественно-политического течения евразийства. По его утверждению, евразийство нужно рассматривать не как умозрительное идеологическое построение, а как вершину «генеалогического древа общего развития русской мысли». «...Евразийство объединило многочисленные геополитические формы и исторические традиции многолетней истории России в единое целое, ...его сторонники обосновали теорию выбора самобытного исторического пути России» [2, 104–105]. По мнению философа, евразийство как проект будущего российской цивилизации отвечает её исторически сложившимся социально-культурным характеристикам, учитывает географическое положение России и государств-соседей, открывает новые перспективы для развития политических и экономических отношений.

Исторически возводя свое происхождение к XIX веку, к учению славянофильства, евразийцы, как и славянофилы, подчеркивают самобытный характер русской культуры, но при этом не придают исключительную важность православной церкви, что во многом отмежевало бы российскую цивилизацию от «восточных» цивилизаций. Напротив, евразийство подчеркивает, что российская цивилизация «объединила в себе многочисленные элементы восточной, западной и южной культур Евразии» [2, 111]. Именно в этом и заключается «самостоятельный путь» российской цивилизации, которая должна не воспроизводить в своем развитии европейские или азиатские образцы, а сама стать образцом «цивилизации другого мира, отличающимся и от Европы, и от Азии» [2, 111].

Далее автор вспоминает С. Хантингтона с его концепцией «столкно-

вения цивилизаций», и предлагает задуматься о сценарии становления мирового порядка, при условии внесения поправки с «православной цивилизации» (по большей части подразумевающей российскую) на «евразийскую». В этом случае Россию можно рассматривать как «центральное государство», а двойственность идеи «западничество-славянофильство» превратилась бы в особенность русского народа, «которую нельзя разделить» [2, 112, 115].

Социально-политические характеристики российской цивилизации. Вопрос о «центральном государстве», объединившем в себе лучшие достижения собственного исторического опыта с успехами других государств, влечет за собой мировоззренческую идею «сильной России», потенциально заложенную в культуре российской цивилизации, как считает Яо Хай, профессор Азиатско-Тихоокеанского национального исследовательского центра Сучжоуского научно-технического университета [9].

Во все эпохи своей истории, особенно в петровскую и советскую, в русском национальном характере проявлялось стремление, во что бы то ни стало выдвинуть свою страну на передний план международной сцены. Идея «сильной России» не противоречит характеристикам аскетизма и долготерпения, наоборот, дополняет их «отражая идеалы и стремления российской нации, постепенно кристаллизуясь в общественном сознании, поднимаясь к национальной воле и трансформируясь в конкретную национальную стратегию и внешнюю политику» [9]. Поскольку идея «сильной страны» часто ассоциируется с национализмом и патриотизмом, последние также можно с большой степенью обоснованности отнести к социально-политическим характеристикам российской цивилизации.

Вывод. Таким образом, российская цивилизация предстает в глазах китайских философов как уникальная социально-культурная целостность, занимающая достойное место среди других цивилизаций мира. Своеобразные характеристики разных граней российской культуры, истории и национального самосознания делают образ этой цивилизации динамичным, неповторимым и привлекательным.

Российская цивилизация «во-первых, хороша тем, что она может интегрировать культуры разных национальностей и делать из них свои сильные стороны; во-вторых, русская национальная культура очень глубока; в-третьих, русская нация обладает неограниченным потенциалом и духовной силой; в-четвертых, она обладает великим чувством исторической миссии. Именно это чувство миссии повышает сплоченность русской нации, а также позволяет ей использовать свою огромную потенциальную энергию в решающие моменты истории, оказывая ни с чем не сравнимое влияние на развитие мировых цивилизаций» [3, 93].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гринёв А.В. Развитие России и теория цивилизаций // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 11. – С. 102-110.
2. Цзу Чуньмин. Евразийство. Возможный проект восстановления современной российской цивилизации // Русская идея и китайский путь в культурном контексте современности / под. ред. проф. А.Н. Чумакова и проф. Ли Хэй. – М.: РФО; ООО «СиДиПрессАрт», 2017. – С. 103-129.
3. 王国杰. 俄罗斯历史与文化 [М]. 西安: 陕西人民出版社, 2006, 455页 (*Ван Гоцзе*. Русская история и культура. – Сиань: Шэньси, 2006. – 455 с.).
4. 王希悦. 欧亚主义 [J]. 外国文学, 2017, 3: 72-82 (*Ван Сиюэ*. Евразийство // Иностранная литература. – 2017. – № 3. – С. 72-82).
5. 柳宗慧, 等. 我们的价值观简释 [М]. 广州: 广州出版社, 2015, 166页 (*Лю Цзунхуэй*. Краткое объяснение наших ценностей / Лю Цзунхуэй и др. – Гуанчжоу: Гуанчжоуский издательский дом, 2015. – 166 с.).
6. 邢悦、王晋. “弥赛亚意识”与俄罗斯“大国主义”外交 [J]. 国际政治科学, 2017, 1(5): 36-70 (*Син Юэ*. «Мессианское сознание» и российская «доктрина великой державы» / Син Юэ, Ван Цзинь // Международная политология. – 2017. – № 1(5). – С. 36-70).
7. 冯绍雷. 东西方文明结合部: 俄国研究的一个基本分析范畴 [J]. 俄罗斯研究, 2012, 6: 12-38 (*Фэн Шаолэй*. Слияние восточной и западной цивилизаций: базовая категория анализа в российских исследованиях // Российские исследования. – 2012. – № 6. – С. 12-38).
8. 周力. 俄罗斯文化的基本精神与外交 [J]. 俄罗斯研究, 2010, 4(164): 71-83 (*Чжоу Ли*. Сущность русской культуры и российская дипломатия // Российские исследования. – 2010. – № 4(164). – С. 71-83).
9. 姚海. 俄罗斯文明与外交 [М]. 北京: 社会科学文献出版社, 2016, 551页 (*Яо Хай*. Русская цивилизация и российская дипломатия. – Пекин: Изд-во социально-научной литературы, 2016. – 551 с.).

Поступила в редакцию 01.05.2020 г.

UDC 130.2

DOI: 10.30936/2227-7951-2020-12-150-159

А.Л. КАЗИН

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОЦИАЛИЗМ КАК РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

***Аннотация:** Статья посвящена философско-культурологическому осмыслению понятия православного социализма как цивилизационной категории. При всей неоднозначности и, порой, антагонистической противоречивости нашей национальной истории, в своей духовной глубине она должна быть понята как единый, непрерывный путь испытания веры через историю и культуру. Конечно, культура вообще есть только одна из сторон единого целого, называемого русской цивилизацией. Её необходимо сохранить в интересах российского народа и всего мира.*

Главная опасность угрожает России не извне, а изнутри: если деньги у власти, то ей все позволено. Вопрос в том, сумеем ли мы наладить такой культурно-государственный и хозяйственный порядок, где наши недостатки (с точки зрения рыночного ratio) обернутся достоинствами. Речь идет о способности русской цивилизации предложить миру реальную альтернативу «войне всех против всех». Такой альтернативой является православный социализм. У нас есть шансы его осуществить в той мере, в какой мы преодолеем внутренний кризис, вызванный либеральными экспериментами над православной страной. Когда властвующая элита перестанет копировать чужие (и притом бесперспективные) общественные образцы, и будет реализовывать национальную идею с опорой на собственный цивилизационный код — опыт общего дела, который существовал и в московском царстве, и в петербургской империи, и в советской державе. Этот опыт сохранился в сознании, и ещё больше в подсознании, обыкновенного русского человека. Не надо ничего выдумывать, надо только прислушаться к самим себе.

Казин Александр Леонидович — доктор философских наук, профессор, и.о. директора Российского института истории искусств, заведующий кафедрой искусствознания Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения (Санкт-Петербург). E-mail: alkazin@yandex.ru.

Abstract: *The article is devoted to the philosophical and cultural understanding of the concept of Orthodox socialism as a civilizational category. Despite the ambiguity and sometimes antagonistic inconsistency of our national history, in its spiritual depth, it should be understood as a single, continuous way of testing faith through history and culture. Of course, culture in general is only one of the sides of a single whole, called Russian civilization. It must be preserved in the interests of the Russian people and the whole world.*

The main danger threatens Russia not from outside, but from within: if the day-GI is in power, then everything is allowed to it. The question is whether we will be able to establish a cultural, state and economic order where our lack of wealth (in terms of market ratio) will turn into advantages. This is about the ability of Russian civilization to offer the world a real alternative to the “war of all against all”. This alternative is Orthodox socialism. We have a chance to implement it to the extent that we overcome the internal crisis caused by liberal experiments on the Orthodox country. When the ruling elite will begin to copy other people’s (and moreover unpromising) social models, and will implement the national idea based on its own civilizational code—the experience of a common cause, which existed in the Moscow Kingdom, in the St. Petersburg Empire, and in the Soviet power. This experience has been preserved in the consciousness, and even more in the subconscious, of the ordinary Russian person. You don’t have to invent anything, you just have to listen to yourself.

Ключевые слова: *русская история, культура, православие, традиция, революция, православный социализм, мировой кризис.*

Keywords: *Russian history, culture, Orthodoxy, tradition, revolution, Orthodox socialism, world crisis.*

Постановка проблемы. Будущее непредсказуемо, об этом ещё раз напомнили события первой половины 2020 г. с их пандемией, уличными боями в «стране мечты» США и др. История скорее случается, чем происходит — этот афоризм Н.А. Бердяева, адресованный матушке-России, сегодня с очевидностью применим ко всему миру. Однако есть определенный *диапазон возможностей*, ограничивающий мыслимое будущее и делающий его более или менее вероятным. Одной из таких возможностей, и даже вероятностей, для нашей страны является *русский православный социализм*, опирающийся, с одной стороны, на давнюю традицию «общего дела», и осваивающий, с другой стороны, новейшие технологии именно в интересах этого общего — страны, народа.

Традиция в русском цивилизационном пространстве — прежде всего, народное восприятие/переживание (чаще всего бессознательное) той христианской по истоку духовной энергии, которая не покидала Россию со

времен Крещения и до сегодняшнего дня, вопреки всем изломам и драмам нашей национальной истории. *А революция* (подлинная, настоящая) — есть попытка *уничтожить* это духовно-энергетическое ядро, заменить его чем-либо другим или просто забыть о нём. Попытаемся рассмотреть их противоречивые взаимоотношения в связи с понятием *социализма* — ещё одного ключевого слова нашей жизни XX-XXI веков.

Что такое православный социализм? Слово сочетание «православный социализм» включает в себя, по меньшей мере, три смысла: собственно, религиозный, мировоззренческий и социальный. Начнём с первого.

Любая религия предполагает, наряду с Абсолютом — источником блага и бытия — набор практических уложений, регулирующих поведение человека/народа/цивилизации в земной жизни. Заповеди, предназначенные для общенародного исполнения, в традиционных (классических) цивилизациях являются религиозными основами общественного и национального существования. Таково, например, почитание предков в конфуцианстве, кастовое устройство общества в индуизме, идеальное государство Платона (на практике, правда, не удавшееся).

Приведём примеры. Существует 613 заповедей Моисея, и по субботам, как известно, социальная жизнь в Израиле почти замирает. По-своему (вплоть до исламского банкинга) заповеди пророка осуществляет мусульманская умма. Тысячи богословов Востока день и ночь думают, как наилучшим образом жить народам в соответствии с богоданными законами. Не случайно святой равноапостольный князь Владимир спрашивал при «испытании вер»: какой у вас закон? Закон Бога (правило, норма) в дохристианских и нехристианских исповеданиях — есть их религиозный «социализм», т.е. совокупность уложений, обязательных для каждого члена соответствующей общины и всей общины в целом (за отказ от них, по меньшей мере, грозило изгнание). Всякая цивилизационная, развернутая по вертикали, деятельность человека, в конечном счете, религиозна, даже еда и питье, в чем сомневаются только «исторические материалисты».

Однако христианство радикально обновило эти древнейшие вероисповедные правила. В отличие от языческих и «имманентистских» религий, фактический идеал которых здесь, на земле, и достигается исполнением закона, Христос пришел с благой вестью о Царстве Небесном, достижимом любовью и благодатью. Цель христианства трансцендентна, а не имманентна, она находится за гробом, по ту сторону сущего. В этом плане прав Розанов: христиане, действительно, представляют собой «людей лунного света», града земного не имеющие, града грядущего взыскующие.

Каждый, кто хотя бы раз читал Евангелие, знает, чем оно кончается — Страшным Судом и концом света, а вовсе не хилиастическими «молочными реками о кисельных берегах». Тысячелетнее царство праведников — не земное царство, а небесный Иерусалим. С этой точки зрения, любое прагматическое социальное устройство ветхого Адама «мелко плавает» на фоне грозного финала изгнанников рая, и более того, идейно противоречит ему. «Не собирайте себе сокровищ на земле» — прямо сказано. История богатого юноши, отказавшегося следовать за Богочеловеком, казалось бы, навсегда должна отучить христиан размышлять о том, как бы удобнее устроиться в этом падшем мире. Христианство — это подвиг, духовный и телесный, это прорыв к Новому небу и Новой безгрешной земле. Первых христиан травили львами, они уходили в пустыню и питались акридами — какой уж тут социализм? Разве что катакомбный...

Исходя из сказанного, православный социализм следует признать религиозной мечтой, своего рода мифом о земном рае, когда все люди станут христианами и будут жить по-христиански, как лично, так и соборно (общинно). Образ этой мечты — деяния апостолов и ранние христианские братства, когда пришествия Христа во славе ждали со дня на день и имели всё общее. В последующей христианской истории приближение к «православному социализму» осуществлялось, прежде всего, в общежительных монастырях, киновиях, от Пахомия Великого и Феодосия Печерского до Сергия Радонежского и Иосифа Волоцкого. Если в религиях бытия, например, в иудаизме, исламе, предполагается относительная реализация идеала в натуральной плоти (племенной и национальной), то благоветие Христа требует преобразования плоти, преодоления её наличного (похотливого и смертного) состояния, для чего безличная (пусть даже освященная) традиционная социальная практика оказывается скорее препятствием и соблазном, чем условием (фарисейство). Некоторые националисты даже выводят отсюда, что христианство есть иудейская выдумка для того, чтобы ослабить соперников в борьбе за власть над миром.

Любопытно, что когда К.Н. Леонтьев в 70-х годах позапрошлого века громко напомнил эту, казалось бы, самоочевидную мысль о загробной цели христианства, на него обрушились многие православные авторы. «Христианство есть спасение жизни, а не спасение от жизни» — говорили ему, как будто он лично предсказал, что «восстанет народ на народ, и царство на царство», и «по причине умножения беззакония во многих охладет любовь» (Мтф. 24). И хотя последние годы этого замечательного мыслителя прошли в тяжелом пессимизме относительно судьбы человечества вообще и России в особенности, всё же он до конца жизни разрабатывал свою концепцию спасения православно-русской цивилизации,

которую можно назвать не то что «социализмом», а прямо соборно-монархическим коммунизмом. Сознвая религиозную утопичность своей деятельности, Леонтьев, тем не менее, считал долгом по возможности отдалить, оттянуть торжество антихриста. Я приведу слова из его работы «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения», в которой Леонтьев предлагает свой план спасения Святой Руси от антихриста путем *соединения православной монархии с идеальным корпоративно-общинным строем*.

Леонтьев пытался «задержать народные толпы на (неизбежном, впрочем) пути к безверию и разнородному своеверию» [1, 146-151]. Разумеется, никто не предлагает буквально перенести его рекомендации в наш XXI век. Однако это хороший урок для нас, особенно при обсуждении вопроса, что такое православный социализм. С точки зрения строгой христианской догматики — химера и утопия, но в плане естественного для верующего человека/народа стремления к совпадению слова и дела — *поисильный, хотя, разумеется, несовершенный проект совместной (национальной, государственной, культурной) христианской жизни людей в миру, а не только в монастыре*. Хотя Гоголь и восклицал в своё время: «Монастырь наш, Россия!». Конечно, все христианские конфессии, и тем более секты, проектировали свой «земной рай», от «двух градов» бл. Августина и католической «Утопии» Томаса Мора до «теологии освобождения» и либерально-протестантских сект.

Недавно отмечалось 500-летие Яна Гуса и его «таборитов» — что это, как не ранний «предпротестантский социализм»? Лютеранство, в свою очередь, породило социальную философию немецкого идеализма, от идеи «вечного мира» Канта до гегелевского апофеоза государственности, которую профессор усмотрел в современной ему Пруссии (позднее тут появился и Бисмарк со своим «прусским социализмом»). Я уже не говорю о многочисленных европейских попытках учредить тот или иной «Город Солнца» под знаменем религиозной праведности. Перед глазами у нас, жителей XXI века, находится шведский социализм — поистине «последняя правда буржуазности».

Всё это осталось утопией, потому что было основано на ложной — католической или протестантской вероисповедной установке и порождаемых ею мировоззренческих фантомах. Строилось на стихиях мира сего, а не по Христу. Выражаясь более категорично, это были «человеческие, слишком человеческие» усилия установить рай на земле средствами европейской буржуазной цивилизации, уже вступившей на нисходящий путь антропоцентрического модерна. Как характерно выразился по поводу Европы Петр Чаадаев, «искали Бога, нашли свободу и процветание». К сожа-

лению, Чаадаев периода «Философических писем» ещё не сознавал, что тем самым гуманистическая ренессансно-романтическая Европа покончила с христианством (это, между прочим, прекрасно понял его друг Герцен, возненавидевший мещанскую Европу, как только в ней оказался, и метко назвавший собор святого Петра знаком *расстрижения* Запада).

Православный социализм в России. Иначе произошло в России. «Москва-Третий Рим» — религиозная реальность, а не виртуальный двор короля Артура и не бесплодное соперничество гвельфов с гибеллинами. Напротив, «Священная Римская империя германской нации» — главным образом военно-политическая структура. И сказать «государство — это я!» не пришло бы в голову ни одному русскому царю. Не буду повторять здесь аргументацию отечественной православной мысли, от старца Филофея до XXI века: Святая Русь не перестала быть таковой ни с ордынцами, ни с Петром, ни с Лениным. Её духовная история непрерывна, вопреки трагическим псевдоморфозам вроде февральского предательства или троцкистского интернационал-коммунизма.

Незримая миру энергия православия уберегла Россию от модернистского и постмодернистского вырождения в холодное чудовище, рисующее карикатуры на пророков и законодательно поощряющее содом [3]. Именно такая Россия (в государственной форме СССР) победила оккультный нордический рейх и первой вышла в космос. Как писал в 1993 году блаженной памяти митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн, «при всей противоречивости народной жизни в её безмерном разнообразии, она все же насквозь пронизана христианским мировосприятием. Его характернейшие черты: жертвенность, самоотверженность, терпение, позволили нашему народу пережить страшные испытания последних восьми десятилетий, помогают и сейчас нейтрализовать, обезвредить злонамеренные эксперименты над страной. Это неоспоримый факт, очевидная реальность нашего бытия» [4, 33].

Сказанное означает, что «христианского капитализма» в России не может быть, также как и «христианской демократии» — для этого Русь слишком глубоко приняла в себя Спасителя. У русских именно православное, а не протестантское отношение к труду, к прибыли, ко времени: они рассматривают эти ценности *не как собственность, а как дар*. В отношении к собственности как Божьему дару («земля — богова») издавна коренилась драма русского купечества и предпринимательства: отсюда и знаменитая купеческая гульба, и миллионы на монастыри или... на революцию.

Даже нынешние «новые русские» в глубине души знают, что они «разбойники»: большинство из них вовсе не собираются строить в России

цивилизированный капитализм, а переводят деньги на Запад. В метафизическом смысле национальная буржуазия в России как бы подвешена между храмом и тюрьмой, во всяком случае, вплоть до настоящего времени капитал («бешеные деньги») переживается в России как неправда, как грех: «от трудов праведных не наживешь палат каменных». Отсюда и чудовищная коррупция, которая в ближайшие годы способна уничтожить нашу государственность.

Нравится нам это или нет, Россия не испытала в полной мере Возрождения, Реформации и Просвещения, через которые прошла романо-германская цивилизация. Одним из существенных отличий православно-русского культурно-исторического типа является отсутствие *соглашательства* (компромисса) между религиозными полюсами жизни. В отличие от Запада русская духовность делит мир не на три (рай — мир — ад), а на два (рай — ад), а все земное как бы растянуто между божественным и бесовским; особенно это касается богатства, власти и культуры. Духовная вертикаль, как впрочем, и европейско-азиатская горизонталь русского сознания, по этой причине всегда имеет некоего «темного спутника» в виде мозаичной, не выстроенной, пренебрегаемой поверхности наличного бытия, служащего как бы гарантом земного неблагополучия России, её нежелания и неспособности *удобно* устроиться на земле («странничество»). «Евангелие процветания» по-русски звучит неприлично, вроде «христианского блуда». Отечественные «капиталисты», от Чичикова и Штольца до нынешних компрадоров, всегда представляли капитал именно как силу мировой похоти («оргон»), воделеющей телесного обладания сотворенной Богом вселенной...

Из всего сказанного вытекает, что либерализм западного типа в России является искусственным образованием и изначально обречен на неудачу. Подобную функциональную, машинообразную власть в России никто не будет уважать, люди не станут исполнять ее законов. Быть может, Россия вообще не способна к республиканскому строю: на протяжении всей своей истории она колебалась между самодержавием и самозванством (диктатурой). По-видимому, наилучшей общественной формацией для России является *православная народная (соборная) монархия с открытым сословно-корпоративным устройством государства и широким народоправием земли (земщина)*. Это и есть православный социализм.

Только такое социальное устройство, в принципе, в состоянии справиться с антиномичностью русского душевного строя, где истина, ответственность, власть постоянно располагаются на рубеже света и тьмы, «правого» и «левого», и потому чреваты историческим оборотничеством (тем

или иным видом «земного рая»). Русская цивилизация требует иной формулы, чем европейская, индийская, китайская или американская, и потому нынешняя (уже вторая) попытка построить капитализм (банкократию) на православно-эсхатологической почве России может привести лишь к всеобщей цинизации её жизни, что чревато серьезной опасностью для всего мира. Выбор между американизированным «мировым обществом» и обветшавшим красным мавзолеем — ложная альтернатива для России. Формирование гражданского общества здесь может быть ориентировано только на иерархическую организацию, в которой народ («земля») внутренне связан с монархической державностью власти, (независимо от того, как будет называться носитель этой власти).

Именно это имел в виду К.Д. Кавелин, когда писал (правда, со ссылкой на славянофила Ю.Ф. Самарина), что «сама история заставляет нас создать новый, небывалый своеобразный политический строй, для которого не подыщешь другого названия, как — самодержавной республики» [5, 995-1020], в рамках которой гражданские сословия, хозяйственные классы и политические партии определяются по отношению к духовно и социально превосходящему целому. Человеку нужен хлеб, но не хлебом единым он жив. Обществу нужны деньги, но нет ничего опаснее для России, чем власть денег. Мы находимся под мощной — внутренней и внешней — демонической инволюцией (см. прим. 1).

Таким образом, православный социализм — единственно возможный и желательный национальный проект для России. Более того, именно такого — цивилизационно альтернативного («иначе возможного», как сказал бы А.С. Панарин) шага ждет от неё незападный мир (да и немало людей в Европе). Это не химера и не «розовое христианство», а трезвая констатация её духовной судьбы. Русская идея есть осуществленная и осуществляемая отечественная история, и плод её, подобно зерну, растёт медленно и прикровенно. Она всегда *уже-но-ещё-не*. Не претендуя на *исполнение* рая на земле, как противоречащее самой сути христианской веры, православный социализм есть ценностный *символ русского пути*, каким он являет себя в действительности уже тысячу лет. Первична здесь не «общественная собственность на средства производства» (она может быть и государственной, и групповой, и частной), а соборная — церковная и государственная. Это — установка на смысл народной жизни, которая на индивидуальном уровне часто не осознается.

Православный социализм реализуется как *направление и предел*, а не достигнутый раз и навсегда материальный результат («хорошая жизнь» или «хорошее общество» в обывательском значении этого слова). Всё, что способствует описанному состоянию/движению России — хорошо; всё,

что препятствует ему — плохо. В таком понимании православный социализм и есть наша искомая государственная идеология XXI века, которая не должна зависеть ни от откровенных агентов антицеркви, ни от высокомерных «уранопатриотов» (см. прим. 2). Точкой отсчета в любом случае остается выбор «большого народа».

В отличие от советского социализма, это должна быть гибкая система взаимосвязей частных, групповых и государственных видов собственности, при доминировании, в конечном счете, общенациональных интересов («общего дела», по выражению Н.Ф. Федорова). Народный многоукладный социализм — одновременно идеология и хозяйственная практика, которая в состоянии гарантировать российское будущее в современном тревожно-нестабильном мире. Социалистический характер подобного общества определяется верховенством государства как общенародной политической организации, по отношению к которой все формы экономических отношений (в том числе спекулятивно-финансовых) вторичны. Частная собственность и товарный рынок функционируют свободно, но в рамках общих (соборных) ценностей и целей, и могут быть ограничены в правах в случае противоречия указанным целям. В таком обществе «деньги от власти», а не «власть от денег».

Соответственно, правящая элита такого общества является «служилым классом», ответственным перед верховной властью и Церковью как носителями ценностно-смыслового ядра нации. Свои семьи и капиталы такая элита располагает на Родине. Прямые или косвенные попытки сбросить с себя заботу о народе (отказ от социальной и национальной ответственности капитала и таланта) не принимаются. Любые другие проекты «наших плюралистов»: либерально-западнические, ортодоксально-коммунистические, язычески-националистические — суть утопии, снова представляющие Россию под удары внутренних и внешних чуждых сил.

Подводя итог, следует заметить, что капиталистическая система вообще, а современная система спекулятивной банкократии, в частности, есть самая антихристианская. Как писал в свое время Н.А. Бердяев, коммунизм прав в своей критике капитализма. Другое дело, что советский эксперимент рухнул, потому что ориентировался на марксистский материализм, опускающий духовую планку человека и общества до производственно-потребительской активности. Народный социализм будущего будет лишен этих недостатков, так как его опорой станет вечная истина христианства, подкрепленная опытом великой и трагической русской истории. Не повторяя прошлых ошибок и крайностей, надо взять от неё лучшее, что в ней было. Во всяком случае, к этому следует стремиться.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Леонтьев К.Н.* Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // К. Леонтьев, наш современник. – СПб., 1993. – С. 25-46.
2. *Леонтьев К.Н.* Над могилой Пазухина // К. Леонтьев, наш современник. – СПб., 1993. – С. 450-501.
3. *Казин А.А.* Последнее царство. Русская православная цивилизация. – СПб.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1998. – 170 с.
4. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн. Битва за Россию. – СПб., 1993. – 176 с.
5. *Кавелин К.Д.* Собрание сочинений. В 2-х тт. Т. 2. – СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1897. – 672 с.

Примечания

1. Термин «инвольтация» употребляется чаще всего для обозначения обряда «насыла-ния порчи». Термин впервые возник в оккультных кругах в средние века. В современной литературе под инвольтацией понимается часто способ заклинания, заговора, колдовства, а также приобретение определённой власти над чьим-либо телом и сознанием, внушение кому-либо мыслей и чувств с помощью магических действий.

2. Уранополитизм (от греч. Uranos – небо, polis – город) – учение, признающее главенство Божественных законов над земными или подчёркивающее примат любви к небесному Отцу и Его небесному Царству над всеми естественными и греховными устремлениями человека.

Поступила в редакцию 01.05.2020 г.

Б.В. МАРКОВ

ИМПЕРСКИЙ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПРОЕКТЫ БУДУЩЕГО РОССИИ*

***Аннотация:** Если европейские мыслители чаще говорят о противостоянии Востока и Запада, то русские философы видят миссию России в объединении этих цивилизаций. Старая, сложившаяся в русской мифологии и истории культурно-историческая ориентация «Север — Юг» сменилась в XVIII в. на перспективу «Запад — Восток». Сегодня заговорили о необходимости переориентации. Это вызвано климатическими изменениями, а, главное, открытием природных ресурсов Севера. В поисках альтернативного экологически безопасного пути развития усилился интерес к традиционной культуре, основанной на адаптации к окружающей среде.*

В этом отношении Россия интересна не только как источник сырья. Культурный капитал народов Севера сыграл важную роль в развитии русского этноса и, наоборот, у русских переселенцев коренные народы заимствовали цивилизационные достижения, способствующие повышению качества их жизни. Изучение взаимоотношений людей и культур на территориях Русского Севера и Сибири является примером выстраивания отношений между народами, отличающимися по культурным и цивилизационным параметрам. В этой связи чрезвычайно важно избавиться от колониальной исследовательской парадигмы, которая сложилась на основе западных практик эксплуатации стран третьего мира. В частности, сравнение произведений русских и английских писателей XIX в. обнаруживает специфику формирования евразийской цивилизации, которая состоит, прежде всего, в том, что основные тяготы преобразования ландшафтов Севера для оседлого существования несли русские переселенцы.

Марков Борис Васильевич — доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург), профессор Гуманитарного института Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород). E-mail: b.markov@spbu.ru.

---

* Публикуется при поддержке РФФИ. Грант №19-011-00775 «Топология культурной памяти в диалоге поколений».

Abstract: *If European thinkers are more likely to talk about the confrontation between East and West, then Russian philosophers see Russia's mission in uniting these civilizations. The old cultural and historical orientation of "North-South" developed in Russian mythology and history was replaced in the 18th century by the perspective of "West-East". Today we talked about the need to refocus. This is caused by climate change and, most importantly, by the discovery of the North's natural resources. In search of an alternative, environmentally friendly development path has increased interest in traditional culture based on adaptation to the environment. In this regard, Russia is interesting not only as a source of raw materials. The cultural capital of the peoples of the North played an important role in the development of the Russian ethnic group and, conversely, the Russian settlers borrowed indigenous peoples from civilizational achievements that helped to improve their quality of life. The study of the relationship between people and cultures in the territories of the Russian North and Siberia is an example of building relations between peoples, differing in cultural and civilizational parameters. In that regard, it was extremely important to get rid of the colonial research paradigm that had developed from Western practices of exploitation of third world countries. In particular, the comparison of the works of Russian and English writers of the 19th century reveals the specifics of the formation of Eurasian civilization, which consists, first of all, in the fact that the main burdens of transforming the landscapes of the North for sedentary existence, carried Russian settlers.*

Ключевые слова: *Этнос, нация, империя, Россия, Европа, Восток, Запад, культура, цивилизация, история, утопия, чужой.*

Keywords: *Ethnos, nation, empire, Russia, Europe, East, West, culture, civilization, history, utopia, alien.*

Русская идея: история и утопия

Современное самосознание строится на основе истории или утопии. Все осознают, что наука и техника снабжают человека средствами уничтожения. Но вопрос, против кого они будут направлены — это не проблема науки. На него можно отвечать лишь с точки зрения философии истории. Ни один автор не заявил об этом с большим пафосом, чем К. Лёвит. В своем анализе концепций истории он движется от философии истории к теологии истории и, наконец, к эсхатологии. Но при этом не нейтрализует прошлое настоящим. Лёвит справедливо отмечал, что варварство не знало истории и придерживалось мифа о вечном возвращении. Действительно, схема вечного возвращения не предполагает исторического метода. Вместе с тем идея прогресса, выдвинутая в эпоху Просвещения, это не что иное, как секуляризированная иудео-христианская эсхатология.

Сегодня речь не идет ни о вечном возвращении, ни об эсхатологии:

люди не связаны друг с другом большими планами. Постигание истории связано с замыслами человека, а не с предопределением. В соответствии с современным историческим самосознанием, в прошлом ищут параллели с настоящим. Ярким примером является гегелевско-марксистская диалектика исторического самопонимания. Сен-Симон называл социализм «новым христианством». Циклические и эсхатологические архетипы обусловили поиск исторических параллелей. Все говорили о закате эона творческого времени и ожидали нового цикла истории. Поскольку гегелевская идея прогресса превратила круги в спираль, христианство рассматривалось как начало творческого эона. Вопрос в том, насколько совместимы историческое сознание и эсхатология. На него почти всегда отвечают отрицательно. Эсхатология ещё меньше способствует возникновению истории, чем циклическое вечное возвращение. Живое ожидание конца света лишает историю всякого смысла. И всё же между ними есть связь. Мостом между историей и эсхатологией является образ священной силы, которая появляется в конце и побеждает зло.

После констатации «смерти идеологии», кажется, настает век национальной философии. Мы ищем «Русскую идею», европейцы «идею Европы». Национальная идея в традиционном обществе понималась как выражение «духа народа». Конечно, эмоциональная связь с местом, языком, культурой, обычаями и сородичами в эпоху глобализации не является столь же прочной, как в традиционном обществе. Однако чувство родины, как архетип живет в сознании наших современников. Поэтому трактовка империи как территории в экзистенциальном, культурном и цивилизационном смысле представляется вполне оправданной [10, 132]. Речь идёт не о редукции, а о подсоединении различных подходов к развитию имперского проекта.

Русская идея — это символическая иммунная система, а не сообщение, оцениваемое как истинное или ложное, и не идеология, как выражение интереса той или иной группы людей, а речевой акт, который воздействует как обещание. Риторика важнее логики. Отсюда различие в технологиях конструирования: главное не проверяемость, а перформативность высказываний. Дискурс о русской идее напоминает по форме идеологию. Отличие в том, что идеология — это выражение классового интереса, а перформатив изрекается пророком или вождём и учреждается его авторитетом.

Эпоха политпросвета закончилась, а пропаганда дискредитирована. Остаётся учиться у Церкви. Вселенское учение излагается Христом, и нет ему иных доказательств, кроме веры в то, что посланник — это Сын Божий. С точки зрения науки, Евангелие не соответствует реальности. Тот,

кто его послал, тоже невидим. Христос же для оправдания своего права говорить от имени Бога ссылается на пророка, сообщавшего о Его приходе, но Креститель сам действует от имени Христа. Поэтому, строго говоря, только Его жизнь и страдания, только яркий рассказ о Его деяниях поддерживает христианскую веру. И всё же учение Христа вряд ли распространилось бы по поверхности всей Земли без ап. Павла, который оказался гениальным менеджером, создателем и управленцем института Церкви.

Учение Маркса тоже содержит немало загадок. «Манифест» чем-то напоминает Евангелие. Вопрос не в том, что в них общего, а в том, с кем сравнивать Маркса — с Христом или Павлом? А может, Маркс был един в двух лицах, т.е. был и автором, и менеджером своего учения. Ведь он не только написал «Капитал», но и организовал Интернационал. Вопрос о содержании идеи или утопии, конечно, тоже немаловажен. Речь идёт о народных чаяниях, которые отразились и в Евангелии, и в «Манифесте». И всё-таки, важнее всего вопрос о том, от чьего имени говорят? Евангелие похоже на повестку в суд. Неявка грозит серьёзным наказанием. Что нового внес в эту конструкцию Маркс? Он сообщает вселенскую идею и действует по аналогии с Павлом, на что обратил внимание Бадью. Но говорит он от имени пролетариата, а не Бога. Именно пролетариат определял во времена Маркса судьбу истории и был, так сказать, аватарой Бога. При этом возникает прежний парадокс: учение написано от имени того пролетариата, которого ещё нет, который ещё нужно воспитать на основе марксистского учения.

Как писал Н.А. Бердяев в «Судьбе России», русский народ ищет правду и не особо жалуется идею. Её формулировка — дело интеллигенции. Революция вряд ли была продуктом религиозных и даже моральных исканий. Конечно, все хотели справедливости. Поэтому страсти было больше, чем размышления. И всё же русский мужик, хоть и тяжело, но думал. Дело не в быстроте ума, а в содержательной стороне мысли. Что же было содержанием русской идеи? Скорее всего, русскую правду выражали народники, те, кто обещали дать землю крестьянам. Большевики использовали их лозунги, поэтому в мужицкой стране победила теория освобождения пролетариата.

Бескровных революций не бывает. Классовая борьба, гражданская война и террор — обратная сторона идеи, не признающей сострадания. Русская идея по своему содержанию может быть либеральной или консервативной, социалистической или коммунистической, демократической или даже националистической. Возможна и пёстрая ткань из этих элементов. Главное, не создавать чрезвычайную ситуацию и не предлагать ничего, что приведет к ухудшению положения людей. В эпоху глоба-

лизации изменились понятия не только «народа», но и «класса». С одной стороны, это исключает возможность гражданских войн. С другой стороны, новые социальные и экономические агенты, их агломерации порождают новые проблемы.

Реакцией на утрату идентичности стало возрождение имперского сознания. Если у славянофилов и западников, либералов и консерваторов речь идет об идеале, то какой должна быть идеальная империя? Такая задача была инициирована ещё Г. Гегелем, который строил модель идеального государства и пытался совместить бюрократию с патриотизмом, одухотворение рейха с любовью граждан. У В.С. Соловьева мировая православная империя тоже преследует духовную, а не экономическую цель.

Является дискурс об империи критическим или апологетическим? Насколько он соответствует нашим представлениям о национальной идее? Можно говорить о преемственности славянофильской утопии с большевизмом. С этим уже неоднократно высказываемым предположением, скорее всего, следует согласиться. Тогда нужно более основательно посмотреть на бытующее мнение о религиозных корнях марксизма. Маркс, Ленин и Сталин мечтали не об империи, а о мировой революции. В случае осуществления этой мечты, империя и государство оказались бы ненужными. Но на практике все получилось по-другому. Во-первых, марксизм не был окончательной фазой секуляризации. Мечта о божьем граде трансформировалась в утопию коммунистического общества. Во-вторых, для борьбы с буржуазным государством требовалось более сильное «тоталитарное» государство, основанное на диктатуре. Вопрос в том, что с ним было бы в случае победы пролетариев во всемирном масштабе? По идее, это означало бы его самоуничтожение. Но логика власти такова, что диктаторы, выполнившие задачи, возникающие в периоды чрезвычайных ситуаций, добровольно в отставку не уходят.

В СССР люди были «советским народом». После 1991 года им предложили называться «россиянами». Это новый национальный статус граждан России, перешедшей в стадию национального государства. Нация — конструкт, но не чисто политический. Для её создания применяются культурные технологии. Это, прежде всего, классическое образование и литература, которая, собственно, и прививает основы патриотизма. При этом нужно просчитывать последствия выбора. Народ — фундамент империй, а нация — основа национального государства. Империя принимает чужого в качестве гостя, а нация считает его иностранцем. Почему империи разваливаются, почему люди предпочитают свободу, которая на деле связана с множественностью ограничений? Ницше даже считал, что в империях дышалось свободнее, чем в демократических государствах. Носталь-

гия по СССР вызвана именно тем, что всё стало хуже. Кругом беспорядок, коррупция, нищета, границы и барьеры. Новая Россия пошла по пути позднего Рима: сами не производим, живем продажей сырья, нещадно эксплуатируем иностранную рабочую силу. Эта экономика ещё более приитивная, чем в СССР.

Империя и цивилизация

Согласно одному из мифов, викинги были приглашены славянскими племенами на территорию сегодняшней России, чтобы создать государственный порядок. В христианском летописании православная вера как государственная религия пришла из Византии, т.е. из южного средиземноморья. Сегодня теоретики национального сознания дистанцируются от Запада, ибо определяют русскую идентичность как культурную, опирающуюся на русскую историю, русский язык, русский народ, государство и православие.

Запад и Восток, Север и Юг — это не только географические, но и символические образования. Россия расположена между ними и конструирует их образы, чтобы определить себя. Европа и Россия — прежде всего, архетипы сознания, которые наполняются конкретным содержанием в зависимости от взаимных интересов. Долгое время дело ограничивалось торговлей. Но торговле нужны моря и порты. Поэтому Петр, возможно, и не собирался сделать Россию Европой. Он даже сказал, что лет через пятьдесят Россия может повернуться к ней спиной.

Однако европейская цивилизация проникала внутрь страны и меняла ментальность людей. Верхушка оевропеилась, а народ жил своей, как говорил Ключевский, «туземной» жизнью. Если раньше боярин и крестьянин понимали мир в принципе одинаково, то теперь сложились двойные стандарты. При этом правящий класс вел себя довольно странно и временами устраивал восстание против европейских обычаев. Славянофильство — это реакция на западное влияние. Оно не естественно, а реактивно. По Ключевскому, Европа для нас — не предмет выбора, а необходимость. Главное, как использовать её достижения. Опираясь на науки, можно строить заводы и опровергать существование Бога.

Германский рейх позиционировался как наследник западной Римской империи. Россия лозунгом «Москва — третий Рим» объявила себя преемницей византийской, восточной римской империи. Современные российские историки отвергают нормандскую версию происхождения российской государственности от Рюрика. Викинги сами принадлежали к племени Русов. Гумилев считал, что Синеус и Творг — не имена братьев, а названия дружинников и родственников [5]. Одна их часть обосновалась в Старой

Ладоге, другая — в Белозерске. Княжеская дружина — отряд завоевателей для сбора дани с элементами вечевой демократии, но ещё не государство.

В погоне за мехами русские всё дальше проникали на северные территории. На Севере столкновений с местными не было, так как у них были разные способы освоения ландшафтов. Об этом свидетельствует отсутствие крепостей на Севере (три укрепленных города — Белозерск, Гleden и Великий Устюг). Уроженцы северных уездов (Дежнев, Алексеев, Хабаров, Атласов) были первопроходцами Сибири. Её освоение сопровождалось интенсивным сооружением острогов потому, что её территории были уже колонизованы сильными азиатскими этносами. Поскольку крестьяне-переселенцы и кочевники занимали разные хозяйственные ниши, постольку причины следует искать в укреплении русского государства, в развитии военного, чиновничьего и торгового сословий, которые шли не вслед за стихийно продвигавшимися свободными колонистами, как на Севере, а по воле государства, нуждавшегося в меховой «валюте». Наиболее существенно на жизнь аборигенов повлияли купцы. Они покупали меха, мясо и рыбу, и продавали кроме ружей водку. Правда, имперская власть с этим боролась. А.И. Гончаров констатировал, что от Владивостока до Иркутска водка была большой редкостью.

Русский царь позиционировался как отец родной, а подданные как его дети, но постепенно, как показал в своей «Истории» С. Соловьев, Россия становилась правовым государством. Структура сообщества в Англии характеризовалась как аристократически-органическая, в Испании — народно-анархическая, а во Франции — буржуазно-механистическая. Английское общество — продукт спонтанной организации, оно иерархично, но это считается настолько естественным, что ощущается как равенство. Главная категория — свобода, понимаемая как отсутствие политического принуждения. Французский абсолютизм вытекает из рационализма.

Идеологи так называемых «постимперских исследований» исходят из того, что Российская империя была гораздо хуже Британской, так как была менее цивилизационной. Если посмотреть «Записки русского путешественника» Карамзина, то русский историк утверждал, что народ в России живет комфортнее, чем в Европе. Гердер тоже положительно расценивал покровительство Екатерины в Прибалтике. Возможно, какие-то основания так говорить были у прибалтийской интеллигенции, да и то применительно к определенному времени и с точки зрения односторонних критериев сопоставления. Совершенно очевидно, что переход от аграрно-хуторского хозяйства к современному высокотехнологичному производству в странах Восточной Европы был осуществлен русскими рабочими и инженерами.

Образ цивилизации видится либо по либеральному образцу — как искусство управлять, либо по консервативному — как ответственность, либо по социалистическому — как справедливость. Народ, этнос — это некие «естественно-исторические» образования, складывающиеся веками. Нация же — искусственно конструируемое политическое понятие. После французской революции, на знаменах которой красовалось и «братство», религиозные войны в Европе уступили место сборке государства как нации на основе правовых и моральных норм. Однако метафоры народа и отечества были реанимированы уже при Наполеоне. В школьном учебнике истории излагалась история о солдате Шовене, отдавшем жизнь за Родину. Став «россиянами», мы тоже вступили на путь национального самоопределения со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Славянский вопрос

Во время русско-турецкой войны Достоевский обличал Османскую империю как прогнившую и реакционную. В «Дневнике писателя» за 1877 г. собраны довольно недружественные высказывания об отношении европейцев к России. Правда, он обращал внимание в основном на критику России в европейской печати, где она представлялась как ослабевшее и реакционное государство. Поражение России европейцы в основном расценивали положительно, так как боялись её усиления. Но были и русофилы, например, Ницше. Да и сам Бисмарк не считал Россию врагом. В этих условиях и нужно понимать резкие высказывания Достоевского, который настаивал, что в долгосрочной политике относиться к России как врагу недальновидно. Поскольку это похоже на нынешние настроения, постольку полезно напомнить о старой полемике и взвесить используемые аргументы.

Славянский вопрос возникает вместе с объединением русских княжеств в единое российское государство. Достоевский писал: «Оставить славянскую идею и оставить без разрешения задачу о судьбах восточного Христианства (Nb, сущность Восточного вопроса) — значит, всё равно что сломать и вдребезги разбить всю Россию, а на место её выдумать что-нибудь новое, но только уже совсем не Россию» [6, 30]. Это не революция, а уничтожение России. Писатель разделил славянский и восточный вопросы. Главным для Достоевского был восточный вопрос: Константинополь должен быть наш. Тут он более радикален, чем Данилевский, считавший, что этот город должен быть открытым для всех. Славянский вопрос касается защиты славян от геноцида со стороны турок. Причём Достоевский предупредил, что благодарности за это не будет. Поляки и другие жители восточной Европы считают русских варварами. Как говорил

Достоевский, они поймут неизбежность дружбы и единства с Россией лет через сто. К сожалению, пока сбылись самые чёрные предсказания о том, что они быстро забудут, что Россия спасла их от турецкого (а потом от фашистского) ига.

В ответ на враждебные высказывания в европейской печати Достоевский выдвинул тезис: Врагом Европы является не Россия, а иезуиты, воинствующие клерикалы, натравливающие Францию на Германию. Война между ними неизбежна. Таким образом русско-турецкая война, предсказывал писатель, перейдёт в европейскую. По мнению Достоевского, это даже будет выгодно для России. Конечно, он признавал, что бойня будет кровопролитной, но «зато разрешится окончательно столько вопросов (римско-католический вместе с судьбой Франции, германский, восточный, магометанский), столько уладится дел, совершенно неразрешимых в прежнем ходе событий, до того изменится лик Европы, сколько начнётся нового и прогрессивного в отношении людей, что, может быть, нечего страдать духом и слишком пугаться этого последнего судорожного движения старой Европы накануне несомненного и великого обновления её» [6, 23].

Рассуждения Достоевского строятся на основе противоположности друга и врага. И в этом вопросе, главное, не ошибаться. Поэтому их следует воспринимать как предупреждение. Европейские газеты агитировали за турок, и Достоевский недоумевал, почему не замечают уничтожения болгар. «В Европе и прежде нас мало знали, даже до того, что всегда надо было удивляться, что столь просвещенные народы так мало интересуются изучить тот народ, который они же так ненавидят и которого постоянно боятся» [6, 28].

«Неполиткорректность» высказываний Достоевского объясняется геополитическим и одновременно теологическим мышлением. Как культуролог он настаивал на единстве Европы и России, а как православный геополитик писал об их вражде. Европа продала Христа, но организация католической церкви сохранилась. Достоевский предрекал войну между Францией, оплотом католицизма, и Германией. Он писал, что Бисмарк понимал эту опасность и называл Россию другом Германии.

Полицентризм российской цивилизации. Метафоры будущего

Необходимо критически проанализировать наиболее распространенные ответы на вопрос, как люди могут жить в мире, соотнести их с условиями современности и раскрыть возможности полицентрического проекта цивилизационного развития. Наше время характеризуется как эпоха релятивизма и нигилизма, плюрализма и толерантности. При этом, несмотря на то, что технологии и рынок вплетены в общественную жизнь,

они не окончательно разрушили этно-политические основания социума. Наоборот, происходит укрепление общих ценностей, противодействующих катку гипермодерна. В новой «виртуальной» реальности целое не исчезло, а наоборот непомерно раздалось, оно закодировано глобально и планетарно для всего человечества.

Одни утверждают, что современное общество организовано по принципу концентрационного лагеря: изолированного места, в котором главное – выжить [1]. Другие говорят, что к современной общественной системе применима метафора музея, а не изолированного лагеря [12]. Модель современности следует строить по образцу сети, состоящей из каналов, по которым циркулируют люди, товары, знания и капиталы (включая культурный и символический).

Ульрих Бек считает, что человечество перешло от первого этапа модернизации, основанной на оппозиции между традицией и современностью, ко второму этапу, который по своей природе более рефлексивен и самокритичен [2]. На этой стадии проблемой становится сама модернизация, возникает новый модерн автореферентного типа. Липовецкий развивает эту мысль: второй этап модернизации не только автореферентен, но и направлен на реактивацию традиционных координат символического наследия прошлого [7]. Особенностью этого процесса является некая «литературность» или перформативность актов идентификации. Идентичность становится конструктом. Как народ в целом, так и отдельный человек является продуктом культурных практик воспитания, которые существенно отличаются друг от друга. Ценой прогресса в направлении общества благоденствия является снижение рождаемости и старение населения. Низкую рождаемость нельзя объяснить ссылками только на профессиональную занятость женщин и на дороговизну воспитания. Причина падения рождаемости лежит в изменении стандартов комфорта. Люди уже не желают обременять себя лишними заботами о других.

В современной России общественное сознание формируется на основе реактивации исторической памяти. Но должна быть перспектива будущего развития. Среди различных проектов будущего России преобладает либо исторический, либо юридический подход. Историки раскрывают славное прошлое и призывают к сохранению традиций. На воспитание патриотизма была нацелена русская классическая литература. Сегодня это выражается в движении за сохранение исторической памяти и реализуется в «форме боев за историю» на экранах масс медиа. На историческую память опирается имперский проект будущего России [8]. Юристы и правозащитники, наоборот, раскрывают в прошлом темные пятна истории и призывают к построению правового государства.

В отношении этих проектов можно выдвигать аргументы за и против. Ясно, что лучше не очернять прошлое, не оценивать его сегодняшними мерками гуманизма и толерантности, а попытаться понять, что осуждаемое сегодня насилие было неизбежно в чрезвычайных ситуациях. Толерантность приемлема в нормальном состоянии общества, но в случае конфликта требуются решительные действия, направленные на сохранение государства. Ситуацию с правами человека тоже нельзя расценивать однозначно. Следует помнить, что концепция правового государства — это наследие Просвещения. Идея прав человека возникает в рамках новоевропейского мышления, но претендует на универсальность. К какой бы эпохе или культуре не принадлежал человек, он имеет неотчуждаемые права.

Поэтому, упрекая Запад в европоцентризме и культурном империализме, не следует отождествлять универсализм и униформизм. Поскольку человек — творец и творение культуры, о нем нельзя рассуждать с внеисторической точки зрения. Права человека определяют общие предпосылки гуманности и тем самым задают границу радикальному историзму. Плюрализм культур возможен при определенных условиях, которые трансисторичны. Поэтому для легитимации прав человека следует сделать акцент на проблемах качества жизни, доступности медицины, образования и др. Поскольку в прошлом было много такого, что не следует хранить и, тем более тащить в будущее, то имперский проект необходимо уравновешивать правозащитными оценками. Формальное объединение этих проектов затрудняется тем, что они отвергают друг друга и могут соединиться в рамках более общей полицентричной модели развития.

Прогнозирование будущего России сталкивается с методологическими затруднениями. Языки описания цивилизационного процесса в этнологии и культурологии, географии и биологии, физиологии и филологии, социологии и психологии, антропологии и теологии характеризуют качественно различные модальности исторического процесса. Оправданной и своевременной кажется опора на философию как универсальный язык межкультурного диалога. Вместе с тем, такие философские направления, как герменевтика, структурализм, марксизм, позитивизм и феноменология явно исчерпали свои возможности. Представители этих «монотеорий», оберегая чистоту своих понятий, иногда доходят до обвинений своих противников в ненаучности. Поэтому задача состоит в разработке трансдисциплинарной методологии исследования России как уникального культурно-географического региона.

Межнациональные конфликты в Европе, Америке и России свидетельствуют о том, что не следует обольщаться возможностями рыночной экономики по части объединения людей в мировое сообщество. Не ме-

нее опасны и бесперспективны споры национальной интеллигенции, которая, смешивая культурную и национальную автономию, нередко разжигает национальную рознь, хотя и сожалеет о ее последствиях. Опасен как национализм, так и космополитизм. Судя по протестам против глобализации, для этого опасения есть серьезные основания. То, что подается под видом «общечеловеческих ценностей» чаще всего оказывается идеологией агрессивного государства.

Следует учитывать, что современная цивилизация более гуманна, чем кажется её критикам. Поэтому задача философии состоит не в том, чтобы подогреть апокалипсические настроения, а в том, чтобы внушать человечеству чувство уверенности в способности разума найти мирные и гуманные способы решения глобальных и локальных проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агамбен, Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. – М.: Европа, 2011. – 256 с.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
3. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями. – СПб.: Азбука-Классика, 2005. – 87 с.
4. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». – М.: ЭКСМО, 2014. – 463 с.
5. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л.: ЛГУ, 1989. – 496 с.
6. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. – Т. 26. – Л.: Наука, 1972-1990. – 517 с.
7. Липовецки Ж. Времена гипермодерна. Будущее философии: Профессиональный и институциональный аспекты. – СПб.: РХГА, 2011. – 157 с.
8. Папаяни Ф.А. Имперское будущее России. Противоборство идеологических проектов XIX-XX вв. – М.: Русская цивилизация, 2019. – 560 с.
9. Подорога В.А. Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы: Том 1. Н. Гоголь, Ф. Достоевский. – М.: Культурная революция, Логос, Logos-altera, 2006. – 688 с.
10. Резник Ю.М. Имперский проект и жизненный мир человека. К экологии события // Личность. Культура. Общество. – 2017. – Т. XIX. – Вып. 1-2 (№№ 93-94). – С. 124-144.
11. Саид Э. Ориентализм: Западные концепции Востока. – СПб.: Русский мир, 2016. – 636 с.
12. Слотердайк П., Хайнрихс Г.-Ю. Солнце и смерть: Диалогические исследования. – СПб: Издательство Ивана Лимбаха, 2015. – 608 с.
13. Чехов А.П. Остров Сахалин. Полное собрание сочинений в 18-ти томах. – Т. 15. – М.: Наука, 1987. – 478 с.

Поступила в редакцию 01.05.2020 г.

Л.С. ПЕРЕПЕЛКИН

РОССИЯ И ЕЁ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ БУДУЩЕЕ: ВЫИГРЫШНЫЕ ПОЗИЦИИ (ВЗГЛЯД АНТРОПОЛОГА)

Аннотация: Большая территория России позволяет ей быть определенным «резервным центром» на случай крупных мировых катастроф. Мы являемся важнейшим поставщиком кислорода в атмосферу Земли. При дальнейшем глобальном потеплении наша страна станет крупнейшим производителем и поставщиком продуктов питания для населения планеты. Наше углеводородное богатство позволит легче перенести мировую «паузу» в связи с переходом на новый тип энергетики. Коммуникационные возможности России и других стран ЕЭС имеют мировое значение. В России относительно большое, культурное и грамотное население. Вооруженные силы нашей страны — одни из лучших в мире. Не вызывает сомнений наличный научный потенциал. Россия обладает весом на международной арене в рамках ООН, БРИКС и ЕЭС. Это необходимые условия для признания международного морального авторитета.

Abstract: The large territory of Russia allows it to be a certain “reserve center” in the event of major world disasters. We are the most important supplier of oxygen to the Earth’s atmosphere. With further global warming, our country will become the largest producer and supplier of food for the world’s population. Our hydrocarbon wealth will make it easier to move the world “pause” in connection with the transition to a new type of energy. The communication capabilities of Russia and other EEU countries are of global significance. Russia has a relatively large, cultured and literate population. Our country’s armed forces are among the best in the world. There is no doubt about the available scientific potential. Russia has weight in the international arena within the framework of the UN, BRICS and the EEC. And these are the necessary conditions for the recognition of international moral authority.

Перепелкин Лев Станиславович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН (Москва). E-mail: leonethnography@yandex.ru.

Ключевые слова: атмосфера, биосфера, БРИКС, глобальное будущее, Евразийский экономический союз, интеграция, информационная война, миграции, моральный авторитет, население, наука, пища, ресурсы, Россия, территория, транспортные маршруты, цивилизация, энергоресурсы, экология.

Keywords: atmosphere, biosphere, BRICS, global future, Eurasian economic Union, integration, information war, migration, moral authority, population, science, food, resources, Russia, territory, transport routes, civilization, energy resources, ecology.

Введение. Понятие «цивилизация» является многозначным понятием, так как цивилизации выделяются в научной литературе по множеству критериев и зачастую имеют описательный характер [21]. Это относится и к российской (лучше – евразийской [8]) цивилизации. Тематика альманаха и данной статьи предполагает, что речь может идти о мировом лидерстве: как Великобритания в XIX в., США сейчас, Китай (по прогнозам) в ближайшем будущем. Однако не следует забывать, что мировое лидерство – явление позднего времени, ставшее возможным в результате открытия и освоения дальних уголков мира, неравномерности развития, мировых и локальных войн, а также создания колониальной системы. До этого были региональные лидеры (в Европе – Греция, Рим, Франция, Испания, Голландия; на Дальнем Востоке – Китай, Япония), а сейчас, после создания и долговременного функционирования мировых институтов, в подобном лидерстве вряд ли осталась необходимость – уж больно это ответственный и неподъемный груз, разжигающий национальный эгоизм.

Конечно, мировые институты (ООН, ВТО и т.д.) и их деятельность нуждаются в совершенствовании, с учетом меняющихся условий и предостерегающих ошибок мировой ситуации (борьбы за международные преимущества между крупными государствами), развития новых технологий (включая социальные), появления новых глобальных вызовов (см. прим. 1). При этом я скептически отношусь к идеям глобализации, ассоциирующимся с идеологией мондиализма как основанием мирового правительствa. Создание подобного правительства лишь ухудшит современную ситуацию (см. прим. 2).

Традиционно мировые лидеры стремятся сосредоточить в своих руках экономический, ресурсный, политический, культурно-информационный и научно-технологический контроль над миром. Сейчас важнее другое – приобрести моральный авторитет (см. прим. 3), усилить в международных делах роль арбитра, или так называемой «мягкой силы». Собственно говоря, в последние десятилетия (начиная с так называемой «мюнхенской речи» 2007 г. В.В. Путина) российское правительство, особенно внешнепо-

литическое ведомство, интенсивно работает в этом направлении. При этом, конечно, моральный авторитет должен базироваться на реальных возможностях страны, в т.ч. экономических, военных и политических.

Любая цивилизация, за некоторыми исключениями (см. прим. 4), локальна. И культура, и психология населения, и социально-политическое устройство цивилизаций формировались под воздействием природно-климатических и ресурсных условий территории возникновения. Любая подобная территория должна рассматриваться (в прогностическом смысле) с точки зрения своих возможностей: численности и характера населения, коммуникационных связей, политических возможностей, организации власти и управления, научно-технологических достижений, идеологических приоритетов, месте в международной экономической и политической системе. Именно с этих позиций и будет рассмотрена российская цивилизация.

По площади Российская Федерация – крупнейшее государство мира (17.1 млн кв. км). Но площадь территории сама по себе в нашем контексте не очень важна (если, конечно, не говорить о ядерной войне, которая маловероятна). В России имеется множество необжитых или пустующих земель в её восточной части, которые в случае мировой катастрофы могут стать пристанищем для миллионов и миллиардов людей. Однако подобная катастрофа пока не прогнозируются, но уже сейчас известно, что сибирские леса (наряду с бразильской сельвой) по сути являются «легкими» планеты, т.е. в процессе фотосинтеза поглощают из атмосферы значительную часть углекислого газа в обмен на кислород. Если в деталях, то основной состав атмосферы Земли (в %) следующий: азот (78.084 объема; 75.51 массы), кислород (соответственно, 20.946 и 23.14), остальное: инертные газы, водород, водяной пар и углекислый газ (объем 0.03-0.04%).

Пока причины глобального потепления недостаточно изучены, но хорошо известно, что минимальное нарушение баланса в составе атмосферы в пользу азота приведет к тому, что всё живое на планете (возможно, кроме вирусов и анаэробных бактерий) задохнется, а если баланс сдвинется в пользу кислорода, то все живое сгорит. Похоже, что последнее в обозримой перспективе (в связи с вырубкой лесов) нам не грозит, но это одна из проблем (постоянный контроль за земной атмосферой), которая является задачей глобального характера.

Глобальные природные вызовы. Повторю, что причины глобального потепления (углеводородная экономика или что-то другое) пока точно неизвестны, но, как любые планетарные явления, они будут иметь весьма долговременный характер (см. прим. 5). В связи с этим территории умеренного и холодного климата могут стать (но не скоро) более пригодны-

ми для сельского хозяйства, чем сейчас. В связи с этим уже сейчас идет экспоненциальный рост населения планеты, время его удвоения значительно ускоряется. В настоящее время этот процесс развивается за счет наименее развитых территорий Земли (демографическая революция). По прогнозам, к моменту выхода на плато (к моменту демографического перехода) оно составит приблизительно 13 млрд чел., и это произойдет в XXI веке [9, 19].

Сбываются, конечно, не все прогнозы. Но правильнее рассчитывать на худшее. Кстати, эта проблема должна стать предметом заботы международных организаций. На 2 апреля 2019 года население Земли достигло 7,7 млрд чел. При этом в 1975 г. население мира составляло 4,1 млрд, в 2008 г. на планете жило 6,7 млрд, а к 2025 количество жителей Земли (по прогнозам) увеличится до 8 млрд человек [2, 27]. Роль территорий с умеренным климатом, вероятно, будет возрастать.

В результате этих процессов (роста мирового населения и глобально изменения климата) в полный рост встанет проблема обеспечения населения продовольствием. Если население будет расти, а площадь сельскохозяйственных угодий в результате засух или опустынивания сокращаться, то усилится вопрос пресноводного баланса планеты и включения в сельскохозяйственный оборот новых территорий.

Опреснение морской воды в нужном количестве — сложная и дорогостоящая задача (см. прим. 6). Гораздо проще использовать наличные на планете запасы пресной воды в целях орошения (см. прим. 7), которые сейчас в достаточной мере используются, т.е. в глобальном масштабе не могут стать важным дополнительным ресурсом. Между тем, 12,4% поверхности территории нашей страны заняты пресноводными источниками, причем 84% из них находятся за Уралом. При этом Россия обладает 25% мирового запаса этого ресурса. Возможно, придется поделиться водой с нашим соседями и партнерами в Средней Азии, что собирались делать ещё в советское время (см. прим. 8), но проще стать одним из важнейших поставщиков продуктов сельского хозяйства на мировые рынки. Следует учесть, что для производства 1 кг пшеницы следует потратить 1-2 тонны воды, а для производства 1 кг говядины — 10-13 тонн [2, 28].

Таким образом, продовольствие уже становится глобальной проблемой, так что в пору учреждать Всемирный комитет по продовольствию [2]. Как пишут О. Власова и её коллеги из журнала «Эксперт», многие жители Земли, особенно в экономически слаборазвитых регионах, уже находятся на краю голода и вынуждены импортировать продовольствие. «О сокращении собственного производства в связи с недостатком пресной воды и об увеличении импорта в страну объявила Саудовская Ара-

вия. Нехватка пресной воды ограничивает развитие производства в крупнейших странах-потребителях – в Индии и Китае» [2, 29].

Спираль роста дефицита продуктов питания выглядит следующим образом: ухудшение климата; уменьшение доступной пресной воды, в т.ч. и за счет понижения грунтовых вод; рост населения и потребности в продуктах; предшествующее повышение потребления за счет роста уровня жизни; рост мировых цен на продукты питания; дефицит еды у особо бедных слоев населения. Во многих странах сельскохозяйственные угодья используются для производства топлива-этанол на основе сельскохозяйственных культур (кукуруза, рапс и т.д.) (см. прим. 9). При этом энергоресурсы (до нынешнего весеннего кризиса на этом рынке) постоянно растут в цене, что сказывается на цене конечного продукта. Интенсификация сельского хозяйства (механизация, биотехнологии и пр.), к которой перешли многие страны, уже почти исчерпала свои возможности. Как известно, во многих внутренних конфликтах (например, в Сирии) существенную роль играет дефицит пресной воды [24].

Теперь, собственно, о пище. Обратим внимание на зерновые культуры и мясо во всех его вариантах (говядина, свинина, баранина, мясо птицы и пр.). Понятно, что в разных странах и у разных народов традиции питания несхожи. Где-то она более вегетарианская, где-то скорее мясная, кто-то предпочитают рыбу и морепродукты. Но зерновые культуры и мясопродукты составляют основу мирового рациона. Цифры такие: в сезон 2018/2019 гг. в мире произведено 2,58 млрд т. зерновых, а потреблено 2,62 млрд т. (см. прим. 10). Ясно, что потребить нельзя больше, чем произвел, но на то существуют запасы. Что касается мяса, то в 2018 г. его произведено 336,4 млн тонн (см. прим. 11), а по прогнозам в 2021 г. его потребление составит примерно 340 млн тонн. При этом по рекомендации ВОЗ взрослый человек должен в год потреблять 70 кг мяса (см. прим. 12). Очевидно следующее: производство и потребление основных продуктов питания находится «впритык» друг к другу; кроме того, существуют серьезные межстрановые различия в потреблении – достаточно посмотреть соответствующую статистику.

Очевидно, что Россия, хотя и является экспортером зерновых культур, не может за счет нынешнего собственного производства накормить остальной мир. В нашей стране много земель, пригодных для земледелия и скотоводства, которые могут быть введены в оборот в результате глобального потепления. А пока следует увеличивать равномерность распределения основных продуктов питания между странами. Пока голод в развивающихся странах не вызвал массовые локальные конфликты и не увеличил миграционные потоки.

Недра России богаты полезными ископаемыми: в них содержится чуть ли не вся таблица Менделеева. Но особый интерес в этом отношении представляют гидроресурсы и углеводороды. О гидроресурсах говорилось выше и будет сказано чуть далее. Сейчас особенно важны углеводороды (нефть, природный газ, уголь), так как это невозобновляемый, конечный ресурс, необходимый миру для перехода на иной тип энергетики. Сейчас разведанные мировые запасы нефти составляют 1,7 трлн баррелей, а в России — 106 млрд барр. Россия занимает шестое место в мире по доказанным запасам нефти. В 2019 г. она добыла 554 млн т (вторая по добыче страна после Саудовской Аравии). При существующих темпах добычи и потребления нефти, её доказанных мировых запасов хватит на 50 лет (см. прим. 13). Мировые запасы природного газа составляют 196,9 трлн кубометров. Россия имеет наибольший запас (19.8% от мировых), далее идут Иран, Катар, Туркмения. В 2019 г. добыча газа в России составила 738 млрд кубометров газа. При современных темпах добычи и потребления имеющихся мировых запасов хватит примерно на 56 лет (см. прим. 14).

Конечно, доказанные запасы — это не все существующие запасы. Кроме того, существуют и другие источники энергии: уголь, торф, гидроэнергетика и т.д. Однако нефть и газ широко используются не только как топливо, но и в химической промышленности, в т.ч. и для производства удобрений. В результате, с учетом роста мирового населения и возможного дефицита пищи, традиционная энергетика становится важным условием сохранения стабильности при переходе к энергетике новой. Пока непонятно, на чем она будет основана: на расщеплении атома, энергии падающей воды (ГЭС) или дующего ветра, на солнечных батареях или воспроизводстве биотоплива, на геотермальных источниках или доставке с Луны гелия-3 (см. прим. 15). Каждый из этих вариантов имеет свои преимущества и недостатки. Важно понять, что до появления нового стабильного энергоресурса необходим глобальный контроль за производством, транспортировкой и потреблением наличных энергоресурсов. Как показал кризис перепроизводства нефти весной 2020 г., рыночный механизм здесь малоэффективен [3].

Важной характеристикой территории является её коммуникационная составляющая. В этом отношении наша страна, благодаря размерам территории, значительно уступает (может быть, это и к лучшему по экологическим мотивам) другим регионам Евразии. Так, в России в среднем плотность железнодорожной сети составляет 5 км на 1000 кв. км территории (в Европейской части, соответственно, 22 на 1000), тогда как в Европе этот показатель колеблется в пределах 50-100 км на 1000 кв. км. Но зато через территорию нашей страны проходит Новый шелковый путь

(Евразийский сухопутный мост), включающий Транссиб и Второй евразийский мост в Казахстане. Передвижение по этому маршруту от Китая до Германии составляет 15 суток, тогда как морем вдвое больше. На территории РФ расположен также Северный морской путь, наиболее короткий морской маршрут из Восточной Азии в Европу (всего 14 тыс. км, тогда как если следовать через Суэцкий канал, то длина маршрута составит более 23 тыс. км). Таким образом, в смысле коммуникаций территория России имеет глобальное значение.

Теперь о населении нашей страны. В 2019 г. его численность составляла (по официальным данным) 146,9 млн чел. (по другим материалам 124 млн, но эта цифра приблизительно, а методика её подсчета сомнительна). Из этих без малого 147 млн 8%, или 12 млн чел. составляли мигранты, но при этом хорошо известно, что их численность не может быть точно установлена (скорее всего их больше). По этому вопросу американский аналитик в 2009 г. писал следующее: «Сейчас население России насчитывает 145 млн человек, а в 2050 г., согласно прогнозам, оно составит 90-125 млн. Время работает против России» [28, 143]. Американский разведчик рассматривает численность населения России в контексте комплектования вооруженных сил.

Конечно, это весьма острая проблема, ведь российская демографическая политика пока малоэффективна. Она делает акцент на материальном стимулировании (материнский капитал и пр.), но важнейшие рычаги этой политики лежат в духовно-идеологической сфере: не случайно в семьях верующих рождается больше, чем в семьях атеистов. Да и современный быт позволяет человеку обходиться без семьи [19]. И дело здесь, конечно, не столько в комплектовании вооруженных сил, сколько в увеличении налоговой нагрузки на одного человека работоспособного возраста (см. прим. 16). Кроме того, малая численность населения не позволяет стране в экономическом плане жить относительно автономно (для этого надо приблизительно 300-500 млн. человек), а следовательно, ставит страну в зависимость от внешних кризисов, импорта и возможных санкций. Конечно, незначительный рынок труда пополняется мигрантами, но они нуждаются в адаптации и аккультурации (в первую очередь это касается молодежи, так как старшее поколение воспитывалось в СССР). Кроме того, малая численность влияет на объем ВВП, так как блага и услуги создают люди (см. прим. 17).

Конечно, малое население имеет и свои преимущества. Так, уменьшается нагрузка на ресурсы, проще провести мобилизацию жителей в чрезвычайных условиях, меньше проблем с информированием граждан и т.д. Но всё-таки лучше соблюдать пропорцию 60:40, как было в СССР.

Конечно, надо «подобрать» более эффективную демографическую политику, но пока нас выручают мигранты из тех (преимущественно) стран бывшего СССР, где высоки темпы демографического воспроизводства или где существуют большие группы потенциальных беженцев. Вероятно, участие мигрантов в российской экономике — долговременный фактор.

В целом же, несмотря на относительную малочисленность, уровень грамотности и культуры у населения достаточно высок, так как советская система образования не была полностью уничтожена в ходе «оптимизации» и внедрения «болонского стандарта». Доля людей с высшим образованием составляет в возрастной категории 25–64 года — 30,4% (2019 г.), но при этом «финансирование образования в России занимает скромную долю в ВВП по сравнению с большинством развитых стран (речь не об абсолютных цифрах, а именно о доле общего дохода, которую государство готово вложить в образование). В последнее десятилетие финансирование образования не растет, а в обучение школьника вкладывается все меньше денег. Мы все ещё очень образованная нация, но во многом за счет распространения высшего образования среди старших поколений, а среди молодежи доля людей с высшим образованием во многих развитых странах уже значительно выше. Например, в Европе, где наблюдается сходная ситуация, распространяется мем-идеологема «дети — это прикольно». В контексте данной статьи образование и культура — важнейшие государственные задачи. Без их решения Россия останется «вторичной цивилизацией».

Следует отметить высокий уровень развития отечественной науки, но в первую очередь в военной и космической сферах. Науку постигла та же участь, что и образование. Следует принять меры для роста «человеческого капитала» в стране. Конечно, основная задача — увеличение финансирования, но также необходимо увеличить привлекательность для населения обеих отраслей, во многом вернуться к опыту СССР (в частности, заменить ЕГЭ нормальными выпускными и вступительными экзаменами, восстановить систему рабфаков, сократить долю платного обучения в вузах, заменить идеологию «предоставления образовательных услуг»). Текущая эпидемия COVID-19 показывает, что потенциал для этого в стране есть, в т.ч. и управленческий.

Культурные преимущества. Важное преимущество страны — ее поликультурность. Здесь сосредоточены основные мировые религии: христианство в православной форме, ислам, иудаизм, буддизм. Так что существуют достаточно крепкие международные связи по религиозной линии, тем более что православная церковь за пределами РФ имеет многочисленные приходы. То же самое (наличие прочных зарубежных связей) можно сказать и в отношении остальных конфессий. В языковом плане в стра-

не доминируют важнейшие языковые семьи: индоевропейская (русский — один из официальных языков ООН) и алтайская (причем все тюркские языки достаточно близки между собой). Следует добавить, что народы России имеют обширную диаспору за её пределами, что облегчает международные связи.

Все народы страны обладают общей исторической памятью, что их объединяет. Такая память сложилась традиционно — в результате расширения территории [26] и особенностей истории (включение «инородческой» элиты в состав российского дворянства, а народов в состав российских вооруженных сил [22]). О высокой консолидации этносов и конфессий страны говорят не только большое количество межэтнических и межрелигиозных браков, но и высокая доля «инородцев» в составе известных исторических деятелей и российской элиты в целом. Кроме того, в силу природных и исторических условий, в нашей стране всегда был высок авторитет государства и чувство солидарности.

Кроме того, «... мы можем рассматривать Евразию не только в географическом аспекте, но и в этническом как единое целое, достаточно устойчивое, чтобы отвергать внешние элементы» [8, 51-52]. Ведь начиная с XIII в. здесь сложился евразийский суперэтнос, а «суперэтносы обычно существуют в границах определенных этноландшафтных зон и имеют свою неповторимую социально-историческую судьбу, оригинальный стереотип поведения и определенную традицию взаимоотношений с соседями» [8, 51-52]. Применительно к нашей истории XX в. это можно назвать «советской цивилизацией» [10; 11].

Один из создателей геополитики, английский географ Х. Макиндер особо выделял Северную Евразию как «хартленд», «сердце земли». По этому поводу в самом начале XX в. он писал: «Наиболее важный контраст, заметный на политической карте современной Европы, — это контраст, представляемый, с одной стороны, огромными пространствами России, занимающей половину этого континента, и группой более мелких территорий, занимаемых западноевропейскими странами — с другой. /.../ ... Грубое совпадение европейской части России с Восточноевропейской равниной не случайно, и это произошло не за последние сто лет, но и в более ранние времена здесь существовала совершенно иная тенденция в политическом объединении» [13, 247]. Напомню, что в статье 2019 г. в данном альманахе я привел примеры последовательности и преемственности государственных образований в рассматриваемом регионе — вплоть до современной России [21, 69-74].

Но нечто подобное существовало и в прошлом, до возникновения государства. Речь идет о родственных культурах бронзового века (XVIII —

XVI вв. до н.э.), распространенных от Украины до Алтая и Саян, и названных археологами «Евразийская металлургическая провинция». По мнению специалистов, для нее была характерна «консолидация (военно-политическая, как мы полагаем) степных, лесостепных и лесных народов данного региона, как кочевых, так и оседлых» [12, 160]. Были эти народы этнически родственны или нет, сейчас не установить. Но они были тесно консолидированы экономически, в связи с производством бронзовых орудий и обменом ими.

Мне уже приходилось писать об исторической смене различных типов социальности (социально-культурных целостностей) (см. прим. 18). Речь идет о ряде работ в различных изданиях [18, 20], в которых было сделано предположение, что человечество приближается к становлению социально-культурных целостностей цивилизационного типа, прототипом которых являются современные региональные интеграционные системы. Сейчас в мире всего несколько систем подобного рода — ЕС и ЕврАзЭС (ЕЭС). Кроме того, тенденции к интеграции распространены достаточно широко: и в арабо-мусульманском мире, и в Южной Америке, и даже в Африке (например, ЭКОВАСТ в Западной Африке).

Сейчас невозможно предвидеть «конечные» формы объединений (если какие-либо стандартные формы вообще будут в территориальном смысле и в формах политической организации). Так, из Евросоюза вышла Британия, но в результате стали более тесными отношения между этой страной (как лидером Британского содружества наций) и США как современным мировым лидером. Конкретные формы дальнейших союзов предугадать трудно, но некоторые последствия очевидны. Так, будет легче договариваться на международном уровне (меньше субъектов со своими интересами), сообща решать общие для планеты проблемы, такие, как опираны выше, бороться с общими для планеты вызовами вроде терроризма, инфекций и т.д. Думаю, что при этом сохранятся ООН и его институты, но их функции, ответственность и практика работы будут модернизированы.

Теперь немного подробнее о *Евразийском союзе*. После распада СССР ему предшествовали СНГ и Таможенный Союз. «29 мая 2014 года был подписан и ратифицирован Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕЭС), основанный на Декларации о евразийской экономической интеграции от 18 ноября 2011 года. Подписание этого договора обеспечило союз необходимой *международной правосубъектностью*» [14, 11-12] (выделено авторами). Сейчас в ЕЭС, кроме России, входят Армения, Белоруссия, Казахстан и Киргизия, Узбекистан и Таджикистан с общей численностью в 2019 г. 226,495 млн чел. Ясно, что эта численность пока неве-

лика и не позволит вести автономную экономическую политику, однако даёт возможность заполнять российские рабочие места за счет мигрантов (см. прим. 19). Но есть ещё другие страны бывшего СССР, интеграция которых в ЕЭС пока не исключена, несмотря на возмущения со стороны Запада по поводу «восстановления империи» (см. прим. 20). Возможно, в ЕЭС вступят и государства, не входившие в СССР (подробнее о деятельности ЕЭС см. в книге под редакцией А. Мухина, на которую уже была ссылка). Основные принципы функционирования ЕЭС (межправительственность и политические сети) я описал в статье 2019 г. Тут важнее другое — подходит ли эта социально-экономическая и политическая модель для будущего (при том очевидном факте, что каждый цивилизационный проект будет разрабатывать собственную модель)? Нынешний капитализм критикуют многие уважаемые социальные исследователи [4, 7].

Основные пороки современной социально-экономической и политической системы — обязательная экспансия (территориальная, политическая, экономическая, технологическая, информационная и т.д.); зашкаливающее социальное неравенство (которое особенно велико в государствах «догоняющего» типа); вопиющие межстрановые разрывы в уровнях дохода населения; предельные нагрузки на экосистемы и грядущая мировая экологическая катастрофа; повсеместное распространение культа потребительства; манипулирование сознанием избирателей (лишение человека свободы политического выбора); национальный эгоизм; кризис мировой валютной системы (денег и денежных деривативов в мире значительно больше, чем товаров) [27, 23]. Конечно, в сфере финансов «виноват» и кредитный характер капиталистической экономики, и введение в качестве мировой резервной валюты национального денежного знака — доллара США (Бреттон-Вудское соглашение, 1944 г.), а потом и евро ЕС. Конечно, эти пороки, особенно в финансовой сфере (см. прим. 21), должны быть учтены при организации мира на цивилизационно-региональной основе. Вопрос о необходимости мировой резервной валюты вообще остается открытым.

Теперь о наших партнерах — странах БРИКС (Бразилии, России, Индии, КНР и ЮАР). Сокращение БРИК было впервые предложено аналитиком Джимом О'Нилом. По заявлению индийского министра финансов, группа стала носить название BRICS 18 февраля 2011 г. Данный термин используется в качестве обозначения группы стран, за счёт роста которых во многом будет обеспечиваться будущий рост мировой экономики. В рамках этой организации у России нормальные рабочие отношения, что явно повышает международный авторитет нашей страны. Но главное здесь все-таки в другом. Страны БРИКС объединяют более 3 млрд

человек, что составляет значительную часть населения Земли. Но если Китай и Индия — отдельные страны-цивилизации, то Россия, Бразилия и Южная Африка — потенциальные лидеры региональных интеграционных объединений. Но если эти тенденции реализуются, то страны БРИКС будут объединять уже большую часть населения мира.

Заключение. Итак, потенциальный рост международного авторитета нашей страны имеет вполне реальные предпосылки. Но пока о том, что такое международный моральный авторитет. Это понимание того факта, что страна и её лидеры действуют не только для удовлетворения узкого национального эгоизма, но и заботятся о мировых процессах по принципу «мы все в одной лодке». Достоевский в своей знаменитой Пушкинской речи сказал о «всемирной отзывчивости русской души». Это надо понимать так, что человека, воспитанного в лоне евразийской цивилизации, заботят не только личные интересы, но и более широкий (глобальный) круг проблем. И это сегодня не только некий «идеализм», но и практическая задача. Готовы ли мы взвалить на себя подобное бремя — другой вопрос. Но, как мне представляется, у нас другого выхода нет (тут можно вспомнить концепцию Н.Г. Чернышевского о «разумном эгоизме»).

Но дадут ли нам это сделать в условиях информационной войны [6; 5; 25]? Несомненно, постараются помешать, ведь все мировые СМИ находятся в руках западной элиты. Типичный пример — вопрос с Украиной и Крымом. Государственный переворот на Украине, спровоцированный элитой Запада, в результате привел к войне на Донбассе и возвращению Крыма в состав России. В последнем случае очевидно наше желание локализовать украинский гражданский конфликт, а также обезопасить нашу территорию от продвижения на Восток военных баз НАТО. Стремление оторвать Украину от России вполне понятно с точки зрения интересов стран Запада (вспомним цифры численности населения стран ЕЭС). Но авторы этого переворота не учли, что Украина исторически складывалась как «лоскутное одеяло», что внутренняя интеграция этой страны предельно слаба и что значительная часть территорий этой страны (Новороссия) исторически тяготеет к России, а Крымское население отличается своей «российскостью» (да и нет у Украины исторического опыта совместного существования, а от федерализации их элиты отказываются). Современный пример информационной войны — обвинения России и Китая в искажении данных по COVID-19.

Но вернемся к теме информационной войны, в которой мы пока проигрываем. Да, мы активно работаем на всех возможных площадках, включая трибуну ООН. Но пока мы находимся в роли «защищающихся», а поэтому слова наших лидеров редко воспринимаются с необходимым

вниманием. Возможно, мы поднимаем не те темы (а надо поднимать тематику, которая волнует большинство населения планеты), возможно, надо менять целевую аудиторию (сейчас мы в большей мере обращаемся к западным элитам, а надо апеллировать в первую очередь к элитам и трудящимся незападных стран – в рамках ЕЭС или БРИКС). Победа в информационной войне – важнейшее средство утверждения нашего морального авторитета.

Всё перечисленное выше – необходимые условия для признания международного морального авторитета. Главное – правильно им воспользоваться.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильченко А.В.* «Евросоюз Гитлера». История объединённой Европы, которую не принято вспоминать. – М.: Алгоритм, 2015. – 300 с.
2. *Власова О., Калянина Л., Кокшаров А., Рубанов И.* Кто накормит планету // Эксперт. – 2008. – № 16. – С. 25-32.
3. *Евтеев С.А., Перелета Р.А.* (ред.) Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). – М.: Прогресс, 1989. – 376 с.
4. Есть ли будущее у капитализма? Иммануил Валлерстайн, Рэндалл Коллинз, Майкл Манн, Георгий Дерлугья и Крэг Калхун. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 320 с.
5. *Леонтьев М.В.* Большая Игра. – М.: АКТ; СПб.: Астрель-СПб, 2009. – 319 с.
6. *Меттан Г.* Запад – Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. – М.: Паулен, 2016. – 464 с.
7. *Мойо Д.* Как погиб Запад. 50 лет экономической неадаптивности и суровый выбор впереди. – М.: Цент полиграф, 2012. – 287 с.
8. *Орлова И.Б.* Российская цивилизация. Социально-историческая ретроспектива и перспектива. – М.: НОРМА, 1998. – 280 с.
9. *Каница С.П.* Общая теория роста человечества. Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле. – М.: Наука, 1999. – 190 с.
10. *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. Ч. 1. От начала до великой победы. – М.: Алгоритм, 2001. – 808 с.
11. *Кара-Мурза С.Г., Осипов Г.В.* СССР – цивилизация будущего. Инновации Сталина. – М.: ЭКСМО, 2010. – 320 с.
12. *Клёсов А.А., Пензев К.А.* Арийские народы на просторах Евразии. – М.: Книжный мир, 2015. – 352 с.
13. *Макиндер Х.* Географическая ось истории // Геополитика. Антология. – М.: Академический Проект; Культура, 2006. – 1004 с.
14. *Мухин А.* (ред.) Оправдание евразийской интеграции. – М.: Алгоритм, 2015. – 224 с.
15. *Панарин С.А.* (ред.) Восток на Востоке, в России и на Западе: трансграничные миграции и диаспоры. – СПб.: Нестор-История, 2016. – 304 с.
16. *Перепелкин Л.С.* Демографические процессы в регионах Евразии и их роль в международной политике: Учебное пособие. – М.: МАКС Пресс, 2005. – 325 с.
17. *Перепелкин Л.С.* Казахстан и Россия: общие перспективы // Кавказ и Центральная Азия: аналитические материалы, текущие события. Бюллетень № 8. – М.: ЦСПИ, 2008.
18. *Перепелкин Л.С.* Социальная эволюция как аспект изучения общества // Личность. Культура. Общество. Международный журнал социальных и гуманитарных наук. – 2009. – Том XI. – Вып. 4. – №№ 51-52.

19. *Перепелкин Л.С.* Человек в семье. Проблемы естественного воспроизводства в европейско-христианском ареале // Резник Ю.М., Глостанова М.В. (ред.) Вопросы социальной теории. Альманах-ежегодник. Том V. Человек в изменяющемся мире: проблемы идентичности. — М., 2011. — С. 392-418.

20. *Перепелкин Л.С.* Социальная эволюция: некоторые дискуссионные вопросы // Историческая социология и психология истории. — 2013. — Т. 6. — № 2.

21. *Перепелкин Л.С.* Цивилизация, империя и региональная интеграция: диалектика понятий // Вопросы социальной теории. Научный альманах. Том XI, 2019. Пути цивилизационного развития. Перспективы для России. — М., 2019. — С. 65-77.

22. *Рахимов Р.Н.* На службе у «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII — первой половине XIX в. — М.: РИСИ, 2014. — 544 с.

23. *Саттон Э.* Власть доллара. — М.: Самотека; МИД «Осознание», 2016. — 164 с.

24. *Соловьева З.А., Филоник А.О.* (отв. ред.) Арабский мир.: контрасты водного баланса. — М.: ИВ РАН, 2018. — 412 с.

25. *Сорос Дж.* «Фонд» для России. Что было, что будет. — М.: Алгоритм, 2015. — 224 с.

26. *Тюрин А.* Русские — успешный народ. Как прирастала русская земля. — СПб.: Питер, 2013. — 384 с.

27. *Фергюсон Н.* Восхождение денег. Финансовая история мира. — М.: Астрель, 2010. — 431 с.

28. *Фридман Д.* Следующие 100 лет. Прогноз событий XXI века. — М.: Коммерсант; ЭКСМО, 2010. — 336 с.

29. *Харари Ю.Н.* 21 урок для XXI века. — М.: Синдбад, 2019. — 416 с.

30. *Хейнберг Р.* Конец роста. Новая экономическая реальность. — М.: Терра; Книжный Клуб Книговек, 2013. — 384 с.

31. *Чеснокова Т.Ю.* Постчеловек. От неандертальца до киборга. — М.: Алгоритм, 2008. — 368 с.

Примечания

1. Например, возможности введения международных санкций или проведения силовых акций в обход ООН.

2. Даже такой сторонник глобализации, как израильский историк Ю.Н. Харари, с сомнением относится к идее мирового правительства См.: [29].

3. См. интервью с известным французским экономистом Жаном-Франсуа Ришаром «Россия могла бы стать новым моральным лидером мира» в книге Т.Ю. Чесноковой «Постчеловек» [31, 323-332].

4. Заметным исключением является иудаистская цивилизация, которая до недавнего времени (до возникновения государства Израиль в 1948 г.) в течение почти двух тысячелетий была дислокальной (правда, в течение этого времени сохранялось еврейское пожелание «на будущий Иерусалим»).

5. Изменения климата на Земле происходили регулярно с промежутками в сотни тысяч, а то и миллионы лет.

6. Ясно, что важнейшей задачей является экономия пресной воды — как в быту, так и на производстве (возможно, в аридных территориях нужно шире внедрять израильский опыт капельного орошения).

7. Есть еще экзотическая, но вполне реализуемая идея транспортировки по морю льда Гренландии в Сахару.

8. Конечно, если эту воду не перехватит Китай, где берут истоки многие сибирские реки.

9. Что менее вредно для климата, так как поддерживает процесс фотосинтеза и уменьшает выбросы углекислого газа в атмосферу, но выводит из производства пищи значительное количество земель.

10. См.: agronews.com (дата обращения – 10.05.2020).
11. См.: pticainfo.ru (дата обращения – 10.05.2020).
12. См.: pticainfo.ru (дата обращения – 10.05.2020).
13. См.: zen.yandex.ru (дата обращения – 11.05.2020); gta.ru (дата обращения – 11.05.2020).
14. См.: dprom.online (дата обращения – 11.05.2020); global-finances.ru (дата обращения – 11.05.2020); tass.ru (дата обращения – 11.05.2020).

15. Это под силу лишь государствам, обладающим, как Россия, развитыми космическими технологиями. Изотоп гелий-3 может использоваться для получения энергии в ядерных установках. См.: Гелий-3 (ru.wikipedia.org – дата обращения 11.05.2020).

16. В советские годы 60% работающего населения «кормили» 40% иждивенцев. Подробнее см.: [16].

17. Более важный показатель, по которому мы пока отстаем, – душевой ВВП, зависящий от технологической оснащенности производства. Кроме того, существует концепция «конца роста» [30], но она противоречит доминирующему в мире капиталистическому экономическому укладу (для которого необходим постоянный рост и экспансия) и возможна лишь при существенном сокращении межстрановых различий.

18. Понятие «целостность» используется здесь в классическом варианте: целое больше суммы составляющих его частей.

19. Кстати говоря, на миграцию, мигрантов и диаспоры (их прием, обустройство и адаптация) надо обратить особое внимание как на долговременный и перспективный процесс. Подробнее об этнических миграциях см.: [15].

20. В моей работе 2019 г. показано (с использованием карт), что нынешний Евросоюз территориально создается в территориальных границах европейских империй прошлого (вплоть до «Третьего рейха»). См.: [1].

21. Некоторые предложения в этой области для ЕЭС были уже даны. См.: [17].

Поступила в редакцию 01.05.2020 г.

UDC 316.32

DOI: 10.30936/2227-7951-2020-12-187-196

В.И. РАЗУМОВ, О.Р. ОНИЩЕНКО

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В XXI ВЕКЕ: ДОСТИГНУТЫ ЛИ ПРЕДЕЛЫ РОСТА?

***Аннотация:** Как оценить достигнуты ли обществом в XXI в. «пределы роста»? Общество рассматривается как субстанциональный объект, выполняющий особые функции в Мироздании. В осмыслении общества выделены аспекты: онтологический, гносеологический, аксиологический. Предложены проекты развития общества дезактуализирующие опасности «пределов роста»: религиозный, космический, трансгуманистический. Указана угроза — развитие общества по инерционному сценарию. Перспективы России как центра Евразийской цивилизации связываются с тем, как согласовано её развитие с процессами в современном обществе как планетарном явлении.*

***Abstract:** How to evaluate whether society has achieved in the XXI century «the limits of growth»? Society is considered as a substantial object which performs special functions in the Universe. In comprehension of society the following aspects are highlighted: ontological, epistemological, axiological. Social development projects are proposed to deactivate the dangers of “the limits of growth”: religious, cosmic, transhumanistic. The threat is indicated — the development of society according to the inertial scenario. The prospects of Russia as the center of the Eurasian civilization are associated with its development coherence with processes in the modern society.*

***Ключевые слова:** демография, космос, общество, проекты, пределы роста, религия, трансгуманизм, цивилизация.*

***Keywords:** demography, space, society, projects, limits of growth, religion, transhumanism, civilization.*

Разумов Владимир Ильич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск). E-mail: razumovvi@omsu.ru

Онищенко Ольга Романовна — кандидат психологических наук, доцент, проректор Института высшего и дополнительного профессионального образования Федерального научно-клинического центра реаниматологии и реабилитологии (Москва). E-mail: oonishchenko@fnkcr.ru.

Предисловие. Перспективы России в статусе цивилизации будущего зависят от того, насколько усилия и устремления страны согласуются или противоречат тенденциям развития общества. К настоящему времени сложился особый спектр представлений о цивилизациях, что находит выражение в разнообразных определениях и классификациях цивилизаций по разным основаниям [15]. Поведем наши рассуждения от предположения о том, что цивилизации есть элементы, образующие более масштабную систему – общество. Сразу обратим внимание на парадоксальность ситуации, заключающейся в том, что отсутствуют общепризнанные определения как цивилизаций, так и общества. Это связывают обычно не только с многообразием и полиморфностью данных объектов, но и с их способностями к быстрым трансформациям. Однако, как установлено в ветви кибернетики – гомеостатике: соединение по отдельности неустойчивых объектов позволяют сформировать устойчивую систему [4].

Общество представляет не меньший феномен, чем биосфера, поскольку оно, как и последняя, не есть простое объединение отдельных форм жизни, а представляет собой особый коллективный объект. Оно обладает целым рядом уникальных черт в сравнении с остальными сообществами (социумами), среди которых следует выделить темпы и степень разнообразия развития. Отметим, среди известных объектов мироздания не известно ни одного объекта, развивающегося столь быстро как общество. Если взять в качестве критерия уровень организации объекта и его способности к трансформациям, то возникнув в период неолитической революции, т.е., около 6–8 тыс. лет назад, общество развивается чрезвычайно быстро и многообразно.

Однако развитие, ускоряющееся и протекающее с выраженным повышением уровня сложности, нарушает устойчивость системы. Из этого следует, что общество в XXI в. теряет устойчивость по причинам критичного ускорения темпов его развития и усложнения, что особенно характерно для отрезка истории от середины XX в. и по настоящее время. Заметим, широко употребляемое выражение – «устойчивое развитие» есть оксюморон. По мере ускорения развития система всё больше отклоняется от равновесия, и, наоборот, приближаясь к равновесию, развитие системы замедляется. Всякий объект взаимодействует со средой так, что если он растет, расширяется, то это выражается в занятии объектом части позиций среды; остановке роста соответствует период динамического равновесия объекта и среды, а затем, в зависимости от активности среды, возможно начало инволюции объекта, выражающееся в его декомпозиции, сжатии, вплоть до гибели.

Достигло ли человечество в XXI в. пределов роста? Для ответа на данный вопрос сформулируем несколько соображений. Общество в существенно большей степени, чем биосфера выделяет планету Земля в космосе. За обществом можно закрепить функцию производства, хранения, передачи знания как части информации, для которой определена семантика. А знания становятся необходимым условием для преобразующей деятельности. Ещё одной функцией общества выступает его способность обеспечивать связь человека с мирозданием.

Обострение эпидемиологической ситуации вместе с углублением мирового системного кризиса в экономике, политике, экологии позволяет размышлять об оформлении общества в качестве особой системы, способной обладать сознанием. Задумаемся, численность людей сегодня только наполовину меньше числа нейронов в мозге, и это, не говоря о компьютерах, дивайсах и разнообразных средствах связи. По мере осознания данного факта, для разумного человека становится актуальным согласовать себя с обществом как с объектом, подчиняющимся определенным закономерностям.

Здесь возникает вопрос, а свойственны ли обществу объективные законы? Если да — где их формулировки, а если нет — следует признать, что общество управляется волюнтаристским фактором. Ситуация с научным подходом к обществу актуализируется по мере обсуждения процессов глобализации. Однако на настоящее время теория общества и его объективные закономерности не открыты. Несмотря на имеющиеся трудности, интерес к обществу растет. Это предусматривает трансформацию мировоззрения, в котором наряду с антропоцентризмом и биоцентризмом формируется социоцентризм [13].

Обратим внимание на такое обстоятельство, что из числа известных науке объектов, наиболее сложные из них не имеют теорий, адекватных уровню своей сложности. На настоящее время отсутствуют научные теории [2] таких объектов как: человек, биосфера, общество. Рассмотрим пример. Идеологи СССР и многие интеллектуалы, некритично следовавшие за ними, называли социализм научным. Особое место занимает проект разработки общей теории организации А.А. Богдановым, который используется им в том числе в интересах научного обоснования социализма [1]. Действительно, с учетом планирования для большого и сложного хозяйства казалось, что социалистическое хозяйство подчиняется определенным принципам и механизмам. Но это оказалось иллюзией, научной теории адекватной реальностям социалистической экономики не было, правда, был симулякр — политическая экономия социализма.

Что же может представлять собой планирование развития общества на основе научного проекта? Правда, здесь сразу возникают вопросы о критериях научности. Если для социальных утопий Платона было достаточным формулировать знание, отражающее, по мнению его самого и учеников, идеи, то для О. Конта важным становится рассматривать социальные процессы как разновидность физических. Но, естествознание нацелено на открытие объективных законов, т.е. действующих в средах, исключаящих проявление какого-либо волевого начала. А социальные среды наполнены людьми, имеющими волю, обладающими свободой. К.Р. Поппер специально разворачивает аргументацию в пользу того, что объективные законы в применении к обществу невозможны [8]. Однако позиция Поппера принимается далеко не всеми. Видный представитель теоретической истории и макросоциологии Р. Коллинз конструирует законы, определяющие геополитические процессы, причем, пользуясь ими, он предсказывает распад СССР [5].

Наш подход к социальным законам состоит в следующем. Если взять отрезки физического времени, то в русле гипотезы Большого Взрыва (С. Хокинг, Р. Пенроуз) физическая реальность существует около 15 млрд лет, возраст биосферы составляет около 1 млрд лет, первые гоминиды появляются в интервале 1-3 млн лет, общество 6-8 тыс. лет. С ориентацией на данную последовательность заметим следующее. Наиболее надежны формулировки законов физики, предмет которой — физическая реальность, существующая 15 млрд лет! Но уже для такого объекта биологии как биосфера, выявление законов связано с существенными затруднениями. Главное, общество в этом ряду представляется объектом, становление которого ещё только начинается. Отсюда можно сделать вывод о том, что современное общество находится на дономологической (греч. *nomos* — закон) стадии развития [9].

В начале 2000-х гг. журнал «Личность. Культура. Общество» выступил в роли центра интеграции социальных теоретиков как междисциплинарного научного сообщества, объединяющего специалистов, изучающих современное общество. Важной особенностью изучения общества выступает то, что результаты его познания (модели, прогнозы, гипотезы и т.п.) влияют на ход развития самого общества.

Таким образом, общество есть самопроектируемый объект, а представление об этом начинают разрабатываться под руководством А.А. Зиновьева в Московском логическом кружке, а после высылки Зиновьева из СССР Г.П. Щедровицким в Московском методологическом кружке. В настоящее время проектирование социальных изменений становится важнейшим инструментом в конкуренции государств и цивилизаций [7].

Аспекты познания и проектирования общества. Тема социальных законов актуализируется по мере того, как человечество приближается к предельным параметрам своего развития. Понимание факта приближения быстро развивающегося общества к своим предельным характеристикам (демография, производство, экология) высказывалось более 30 лет назад группой интеллектуалов, возглавляемой Д. Медоузом [6]. На наш взгляд, для того чтобы дать объективную оценку тому, достигнуты ли обществом пределы роста, следует предварительно ответить на ряд вопросов.

Онтологический вопрос заключается в определении субстанциально-го статуса общества, а также в осмыслении связанного с ним вопроса о месте и роли общества в эволюции космоса. В нашем подходе общество имеет субстанциальный статус, т.е., это – особая сущность мироздания, обладающая статусом *causa sui* (лат. – причина себя). Но, это только постановка вопроса, поскольку четкости в понимании места и роли общества в эволюции космоса пока нет.

Постановку *гносеологического вопроса* можно начать с установления того, что общество есть одновременно предельно возможный субъект коллективного познания, а также объект самопознания. В принципе, указанные онтологический и гносеологический вопросы ставились в статье [14]. В указанной публикации авторы обосновали научную сложность построения теории общества и попытались написать пролегомены к её формированию на базе *теории динамических информационных систем* (ТДИС).

Следующий опыт конструирования теории общества на основе ТДИС [11] вызвал ряд вопросов и замечаний от коллег, что побудило предпринять разъяснения по существу аппарата ТДИС, используемому для моделирования общества [10; 12]. В обобщенном виде гносеологический вопрос актуализирует ранее высказанную мысль о производстве знания как ведущей функции общества. Если в онтологическом плане пределы роста общества задаются его миссией и целью в мироздании, то гносеологически эти пределы ограничивают уровень сложности задач, которые ставит и решает данный коллективный субъект.

Аксиологический вопрос касается общества как ценности, что следует рассматривать в трех аспектах, где общество выступает ценностью в масштабах мироздания, отдельной личности, себя как коллективного субъекта – социума особой природы. Перечисленные три аспекта конкурируют между собой за установление субординации, и это проявляется определенным образом в каждом регионе и на любом известном отрезке исторического развития. В методологии истории это нашло отражение в так называемом регионально-стадиальном подходе к объяснению исто-

рических явлений. В настоящее время более всего освоена оппозиция: личность/общество. При этом, но не более чем на уровне интеллектуальной интуиции, предполагается, что носителем интеллекта может быть исключительно человек.

С учетом сказанного об обществе перейдем к ответу на вопрос о том, достигнуты ли обществом пределы, ограничивающие его дальнейший рост. Уместно также задуматься об источнике ограничений на рост общества, а они могут быть: а) заложены в самом обществе, б) содержаться в окружающей его среде, в) образовываться в ходе взаимодействий общества с окружающей средой и с другими системами.

Данный вопрос в настоящее время вышел за рамки научных обсуждений и попал в область массового сознания. Поэтому он начинает активно обсуждаться в СМИ и социальных сетях. Поводом послужили высказывания одного из богатейших людей – Билла Гейтса и успешного российского банкира – Германа Грефа об избыточности населения планеты. В принципе эти высказывания можно отнести к известной концепции «золотого миллиарда» как реакции части мировых элит на прогнозы [6]. Если воздержаться от сравнения концепций «золотого миллиарда» и «ноосферного существования человечества» [3], окажется, что пределы роста систем зависят от задач, стоящих перед каждой конкретной системой. В нашем случае такая система есть общество.

Фундаментальные проекты общественного развития. За период культурной истории человечество разработало несколько проектов такого уровня, на котором люди стремятся решать в комплексе онтологический, гносеологический и аксиологический вопросы. Остановимся на некоторых из них.

Проект единого человечества буддизма и христианства. Базируется на признании единства всех людей вне зависимости от их происхождения и социального статуса. Проект нацелен на превращение общества в особое единство, в христианстве это – Богочеловечество. В материальном отношении данный проект оптимален. Высшей формой любви признается любовь к Богу. Деторождение мыслится фактором, отдаляющим общество от состояния Богочеловечества или достижения нирваны в буддизме. Целибат и прочие ограничения ведут к сдерживанию роста населения планеты. Установка на предпочтение духовного материальному деактуализирует развитие промышленности, сельского хозяйства, светских социальных отношений.

Если общество принимает такую идеологию, оно становится теократическим, его рост ставится под контроль на предмет соответствия тех или иных социальных процессов религиозным стандартам. Актуальной

перспективой для общества остается надежда на осуществление соответствующей религиозной мечты. В идеале это должно состояться за период жизни одного поколения. Сказанное означает, что в данном проекте существование общества исторически конечно. Общество или перейдет в состояние соответствующего религиозного идеала, или погибнет.

Проект, представляющий человечество субъектом освоения космоса. Полёта человека к другим небесным телам посвящены художественные фантазии Сирано де Бержерака, Рудольфа Эриха Распе, В.Ф. Одоевского и др. Однако идеи и проекты, описывающие не просто полеты в космос, а освоение космоса, получают развитие в русском космизме, в первую очередь, в трудах К.Э. Циолковского. Уместно указать на то, что с конца 50-х и до середины 80-х годов XX в. люди мечтают развивать космическую технику в интересах колонизации космоса. Это выражается как в огромном объеме научно-фантастической литературы, прежде всего, советской и американской, так и в стратегических проектах освоения космоса и огромному интересу к ним.

Бурное в недалеком прошлом развитие данного проекта с 90-х годов XX в. и по настоящее время переходит к охлаждению интереса общества к освоению космоса как объекта колонизации. В чем причины столь резкого разочарования? Более естественным объяснением данного явления оказывается то, что у общества потребления, где у большинства личностей преобладают утилитаристские установки, не может быть стратегических задач, решение которых относится к далекому будущему. Тем не менее, именно работы над данным проектом оправдывают рост численности населения планеты. Кроме того, источниками ресурсов объявляются объекты космоса. Аргументы, обосновывающие фатальные ограниченности человека в области полетов к другим небесным телам с последующим расселением на них людей, следует учитывать как задачи, требующие решения. При этом нельзя исключать открытия, кардинально меняющие возможности человека и общества.

Трансгуманистические проекты. Уже древние общества пытались решать задачи улучшения природы человека. В XIX в. появляются идеи о создании научного подхода к селекции человека. Первые опыты в этом направлении объединяют концепции евгеники, затем к замыслам улучшения человеческой природы пытаются применять принципы генетики. С учетом ключевого вопроса настоящей статьи о пределах роста человеческого общества, уместно заключить, что в пределах Земли у человека и человечества нет стратегических перспектив. Если не в XXI, то XXII в. невозобновляемые ресурсы будут исчерпаны, окажутся превышенными и пределы загрязнения, а есть и многие другие глобальные угрозы.

Ответом на указанные вызовы выступают трансгуманистические проекты. Их существо предусматривает использование достижений науки и техники для изменения природы человека. Принципиальным является смена предмета деятельности, если традиционно человек направлял свои усилия на внешние предметы, то в трансгуманистических подходах предметом воздействий и изменений становится сам человек. Некоторые предложения по изменению природы человека расширяют возможности для освоения им космоса. Также изменения человека с необходимостью должны дополняться изменениями общества. Можно сделать вывод о том, что трансгуманистический проект в состоянии обойти трудности по достижении пределов роста общества в XXI в. Хорошие перспективы обещает соединение космического и трансгуманистического проектов.

Может показаться, что все три проекта, каждый по-своему, рисуют человеку и обществу радужное будущее. Но это не совсем так. Доминирующим сейчас является инерционный сценарий развития общества, который предполагает усиление неравномерности в распределении ресурсов, их приоритетное расходование на военные цели и индивидуальное потребление. Именно продолжение реализации этого инерционного сценария ставит границу эволюции для человека и общества.

В системном подходе действует принцип, согласно которому эффективность развития системы уровня n определяется тем, насколько она развивается в согласии с системой уровня $n+1$. В случае, рассматриваемом в данной статье, речь идёт о том, что формирование евразийской цивилизации, в чем лидирует Россия, будет успешным в зависимости от того, насколько в этом процессе будут отражены интересы общества. А они, по нашему мнению, тесно связаны с вызовами, обусловленными достижением человечеством пределов роста в XXI в. Ситуация очень тревожная, поскольку может оказаться, что пределом численности населения Земли являются не 9-12 млрд, а имеющиеся сейчас 7,8 млрд. Если не удастся отказаться от инерционного сценария развития, темпы роста общества начнут резко замедляться.

В обществе усилятся регрессивные процессы (снижение иммунитета, увеличение врожденных уродств, снижение интеллектуального потенциала, рост агрессивности и жестокости и др.), а они распространятся на отдельные цивилизации. В ходе развертывания указанных процессов и без серьезного противодействия им, численность населения нашей планеты за период в 1-3 поколения может сократиться до 1-0,5 млрд, что соответствует возможностям расселения людей по оптимальным (по климатическим, экологическим и иным характеристикам) зонам для проживания.

Снятие угрозы достижения обществом пределов роста предусматривает осознание серьезности сложившейся ситуации. Важен сдвиг в мировоззрении, предусматривающий актуализацию у человека социоцентрической установки. Изучение общества и формирование социальной теории должно привлечь существенно большее внимание, чем это есть сейчас. Причем, философской базой междисциплинарной теории общества может стать выделение в его осмыслении онтологического, гносеологического, аксиологического аспектов.

Изучение общества имеет также большое практическое значение, поскольку открывает значительные возможности для использования потенциала общества в социально-инженерных проектах. Есть основания утверждать, что анонсированные выше религиозный, космический и трансгуманистический проекты нуждаются в серьезном интеллектуальном и идеологическом сопровождении. И если не вызывает удивления факт плохого знания и недостаточного использования потенциала человека, то еще в меньшей степени освоен и применяется потенциал общества.

Россия, с учетом глубоких и масштабных перемен, происходящих с ней в рамках СССР, а затем на постсоветском пространстве, представляется основой формирующейся евразийской цивилизации. Перспективы России, на наш взгляд, будут определяться пониманием и способностью задействовать в развитии потенциал человека и общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богданов А.А.* Тектология: (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн. — М.: Экономика, 1989. — 304, 351 с.
2. *Горбань А.Н., Хлебпрос Р.Г.* Демон Дарвина. Идея оптимальности и естественный отбор. — М.: «Наука», 1988. — 203 с.
3. *Горский Ю., Лавишук В.* Жизнь или смерть цивилизации (модель, прогноз, роль интеллекта и информации). — Иркутск: Агентство Известия/Восток, 1994. — 27 с.
4. *Горский Ю.М.* Раскрытие глубинной сущности закона единства и борьбы противоположностей и определение основных свойств систем, образуемых объединением противоположностей // КИИ-94 Национальная конференция с международным участием «Искусственный Интеллект-94». — 1994. — Т. 1. — С. 132-138.
5. *Коллинз Р.* Макроистория: очерки социологии большой длительности. Пер. с англ. / Послесл. Н.С. Розова. — М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015. — 504 с.
6. *Медоуз Д. и др.* Пределы роста / Пер. с англ.; Предисл. Г.А. Ягодина. — М.: Изд-во МГУ, 1991. — 208 с.
7. *Переслегин С.Б.* Самоучитель игры на мировой шахматной доске. — М.; СПб., 2007. — 619 с.
8. *Поппер К.* Нишета историцизма. — М.: Прогресс, 1993. — 188 с.
9. *Разумов В.И.* Законы, управляющие обществом, и статус социально-гуманитарных наук // Человек и общество в нестабильном мире. Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. — Омск: ОмЮА, 2017. — С. 90-96.

10. *Разумов В.И.* Нужна ли нам действительно социальная теория или продолжим заниматься социально-философской эссеистикой? Ответ моим рецензентам // *Личность. Культура. Общество.* – 2010. – Т. XII. – Вып. 1 (53-54). – С. 104-107.

11. *Разумов В.И.* Об условиях и возможностях развития социальной теории: системно-категориальный подход // *Личность. Культура. Общество.* – 2009. – Т. XI. – Вып. 4 (51-52). – С. 109-121.

12. *Разумов В.И.* Социальная философия и социальная теория // *Личность. Культура. Общество.* – 2010. – Т. 12. – Вып. 2 (55-56). – С. 99-104.

13. *Разумов В.И.* Социоцентризм и его отношение к предмету социальной философии // *Личность. Культура. Общество.* – 2004. – Вып. 4 (24). – С. 91-99.

14. *Разумов В.И., Сизиков В.П.* Специфика объекта и метода социальной теории // *Личность. Культура. Общество.* – 2008. – Т. X. – Вып. 3-4 (42-43). – С. 107-117.

15. *Уэскотт Р.* Исчисление цивилизаций // *Время мира* [Текст]: альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций / Ред. Н.С. Розов. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – Вып. 2: Структуры истории: сборник. – 2001. – С. 328-344.

Поступила в редакцию 01.05.2020 г.

UDC 130.2

DOI: 10.30936/2227-7951-2020-12-197-203

Д.-Д. РОМАНОВ

БУДУЩЕЕ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: МИСТИКО-ИНТУИТИВИСТСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: В статье производится осмысление цивилизационного проекта России в метафизическом измерении концепта времени с позиции мистического интуитивизма и близких к нему воззрений. Понятия цивилизационного пути и выбора из политико-философского и социокультурного дискурсов сначала переносятся в общеполитический контекст поиска сущности будущего, реальности, личности и коммуникации, затем с помощью категорий «жертвенности» и «родины» конкретизируются в целостности мистически-живого образа социокультурной реальности как абсолютного «мы»-бытия в относительной мифологии исторического процесса, и, наконец, находят адекватное выражение в духовном состоянии общества и личности эпохи современности.

Акцент делается на гносеологии непостижимого, не точным, но приближенным выражением которого, согласно мистическому интуитивизму С.Л. Франка, является феномен цивилизации. Автор обращается к учениям таких философов, испытавших влияние мистического интуитивизма, как неоплатоники, Августин Аврелий, Николай Кузанский, Б. Паскаль, В.С. Соловьев, А.Ф. Лосев, С.Л. Франк. Делается вывод, что философское осмысление будущего российской цивилизации должно учитывать метод трансрационального анализа цивилизационной целостности, базирующейся на онтологии антиномического монодуализма.

Abstract: The article comprehends the civilization project of Russia in metaphysical dimension of time concept from mystical intuitionism perspective and views close to it. The civilizational path and choice concepts from the political-philosophical and sociocultural contexts are first transferred to the general philosophical discourse on the future, reality, personality and communication essence, then they are specified in the integrity of the mystical-living site of socio-cultural reality as an absolute “we”-being in relative mythology of historical process with categories of sac-

---

Романов Дмитрий Дмитриевич – аспирант кафедры социальной философии Российского университета дружбы народов (Москва). E-mail: romanovbook@yandex.ru.

---

rifice and homeland, and, finally, find adequate expression in spiritual state of society and personality of modernity era. The emphasis is on the epistemology of the incomprehensible, approximate but inaccurate expression of which, according to S.L. Frank's mystical intuitionism, is civilization phenomenon. The author refers to the doctrines of such philosophers, experienced the influence of mystical intuitionism, such as the Neoplatonists, Augustine Aurelius, Nikolai Kuzansky, B. Pascal, V.S. Solovyev, A.F. Losev, S.L. Franc. It is concluded that the philosophical understanding of the Russian civilization future should consider the method of transrational analysis of civilizational integrity, based on the antinomic monodualism ontology.

Ключевые слова: цивилизационный проект, будущее России, мистический интуитивизм, антиномический монодуализм, трансрациональность, жертвенность, абсолютный миф.

Keywords: civilization project, the future of Russia, mystical intuitionism, antinomic monodualism, transrationality, sacrifice, absolute myth.

Возможность будущего. Настало время, когда о самом времени говорят с сомнением. В естественных науках, особенно астрофизике и квантовой механике, разрабатываются теории исчезновения информации, пересечения будущего сверхсветовой материи с прошлым материи обычной [3]. Проблемой остаётся гипотеза Большого Взрыва, имеющая равные доли последователей и противников (см. прим. 1). Первый лагерь утверждает, спонтанное исхождение всех форм бытия из неопределенно-бесконечно малого сущего первоначала — сингулярности, второй — творение из ничего. Но предметом этого исхождения или творения, опять же, является время. Или, точнее — пространство-время.

Однако философия никогда не открывала этого, а знала, что сверхсветовая материя — это царство мнимых величин, а материя, движущаяся с бесконечно большой скоростью — не что иное, как платоновская идея [4, 113]. А популярный среди астрофизиков вопрос «что было до того, как...» в контексте происхождения вселенной — некорректный, и это доказал ещё Августин Аврелий [1, 289]. Время было сотворено из вечности, и не было никакого «до того» для сущих в вечности начал. Так нет и будущего нигде, кроме как в душе, но там само будущее время принимает форму ожидания, будь оно представлено надеждой или пред-знанием, то есть прогнозом. Итак, в данном исследовании, согласно теме, мы будем исходить из подобных неоплатонических трансфинитных и мистико-интуитивистских посылок, интегрируя их в сферу социальной философии и цивилизационного подхода.

Тема перспектив и проектов, с философской точки зрения, подразумевает операции с категорией времени, с выявлением его сущности. Россия, как цивилизация будущего, и её перспективы находится в сфере веро-

ятного. Обращает на себя внимание тот факт, что у истоков теории вероятности стоял Блез Паскаль – не только учёный математик, но и первый философ-экзистенциалист. Откровение Паскаля о непостижимости бездн начала и конца приводит его к заключению, что человечество «ничто по сравнению с бесконечностью, и всё по сравнению с небытием» [7, 133]. Мы, будучи укоренены в процессуальности, в своей собственной трансценденции, тем не менее, «никогда не задерживаемся в настоящем <...> мы так неосмотрительны, что блуждаем по недоступным нам временам и вовсе не думаем о том единственном времени, которое нам принадлежит; так легкомысленны, что мечтаем только о воображаемых временах и без рассуждений бежим от единственного существующего в действительности. Это потому, что настоящее обычно нас ранит. Мы его прячем с глаз долой, потому что оно нас удручает. Мы пытаемся удержать его в будущем и предполагаем распоряжаться такими вещами, которые отнюдь не в нашей власти» [7, 90].

То есть, будущее содержится в настоящем как его виртуальность, и его нет реально самого по себе. Как бы это страшно ни звучало, у цивилизации нет будущего, а есть перманентное настоящее, которое либо также перманентно обращается в личностно-исторический миф, либо подменяется «удобным будущим». Удобным для анализа лишь потому, что оно имеет некую экстенсивность, в отличие от вечного настоящего. У вечности нет распространения, поскольку нет ограничения, и нет частей, ведь всякая часть вечности будет той же вечностью. Со стороны великого мыслителя кажется неслучайным такое предостережение от слишком яркого упования на какие-либо прогнозы, не учитывающие соотношения с вечностью элемент тайны, т.е. то, что позже С.Л. Франк назовёт «непостижимым».

Социоморфность мистического. В российской цивилизации, в самом существенном её ядре, есть этот элемент непостижимого, при анализе которого важно помнить, что всё социокультурное каким-то образом открывается нам, и то, откуда оно это делает, остаётся для нас онтологической тайной. Но истинная онтология, как утверждает Франк, всегда социоморфна, «адекватная своему предмету социальная философия может быть построена лишь на интеллектуальном осознании первичного образа бытия как “мы”» [12, 380].

Этот онтологический уровень «мы-бытия» является тем тайным первичным актом, откуда высвечивается реальность для нас в процессе откровения. А индивидуальный уровень «я» и личностный «я-ты» укоренены в нём, причём ни «мы-бытие», ни индивидуально-личностный уровень не существуют друг без друга, образуя реальность всеединства. Постигание такой реальности трансрационально (в нём обретено единство рациональности и иррациональности), и основано на принципе антиномического монодуализма. Его-то Франк и называет в своей первой интуиции «мис-

тическим знанием» [12, 198], в котором совершается для нас откровение духовной реальности (не содержательно, но модально).

Мистическое не означает тут чего-либо туманного или фантастического, оно не должно быть окружено ореолом никакого романтизма. Мистическая реальность, действующая на существо нашего личностного мира — это, с точки зрения Франка, и законы, и государство, и общественное мнение, и цивилизация в конце концов [12, 383]. То, что властвует непостижимо, властвует также над судьбой человека, являясь ему в качестве предметного мира. Одновременно оно находится в зависимости от человека, поскольку вне индивидуума нет рода и наоборот. Свойство мистического — предметно являться в трансцендентной кажимости, открываться нашему познанию в своём безусловном существовании, оставаясь при этом вечной тайной. В мистическом знании любая явленная тайна доступна для созерцания. Но, очевидно, существует некое достоинство человеческого разума, которое призывает не только созерцать, но и говорить о невыразимом, хотя и языком вещно-формального мира.

«Родина» и «Жертва». Очевидно, в мистическом знании время получает новое свойство — оно уже не априорная форма, а приобретенное эпистемологическое средство акцидентального порядка. Будущее российской цивилизации, таким образом, в целостном понимании объекта, не может полностью отсутствовать в её настоящем. В свёрнутом виде оно есть в каждом индивидуе, и доступно познанию индивиду через «мы-бытие» — трансцендентную область intersубъективных коммуникаций, т.е., выражаясь языком Франка, через соборность.

Но чтобы не блуждать в отвлеченных понятиях, нам нужно сказать о *живом* бытии цивилизации. Так, рассуждая о некогда актуальной теме «русской идеи», А.Ф. Лосев заявляет, что «наша философия должна быть философией Родины и Жертвы» [5, 423]. С одной стороны, может показаться, что патетика тут слишком горяча, хотя и соответствует накалу 1941-го года. С другой — именно два этих элемента образуют целостное мистически-жизненное и не зависящее от исторического времени философствование о цивилизационном проекте. С точки зрения Лосева, это две мифологемы наиболее адекватные для выражения не отвлеченного, а целостно-живого образа социокультурной реальности. Как в ситуативном, так и в абсолютном понимании они представлены в динамической паре.

Россия или российская цивилизация как отвлеченный объект никогда не сможет быть полностью определена ни в каких терминах. Для отвлеченного, т.е. изолированного и детерминированного самим собой начала нет адекватных внешних выражений. Все слова, определяющие российскую цивилизацию «извне», будут лишь умалять и сужать предмет. Либо при-

дётся дедуктивно выделять что-то одно в ущерб другому, имея критерием лишь индивидуальное предпочтение (пусть и логически-рациональное), либо индуктивно бесконечно растить предикативный ряд и вообще ничего никогда не сказать. Отсюда необходимость цельного созерцательного взгляда на предмет и проблему выражения не самого предмета, а этого взгляда. Таким взглядом для мистически-интуитивистского метода постижения российской цивилизации и её будущего может стать *жизненная трансрациональная установка* тотальной интеграции субъектов или — жертвенность.

Жертвенность отсылает нас к христианскому мироощущению, помещенному Франком в основание российской государственности. Здесь Франк и Лосев говорят об одном и том же. Франк — с точки зрения непостижимости тайны нашей реальности. Лосев — через тотально-алогическую диалектику, которая разрушает догматические и формально-логические картины мира, утверждая в «знающем незнании» абсолютный миф. Важно понимать отличия последнего от мифа исторического или виртуального.

Но нельзя игнорировать то, что подавляющее большинство значимых философов России, искавших и ищущих истины о своей стране, находили ответ именно в христианском мироощущении (что не умаляет жертвенности в иных конфессиях). Логика ума и логика сердца в нём образуют гносеологический монодуализм. Категория будущего обретает в нём, помимо прогностического, эсхатологический характер. Родина — это уже не только гражданство, территория, товарищество и т.д., а сакральная категория — «Святая Русь», «Третий Рим», ковчег для общего дела или «птица-тройка», несомая и хранимая нездешней силой. И это есть российская цивилизация в «рациональности сердца».

Категория жертвенности, взятая не в одном лишь этическом аспекте, довольно проста — это проявление любви. Непостижимая сущность любви входит в мир феноменов, в т.ч. как жертвенность. Рассуждать о цивилизационном выборе, не любя то, что совершает этот выбор, то есть сакральную категорию Родины — значит, не познавать предмет. А любить его, значит, жертвовать ради него всем тем, что «выключает» феноменологическую редукцию. Можно сказать, что жертвенность и интерес субъективности — установки одного порядка. Они конституируют бытие настоящего, но проблематизируют бытие возможного [8, 65].

С точки зрения вечности. Ключевой представитель мистического интуитивизма, автор уже упомянутой выше концепции «знающего незнания» — Николай Кузанский, определяет, что «наш разум относится к истине, как возможность — к абсолютной необходимости» [6, 53]. Так можно допустить два типа постижения возможного — виртуальное и реальное. Первым выступает вероятностный прогноз, вторым — выражение

вневременной истины в форме ожидаемого. Но мы ищем истинные идеи цивилизаций, которые «есть ни что иное, как образ их бытия в вечной мысли Бога» [10, 192], как выразился В.С. Соловьев. Философ подчёркивал важность не столько рефлексии народов о себе самих во времени, сколько замысла Бога об этих народах в вечности.

Но даже если убрать концепцию «бога», и заменить её концепцией абсолютного духа или вселенского разума, или общественной сознательности, социальной детерминированности, то всё равно удивительно актуально звучат слова В.С. Соловьева о том, что «Россия еще не отказалась от смысла своего существования, она не отреклась от веры и любви первой своей юности. В ее воле еще отказаться от этой политики эгоизма и национального отупения, которая неизбежно приведет к крушению нашу историческую миссию. Фальсифицированный продукт, называемый общественным мнением, фабрикуемый и продаваемый по дешевой цене оппортунистической прессой, еще не задушил у нас национальной совести, которая сумеет найти более достоверное выражение для истинной русской идеи» [10, 191]. Слово «миссия» теперь слишком пафосно и ему предпочитают «проект», но суть дела от этой перестановки не меняется. Пока мы не спрашиваем, кто субъект проекта или миссии, что есть Россия? У нас есть более укорененные в философии категории, среди которых время, идея и смысл. Очевидно, идея не должна меняться, хотя может исказиться смысл с течением времени, но он уже не будет относиться к реальности. Тождество же реальности и идеи, как убедительно показал Гегель, есть не смысл, а дух.

Дух претендует на тотальность. Говоря о *духе российской цивилизации*, важно указать на особенность его репрезентации в сознании людей, формирующих эту цивилизацию. Попав в руки СМИ и всевозможных институтов, которые никогда не имели практики обращения с духовным миром напрямую, как это сегодня делает государство, мы получим лишь тоталитарную тиранию под демократической личиной. Тотальное обезличивание — прямое следствие такого режима, и весь прогресс науки и техники идёт к этому. Внешне человеку доступно проявление своей индивидуальности всё больше, но внутренне самоизоляция и страх выйти за пределы обожяемого «Я», завёрнутого в эту внешнюю пестроту, создаёт из личности личину. То, что П.А. Флоренский называл «скорлупами», астральными трупами, лишенными хребта субстанциальности [11, 29].

Операции с духом на уровне пропаганды и СМИ всегда будут заканчиваться обществами астральных трупов. Россия будущего — это прошлое России, отраженное в идее современности. Оторвать будущее от прошлого, значит лишиться субстанциальности саму душу цивилизации. Это начинается с подмены духа исторической правдой, с отделения внешнего

проявления личности от внутреннего, лишения трансцендентности и разрыва интересубъективных отношений институционными алгоритмами. Тираническая демократия начинается с национального эгоизма, наконец, со стыда за характер всечеловеческой отзывчивости российской цивилизации, усмотрение в этой черте некоей слабости характера и его неумения отстоять свой национальный интерес. Тотальный дух должен быть свободен от этих страхов и предрассудков, от ложного стыда.

А существует ли этот интерес или проект, или миссия — что-то значимое с точки зрения вечности? Или реализация этих планов отзовется вселенским хохотом? Ведь трансрациональные глубины духа апеллируют к таким же трансрациональным прогнозам. Возможно, сегодня, как никогда, стоит вновь прислушаться к знаменитым словам Н.В. Гоголя о птицетройке. «Русь, — вопрошает классик, — куда ж несешься ты, дай ответ? Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земли, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства» [2, 247]. В этом безответном беге вечности, спешащем к новой жизни и, одновременно, бездвижно укорененном, как хребет мироздания в трансрациональном двуединстве, мистический интуитивизм и видит осуществление цивилизационного выбора России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Августин Аврелий*. Исповедь. — М.: Ренессанс, 1991. — 488 с.
2. *Гоголь Н.В.* Собр. соч. в 14 т. Т. VI. — М.-Л.: АН СССР, 1951. — 908 с.
3. *Константинов М.Ю.* Гипотеза Хокинга о евклидовой природе пространства-времени в классической физике // Международный научно-исследовательский журнал. — 2016. — № 12 (54). — С. 8-12.
4. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. — М: Мысль, 2001. — 558 с.
5. *Лосев А.Ф.* Родина // Русская идея. — М.: Республика, 1992. — С. 420-429.
6. *Николай Кузанский*. Собр. соч. в 2-х т. Т I. — М.: Мысль, 1979. — 486 с.
7. *Паскаль Б.* Мысли. — М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. — 480 с.
8. *Резник Ю.М.* Возможное бытие человека: от анализа к проекту // Вопросы социальной теории. — 2016. — Т. VIII. — № 1-2. — С. 63-88.
9. *Рябенко Е.А., Зайцева Ю.О., Синюк Н.С., Снежко А.А.* Проблематика гипотезы Большого взрыва // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. — 2010. — № 6. — С. 377-378.
10. *Соловьев В.С.* Русская идея // Русская идея. — М.: Республика, 1992. — С. 185-205.
11. *Флоренский П.А.* Иконостас. — СПб.: Мифрил, Русская книга, 1993. — 365 с.
12. *Франк С.Л.* Сочинения. — М.: Правда, 1990. — 607 с.

Примечания

1. См.: [9]. Хотя статья имеет обзорный характер, и, на наш взгляд, необходимо включить в подобное исследование анализ ньютоновской позиции с антиномической критикой классического механицизма вечной и бесконечной вселенной.

Поступила в редакцию 01.05.2020 г.

UDC 130.2

DOI: 10.30936/2227-7951-2020-12-204-211

Р.В. ТИТОВ

«СВЕРХ-УСИЛИЕ ВОЛИ» КАК УНИКАЛЬНАЯ ЧЕРТА РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

***Аннотация:** Русский национальный характер тесно связан с явлением «сила воли». Это понятие сегодня широко встречается в художественной, религиозной, философской и научной литературе. Несмотря на это, данное явление требует анализа и более точного определения. Наиболее авторитетным первоисточником для понятия «воля» является Библия, где оно становится одной из фундаментальных этических идей. Здесь мы находим множество призывов к необходимости приложения «Сверх-усилий» (воли) в качестве морального идеала, а также примеры опасности противоположного явления – «Порок воли» (отсутствие воли, «Безволие»).*

Шкала «Сверх-усилие – Порок воли» прекрасно соответствует нашему времени. Сегодня одна из неясных опасностей развития технологий связана со снижением волевого потенциала – развитием «Порока воли» («Безволие»). Построение цивилизации будущего возможно в случае успешного преодоления негативных факторов нового времени. Россия здесь может сыграть ключевую роль. Наша страна обладает высоким волевым потенциалом и успешной моделью, идеей которой является «Сверх-усилие».

***Abstract:** Russian national character is closely related to the phenomenon of “will power”. This concept is now widely found in artistic, religious, philosophical, and scientific literature. Despite this, this phenomenon requires analysis and a more precise definition. The earliest and most authoritative source for the concept of “will” is the Bible, where it becomes one of the fundamental ethical ideas. Here we find many appeals to the necessity of applying “Super-effort” (will) as a moral ideal, as well as examples of the danger of the opposite phenomenon – “Vice of the will” (“Lack of Will”).*

Титов Роман Владимирович – кандидат экономических наук, директор ООО «Дельта Капитал» (Волгоград). E-mail: dlt_c@mail.ru.

The scale: «“Super-effort” – “Vice of will”» perfectly corresponds to our time. Today, the world is changing as a result of the mass introduction of digital technologies, which may have a “shadow side”. One of the implicit dangers is associated with a decrease in volitional potential – “Vice of will”. Building the civilization of the future depends on successfully overcoming the negative factors of the new time. A significant role in this can be played by Russia, which has a high volitional potential and a successful model based on the concept of “Super-effort”.

Ключевые слова: моральное регулирование, сила воли, волевой потенциал, Сверх-усилие, порок воли, безволие, Библия, Россия, цифровая трансформация, цивилизация.

Keywords: Russia, will power, volitional potential, Super-effort, moral regulation, Biblical Canon, digital transformation, historical analogies, lack of will, civilization.

Сила воли – характерная черта русской культуры. Сегодня понятия «воля» и «сила воли» являются распространенными. Многие исследователи считают это явление характерным для русской культуры и менталитета (см. прим. 1). В большом числе художественных произведений подчеркивается сила воли русского человека, которая проявлялась как во время великих испытаний (войны, революции, стихийные бедствия, голод), так и в обычной жизни (монашеский подвиг, трудовые достижения).

Предрасположенность русских людей к проявлению волевых качеств можно объяснить, не прибегая к мистическим причинам. Как известно, «закалка» воли происходит в результате преодоления трудностей, препятствий и лишений. Это в равной степени справедливо как для индивидуума, так и для социальной группы или нации в целом. На долю нашего народа выпало великое множество трудностей и испытаний. Исключение не составляет и новое время: распад Советского Союза, перестройка, рыночные реформы, санкции и пр. являются препятствиями, которые требуют напряжения сил. К дополнительным факторам «сложности», влияющих на характер россиян, можно отнести также суровый климат, отсутствие пресыщенности и необходимость длительных перемещений по стране.

Очень важно конкретизировать понятие «воля», «сила воли» применительно к нации. В частности, это необходимо для обоснованного выбора стратегии поведения в меняющемся мире. Отсутствие компромиссной и точной формулировки в определении этого явления мешает консолидировать нацию и концентрировать потенциал в современных непростых условиях.

Широкая трактовка понятия «воля». Несмотря на то, что это понятие широко используется сегодня как в популярной, так и в научной литерату-

ре, оно остается недостаточно ясным. Остановимся на трех наиболее распространенных значениях понятия «воля», которые встречаются сегодня:

– *воля как желание*, «хотение» (одна из ранних классических формулировок понятия, мы встречаем у Аристотеля и Платона, которые трактуют «волю» [8, 11] как «хотение» [1, 188-189], желание, влечение);

– *воля с точки зрения свободы*, включая предопределенность – внешняя сила по отношению к человеку, воля как свобода поступков (понимание в плоскости «воля – свобода» включает в себя множество аспектов: воля как внешняя сила по отношению к человеку, Божественная воля, как предопределенность, произвольность и выбор человека, стремление к свободе и пр., в т.ч. религиозном контексте; к числу авторов, придерживавшихся такой точки зрения можно отнести ранних зарубежных исследователей – Б. Спиноза, Дж. Локк, А. Шопенгауэр, И. Кант и др., а также более поздних – Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев; в этом ряду отдельно отметим М. Лютера, который в своем трактате «О рабстве воли» одним из первых использовал понятие «сила воли», хотя в другом контексте);

– *воля – твердость характера*: самоконтроль, мужество, «делание добра» и «исполнение дела», самопожертвование и др. (см. прим. 2) (воля как проявление твердости характера – «Сверх-усилие»).

Последнее понимание волевых качеств получило большое развитие в дальнейшем в работах философов и ученых как в нашей стране, так и за рубежом. Можно отметить работу Ф.Ч. Хэддока «Сила воли» [13, 21]. Наиболее полно эта тема раскрыта в таких работах современных авторов, как Дж.Дж. Теллис и П., Т. Карп, Р. Баумайстер, И. Якутенко, К. Макгонигал, В.А. Иванников, Л.С. Выгодский и многих др. Фундаментальным исследованием этой проблемы нужно назвать книгу Е.П. Ильина «Психология воли». Значительное развитие тема «силы воли» получила в православной литературе (см. например, труды Феофана Затворника [9] и др.).

При анализе идеи «воля» важно обратиться к первоисточникам. Значительный фундамент в развитие идеи «воля» был заложен в Библии. В ней понятия «сила воли», «твердый характер», «самоконтроль» еще не были ясно сформулированы, хотя мы находим четкую систематизацию примеров поступков, требующих выдающихся моральных усилий или связанных с расслаблением воли. Примеры проявления «силы воли», «силы духа», твердости характера и других моральных поступков в Библии, в целях данной статьи, можно объединить в понятие «Сверх-усилие».

«Сверх-усилие» как всеобъемлющая моральная категория. Анализируя нерелигиозный смысл Библии, можно предположить, что необходимость прилагать «Сверх-усилие» является высшим моральным идеалом Нового завета. Эта идея составляет главную «новизну» Евангелия в сравнении с

Ветхим заветом (см. прим. 3). Подтверждение этому можно получить, сравнивая между собой формулировки моральных требований двух частей Библейского канона, посвященных одним и тем же моральным категориям: возмездие, ложь, соблазн, «исполнение добра», самопожертвование и пр. [10, 179]. Всем известно выражение: «Око за око, зуб за зуб». Это правило называют «Талион» — идея *адекватного, не превышающего причинённого вреда возмещения* за нанесение ущерба, которую многие исследователи называют одним из главных тезисов Ветхого завета (см. прим. 4). В Новом завете мы встречаемся с обновленной идеей о необходимости *уменьшенного возмездия*: «Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую...» [Мф 5:39].

Подобные наблюдения можно сделать и на примере других моральных принципов, содержащихся в Библейском каноне. В частности, можно привести примеры:

Ложь и обман в Ветхом завете порицаются. В Новом Завете планка поднимается выше — появляется требование не лгать самому себе: «Будьте же исполнители слова, а не слышатели только, обманывающие самих себя. ...» [Иак 1:22-25]. «Никто не обольщай самого себя» [Кор 3:18-20].

Появляется особое требование к управляющим (имеющих в подчинении или зависимости) — «пасите Божие стадо, какое у вас, надзирая за ним не принужденно, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но из усердия, ... подавая пример стаду...» [1Пет 5:2-3], «От всякого, кому дано много, много и потребуется; и кому много вверено, с того больше взыщут» [Лк. 12.48].

Указывается на необходимость «преодоления гордыни» и отказ от самолюбия — «... Кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится» [Мф 23:12].

Порицаются люди, не просто подверженные соблазнам, но и их распространяющие «... горе тому, через кого они [соблазны — Т.Р.] приходят» [Лк 17:1,2].

Приводится пример самопожертвования и подвига ради блага других людей. Путь Христа является главным сюжетом Евангелия: «Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец» [Ин 10:11].

Таким образом, Библия дает нам ключ к пониманию сферы морального регулирования. Его основой является проявление «Сверх-усилий» — волевых качеств людей. Различные принципы Ветхого завета и Евангелия, усиление требований представлено в сводной таблице 1 (см. табл. 1). Необходимость волевого усилия — «Сверх-усилия» можно назвать одним из ключевых понятий Новозаветной части Библейского канона. Не менее важно определить противоположность явления «Сверх-усилие» — «Рас-

Таблица 1

ВЕТХИЙ ЗАВЕТ "Обычное усилие" / "Добро"	НОВЫЙ ЗАВЕТ "Сверх-усилие" / "Подвиг"
"Око за око" - удержаться от нанесения большего ущерба при возмездии	"Ударили по левой - подставь правую"
"Возлюби ближнего"	"Возлюби врага своего"
Указание на выбор человеком между "путем истины" и "не прямыми путями" (ложь)	Требование однозначной моральной позиции (на стороне "добра"): "Бог есть свет и в нем нет никакой тьмы"
Идеал - "разумность", в т.ч. быть "мудрым правителем"	Отказ от "многозначства", "высокомудрости" в пользу конкретных добрых дел ("исполнение дела", "добродетель")
Отказ от лжи, (в т.ч. поскольку "ложь порождает ложь")	Отказа от лжи самому себе, самообольщения, гордыни
Порицание "нечестных советников" или судей	Повышенные требования к "пастырям" "отдать жизнь за благо людей", "подавать добрый пример", "не соблазнять малых сих"
Указание на парадокс "Бывает унижение для славы, а иной от унижения поднимает голову" (Сир 20:11)	Призыв к отказу от гордыни и надменности: "Унизись, да возвысишься"
Мужество, самопожертвование и подвиг на войне (особые обстоятельства - иногда)	Самоотречение, самопожертвование ради блага других, подвиг в мирной жизни (всегда)

слабление воли» или «Порок воли» (в Библии это явление связывается с понятием «Пороки»).

Исследование волевого потенциала в канонических источниках, трудах ученых, и практические наблюдения из жизни позволяют сделать некоторые обобщения относительно существа явления «сила воли»:

Воля – привычка. Преодоление трудных условий жизни развивает волевые качества, создают «заряд». Поскольку воля – это установка, она может как формироваться (закрепляться), так и ослабевать без поддержки: «...когда нравственное поведение станет.. нормой, привычкой оно само будет облегчать совершение волевых поступков» [5, 193].

Противоположностью «Сверх-усилия» является «Порок воли» («Безволие» [12, 16]), которое является фактором масштабных негативных последствий. Опасность в том, что разовое ослабление воли может стать незаметной причиной возникновения череды неблагоприятных последствий (первая рюмка водки – пьянство). Это справедливо для конкретного человека, социальной группы и для нации в целом. Уменьшение трудностей и испытаний в жизни ослабляют установку и являются причиной для развития «Порока воли».

Волевым потенциал – эмпирический и универсальный показатель. Удобство «Сверх-усилия» как менее субъективного показателя заключается в том, что он универсален для оценки как на уровне конкретного человека, так и на уровне социальной группы, этноса (государства). Такой показатель имеет большую объективную основу, чем многие этические понятия, которые являются оценочными. Это создает «точку опоры» для аргу-

ментированного обсуждения многих вопросов в сфере морального регулирования.

Нужно отметить, что для русских людей идеи развития воли, волевых качеств («Сверх-усилие») и понимание опасности слабоволия («Порок воли», «Безволие») являются частью культуры, традиционны и широко распространены как на бытовом уровне, так и в практике государственного управления.

Опасность цифровой трансформации для волевого потенциала России. В последнее время мы наблюдаем глубинные и глобальные изменения в жизни общества, связанные с массовым внедрением цифровых технологий. Исследователи приводят негативные последствия этого: проникновение в частную жизнь государства [11, 89], цифровые провокации и кибервойны [11, 121], цифровую зависимость от электронных устройств (в т.ч. — на физиологическом уровне) [6, 21]. При этом главные опасности могут остаться незамеченными. Речь идет о резком улучшении жизни во многих странах и снижении «трудностей», что создает условия для ослабления волевого потенциала и развития «Порока воли». Уменьшение «трудностей» проявляется в следующих формах:

1. увеличивается доступность материальных благ, поскольку снижается цена «удовольствий», появляется безусловный доход;
2. становится проще повысить самооценку: сегодня можно гордиться новым статусом в игре, «лайками» и количеством «артефактов», не имея уважения и авторитета в отношении с реальными, окружающими людьми (см. прим. 5);
3. быстрыми темпами снижается доля работников, деятельность которых требует напряженного физического труда и пр.

Россия как модель цивилизации будущего. Понятие «Сверх-усилие» характеризует уникальный подход России и ее исторических предшественников в поведении на международной арене. Стойкость в преодолении неблагоприятных обстоятельств и «моральность» российского государства могут быть определены как высокий волевой потенциал и способность прилагать «Сверх-усилия». Добровольное принятие большей ответственности, равноправие с партнерами и правдивый обмен информацией, является характерными признаками лидера в этих отношениях. Это подтверждает готовность и способность нации прилагать «Сверх-усилие» воли.

В мире существуют противоположные модели, для наций, которые менее способны прилагать «Сверх-усилие», которые могут испытывать бессилие и «Безволие». Здесь «превосходство» и «глобальная мощь» государства-лидера ориентированы на «социальный гедонизм» и стрем-

ление такого личного успеха, который «создает богатство» [2, 251]. Конечной «сильной комбинацией» для мышления граждан в подобной системе является «смесь идеализма и эгоизма» [2, 39]. Основа отношений на международном уровне в такой модели видится не в равноправии, а в моноцентризме, при котором «... глобальное превосходство, ... подкрепляется сложной системой союзов и коалиций, которая буквально опутывает весь мир» [2, 40].

Достоевский более 150 лет назад так формулировал подобную стратегию: «Политика текущей практичности и непрерывного бросания себя туда, где повыгоднее, где понасушнее, избобляет мелочь, внутреннее *бессилие государства* [курсив мой. — Т.Р.], горькое положение» [4, 230]. Очевидно, что счастливыми себя не чувствуют граждане стран, приверженных культуре, «на первое место ставящей потребление» и тяготеющей «к массовым развлечениям, в которых господствуют гедонистические мотивы...» [2, 251]. Нация, претендующая на лидерство в мире, ощущает себя «пессимистичной», «тревожной», «уставшей и выдохнувшейся» [2, 251]. Это подчеркивает наличие в модели характеристик явления «Порок воли» («Безволие»).

Для того чтобы Россия могла успешно противостоять в конкурентном мире и показать преимущества своей модели, она должна решить две задачи:

1. *Сохранить высокий уровень волевого потенциала России.* Для этого требуется противодействовать современным вызовам, приводящим к развитию «Порока воли» («Безволия»), в результате действия причин естественного характера (развитие технологий) и под влиянием соблазнительных «эгоистических» моделей или недружественных действий.

2. *Найти методы управления развития волевого потенциала нации.* Понятийный аппарат этики требует развития. Сегодня в качестве формулировки стратегии России используются оценочные понятия: «самоотверженное бескорыстие» или «патриотизм», а для характеристики агрессивных действий против нашей страны применяются понятия «хамство», «бандитизм». Эти слова носят оценочный характер, не позволяют оценить масштаб и существо явлений. Использование подобных терминов снижает эффективность разработки стратегии развития нации и степень обоснованности оценок. Поиск методов управления волевым потенциалом должен вестись с позиций системного научного подхода. Он должен включать в себя: анализ эмпирической базы, построение прогнозов и развитие понятийного аппарата. Уточнение терминов также позволит снять внутренние противоречия в российском обществе и найти компромиссы по сложным этическим дилеммам.

Решение этих задач позволит сформировать инструменты для продвижения в мире уникальной модели наднационального существования, а также трансформировать духовное лидерство России в политический потенциал. Решив данные задачи, Россия может заложить привлекательный прообраз будущей цивилизации и рационально использовать свои ресурсы волевого капитала.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Этика: пер. Н.В. Брагинский, Т.А. Миллер. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 492 с.
2. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Международные отношения, 2005. – 256 с.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Российское Библийское общество, 2002. – 1376 с.
4. *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений в 15 томах. – СПб.: «Наука», 1994. – Т. 13. Дневник писателя 1876 г. – 414 с.
5. *Ильин Е.П.* Психология воли. – СПб.: Питер, 2002. – 288 с.
6. *Курпатов А.* Чертоги разума. – СПб.: ООО «Дом Печати Издательства Книготорговли «Капитал», 2019. – 416 с.
7. *Роджерс Д.Л.* Цифровая трансформация. Практическое пособие / Пер. с англ. – М.: Издательская группа «Точка», 2017. – 344 с.
8. *Смирнова О.Ю.* Основные философско-исторические этапы в изучении воли // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2018. – № 1. – С. 108-120.
9. *Феофан Затворник, свт.* Начертание христианского нравоучения. – М.: Правило веры, 2010. – 688с.
10. *Чекалов И.В.* Этика Ветхого Завета в свете Нового Завета // Богомыслие. – 1992. – Вып. 3. – С. 170-183.
11. *Шмидт Э.* Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств / Эрик Шмидт, Джаред Коэн; пер. с англ. Сергея Филина. – М.: Манн, Иванов, Фарбер, 2013. – 368 с.
12. *Якутенко И.* Воля и самоконтроль: как гены и мозг мешают нам бороться с соблазнами / Ирина Якутенко. – М.: Альпина нон-фикшн, 2018. – 456 с.
13. *Haddock F.C.* *Power of Will*. – London: Pelton Publishing Company, 1907. – 387 p.

Примечания

1. Лосский Н.О., 1991. Автор использует выражение «могучая сила воли».
2. «Делание добра» – употребляется в смысле «делание» – «исполнитель дела», «... в действии», вместо «разумности» и «многозначства».
3. Наиболее явно развитие законов и норм Ветхого завета в части Нагорной проповеди, которую исследователи называют «Антитезы».
4. Принцип «Талиона» – категория юриспруденции и морали, также известная как равное (симметричное) возмездие.
5. Ученые считают, что соцсети понижают самооценку подростков. Это приводит их к депрессии. [Электронный ресурс], – <https://tass.ru/obschestvo/6666003> (Дата обращения: 02.05.2020).

Поступила в редакцию 01.05.2020 г.

UDC 130.2

DOI: 10.30936/2227-7951-2020-12-212-221

Е.А. ТЮГАШЕВ

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ПОНИМАНИИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

***Аннотация:** В статье обоснована идентификация российской цивилизации как кирилло-мефодиевской. Ценностный потенциал кирилло-мефодиевской цивилизации раскрывается в трех аспектах. Во-первых, на уровне интерпретации кирилло-мефодиевской традиции как особого учения, содержащего конкретные идеи и интенции. Во-вторых, на материале житнетворчества Кирилла и Мефодия как урока и примера для подражания. В-третьих, в рамках осмысления комплекса ценностных ориентаций, содержащихся в глаголице и кириллице.*

***Abstract:** The article substantiates the identification of the Russian civilization as the Cyrillic-Methodian civilization. The axiological potential of the Cyrillic-Methodian civilization can be described on three levels. Firstly, interpreting the Cyrillic-Methodian tradition as a special teaching containing specific ideas and intentions. Secondly, based on the material of Cyril and Methodius "life-making" as a lesson and an example to follow. Thirdly, through the lens of understanding the complex of axiological orientations in Glagolitic and Cyrillic scripts.*

***Ключевые слова:** российская цивилизация, Кирилл и Мефодий, Константин Философ, кириллица, кирилло-мефодиевская традиция.*

***Keywords:** Russian civilization, Cyril and Methodius, Constantine the Philosopher, Cyrillic, Cyrillic-methodian tradition.*

***Предисловие.** Россия в качестве самостоятельной цивилизации существует более тысячи лет. Сегодня будущее российской цивилизации, с одной стороны, вызывает озабоченность в связи с прогрессирующими*

Тюгашев Евгений Александрович – доктор философских наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск). E-mail: filosof10@yandex.ru.

процессами ее вестернизации и варваризации. С другой стороны, в отношении нее декларируется сдержанный оптимизм. Так, геополитический проект русского мира признает положительную ценность российской цивилизации. В любом случае она имеет уникальный формат, который сохраняет ее привлекательность в глобальной рефлексии цивилизаций.

Цивилизационная идентичность России фиксируется по-разному. Для решения задачи ее определения существенно наблюдение В.С. Степина о том, что «в Древней Индии и Китае господствующие философские системы формулировали принципы и нормы жизни, в соответствии с которыми реально воспроизводились основы социального устройства этих древних цивилизаций» [24, 197]. Так и в отношении России представляется возможным выделить фигуру философа, столь же значимого в ее судьбе, как Будда и Конфуций в отношении буддийской и конфуцианской цивилизаций. Это Кирилл (Константин Философ), сотрудничавший со своим братом Мефодием.

Оценивая просветительскую деятельность Кирилла и Мефодия в Моравии, Е.Е. Шпаковская пишет, что «это был своеобразный дебют, первый выход кириллической цивилизации на историческую сцену» [28, 152]. В основе этой цивилизации, на ее взгляд, лежит конкретная идея — готовность принять любой народ, сохранив его национальную самобытность, его язык, культуру и менталитет, образ жизни [28, 152]. Таким образом, представляется возможным выделить эйдос, воплощенный в цивилизационном проекте Солунских братьев.

В данной связи применительно к России заслуживает внимания концепт кирилло-мефодиевской (кириллической) цивилизации. Обычно к нему прибегают, характеризуя цивилизационную значимость разработки славянской письменности, глаголицы и кириллицы. Так, К.П. Победоносцев подчеркивал: «Действительно, нельзя не признать, что семя всей нашей исторической культуры заложено в азбуке, изобретенной Кириллом и Мефодием, и в книгах, ими переложенных на славянский язык и донные составляющих драгоценное достояние духа народного в России» [19, 412].

Цель статьи заключается в выявлении тех принципов и норм жизни, которые позволяют идентифицировать российскую цивилизацию как кирилло-мефодиевскую. Оговоримся, что круг стран, включаемых в кирилло-мефодиевскую цивилизацию, значительно шире. Кириллица является официальным алфавитом в Болгарии, Македонии, Монголии, Сербии, Черногории. По оценке Л.Б. Карпенко, «объединяет народы этих стран сегодня в единый цивилизационный тип именно сама кириллица, которая воспринимается как традиционная ценностная система, как семиотика определенной культурной парадигмы» [11, 174].

Кроме того, кирилло-мефодиевская традиция, выражающаяся в почитании святых Кирилла и Мефодия, влиятельна в Греции, Польше, Словакии, Хорватии и Чехии. Это почитание объясняется признанием заслуг просветителей славян католической церковью. Разумеется, из-за вестернизации и латинизации эти страны находятся на периферии кирилло-мефодиевской цивилизации. Россия же остается ее центральным государством. Как представляется, определенная размытая целостность кирилло-мефодиевской цивилизации действительно существует благодаря общности ценностных ориентаций. «В начале XXI в. именно кирилло-мефодиевская традиция позволяет сочетать общее и национальное, религиозно-церковное и государственное начала в идеологии славянских стран, в том числе новых государств, возникших после распада системы социализма» – отмечает Г.П. Мельников [15, 18].

Сохранение и общественное признание кирилло-мефодиевской традиции в целом ряде стран дает основание предполагать, что за ней сохраняется позитивный потенциал. Важно его актуализировать и, по возможности, целенаправленно, методично использовать в повседневной деятельности как стандарт цивилизованности.

Попытки выявить ценностный потенциал кирилло-мефодиевской цивилизации предпринимаются на трех уровнях.

Во-первых, это интерпретация кирилло-мефодиевской традиции как особого учения, содержащего конкретные идеи и интенции [16, 79].

Во-вторых, это исследование житнетворчества Кирилла и Мефодия как урока и примера для подражания [3, 9].

В-третьих, это осмысление комплекса ценностных ориентаций, зафиксированных в глаголице и кириллице [11, 176].

Учение Кирилла и Мефодия. Остановимся, прежде всего, на содержательной интерпретации кирилло-мефодиевской традиции. С.В. Перевезенцев обращает внимание на ее миролюбие, стремление к примирению, в частности разных христианских общин [16, 79]. Подтверждая, что Кирилл и Мефодий «строили мосты христианского единства там, где мир их эпохи копал пропасти разделений», архимандрит Платон (Игумнов) подчеркивает, что, кроме того, они «стремились угасить политические несогласия и раздоры своего времени» [18, 183].

Говоря о миролюбии Солунских Братьев, М.Ю. Шишин оценивает их зарубежные поездки как специальные миротворческие миссии. По его мнению, Кирилл и Мефодий «заложили в славянском мировоззрении миролюбие как ключевую черту» [27, 103]. По-видимому, это не совсем так. Славяне в целом были сравнительно миролюбивы, о чем писал еще И.Г. Гердер [4, 470-471]. В этом отношении наблюдалось совпадение цен-

ностных ориентаций. Интересно, что мягкое, невоинственное отношение к язычеству раннего русского христианства В.В. Мильков объясняет влиянием кирилло-мефодиевской традиции [7, 267], хотя лично Константин Философ был непримирим к языческим культам.

По оценке С.В. Перевезенцева, кирилло-мефодиевская традиция учитывала своеобразие славянского мировосприятия, его коренные устои [16, 79]. Он справедливо полагает, что оно было светлым и оптимистичным. Такое восприятие сочеталось как с характерными эстетическими особенностями византийского христианства, так и с его этическим убеждением, что посмертного спасения достойны все народы, принявшие крещение. Кроме того, территориальной славянской общине, в отличие от кровнородственной германской, в организационном плане была чужда идея навязываемой «сверху» иерархии [16, 52-53]. Последователи Кирилла и Мефодия полагали, что епископы, согласно древнеапостольским принципам, должны не назначаться сверху, а избираться.

Восстанием против принципа иерархии, представленного тогда в христианстве догматом трехязычия, стало изобретение славянской азбуки. Защищая ее, Константин Философ провозглашал равенство языков и народов: «Не идет ли дождь от бога равно на всех, не сияет ли для всех солнце, не равно ли все мы вдыхаем воздух? Как же вы не стыдитесь лишь три языка признавать, а прочим всем народам и племенам велите быть слепыми и глухими?» [23, 89]. Практически все исследователи подчеркивают универсальную значимость данной судьбоносной идеи, поддержанной окончательно II Ватиканским собором в 1963 году.

Национальная терпимость, как отмечает А.А. Алексеев, была присуща византийской цивилизации [1, 198]. Доктринально она легитимировалась христианством и совпадала с практикой мирного межэтнического сосуществования в условиях славянской территориальной общины. Кирилло-мефодиевская традиция закрепила данную ценность, которая стала одним из цивилизационных устоев России.

В приведенной выше констатации Константина Философа звучит неприятие блокирования коммуникации между людьми. Славяне же тянулись к коммуникации, стремились понять новую религию. «Так, если и вы языком произнесите невразумительные слова, то как узнают, что вы говорите? Вы будете говорить на ветер» — приводил, согласно «Пространному житию», библейский довод Константин Философ [25, 197].

На мой взгляд, для интерпретации данной ситуации представляет интерес предложенный Ю.М. Резником концепт межчеловечности [21]. Нам, россиянам, удивительно, почему народы и племена на Западе не стремились понять других людей, их веру, оставляя это дело клирикам.

Разумеется, и нам внятно не все, но понять других хотелось бы. Поэтому призыв мораван создать славянскую письменность является выражением потребности в межчеловеческом понимании.

Важно не только то, что Константин Философ и его сподвижники живо откликнулись на этот призыв. А. Тахиаос обращает внимание на тщательный и бережный отбор переводимой литературы. Подбирались, прежде всего, сочинения христианских писателей, обладавших непрерываемым авторитетом и получивших вселенское признание. Для славян, как подчеркивает А. Тахиаос, этот путь был безопаснейшим, поскольку «они совсем не чувствовали себя уверенно в умственных областях, не пройдя строгой школы ума, которой отличалась Византия» [25, 197]. Такая политика перевода демонстрирует взаимность в проявлении межчеловечности.

Жизнетворчество. Вторым уровнем, на котором выявляется ценностный потенциал кирилло-мефодиевской цивилизации, является исследование житнетворчества Кирилла и Мефодия.

Соответствующая установка была зафиксирована в известном определении философии, данном Константином Философом: «Знание вещей божественных и человеческих, насколько может человек приблизиться к богу, который учит человека делами (своими) быть по образу и по подобию сотворившего его» [23, 73]. В этом определении фактически приведена максима «Делай, как я». В России она признается цивилизационной нормой, которой в качестве антиценности обычно противопоставляется правило «Делай, как я говорю». Так, например, в одном из интервью Г. Греф констатировал, что деловой принцип «Делай, как я говорю» больше не работает, а работает принцип «Делай, как я» [6]. В этом отношении культурная норма российской цивилизации альтернативна «палубному принципу» действия по слову [17, 92], сформированному, как предполагалось, в пиратских истоках западной цивилизации.

Хотя по христианскому учению в начале было слово, оно же было воплощено в деле – в труде сотворения мира. Христианская ценность труда совпадала с трудолюбием славян. Их отличал принцип единства слова и дела. По наблюдению Д.С. Лихачева, если Франциск Ассизский проповедовал бродяжничество и нищету монахов, то Сергей Радонежский учил монахов добывать хлеб своим трудом, и всю крестьянскую работу делал сам. Поскольку таких примеров среди русских святых много, то Д.С. Лихачев полагал возможным заключить: «Христианский идеал приобретал в России существенную добродетель – трудолюбие, заботу о богатстве всего коллектива...» [13, 62].

Возможность следования примеру учителей продемонстрировал Климент Охридский. В его «Пространном Житии» говорится: «Образцом сво-

ей жизни Климент сделал великого Мефодия. Он стремился к тому и молился о том, чтобы не отклониться от цели в своем следовании ему. Взяв за основу собственного поведения его жизнь и деяния, словно некую картину, написанную живописцем, сведущим в искусстве, он усердно рисовал самого себя по его образцу» [26, 200-201]. Согласно «Житию», он продолжил «Дело», и, будучи склонен к учительству, стал вседневно обучать божественному Писанию.

В этом свидетельстве выделим два принципиально важных мотива.

Во-первых, это *мотив общего дела*. Он присутствует и в словах Кирилла сказанных Мефодию перед смертью: «Вот, брат, были мы с тобой парой в одной упряжке и пахали одну борозду, и я на поле падаю, окончив день свой» [23, 97].

Думается, мотив общего дела присутствует в мобильности Кирилла и Мефодия. М.П. Погодин описывал ее так: «В самой жизни Св. Кирилла и Мефодия мы не видим греческих признаков: Греков тянуло всегда домой, а Св. Кирилл и Мефодий представляют как бы родовую славянскую особенность, путешествуя непрерывно — в Константинополь, к Козарам, к Аравитянам, к Болгарам, к Моравлянам, в Рим. Они не вспоминают ни при каком случае о своем мнимом отечестве; не вступают ни в какие сношения, и не имеют при себе никого из своих соотечественников. Кирилл кончает жизнь свою в Риме, Мефодий в Велеграде. Спутники их и ученики пишут по-славянски, а не по-гречески, и подвергавшиеся гонениям ищут себе убежища не в Греции, а между Славянами» [20, 99].

Данная характеристика позволяет отнести Кирилла и Мефодия к представителям магистральной (а именно — понтийской) культуры, связывающей локальные культуры в цивилизацию. Правда, предложивший различие этих типов культур А.В. Головнев в целом относит славян к локальной культуре [5]. Но для российской цивилизации в целом локализация по принципу «Мой адрес не дом и не улица...» была важной ценностью.

Во-вторых, это *мотив полной самоотдачи*, реализации своих способностей в любимом деле. Так, в отношении епископства Мефодия в Моравии (после смерти Кирилла) в «Пространном житии Климента Охридского» сообщается следующее: «Превосходя всех в учительстве, он не стал зарывать свой талант в землю, не стал скрывать благодать духовного дара и не сделал власть началом роскоши, но со всеми делился благом» [26, 171]. Это модель специфической экономической сверхэффективности, основанной на использовании человеческого потенциала.

Внешне эта модель проявлялась в скором, сверхбыстром решении насущных задач. В агиографии приводится немало таких примеров. Во время недолгого пребывания в Херсоне, Кирилл выучил древнееврейс-

кий и сирийский языки, «русские письмена». За 40 дней составил азбуку, и вскоре перевел с греческого языка на славянский весь церковный чин. Мефодий при помощи двух учеников – попов скорописцев – за восемь месяцев перевел все библейские книги.

Такого рода быстрота воспринималась позитивно. И она соотносится с традиционным для российской цивилизации принципом «быстрых побед». Конкретные инновации нужны только тогда, когда «загорелось», поскольку пока душа «горит» и новинка в моде, ее внедрение идет на «ура!». По принципу кампанейщины «скорей, скорей» предпочтительнее «короткие» инновации, эффект от которых зрим уже в среднесрочный период. Так, за три года Кирилл и Мефодий практически полностью заложили основы славянской книжности.

Жития объясняют эти и другие чудотворения синергией, содействием бога. Многие исследователи высказывали предположение о том, что «быстрые победы» были хорошо подготовлены и многое в действительности было сделано раньше. Интересно в связи с этим замечание С.А. Лишаева о формировании в России философской культуры как бы «про запас», с вхождением в русский язык через византийско-болгарское влияние философской терминологии прежде, чем возникла экзистенциально мотивированная потребность к самостоятельной постановке философских вопросов [14, 113]. Формирование такого запаса, или, точнее, заблаговременное накопление ресурсов является предпосылкой различных чудотворений. Такая черта составляет характерную черту российской цивилизации, унаследованную как из хозяйственной культуры славян, селившихся в зоне рискованного земледелия, так и из кирилло-мефодиевской традиции.

Ценностные ориентации кирилло-мефодиевской цивилизации. Следующим уровнем выявления и актуализации потенциала кирилло-мефодиевской цивилизации является осмысление комплекса ценностных ориентаций, зафиксированных в глаголице и кириллице.

А.В. Иванов в славянской азбуке видит прасимволическую систему (матрицу культуры). «За начертаниями (графемами), звучанием (фонемами), смыслами (семемами) и числовыми значениями букв церковнославянской азбуки, за последовательностью их ритмического развертывания и структурными взаимоотношениями, — пишет он, — пульсирует иная, нежели субъективно-человеческая, смысловая реальность, приоткрывающая завесы над тайнами рождения и развертывания как Космоса, так и индивидуальной человеческой души» [9, 546].

Того же мнения придерживается Л.Б. Карпенко. Глаголицу и кириллицу она рассматривает в качестве полюса сосредоточения христианских ценностей добродетельного образа жизни: «Азбука — начальная симво-

лическая матрица — акцентирует идею полноты и разнообразия мира, приоритет духовных ценностей над мирскими, материальными, утверждает нравственные нормы “правой веры”, принцип “твори добро” как основу благоденствия человечества» [10, 39]. Действительно, азбука воспринимается как дидактический нравоучительный текст, утверждающий ценности знания, добра, жизни, человечности и твердости.

Примером *делания добра* является следующая практика Климента Охридского, описанная в его «Пространном житии»: «По всей болгарской стране цвели дикие деревья, не приносившие плодов, — Климент же даровал и это благо, а именно привез из греческой страны всякие виды культурных деревьев и путем прививок облагородил дикие растения, с тем, как я думаю, чтобы и таким способом воспитать человеческие души, дабы они усваивали соки доброты...» [26, 203]. Как сообщает дальше автор «Пространного жития», Климент заботился о многих — «дабы они спаслись» [26, 203].

Возвышенный характер устремлений в кирилло-мефодиевской традиции проявился в содержании переводимой литературы. А. Тахиаос обращает внимание, что славяне избирали для перевода прежде всего классические святоотеческие сочинения. По его мнению, это свидетельствует об «устремление души к вышнему; благодаря глубокому усвоению их содержания можно было приуготовить и образовать себя для дальнейшего восхождения к высочайшим духовным вершинам» [25, 195]. Заметим, что данная установка прослеживается в замысле Л.С. Выготского по разработке «вершинной» психологии. По данной ориентации культурно-историческая психология противопоставлялась другим традициям — «поверхностной» и «глубинной» психологиям, представленным на Западе.

П. Лавровский подметил ещё одну нравственную особенность кирилло-мефодиевской традиции по сравнению с Западом. Ее можно определить как твердость, или как неизменную верность. «В отношении пап к Кириллу и особенно к Мефодию, при жизни их, невольно поражает изумительная нерешительность и шаткость во взгляде и непоследовательность в распоряжениях: то признаются святые братья правоверными, то отчисляются в разряд людей подозрительных; учение и богослужение их то разрешается, то запрещается; такое непостоянство и нетвердость не стесняют пап даже и в том случае, когда их решения противоречат собственным же их распоряжениям», — писал П. Лавровский [12, 581]. Объясняя такое поведение чисто конъюнктурными соображениями, П. Лавровский подчеркивал неизменную верность Кирилла и Мефодия учению и обрядам восточной церкви, непреклонно отстаивавшимся против отступлений и уклонений [12, 581]. Данная нравственная черта всегда ценилась в российской цивилизации.

Отметим также, что изобретенная азбука имела цифровую интерпретацию, что позволяет рассматривать ее как математическую модель, используемую в древнерусской науке [22]. Табличный формат азбуки стал, по-видимому, паттерном не просто табличной модели, но также периодической модели научного мышления, эффективность которого ярко продемонстрирована не только в неорганической химии, но и в минералогии, ботанике, гистологии и в других отраслях российской науки.

Заключение. Таким образом, по комплексу ценностных ориентаций российская цивилизация может быть позиционирована как кирилло-мефодиевская. Эти ценности самобытны и актуализированы еще не в полной мере. Поэтому у России есть позитивный цивилизационный потенциал и образ будущего. Продвигаясь вперед, важно обращаться, на мой взгляд, к широко понимаемой кирилло-мефодиевской традиции.

Приходится учитывать, что наряду с ней в российской цивилизации существовали и другие культурные традиции, например, киево-печерская традиция, не принимавшая «приземленный, нравственно-деятельный житейский практицизм» [7, 132] кирилло-мефодиевской традиции. По-видимому, не случайно древнерусские книжники хотя и следовали кирилло-мефодиевской традиции, но внешне дистанцировались от нее [2, 74]. Следовательно, необходимо дифференцировать конкурирующие на всем протяжении истории российской цивилизации культурные традиции и трезво оценивать их конструктивный потенциал.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев А.А.* Кирилло-мефодиевское наследие и русский культурный код // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. — 2013. — № 1 (111). — С. 197-201.
2. *Василик В.В.* Служба св. равноапостольному князю Владимиру и кирилло-мефодиевская традиция // Петербургские славянские и балканские исследования. — 2013. — № 2. — С. 67-77.
3. *Владимир (Иким), митрополит Омский и Таврический.* Уроки святых равноапостольных Кирилла и Мефодия // Вестник омской православной духовной семинарии № 1. — 2017. — Вып. 2. — С. 8-15.
4. *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. — М.: Наука, 1977. — 703 с.
5. *Головнёв А.В.* Локальные и магистральные культуры Северной Евразии // Человек и Север антропология, археология, экология: Материалы всероссийской конференции. — Тюмень: Изд-во Ин-та проблем освоения Севера СО РАН, 2012. — С. 234-237.
6. *Греф Г.* Русский стиль менеджмента неэффективен, но результативен // Harvard Business Review Россия. — 2016. — 16 янв. // <https://hbr-russia.ru/liderstvo/psikhologiya/a17082>.
7. *Громов М.Н., Мильков В.В.* Идеиные течения древнерусской мысли. — СПб.: РХГИ, 2001. — 960 с.
8. *Джурова А.* Послания кириллицы. — София: Гос. ин-т культуры МВД Болгарии, 2008. — 28 с.

9. *Иванов А.В.* Сознание России: земные корни и космические перспективы // Труды Объединенного научного центра проблем космического мышления. — 2007. — Т. 1. — С. 534-550.
10. *Карпенко Л.Б.* Глаголица св. Кирилла: к истокам славянской духовности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — М.: Изд-во РАГС, 2009. — С. 16-39.
11. *Карпенко Л.Б.* Кириллица в цивилизационном аспекте // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». — 2009. — № 2 (6). — С. 172-177.
12. *Лавровский П.* Кирилл и Мефодий, как православные проповедники у западных славян, в связи с современною им историей церковных несогласий между Востоком и Западом. — Харьков: В Унив. тип., 1863. — VII, 588 с.
13. *Лихачев Д.С.* Русская культура. — М.: Искусство, 2000. — 440 с.
14. *Лишаев С.А.* Метаморфозы слова. — СПб.: Алетейя, 2011. — 232 с.
15. *Мельников Г.П.* Актуальность кирилло-мефодиевской и средневековой тематики в современной Центрально-Восточной Европе // Славянский альманах: 2014. [Вып.] 1-2. — М.: Издательство «Индрик», 2014. — С. 12-21.
16. *Перевезенцев С.В.* Тайны русской веры. От язычества к империи. — М.: Вече, 2001. — 432 с.
17. *Петров М.К.* Античная культура. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. — 352 с.
18. *Платон (Игумен), архим.* Апостольская миссия святых Кирилла и Мефодия в парадигме цивилизационного культурно-исторического процесса // Богословский вестник. — 2019. Т. 34. — № 3. — С. 173-192.
19. *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени. — М.: Русская книга, 1993. — 640 с.
20. *Погодин М.П.* Речь произнесенная в заседании московского общества любителей российской словесности 11 мая 1863 года, в память о св. Кирилле и Мефодии // Кирилло-Мефодиевский сборник в память о совершившемся тысячелетии славянской письменности и христианства в России, изданный по определению Московского общества любителей русской словесности М. Погодиным. — М.: Синодальная типография, 1865. — С. 81-144.
21. *Резник Ю.М.* Новая гражданская общественность России как социально-этический проект межчеловечности // Вестник Российского философского общества. — 2019. — Вып. 1-2 (89-90). — С. 21-30.
22. *Симонов Р.А.* Кириллическая числовая система: новые данные // Кириллица: от возникновения до наших дней. — СПб.: Алетейя, 2011. — С. 98-109.
23. Сказания о начале славянской письменности / Отв. ред. В.Д. Королюк. — М.: Наука, 1981. — 200 с.
24. *Стёпин В.С.* Философия // Новая философская энциклопедия: в 4 т. — М.: Мысль, 2010. — Т. IV. — С. 195-200.
25. *Тахиаос А.* Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян. — Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2005. — 391 с.
26. *Флоря Б.Н., Турилов А.А., Иванов С.А.* Судьбы Кирилло-Мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. — СПб.: Алетейя, 2000. — 314 с.
27. *Шишин М.Ю.* Кирилло-мефодиевская традиция как один из ключевых элементов евразийской доктрины // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения. — Барнаул: Алтайский государственный университет, 2014. — С. 97-104.
28. *Штаковская Е.Е.* Наследие Кирилла и Мефодия как философское послание потомкам // Дискурс-ПИ. — 2014. — № 4. — С. 151-155.

Поступила в редакцию 01.05.2020 г.

В.Г. ФЕДОТОВА

РОЛЬ МОДЕРНИЗАЦИИ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОЕКТЕ ДЛЯ РОССИИ

***Аннотация:** Цивилизационный проект для России основан на выделении исторически разных моделей модернизации и определении роли фактора культуры в каждой из них. На наш взгляд, весьма важно обратиться к моделям множественных модернизаций, имеющих отличие и разнообразие способов вхождения в цивилизацию модерна (Ш. Эйзенштадт). Кроме того, сегодня приобрела значение национальная модель модернизации, осуществляющая модернизационные преобразования на уровне национальных государств и присутствующих им культур. Она использует как общие принципы модернизации, так и одновременно формулирует собственные цели на основе культурных специфик и стоящих перед обществом задач в области экономики, политики и культуры. Именно поэтому она ближе всего к задаче обоснования цивилизационного проекта для России. Обозначенные модели рассматриваются с точки зрения их исторической значимости, а также актуальности и перспективности при решении новых задач модернизации и цивилизационного строительства или достраивания еще полностью не сформировавшихся структур и культур модерна. Автор обращается к понятию «промежуточных институтов», которые, опираясь на значение культуры, поэтапно могут совершенствовать общество, внося тем самым вклад в цивилизационный проект для России.*

***Abstract:** The civilizational project for Russia is based on the two historically different models of modernization and the determination of the role of culture in each of them. In our opinion, it is important to turn attention to the model of multiple modernizations, which employs difference and variety of ways of entering the mod-*

Федотова Валентина Гавриловна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН (Москва). E-mail: val_fedotova@mail.ru.

---

ern civilization (S. Eisenstadt). In addition, today the national model of modernization, which carries out modernization at the level of national states and national cultures, has gained importance. It adopts both the general principles of modernization and at the same time formulates its own goals on the basis of cultural specificities and the challenges facing society in the field of economics, politics and culture. That is why it is crucial to the task of building civilizational project for Russia. The models are considered from the point of view of their historical significance, as well as relevance and prospects in solving new problems of modernization and civilization construction or the completion of structures that are not yet fully formed. The author refers to the concept of "intermediate institutions", which, using the importance of culture, can gradually improve society, thereby contributing to the civilizational project for Russia.

Ключевые слова: модернизация, теория модернизации, Ш. Эйзенштадт, множественные модернизации, национальная модель модернизации, цивилизация модерна, культура и модернизация, промежуточные институты, цивилизационный проект.

Keywords: modernization; theory of modernization, S. Eisenstadt, multiple modernities, the national model of modernization, civilization of modernity, culture and modernization, intermediate institutions, civilizational project.

Ш. Эйзенштадт впервые применил термин «множественная модернизация» в заглавии и содержании одноименной статьи, и многие авторы используют данный оборот речи в других контекстах. Следует обратить внимание на то, что сегодня это утверждение имеет ряд новых значений, рассматриваемых в данной статье. Но понимание модернизации и модернити (современности) Ш. Эйзенштадтом, содержащее принципиально новое цивилизационное видение, составляет существенно значимый компонент модернизационной теории, который пока еще мало исследован.

Множественность модернизаций и цивилизация модерна

В данной статье вопрос о множественности модернизаций ставится в определенном плане, а именно в том, как он был сформулирован Ш. - Эйзенштадтом и некоторыми продолжателями его традиций. Он раскрыл новое видение модернизации и современности (modernity) путем характеристики изменений, возникших в связи с конвергенцией современно-го и индустриального обществ.

Сегодня термины «модернизация» и «модерн» («современность») выступают как чрезвычайно популярные и применимые концепты, которыми описываются изменения в сторону перехода к современности в прошлом, настоящем и будущем. Указанные термины легко переходят из

сферы теоретических значений к повседневным и практическим характеристикам любых важных изменений. Эти повседневные значения не одинаковы в России и в Китае, в Латинской Америке и Восточной Европе. Общий подъем Запада Европы — Ренессанс, Реформация и Просвещение — сделали его культурную общность региональной, т.е. сходной с частью Европы, и отличающейся от тех, кто в неё не входил. Например, Шанхай 1920-х годов не был похож на западный центр. Сегодня такие модели модернизации относятся преимущественно к тем странам, которые не прошли ни модернизации, присущей Западу, ни догоняющей Запад модели модернизации.

С конца 1990-х годов появился *мегатренд глобализации* — процесс глобального экономического взаимодействия стран мира, возникшего после распада коммунизма. Те, кто не понимает экономической сущности глобализации, испытали массу иллюзий, связанных с ожиданиями культурной гомогенизации мира, осознания человечеством своего единства, перспективой ликвидации бедности и отсталости, избавления от войн и конфликтов, сближения Запада и не-Запада, нахождения универсальных для всех ценностей. Модернизация в условиях глобализации приобрела национальный характер не только в том смысле, что она в каждой стране осуществляется по-своему и дает значительное разнообразие результатов. Ш. Эйзенштадт писал: «Люди стали свидетелями перехода одной современной цивилизации в множество — к нескольким современным цивилизациям. Теория модернизации перестала рассматриваться как финальная» [10, 34]. Имеется в виду, что образцы европейской цивилизации модерна получили распространение на другие общества, приходя для этого к ряду новых вариаций.

Согласно Ш. Эйзенштадту, переход к современности, обществу и обществам модерна не является завершающим актом, входящим в столетия однотипного развития, а представляет собой процесс расширения сферы современности (*modernity*) путем подключения к ней все новых и новых обществ, имеющих свои пути развития, однако осуществляемые уже в общих рамках *глобальной цивилизации модерна*. Иными словами, эволюция и модернизация отдельных обществ привели к формированию *цивилизации модерна* подобно имевшим место в прошлом цивилизациям древности и Средневековья.

Эйзенштадт стоит на позициях осевых цивилизаций, выдвинутых К. Ясперсом и рассматривающим их как центры притяжения разнообразных обществ в определенные исторические периоды. Ясперс считал, что происходит последовательная смена этих цивилизаций. Это — характеристика античной истории с VIII по III вв. до н.э., когда возникли но-

вые способы мышления в Персии, Индии, греко-римском мире и Китае. Ясперс обозначает термином «осевая цивилизация» период одновременного развития в разных новых пунктах цивилизационного видения, задающего вопросы о понимании Космоса, этики и сообщества. Осевые цивилизации — это цивилизации с новым мышлением в религии и философии.

Ш. Эйзенштадт увидел продолжение осевой цивилизации в понятии «цивилизация модерна». Он нашел определенные основания для выделения Западной Европы как нового цивилизационного образования, которое можно обозначить как современность (*modernity*). Концептуализации базового напряжения между институциональным и мирским порядком стали его методом анализа. В результате нарастающие вариации специфического подхода к развитию различных обществ и к их трансформации способствовали тому, что модернизация все менее рассматривалась как разрыв с традицией и все более как специфическая реакция вхождения в современность, при которой исходная традиция имеет значение и включается в процесс модернизации в критически преобразованном виде.

По мнению Эйзенштадта, процесс модернизации не может быть рассмотрен как конечная цель эволюции всех известных обществ. Эта новая «перспектива» модернизации не предполагает обнаружения эволюционного потенциала, свойственного всем обществам. Скорее, она рассматривает современность (*modernity*) как уникальный тип цивилизации, зародившийся в Европе и распространившийся по миру, охватывая, особенно после Второй мировой войны, его целиком [10, 35]. Данное утверждение может выполнить весьма важную функцию «заслона» против замены любого типа изменений (эволюции, развития, трансформаций, прогресса, преобразований и пр.) сегодня, исходя из конъюнктурных соображений, термином «модернизация», что свойственно современной отечественной литературе.

Модернизация распространяла представления об эффективных социальных институтах в экономике, политике и идеологии, что придавало ей большую мобильность и способность заинтересовать и увлечь людей разных обществ не только теоретическими инновациями, но и практическими целями. Доосевые цивилизации не выдвигали подобной проблемы и поставленная осевыми цивилизациями, в т.ч. и Европой, на этапе модерна цель, обрела фундаментальную значимость. Принципиальным сегодня видится следующее утверждение Эйзенштадта: «...процесс модернизации не может более рассматриваться как *конечная цель эволюции всех известных обществ*. Эта новая перспектива модернизации не предполагает, что процесс модернизации обнаруживает эволюционный потенциал, свойственный всем обществам» [10, 34; курсив наш. — В.Ф.).

Однако Эйзенштадт все же не раскрыл подробно тему модернизации, хотя и предупредил о возможной неадекватности в использовании этого термина. Дальнейший разбор проблемы он осуществил в своей статье «Множественные современности» в журнале *Daedalus*. Здесь он сделал важное заявление: «Главный смысл термина “множественные современности” состоит в том, что современность (*modernity*) и вестернизация не идентичны» [11, 1]. Эйзенштадт защищает цивилизационное значение понятия «современность», но считает его не сводимым ни к понятию «современная эпоха», ни к классическим теориям модернизации (точкам зрения К. Маркса, Э. Дюркгейма, М. Вебера и Т. Парсонса) и выступает против универсализации европейских мерок модернизации, а также против концепции 1950-х годов, где последняя трактуется как соперничество США и СССР за выбор странами третьего мира капиталистического или социалистического способов развития. Эйзенштадт показывает, что модернизация включает многообразие трендов развития семейных отношений, экономических и политических структур, инноваций, культуры и пр.

Для модернизации обществ важны не различающиеся детали, а понимание сути современного общества (*modernity*). По мнению Эйзенштадта, идея множественности современностей предполагает, что лучший способ понять текущее состояние мира и на деле объяснить историю современности — увидеть историю непрерывного конструирования и реконструирования множества культурных программ. Предопределенный богами социальный порядок стал рушиться, и, как показывает Эйзенштадт, именно тогда появился порядок, который мы делаем сами. Это и есть современность. Центр этой программы в период ее образования — автономия человека. Следовательно, современная эпоха — это эпоха, которую мы делаем, не полагаясь на волю Бога, космоса и пр., и центр культурной программы современности — автономия индивида. Источником ее легитимации является множество индивидуальных целей и интересов, ведущих к признанию множественных интерпретаций.

Эйзенштадт показывает, что первая радикальная трансформация предпосылок современного культурного и политического порядка Западной Европы была связана с её экспансией в Америку. Американская трансформация предстала западной, но отличной от Европы формой современности, развитой на основе европейских предпосылок. Европейская современность институционализировала в США новую форму современности, не тождественной европейской [11, 13]. Дальнейшее распространение современности продолжилось на такие страны и регионы, как Россия, Восточная Европа и по мере расширения глобализации — на другие части планеты (Индию, Китай, Вьетнам, азиатские и латиноамериканские страны).

Множественные современности, согласно Эйзенштадту, являются порождением трансляции европейского образца, полученного на почве ее собственной культуры, и дальнейшего синтеза имеющихся образцов в других странах и регионах.

Но почему именно Европа оказалась ядром современности (*modernity*)? Таким вопросом задается американский исследователь Дж. – Голдстоун. В предисловии к русскому изданию своей книги он показывает, что такой шанс имела и Россия [4]. Она потеряла свое преимущество перед Европой после поражения в Крымской войне – в то время, когда Европа, напротив, развивала критическое мышление, устремленность к прогрессу, индустриализацию. Контрреформация почти отбросила Европу с успешного пути. Но её модернизационный тренд уже трудно было остановить. Однако Россия тоже имела грандиозные достижения в культуре, освоении земель, формировании государства. Сегодня на наших глазах усиливаются трудности Европы, как Западной, так и Восточной, и, тем не менее «цивилизация современности», сформировавшаяся в Европе и начавшая распространяться в Америку и другие страны, существует и в России, и в тех странах, которые прежде были далеки от европейского пути (Индия, Китай, страны Латинской Америки и пр.).

Многое оказалось неожиданным. По мнению Голдстоуна, Запад ожидает упадок, в то время как значительную часть остального мира – подъем: «В ближайшие десятилетия прогресс остального мира должен ускориться по мере того, как другие страны научатся преодолевать препятствия на пути к экономическому росту и войдут в число стран, пользующихся благами быстрого роста, основанного на распространении технических знаний и свободе инноваций. По мере распространения современного экономического роста возвышение Запада – процесс, продолжавшийся всего два столетия, с 1800 по 2000 г., – будет восприниматься как временный, хотя и многое изменивший, этап в мировой истории» [4, 399-400]. Этот прогноз может сбыться в отношении Западной Европы и подъема новых регионов. Но трудно предположить возможности радикального экономического подъема новых стран с одновременным сохранением лидерства Западной Европой и США из-за ограниченности ресурсов, роста населения, вступления в гонку стран с совершенно другой культурой, а также того, что у прогресса и модернизации, лидерства стран могут появиться новые параметры.

Споры о модели множественной модернизации сегодня

Сказанное выше в какой-то мере позволяет предположить, что термин «множественная современность» пытается не допустить восприятие

модерна как ограниченного только Европой. Модернизационная теория и практика обретают признаки конструктивизма, при котором культурные различия обществ могут стать основанием для употребления слов «модернизация» и «современность» (*modernity*) во множественном числе — «модернизации» (*modernizations*) и «современности» (*modernities*) в общих рамках цивилизации модерна.

Суть концепции Ш. Эйзенштадта по проблемам модерна состоит в том, что в отличие от теорий, видящих в модернизации переход из традиционного общества в современное и показывающих сходство процедур рационализации и процессов модернизации, он, как следующий теории осевых цивилизаций, видит общность процесса в разных странах *в формировании общей цивилизации модерна*, но считает процедуры осуществления этого в различных обществах далекими от возможностей канонического описания или универсализации. При этом Эйзенштадт понимает, что модернизация не является одним только благом, поскольку она осуществляется путем разрушения и конструирования. Необходимо отдавать себе отчет в том, какие потери понесет общество ради обновления и развития, какова цена такой модернизации, что произойдет в случае негарантированного успеха.

Е. Фурье, поднявшая весьма своевременный вопрос об издержках модернизации, справедливо ставит и другой вопрос, от которого в значительной мере уклонился Ш. Эйзенштадт: «Требует ли современность (*modernity*) дать субстантивную сеть процессов и феноменов или в большей мере темпоральную сеть? Можем ли мы говорить о современных обществах (и, если нужно, о несовременных) или достаточно того, что мы живем в эпохе, в которой современность стала общим глобальным условием?» [12, 56]. Этот вопрос не имеет четкого ответа. Но он показывает, что процессы и феномены, которые рассматривались Э. Дюркгеймом, М. Вебером, Т. Парсонсом, Ю. Хабермасом и др. в качестве алгоритма перехода к модерну, получили альтернативу в концепции цивилизации модерна Ш. Эйзенштадта, поддержанную Е. Фурье, Р. Ингельхартом и другими авторами, опиравшимися на множественную модель модернизаций.

Последняя предполагает многообразие путей, ведущих в цивилизацию модерна, прежде имевшую место первоначально и исключительно в Западной Европе. Сегодня многое изменилось и, скорее всего, национальные модернизации будут иметь свою вариативность. При этом сохраняются в том или ином виде и необходимые для модернизации структурные константы. Они позволяют понять, входит ли общество, находящееся в этом процессе, в цивилизацию модерна и может ли войти. Но понятия модерна и обществ модерна уже сегодня не тождественны западным

обществам. Новые представления о модерне, а именно введение понятия «цивилизация модерна» или «цивилизация современности», не устраняют возможности вступить в это состояние сегодня кажущимся далекими от этих задач обществам, в т.ч. и тем, которые не имеют в качестве предпосылки развития автономного индивида. Это видно на примере Китая, Вьетнама, Сингапура и Малайзии и многих других стран. И подобный путь может привлечь исламские и латиноамериканские страны, позволит им на основе «культурной кристаллизации», как говорил Ш. Эйзенштадт, подготовить себя к полноценному участию в проекте модерна.

Если следовать Эйзенштадту, цивилизация модерна одна. Она появилась в Новое время, значительно позже предшествующих осевых цивилизаций, выделенных К. Ясперсом, — Индии, Китая, Египта, Месопотамии, Древнего Израиля, древней Греции, Ирана. А модернизации и создаваемые ими общества многообразны, имеют разные пути к модерну и образуют вместе цивилизацию модерна (*civilization of modernity*). Страны, имеющие «культурную целостность» (*cultural entities*) (так называет Эйзенштадт очевидную культурную специфику, в том числе Китая, Японии, Индии и других стран), могут войти в цивилизацию модерна, в т.ч. и разными путями. Известная американская исследовательница Л. Гринфельд в качестве такой целостности рассматривает формирование национализмов.

Это правильно, поскольку формирование многих национальных государств ведет к множеству национализмов и типов национальных государств, в т.ч. к национальной идентичности в пяти странах (Англии, Франции, России, Германии, Америке), которые являются пятью путями к современности [13].

Ядром современности многие исследователи считают, как было отмечено, уже не автономию индивида, а рациональное господство, которое было рассмотрено М. Вебером. *Но, наряду с автономией и рациональным господством, модерн теперь имеет ряд новых качеств: он поддерживает государство как суверенную единицу, вовлекает людей в новую производственную и экономическую деятельность, развивает образование, создает образцы поведения, адекватные современности, изменяет положение неевропейских народов, освобождает женщин там, где они были порабощены, и тем самым формирует многочисленные группы граждан, выигрывающих от перехода к модерну.*

Критика теорий модернизации сегодня идет в двух направлениях: по линии непринятия цивилизации модерна (современности), отличной от других осевых цивилизаций, незападными странами, и со стороны исторически сменяющих друг друга цивилизаций древности, Средневековья и Нового времени. Однако, согласно теории Эйзенштадта, утверждается

требование множества модернизмов, т.е. путей к модерну разных обществ для расширения цивилизации нового модерна. Его концепция только по счастливому незнанию может казаться продолжением концепции модернизации на основе достижения определенных свойств и качеств, которые предписываются модернизации, как это было у Э. Дюркгейма, М. Вебера, Т. Парсонса и Ю. Хабермаса. У последних речь шла не о цивилизации модерна, в которую вливаются общества с реально осуществляемыми или осуществленными модернизациями, а о разнообразии процессов модернизации в разных странах.

Финский ученый Э. Аллард показал, как ограниченность классических теорий модернизации препятствует их использованию для описания опыта скандинавских стран. Он основывается на том, что в странах Скандинавии идеи, относящиеся к социальным процессам, редко строятся на концепциях модерна и модернизации. Они функционируют преимущественно в теоретических дискуссиях, не вносящих вклад в описание развития общества. Но это — не основная и не единственная причина их критики. «Первоначально модерн считался присутствующим в развитии структурной дифференциации, в новых измерениях институтов, плюралистичных культурных программах, в развитии рефлексивности и т. д.» [1, 61]. Согласно Алларду, классические социологические теории модерна основывались на представлении, что «стандарты модерна... будут переняты всеми модернизирующимися странами» [1, 61]. Однако, по его мнению, «трудно представить, чтобы их очень разный исторический опыт последних двух веков не создал значительных различий в господствующих там предпочтениях и отрицаниях черт модерна... Во всяком случае, при формулировании теории модерна и применении ее к странам центра Европы плодотворной была бы конкретизация, насколько и исторический опыт, и географические, и социальные факторы создавали тенденцию движения к разным опциям, не считая, что критерии и цели модернизации одинаковы для всех стран» [1, 65]. Модернизация во всех ее вариантах не предполагала совершенного общества, а ориентировалась на общество современное. Именно подобный тезис был предложен нами к книге «Модернизация и культура» [8]. Современность виделась в двух вариантах — как различающиеся между собой модернизации, одни из которых входили в цивилизацию модерна, последующую за цивилизациями древности и Средневековья, и как модернизации, реализующие программу перехода из традиционного обществ в современное.

Концепция Ш. Эйзенштадта привела к пониманию того, что имеются различные социокультурные контексты, которые влияют на характер

модернизации каждого общества и вплетают достигнутый результат в совокупный итог цивилизации модерна, возникшей первоначально в Западной Европе. Страны, устремляясь к новой цивилизации модерна, меняют себя под эту задачу. Мы имеем все основания утверждать, что в рамках отдельной страны (региона, общества, нации) такая множественность модернизаций не достигалась, а напротив, шел поиск оптимальной и обоснованной модели модернизации. Упомянутая выше исследовательница Е. Фурье отмечает: «...сторонники множественной модернизации очень скептически относятся к теориям Гегеля, Маркса, Вебера, Парсонса, Хабермаса как частным и фокусирующимся на влиянии единичных или институциональных факторов. У Эйзенштадта более нюансированная концепция, уделяющее большее внимание освобождающим и деструктивным факторам модерна. В 1970-1980-е годы сторонники множественных модернизаций аргументировали, что новые не тотализирующие теории появились в конце холодной войны» [12, 55].

В истории модернизации Западной Европы, США, России, Восточной Европы, Японии, Китая, Индии, азиатских и латиноамериканских обществ, согласно Эйзенштадту, происходит своя «культурная кристаллизация» и рождаются свои «культурные целостности» или, по мнению современного П. Вагнера, формируется одна из форм социетального самопонимания.

Национальная модель модернизации

Ш. Эйзенштадт применил концепцию множественных модернизаций, по-разному осуществляющихся в разных частях мира в стремлении войти в единую цивилизацию модерна. Фокус его внимания был обращен к цивилизациям и их специфике. Тем самым он заложил основы перехода к концепции национальных моделей модернизации, которая появилась позднее, разбивая эту множественность модернизаций на конкретные национальные проекты. При этом под национальным понимается соответствие интересам основной геополитической единицы модерна, то есть национальному государству. Концепция национальной модели модернизации возникает в конце XX-начале XXI века в условиях глобализации и глобального капитализма.

С нашей точки зрения, XXI в. стал новым Новым временем для западных стран, в котором государства, особенно незападные, устремились в условиях глобализации к осуществлению национальной модели модернизации. То есть, мы имеем в виду достаточно специфические и адекватные местной национальной культуре усилия по вхождению в модерн [9]. Это в меньшей мере относится к России, Восточной Европе, которые были

близки к европейским процессам, но более характерно для стран Юго-Восточной Азии, Латинской Америки и регионов, не связанных с европейской модернизацией.

Широкую известность получили работы Ту Вэймина о национальной модернизации в Китае [7]. Этот исследователь отмечает важность для экономики и моральной атмосферы в Китае конфуцианских установок. Он показывает, что Китай не просто бросился в омут бесконечных преобразований, но, глядя в японский опыт, обдумал вопрос о том, как с точки зрения перспектив конкуренции Китая с западными странами следует отнестись к таким антиномиям развития, как «сельское хозяйство — промышленность», «капитализм — социализм», «восточная культура — западное образование». Мы далеки от преувеличения китайских достижений, хотя они значительны, но важно то, что идея способности конкурировать с Западом, а не догонять его, осознание непреодолимости своей культурной и цивилизационной специфики привели Китай к постановке актуальной задачи борьбы с голодом в 1970-е годы и определили приоритет реформы его сельского хозяйства. Решение именно этих задач и стало в начале реформ национальной моделью модернизации страны. Сегодня в условиях мирового экономического кризиса китайское правительство приняло меры по усилению потребления внутри страны.

Во многих случаях глобализация означает распространение капитализма, победу капитала над национальными интересами незападных стран. Китай избежал этой ловушки. Он самым успешным образом использовал глобальный рынок в своих национальных интересах. Модернизация в Китае сопровождается некоторым смещением внимания к экономике внутри страны. Подобная смена приоритетов обуславливает длительность или даже бесконечность процесса модернизации, отрицание недостижимости ранее поставленной задачи. «Мы находимся в довольно сложном положении, — пишет Ту Вэймин. — Нам предстоит преодолеть три преобладающие, но устаревшие дихотомии: “традиционное — современное”, “западное — незападное”, “локальное — глобальное”» [7, 243].

Действительно, китайцы попытались перейти к современности, полагаясь на цивилизационную и политическую (посредством коммунистического режима) защиту традиции. Они обратились к вестернизации (к западному), особенно в сфере технологий в условиях нового разделения труда между западным «обществом знания» и азиатским индустриальным обществом, не позволяя Западу рекультуризовать свою страну, хотя частично это все же происходит. Китай использовал возможности глобального для модернизации национального.

По мнению Ту Вэймина, приверженность вестернизации «позволила азиатским странам перестроить экономику, политику, общественную систему согласно тем образцам, которые они... считали более передовыми» [7, 243-244]. Однако эти страны нуждались в адаптации инноваций к собственной культуре. И не продолжающаяся вестернизация, а синтез ее результатов с местными условиями оказался достаточно продуктивным и, по мнению цитируемого автора, доказывающим устарелость отмеченных им антиномий.

Концепт национальных моделей модернизации первоначально применялся для демонстрации специфических задач осуществления модернизаций незападными странами, не имевшими контакта с европейским модерном – Китаем, Индией, Японией, Вьетнамом, Южной Африкой, обществами Латинской Америки и пр. [3]. Разделяя сегодня задачи необходимости модернизации в своих обществах и развивая методы осуществления модернизации у себя, а также вхождения в экономические, политические отношения со странами модерна, не все эти общества прямо ориентированы на вхождение в «цивилизацию модерна», но в большей мере на собственные задачи модернизации, обеспечивающие им конкурентоспособность, экономический успех, политическую стабильность и подъем своего общества. Эти задачи до поры до времени решаются как национальные модели модернизации, но не исключено, что рано или поздно они завершатся вхождением их в «европейскую цивилизацию модерна», интегрирующую множество модернизмов.

Для осуществления российского модернизационного проекта необходимы как некий уровень вестернизации, накопленный страной, так и поворот к собственным коренным проблемам. Цель российского модернизационного проекта состоит в определении приоритетной задачи и последующих за ее решением новых задач, этапов их осмысления, а также – в заимствовании тех успешных институтов, образцов, способов и инструментов, которые имеются на Западе и в мире в целом.

Промежуточные институты в цивилизационном проекте России

В России имеется много действующих архаических начал культуры, которые она пытается преодолеть. В интересной книге Ч.К. Ламажаа «Архаизация общества. Тувинский феномен» показано, что архаика может сыграть свою роль в трансформации общества. Ею исследовано несколько путей архаизации в постсоветской Туве: экономическая (собственность, богатство, труд), культурная («за Саянами» и «тувинское время»), социальная, политическая (клановость во власти) и региональные модели архаизации. Автор рассматривает архаизацию как феномен, который схо-

ден с общероссийскими процессами тем, что быстрые изменения в жизни, связанные с модернизацией, нередко возвращаются к архаике, ибо культурные условия порождают архаику в большей мере, чем модернизационный процесс [5]. Это нельзя расценить только как отказ от модернизации. Глубинные структуры культуры, особенно в архаических обществах, – африканских, латиноамериканских, некоторых регионах России сопротивляются изменениям, сущность которых они не понимают или которые не хотят принять. Иногда использование архаики является приемом для того, чтобы побудить к культурно-модернизационным изменениям. Архаика удерживает тувинское общество в границах традиционной культуры и позволяет ему развиваться в сторону современности без сломов и катастроф.

На не парадоксальность подобного вывода указывает российский исследователь А.А. Аузан как в общем виде, так и на примере отдельных стран, в частности России. По его мнению, «в разных странах при модернизациях приходится находить разные ключи к тому, как применить традиционное для движения вперед» [2]. Таким ключом может стать так называемый «промежуточный институт» – «”неидеальный” с точки зрения стандарта того, как должны выглядеть институты в развитой стране». Такой институт являет собой «не только наше желание обустроить определенным образом экономику или политическую жизнь, но должен учитывать и те ограничения и темпы процессов, которые идут в стране». Примером, по его мнению, являлся институт земства – «вертикально выстроенный институт гражданского общества, который учитывал наличие и сословной иерархии, и самодержавной власти, но при этом представлял собой важный элемент развития, плоды которого мы видим не только в призрачной социокультурной сфере, но и вполне материально, как до сих пор существующие земские школы и больницы». А в Южной Корее клановость была использована в качестве «промежуточного института» [2]. Определение промежуточных институтов дал В.М. Полтерович, понимающий их как институты, работоспособные при имеющихся ограничениях, в т.ч. вызванных социокультурными обстоятельствами, и способствующие ослаблению этих ограничений, что создает условия для дальнейших преобразований [6, 96].

Заметим, что Запад не имел образца, которому нужно было подражать, и поэтому двигался в направлении модернизации с помощью шагов, не всегда последовательных, но приведших его к сегодняшнему результату. Так, демократия (если говорить о политической культуре), которая провозглашалась изначально целью западных обществ, достигалась ими поэтапно. Например, в XIX в США речь шла только о белых мужчи-

нах. В XX веке в результате борьбы за гражданские и избирательные права, демократические права получили женщины и афроамериканцы. Ставя задачу демократизации, западные общества решают ее, идя шаг за шагом, выбирая достижимые на данный момент цели модернизации, адекватные существующей культуре. То есть, модернизация Запада достигалась часто путем строительства несовершенных «промежуточных институтов», пытающихся решить какую-то задачу на основе существующих ценностных представлений.

Методологически чрезвычайно важно, что применяемый А.А. Аузаном и В.М. Полтеровичем подход, подразумевающий строительство «промежуточных институтов», не требует немедленного рывка вперед – например, от социализма к капитализму. И эксперимент, проведенный с распадом социализма в СССР и объявлением о немедленном построении капиталистического будущего, оказался грубо сформулированной доктриной, мешавшей этому переходу. Культурные основания России не были учтены, и в очередной раз волюнтаристски оборваны, порождая формы дикого капитализма и бескультурие. А это подрывало имидж России и привело ко многим разрушениям, отбросившим ее в цивилизационном плане назад.

Следуя этой повестке дня, авторы доклада «Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ» показывают, что «знание социокультурных особенностей жителей той или иной территории, учет факторов социокультурного разнообразия позволяют осуществлять “тонкую настройку” реформ, дают возможность разрабатывать нестандартные институциональные решения, предназначенные для преодоления “институциональных ловушек”, решения «проблемы колеи» и вывода экономики на устойчивую траекторию развития» [6, 13]. При построении промежуточных институтов особенно важно иметь образ будущего страны. Он нужен для того, чтобы получить вектор развития, в т.ч. и в сфере культуры. Оценка событий прежней истории может быть пересмотрена с точки зрения нового настоящего.

Концепция множественных современностей, промежуточные институты и национальная модель модернизации составляют тот арсенал средств, который может позволить России консолидировать свои возможности для уверенного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллард Э. Сомнительные достоинства концепции модернизации // Социологическое исследование. – 2002. – № 9. – С. 60-66.
2. Аузан А. Промежуточные институты. Почему в России нельзя построить все сразу. – 2017 [Электронный ресурс] // Московский центр Карнеги. URL: <http://carnegie.ru/commentary/73216> (дата обращения: 27.09.2017)

3. Буров В.Г., Федотова В.Г. Китайский опыт модернизации: теория и практика // Вопросы философии. — 2007. — № 5. — С. 7-20.
4. Голдстоун Дж. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850 / пер. с англ. М. Рудакова, И. Кушнаревой. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. — 299 с.
5. Ламажая Ч.К. Архаизация общества: Тувинский феномен. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 272 с.
6. Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ. — 2017 [Электронный ресурс] // Центр стратегических разработок. URL: <http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/09/Report-SF.pdf> (дата обращения: 17.09.2017)
7. Ту Вэймин. Множественность модернизаций и последствия этого явления для Восточной Азии // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу? / Под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. — М.: Московская школа политических исследований, 2002. — 320 с. — С. 237-250.
8. Федотова В.Г. Модернизация и культура. — М.: Прогресс-Традиция, 2016. — 334 с.
9. Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. — М.: Культурная революция, 2008. — 607 с.
10. Eisenstadt S.N. *Power, Trust and Meaning. Essays in Sociological Theory and Analysis.* — Chicago, L.: Chicago University Press, 1995. — 401 p.
11. Eisenstad S.N. Multiple Modernities // *Daedalus*: Winter. — 2000. — Vol. 129. — № 1. — P. 1-29.
12. Fourie E. A. Future for the Theory of Multiple Modernities: Insights from the New Modernization Theory // *Social Science Information.* — 2012. — № 51 (1). — P. 52-69.
13. Greenfeld L. *Nationalism: Five Roads to Modernity.* — Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1993. — 581 p.

Поступила в редакцию 01.05.2020 г.

UDC 316.42

DOI: 10.30936/2227-7951-2020-12-237-247

В.Н. ЩЕРБИНА

ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ КООРДИНАТ УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

***Аннотация:** В статье рассматриваются проблемы динамики формирования цивилизационных ориентиров современного украинского общества и государства в контексте социальных изменений текущего периода. Автор констатирует, что в зависимости от способностей правящих групп предстоящие перемены в стране могут иметь либо характер революционного обрушения социальных институтов, либо этот процесс будет эволюционным и управляемым. Сделаны выводы о том, что «беззападность», возрастание роли России и Китая, вызовы трансформаций миропорядка, обусловленные переходом к новому технологическому основанию мирового хозяйства, формируют новую систему координат определения цивилизационных ориентиров развития.*

Украине необходимо создавать новую социальную систему, которая позволит участвовать в новом разделении труда соответственно современным социокультурным требованиям. Автор делает вывод, что возникают внутренние (связанные с кризисом политического устройства) и внешние (связанные с кризисом однополюсного миропорядка) условия, делающие необходимым переосмысление характера и содержания цивилизационных ориентиров дальнейшего развития. В качестве одного из ориентиров нового синтеза социальной системы автор видит исторически близкий народу Украины принцип соборности.

***Abstract:** The article discusses the dynamics of the formation of civilizational guidelines of modern Ukrainian society and the state in the context of social changes in the current period. The author states that, depending on the abilities of the ruling*

Щербина Виктор Николаевич — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора стратегической группы «София» (Киев, Украина). E-mail: s-vn@mail.ru.

---

groups, the upcoming changes in the country may have the character of a revolutionary collapse of social institutions or this process will be evolutionary and controlled. Conclusions are drawn that “Westernless”, the growing role of Russia and China, the challenges of transforming the world order, due to the transition to a new technological foundation of the world economy, form a new coordinate system for determining civilizational development guidelines.

Ukraine needs to create a new social system that will allow it to participate in the new division of labor in accordance with modern sociocultural requirements. The author concludes that there are internal (related to the crisis of the political system) and external (related to the crisis of the unipolar world order) conditions that make it necessary to rethink the nature and content of civilizational guidelines for further development. As one of the landmarks of the new synthesis of the social system, the author sees the principle of collegiality historically close to the people of Ukraine.

Ключевые слова: соборность, цивилизационные ценности, украинское общество, перспективы развития, кризис общественно-политических процессов.

Keywords: conciliation, civilizational values, Ukrainian society, development prospects, crisis of socio-political processes.

*И час настал. Свой плащ скрутило время
(А. Блок «Забывшие тебя»)*

Актуальность. Социальная мифема «цивилизационного выбора» в языке массового сознания, сформированного в условиях общества потребления конца XX века, выражала исторический смысл перемен, имевших место на протяжении периода 1991–2016 гг. во множестве новых государственных образований, которые образовались на пространстве бывшего СССР. Предполагалось, что общество как некоторый самобытный субъект способно сделать осознанный выбор в направлении цивилизационных ценностей и политический класс выполняет требования такого выбора, не неся за собственные действия никакой исторической ответственности.

Эта мифема в массовом сознании легитимировала новый политический курс пришедших к власти социальных групп и оправдывала все связанные с этим курсом перемены, организовывала фокус видения и смыслового наполнения происходивших весьма болезненных общественных изменений. Она, в том или ином виде, выполнила свою историческую роль во всех странах бывшего СССР и в настоящее время исчерпала себя. Поэтому актуализировались дискуссии относительно дельнейших путей цивилизационного развития. Изменившиеся за четверть века общества и

государства вынуждены по-новому определяться к собственной исторической перспективе уже на новой, возникшей за предыдущий период, социально-политической, материально-технической и духовно-нравственной основе и в ситуации фундаментальной трансформации, которую переживает нынешний миропорядок. Это актуализировало в общественной мысли проблему осмысления того, что собой представляет цивилизационный выбор, каким он был, и каким он может быть в сложившихся условиях.

Новая историческая определённости Украины. Процесс выработки новой социальной определённости, которая предполагает ориентацию общества на цивилизационные ценности и нормы определённого типа, имеет практический характер и предполагает создание соответствующего концептуального обеспечения. Он выражается в изменяющемся массовом мышлении и поведении, а также находит своё наиболее последовательное выражение в политических событиях. Для Украины таким событием стали президентские выборы 2019 г. и последовавшие (а ещё в большей мере не последовавшие) перемены в жизни страны.

Большинство украинских граждан в 2019 г. голосовали не за конкретный путь развития и даже не просто против политики, что было бы традиционно, а против текущего политического курса (см. прим. 1). Это был самый высокий негативный результат действующей власти за весь период независимости: 2014 — Порошенко — 54,7%; 2019 — Зеленский — 73%. Три четверти избирателей отказались быть «политическими украинцами» по навязанному командой Порошенко этническому принципу, отказались жить в повестке внешней и внутренней войны.

В утвердившейся «геймифицированной» картине восприятия общественной жизни, события последнего времени принято воспринимать как разного рода «победы» в соревнованиях — честных и не очень, одержанные с той или иной степенью нарушения правил в виде юридических законов и моральных принципов. Событие победы понимается как часть игры, где победить могла и другая сторона, в силу каких-то причин не сумевшая этого сделать. Так свершившееся предстаёт как результат исключительно неблагоприятных обстоятельств и искусности соперника, который ими воспользовался, а сами стороны предстают как равнозначные.

В этой оптике восприятия не избрание П. Порошенко не имеет отношения к чему-то большему, чем политика — ни к проводимому прежнему курсу с его реальными последствиями для жизни народа, ни к той качественно определённой роли, которую страна играла в геополитических и геоэкономических процессах, ни к тому, как государственная власть влияла на повседневную жизнь людей, на способ их жизни в мире.

Все обстоятельства реальной истории выведены за рамки восприятия, а народ понимается как пассивная масса, проявляющая себя лишь в результате манипулятивных воздействий на неё. Украина в такой картине восприятия понимается не как часть современной мировой истории, а как самостоятельный абстрактный предмет, существующий вне обстоятельств пространства-времени. У неё есть только собственные однозначные свойства, а также внешние враги и друзья.

Украинский политический класс расколот, и значительная его часть пытается жить по идеологическим лекалам 90-х годов ушедшего века. Однако страна вступает в новое историческое время. Период, когда была возможна имитация политической жизни, завершён и расколотое общество стоит перед необходимостью решения «больших вопросов» своего дальнейшего исторического существования. Как и прежде, происходит это пока объективно, в виде влияния суммы обстоятельств, ещё требующих своего осмысления и уразумения. Новое поколение политических украинцев движется к формированию собственной исторической повестки, в то время как прежнее пытается навязать ему собственную повестку и жить, будто бы ничего не произошло (см. прим. 2).

Объективно возник исторический запрос на новую цивилизационную определенность Украины. Значительная часть населения отрицает идеологию радикального национализма, но принимает его социально-исторические содержательные черты как единственно возможные «естественные» качества Украины, понимаемые как свойства обособленного социума. За время конфликта 2014-2019 гг. в качестве политико-правовой доктрины государства была утверждена развивавшаяся почти тридцать лет своеобразная идеологическая монополия на социально-историческое понимание того, что такое Украина. Другого образа страны и народа в политическом обращении нет.

С принятием поправок в Конституцию о движении Украины в НАТО и ЕС возникло представление об окончательной завершённости цивилизационного выбора (см. прим. 3). Но социологические исследования и результаты голосований на выборах показывают, что этот утверждённый в массовой коммуникации и правовом пространстве конструкт не принимается значительной частью населения. Само это отрицание не означает нового цивилизационного выбора — это скорее проявление не выбора, а имеющейся цивилизационной принадлежности народа Украины. Оно не ведёт само по себе к укреплению какого-либо другого, нового образа страны.

В глазах значительной части общества «зеленая команда» олицетворяет новый шанс сохранить прежний порядок, просто избавив его от не-

достатков — крайностей этнического национализма, а также от претендующего на господскую роль представителей чиновничества и крупного бизнеса. Парадоксально, что в определённом смысле президентские выборы укрепили сложившуюся при Порошенко политическую реальность, создав иллюзию прежнего курса только «с человеческим лицом». Выборы проявили переход от прежней политической схемы приватизации менеджмента и производственных активов к схеме прямой приватизации и концентрации власти. Можно видеть, как, подобно политическим рейдерам, пользуясь мандатом общественного доверия, сформированным в процессе избирательной кампании, команда победителей действует по собственному произволу, откровенно забыв о прежних сигналах, подававшихся избирателю.

Фигура Зеленского, и со стороны части общества, и со стороны правящих элит, олицетворяет прежнюю ставку на «маленькую страну» под зонтиком защиты «больших стран», и потому находящуюся вне исторических сдвигов геополитических и геоэкономических пластов миропорядка, которыми заняты «большие игроки». *Но одно лишь общественное умонастроение не даёт ответа на вопрос, осуществима ли эта ставка в принципе, и в сложившихся исторических условиях конца второго десятилетия двадцать первого века, в частности.* Украина по объективным причинам (цивилизационный потенциал, размер территории, геополитическое, геоэкономическое и историческое положение, численность населения, ресурсный потенциал) не является «маленькой страной» и к ней неприменимы соответствующие подходы. Однако этот факт ещё только предстоит осознать и освоить новой политической элите.

Можно не видеть или даже не признавать проблем макроисторического уровня, но они от этого не перестают существовать. *Выбор, перед которым стоит Украина, заключается в том, какого рода роль ей предстоит играть в процессах мирового переустройства — роль лимитрофа, разделяющего европейское пространство, или же объединяющей составляющей нового континентального цивилизационного центра.* Несмотря на то, что значительная часть народа объективно выступает за вторую роль, политическая фигура Зеленского на данный момент больше соответствует первой роли. Как бы ни старались новый президент и его команда сформировать свою позитивную повестку, объективно они выступают носителями исторической неопределённости тех новых процессов трансформации мироустройства, которые лишь начинаются.

Процесс National building, в котором народ жил предыдущие тридцать лет, состоялся и произвёл новое политическое поколение со своей исторической повесткой. (см. прим. 4). Это поколение воспитывали в духе «Украина —

это анти-Россия», часть его настроена действовать в соответствии с уготованной авторами «украинского чуда» геополитической участью быть центром возмущения восточноевропейского региона. Но это поколение уже сталкивается с собственной практической неадекватностью современным вызовам и собственной неспособностью к консолидированному действию по обустройству дальнейшей жизни на основе формулы «континентального бунтаря». «Что-то пошло не так» — на пороге сомнения и поиски самостоятельного видения исторической ситуации и нового цивилизационного выбора. Этому поколению под давлением меняющихся исторических обстоятельств доведется переписать историю заново в свете вызовов собственной исторической перспективы. Пока же оно мыслит усвоенными на школьной скамье понятиями о происходящем.

Евразийский регион и мир в целом пришли в движение, политические и экономические реалии стремительно и глубоко меняются, возникают новые исторические обстоятельства с иными, чем на прежнем этапе, логикой и конъюнктурой. Период подростковой «философской интоксикации» надуманным историческим прошлым и будущим для Украины закончился столкновением с жёстким каркасом реальности. С этой точки зрения, перспектива политиков нового политического цикла (а, точнее, новой политической эпохи) будет зависеть от их способности трансформироваться из фигур осуществления желаний на фоне настоящего в фигуры осуществления возможностей на фоне будущего. Подобно тому, как в своё время коммунистическая партноменклатура была вынуждена «умирать или изменяться» (кто-то тогда ушёл из политики, кто-то стал радикально иным), политическая элита Украины-лимитрофа в новых исторических условиях будет вынуждена трансформироваться.

Направление мутации — преобразование в деятельную элиту новой Украины как современного и ответственного государства, ориентированного на конструктивное участие страны в гармонизации отношений между всеми странами континента. Речь идёт не о перезагрузке власти, а о новом цивилизационном выборе вне антиномии Запад-Восток, о формировании курса на выполнение страной своей роли в обновлении системы отношений между народами континента. Эпоха меняется и возникает горизонт новой интеграции перед лицом вызовов технологического обновления глобального производства, а также связанных с ним систем безопасности и социального обеспечения. В условиях «распадающегося мира» настает время «собирать камни». В этом времени Украина может состояться только в новом виде.

Социальный переворот, понимаемый как «цивилизационный выбор», в постсоветской Украине состоялся в 90-х годах прошлого века, и с тех

пор общественных потрясений глубже политических переворотов не было. Общественные институты в этой атмосфере значительно деградировали. Будут ли предстоящие неизбежные перемены носить катастрофический характер революционного обрушения основ общественной организации либо же станут управляемыми эволюционными изменениями, зависит от способностей и интересов политического класса. В любом случае победа В. Зеленского, проявившая столь массовое недовольство курсом власти, показала, что переход от прежней модели обустройства страны к новой давно назрел. Уже сегодня можно говорить о некоторых условиях, пусть и не достаточных, но необходимых для хоть и болезненной, но все же управляемой трансформации. Одним из условий управляемого перехода выступает способность политического класса к мышлению в категориях новой социальной и исторической определённости.

Многие постсоветские страны страдают концептуальной неразвитостью понимания собственного исторического положения и исторической роли, упрощением и подменой политической реальности реальностями идеолого-пропагандистской, хозяйственно-экономической, административно-бюрократической или военно-силовой. К тому же политика понимается вне её содержательного аспекта — процесса исторических трансформаций общественной жизни в целом.

Для новых задач критически важна глубина постижения открывающихся перспектив социальных трансформаций в их историческом контексте, способность ставить задачи «большого» уровня и организовывать соответствующие практики. «Хозяйственное», «бизнесовое», «военно-административное» мышление, ставка на привлечение специалистов, принятые ранее в практиках украинских политических команд, недостаточны для постановки и решения «больших» исторических задач, которые способны увлечь широкие массы. (см. прим. 5). Пропагандой и агитацией, различными пиар-акциями здесь ничего уже не сделать.

Новая политическая генерация, дорогу которой открыл выбор В. Зеленского и его команды, идет пока по пути удержания прежней модели существования страны, но всё сильнее сталкивается с тем, что в реальности этих обстоятельств прошлого уже нет. Историческое время и условия прежнего «цивилизационного выбора» исчерпаны и пора определяться в новой перспективе. Нет прежних отношений Украины с Западом и Востоком. Нет прежних отношений между ними, удерживавших длительное время Украину в состоянии циклического полураспада. Нет прежних идей, мистифицированных националистической фантазией общественного сознания и социальных институтов, на которых основывалась пусть и неустойчивая, но всё-таки стабильность внутри общества-государства.

Вопрос цивилизационного выбора имеет весьма практический и «твердый» характер. Произошла деиндустриализация хозяйственных укладов, продолжается соответствующая этому трансформация нормативно-ценностных устоев поведения населения. Власть разнообразных корпоративных образований ожидает приспособления под её интересы новой политической генерации. Произойдет ли это? Политические деятели привыкли смотреть на себя как на демиургов новой действительности и не обращать внимания на обстоятельства, делающие их активность не только успешной, но и необходимой.

Надежда на обновление только рождается — и в этом шанс новой политической генерации. *Продолжая прежний конфронтационный курс, новый президент удерживает интригу и все больше делает свою победу своим поражением.* Хотя это и не будет возвращением к прежним порядкам. Формировавшийся десятилетиями конфронтационный курс развития Украины при Порошенко достиг своего апогея и может перейти в свою противоположность.

Проблема завершения вооруженного конфликта в Донбассе может стать «точкой бифуркации» для обновления цивилизационных ориентиров Украины в целом. Многие политики надеются, что ситуация каким-то чудесным способом вернется в исходную довоенную ситуацию. Америка и Европа «дождут» Россию и потечет обычная жизнь. Подобные умонастроения совершенно неверно ориентируют и участников переговоров, и рядовых граждан. После состоявшейся катастрофы следует искать новый способ существования и развития в современной мировой системе.

Коронавирусная пандемия катализировала трансформации миропорядка, на повестку дня вышли новые проблемы и вызовы, которые составляют объективные условия и в которых будет происходить поиск этого способа. Условием выживания в новом мире будет новое основание солидарности — как на глобальном, так и на национально-государственном уровне. Обостряется дилемма между свободой и безопасностью, тезис «эпидемия закончится, а ограничения останутся» становится все более востребован во многих странах. В условиях общества риска баланс между свободой и безопасностью будет смещаться, ценность осознанного отказа от свободы может остаться в глобальном обществе и после эпидемии. При этом возникает новая востребованность в государстве как фундаментальном институте общественной жизни. Суверенное государство остаётся единственным институтом, способным действовать организованно и эффективно в условиях общих угроз.

В глобальном обществе риска нет места потреблению как единственной цели существования, ему необходимы духовные ориентиры. Обще-

ственный интерес становится выше рыночного, возрастает ценность устойчивости социальных и политических процессов. Дихотомия «демократия – авторитаризм» во многом утрачивает смысл, поскольку дееспособность государств будет связана больше с культурой и традицией, чем с политической формой. В условиях перехода к «облачной экономике» с её требованием высокой мобильности труда, идеологической основой нового миропорядка становится множественность культурных укладов общества (см. прим. 6). Уходит в прошлое созданный в период «холодной войны» основанный на балансе сил миропорядок, возникает многополюсность. Доминирование группы стран с неолиберальной экономикой заканчивается. Мир входит в полосу конкуренции новых игроков. На повестке дня стоит создание новых социальных институтов, которые обеспечат интересы групп людей, занятых в глобализированных сегментах мирового хозяйства. Возникает запрос на глобальную солидарность.

Какими могут быть цивилизационные ориентиры Украины в сложившейся ситуации? Её население разнообразно этнически и социально, и связано различными материальными и духовными отношениями со всем миром. Это определяет горизонты его возможного политического устройства, поскольку от сохранения институционального многообразия зависит какое устройство страны будет принято людьми, а какое будет отторгаться, невзирая на любые усилия со стороны власти.

Принцип соборности. Народу Украины, издавна была свойственна идея республики как формы организации политической жизни. Это находило своё выражение как в практиках материальной, хозяйственной жизни (например, «толока»), так и в практиках, а также связанных с ними формами политической жизни (принципы выборности и самоуправления). Но это лишь внешняя сторона общественной жизни, которая была возможна лишь на духовной основе, в центре которой всегда был принцип соборности. Соборность – это внутренне органичное единство, лежащее в основе общезнания, которое проявляет себя как принцип совместного обсуждения и решения важнейших общенациональных вопросов на собрании народных представителей. Этот принцип выражает глубинную духовную общность народа, состоящего из многих разных, но живущих вместе людей.

Соборность не представляет собой некоторого исключительного свойства украинского или даже славянского менталитета. Она не являет собой и признака исключительно религиозных общностей, будучи в нашей культуре фундаментальным принципом общественной жизни как таковой. Согласно этому принципу: каково наше общество, таковы и мы. Все участники общественной жизни устремлены к единому, возвышаю-

щему духовному началу, но понимают его по-разному. Для верующего человека это — Бог. Неверующие также могут быть одухотворены, включены в соборность. Материалисты не отрицают существования духовности, они лишь иначе понимают её природу. Можно вспомнить слова академика Б.В. Раушенбаха, который, говоря о духовном бытии человека, употреблял для его обозначения особое понятие — «четвёртое измерение».

Соборность — это свободное единство людей, в котором каждый из них становится личностью, занимая своё неповторимое и необходимое место в ряду с другими, отличающимися от него, но духовно устремлёнными личностями. Так принцип соборности соотносится с принципом гуманизма. Соборность же реализуется исключительно в свободном взаимодействии личностей. Пространством такой соборной свободы людей и призвана стать Украина. В этом ключе она возможна как соборная, т.е. реализовавшая в политической, социальной, экономической жизни принцип общности людей. Иначе она будет оставаться сообществом, которое удерживается лишь силой или не имеющими отношение к народной жизни внешними обстоятельствами.

В разные исторические времена собрание людей в общее дело, в республику производилось разными общественными институтами. В прежнюю эпоху соборность удерживалась церковью как монопольным социальным институтом. Так было, например, в республике запорожцев. Позже, в процессе индустриализации и возникновения светской власти, принцип соборности был реализован на внецерковных духовных основаниях, в частности, в деятельности советов, местного самоуправления и неправительственных организаций. Можно по-разному относиться к идеям социализма и коллективизма XX века, но эти идеи были в значительной степени приняты народом как духовная основа не в последнюю очередь потому, что совпадали с органически присущим народной жизни принципом соборности.

Цивилизационный принцип соборности сегодня как никогда выступает необходимым фундаментом обновления общественной жизни Украины. Народ следует понимать не в логике исчерпавшего себя рыночно-либерального индивидуализма, а в логике духовного, политического, экономического и культурно-психологического исторического единства. Такого единства в условиях нынешнего века достичь будет сложно, но это единственный вариант создания устойчивого и самостоятельного общественного и государственного обустройства.

Выводы. Мир переживает геополитическую, геоэкономическую и геокультурную перестройку, связанную с переходом к многополюсному миропорядку. «Беззападность», возрастание роли России и Китая создает

новую систему координат, в т.ч. и цивилизационного развития. Украине необходимо создавать новую социальную систему, которая давала бы возможность участвовать в новом разделении труда. На этапе перехода к созданию независимого государства, по внутренним причинам, совпадавшим с логикой глобального неолиберализма и индивидуализации, в Украине произошло отрицание коммунистического коллективизма.

Этот этап исторически исчерпан, возникают внутренние (кризис политического устройства) и внешние (кризис однополюсного миропорядка) условия, делающие необходимым переосмысление характера и содержания цивилизационных ориентиров дальнейшего развития Украины. Одним из таких ориентиров может стать принцип соборности, на основе которого возможно создание нового основания для социального синтеза.

Примечания

1. См.: Президент Зеленский: откуда взялись 73% и что будет дальше – <https://delo.ua/economypoliticsinukraine/prezident-zelenskij-7-mnenij-o-sekrete-ego-pobe-352642/> (дата обращения – 21.06.2020).

2. См.: Щербина В. Повестки общего в Украине: от демократического транзита к неопатримониализму, этнонационализму и техноутопизму – <http://project705127.tilda.ws/povestka-obshego-v-ukraine> (дата обращения – 21.06.2020).

3. См.: Щербина В. «Новая определённость» – итог украинской революционной пятилетки 2013-18гг. – <http://sg-sofia.com.ua/novaya-opredelennost-ukrainskoj-revol-5letki-2013-2018> (дата обращения – 21.06.2020).

4. См.: Украина: национальный транзит – <http://newukraineinstitute.org/media/news/719/file/Ukr%20Transit.pdf> (дата обращения – 21.06.2020).

5. См.: Щербина В. Познание кризисного общества: между парадигмой порядка и парадигмой конфликта – <http://project705127.tilda.ws/poznaniye-krizisnogo-obshestva-mezduparadigmoj-poryadka-i-konflikta> (дата обращения – 21.06.2020).

6. См.: Щербина В. Проблемы и основания интеграционных процессов в культурно многоукладном обществе – <http://project705127.tilda.ws/problemi-osnovaniya-integracionnih-prozessov-v-kulturno-mnogoukladnom-obshestve> (дата обращения – 21.06.2020).

Поступила в редакцию 01.05.2020 г.

Раздел III. Некоторые проблемы цивилизационного развития современной России

UDC 316.42

DOI: 10.30936/2227-7951-2020-12-248-253

Т.В. ГОРДОВА, Г.К. КОРНЕЕВА

О ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПЕРСПЕКТИВАХ СОВРЕМЕННОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация: Одно из фундаментальных цивилизационных изменений в сфере образования связано с повсеместной цифровизации общества в условиях пандемии Covid-19, которая ускорила переход всего образования в цифровую сферу обучения. Статья представляет собой размышления авторов о состоянии и перспективах развития отечественного образования в свете новых реалий времени. Являясь приверженцами классического образования, авторы статьи основной упор сделали на трансформацию функций образования как социального института.

Abstract: Today's fundamental civilizational changes in the field of education are taking place against the background of widespread digitalization of society and in the context of the Covid-19 pandemic, which accelerated the transition of all education to the digital sphere of education. The article represents the authors' thoughts on the state and prospects of development of domestic education in the light of the new realities of the time. Being adherents of classical education, the authors of the

---

Гордова Татьяна Викторовна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и права Рязанского государственного радиотехнического университета им. В.Ф. Уткина (Рязань). E-mail: gordova48@mail.ru.

Корнеева Галина Константиновна – кандидат психологических наук, доцент кафедры истории, философии и права Рязанского государственного радиотехнического университета им. В.Ф. Уткина (Рязань). E-mail: galinka.korneeva.1960@mail.ru.

article made the main emphasis on the transformation of the functions of education as a social institution.

Ключевые слова: *цивилизация, общество, образование, система образования, социальный институт, цифровизация.*

Keywords: *civilization, society, education, education system, social institution, digitalization.*

Постановка проблемы. С появлением первых европейских университетов образование рассматривалось как ведущий социальный институт власти и цивилизационного прогресса (см. прим. 1). Структура института образования находится в зависимости от социально-экономических изменений государственной системы и качества цивилизации. Двойные стандарты, прослеживающиеся в политике современных государств, косвенно сказываются и на системе образования, педагогические нововведения которого нельзя оценивать однозначно. В качестве примера можно рассмотреть Болонский процесс. В 1999 г. в Болонье представителями 29 стран Европы была подписана Болонская декларация. В ней была провозглашена ведущая роль университетов в становлении единого образовательного пространства в Европе. Так было положено начало известному всем Болонскому процессу (см. прим. 2).

Наша страна вступила в число участников Болонского процесса в 2003 г. А в 2005 г. в России началась очередная реформа — на этот раз модернизация образования. Какой смысл вкладывается в термин «модернизация»? Что это? Обновление частичное или полное, совершенствование, поправка, фундаментальное цивилизационное изменение или что-то другое? Видимо, никто так толком и не понял.

А ведь несомненным достоинством образовательной системы Советского Союза была возможность массового вовлечения в интеллектуальную, творческую деятельность молодежи, что позволяло выявлять и поддерживать таланты в разных направлениях. Более того, это являлось фундаментальной цивилизационной характеристикой общества. России важно сегодня формировать собственную позицию в этом вопросе, опираясь на достижения советского периода, но и не отрицая при этом мировой опыт. Например, в аспекте воспитательной парадигмы необходимо формировать смысложизненные ориентации обучающихся с учетом современных реалий социума и тех рисков, которые его обуславливают. В частности, это социальное неравенство, молодежные субкультуры, потребительская идеология, тотальная недифференцированная информатизация и пр. Опираясь на традиции мировой и отечественной педагогики, можно сформировать личность, обладающую развивающим, регулятивно-профилактическим и жизнеспасающим потенциалом.

Решения, имеющие отношение к цифровизации высшего образования.

25 октября 2016 г. в России был утвержден проект «Современная цифровая образовательная среда». Это был своеобразный ответ на вызовы, стоящие перед системой образования в целом. MOOCs – массовые онлайн-курсы хорошо себя показали и стали постоянной, неотъемлемой частью образования многих стран, их внедрение стало возможным за счёт появления онлайн технологий, для которых имеют малое значение как расстояния, так и время. По оценкам экспертов, в ближайшее время исчезнут многие устоявшиеся профессии, и перед людьми встанут задачи переквалификации.

Основными целям данной программы являются:

- создание ресурса одного окна (РОО) – единый ресурс для всех онлайн курсов;
- цифровое портфолио;
- оценка курсов, как экспертная, так и пользовательская;
- создание региональных центров по подготовке кадров и административных сотрудников.

28 июля 2017 г. председателем правительства РФ Д. Медведевым было подписано распоряжение, утверждающее программу «Цифровая экономика Российской Федерации», реализация которой намечена на 2024 г. и связана с другой программой – «Стратегия развития информационного общества». Сам термин «цифровая экономика» был определен как «хозяйственная деятельность, ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме, которая способствует формированию информационного пространства с учетом потребности граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений» [1].

В программе были определены пять основных направлений развития:

- нормативное регулирование;
- кадры и образование;
- формирование исследовательских и технических компетенций;
- информационная инфраструктура;
- информационная безопасность.

Высшая школа и цивилизационные вызовы России. Рассматривая современную систему образования, нельзя исключать те цивилизационные вызовы, которые в настоящем времени были брошены нашему обществу. В середине декабря 2019 г. было выявлено распространение новой коронавирусной инфекции – Covid-19 (см. прим. 3). Системе образования пришлось ускоренными темпами продолжить переход в цифровую сферу обучения. Что это? Частное отступление от базового качества системы или необратимый шаг на пути цивилизационных изменений?

Большинство учебных заведений были попросту не готовы к такому разворачиванию событий. Возникли проблемы как с техническим оснащением участников образовательного процесса, так и с наполняемостью дистанционных курсов. В нашей стране вузы перешли на удаленные формы обучения 16 марта 2020 г. Среди основных требований к университетам в связи с этим было — сохранение качества образования (см. прим. 4).

Следует отметить такой аспект как поддержание благодаря системе образования национально-этнических особенностей, общностей, сохранение национальной культуры. Это позволяет системе образования формировать социально-патриотические и нравственные ориентиры.

Еще одной функцией института образования является приобщение молодежи к жизни в обществе, ее социализация и интеграция в социальную систему, в т.ч. цивилизационное пространство современной России. Эта функция, безусловно, зависит от тех идеологических, морально-этических, религиозных принципов и идеалов, которые господствуют в том или ином социуме. При этом следует понимать, что не всегда декларируемые государством идеи гуманизма и ценности человеческой личности соответствуют заявленным целям. М. Фуко в своих исследованиях политических технологий западного общества показывает, что идея гуманистического всестороннего развития индивида служит в действительности формированию капиталистической формации. Образование при этом является механизмом принудительной «нормализации» индивидов, мерилom успешности которых служит рынок. Это порождает «человека «без лица», личность которого стремительно теряет свои индивидуальные особенности, «самость», превращаясь в «одномерного человека» [4; 6].

Необходимо выделить и такие функции института образования как формирование социального и культурного изменения общества, обогащение культурного багажа общества и передача его будущим поколениям. В результате воспитывается человек, имеющий целостную картину мировосприятия. Другой тип культуры, как отмечает А. Моль, исследователь проблем коммуникации, формируется из мифов и образов, источником которых являются средства массовой информации, а также беседы с окружающими людьми. Эта информация не имеет структуры, не несет в себе знания. Автор назвал это явление «мозаичной культурой» [3; 5].

Несмотря на то, что тенденции развития образовательной системы в России предполагают расширение прав и свобод образовательных учреждений в отношении образовательных программ, существует проблема в построении социального взаимодействия в системе «учитель-ученик». Этот процесс не может быть эффективным, если регламентирован лишь формальным установлением социальных ролей и нормативными актами.

Без непосредственного контакта, дающего возможность эмпатичному сопереживанию, пониманию индивидуально-психологических особенностей личности учащегося, его ценностей и потребностей не может быть плодотворного образовательного процесса [2].

Таким образом, современной системе образования России нужно пройти еще очень большой путь до того момента, как она сможет удовлетворять потребности рынка труда, измененного цифровой экономикой. Некоторые факторы сейчас способствуют более скорым изменениям в системе услуг и, что немаловажно, в умах их потребителей.

Вместо выводов. И в заключение следует сказать, что позиция авторов, на первый взгляд, покажется крайне консервативной, но здесь следует внести некоторую ясность. Безусловно, высшая школа должна меняться, но инновации должны быть осмысленными, и, естественным образом, органично вливаться в образовательный процесс. Из этого следует, что институт образования по природе своей консервативен. Поэтому любые инновации в системе образования должны внедряться аккуратно и осторожно. Вопрос о цивилизационных перспективах цифровизации высшего образования также следует рассматривать скрупулезно и с большой ответственностью. Ведь из всех социальных систем, функционирующих в нашей стране, лишь система образования пока не проиграла соревнование с Западом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордова Т.В., Дронов В.Н., Куприянова М.В. Совершенствование системы образования в условиях внедрения цифровой экономики // Личность. Культура. Общество. – 2019. – Т. 21. – № 3-4 (103-104). – С. 176-182.
2. Корнеева Г.К. Формирование критического мышления и профессиональная подготовка в системе высшего образования // Межвузовский сборник научных трудов, выпуск № 3 Гуманитарный институт «Направления и формы гуманитаризации высшего образования. – Рязань, 2013. – С. 23-25.
3. Моль А. Социодинамика культуры. – М.: Прогресс, 1973. – 305 с.
4. Сухов А.Н. Социальная психология образования. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2015. – 165 с.
5. Сочивко Д.В. Расколотый мир. Опыт анализа психодинамики человека в экстремальных условиях жизнедеятельности. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 304 с.
6. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В.П. Визгина и Н.С. Автономовой. – СПб.: А-сad, 1994. – 408 с.

Примечания

1. Под социальным институтом мы понимаем устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, ценностей, норм, установок, регулирующих функционирование официальных организаций и социальных групп, образующих социальную систему. Другими словами, социальный институт представляет собой совокупность социальных ролей и статусов, соблюдение которых необходимо для удовлетворения социальных потребностей.
2. Болонская система включает в себя специальную кредитную зачетную систему, самостоятельно выбираемую обучающимися образовательную траекторию, и предполагает

автономии вузов. Грантовая система работы научно-педагогических кадров, с одной стороны, обеспечивает их мобильность, но, с другой стороны, является скрытым механизмом покупки ученых, ущемляя развитие массового образования. Эта система предполагает экономии бюджетных средств, но в тоже время мы видим стагнацию в области государственной системы образования.

3. Начавшись в Китае, она очень быстро распространилась по миру, приведя в замешательство правительство всех стран. Основными причинами невнятных действий которых явились неготовность медицинской системы ни одной страны к пандемии, и слишком позднее возникновение симптомов заражения. По этим причинам Китай первым, а остальные страны за ним, начали вводить различные ограничения, направленные на минимизацию потока больных в больницы и уменьшения нагрузок на медицинскую систему. Основным направлением данных ограничений было уменьшение контактов между людьми до минимума, так как это был главный способ передачи вируса.

4. Согласно социологическим исследованиям Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), которые проводились 14-16 мая 2020 года, система высшего образования достойно справилась с переходом на дистанционное обучение в основном благодаря тому, что преподаватели перешли практически на индивидуальную работу со студентами. Две трети из числа опрошенных (800 обучающихся) дали положительную оценку организации процесса дистанционного обучения. Более половины из числа опрошенных отметили значительное увеличение нагрузки как на преподавателей, так и на самих обучающихся. Также, более 50 % опрошенных отметили высокий уровень дистанционных курсов. Неудовлетворительную оценку организации дистанционного обучения дали 26% опрошенных. Около 40% респондентов высоко оценили и техническое оснащение образовательного процесса.

Среди плюсов дистанционного обучения студенты выделили следующие:

- экономия времени и затрат на проезд к месту обучения;
- возможность свободно планировать свое время и обучаться в удобное время из любой точки местонахождения;
- возможность работать в своем темпе с учетом своих психологических особенностей;
- доступность разнообразных учебных материалов;
- мобильность, то есть оперативная связь с преподавателями разными способами как on-line, так и off-line.

Но это только одна сторона медали. Минусов дистанционного обучения ничуть не меньше. Во время традиционного учебного процесса нашу концепцию поддерживает множество факторов: вуз на подсознательном уровне начинает ассоциироваться с умственной деятельностью, соревновательные и игровые элементы обучения в группе, проявление эмпатии к преподавателю, искренне старающемуся донести информацию. В случае же с удаленным обучением, без внешних воздействий, концентрация поддерживается мотивацией, силой воли и энтузиазмом, количество раздражителей, отвлекающих от процесса обучения – увеличивается, а дом, который должен ассоциироваться с местом отдыха – теряет свою значимость в данном аспекте.

Дистанционное образование не способствует развитию коммуникабельности, умению работать в коллективе, команде, получению практических навыков и умений. И если плюсы ощутимы сразу, то минусы имеют скрытую форму, они проявятся позднее, когда выпускник столкнется с необходимостью работать в коллективе и применять полученные знания на практике. Выпускники вузов этого и следующего годов попадут не на растущий, а на стагнирующий рынок, на котором им придется доказывать свою квалификацию в конкурентной борьбе с более опытными людьми. Но самый большой минус неконтактного обучения – это утрата ключевых традиционных функций института образования.

Поступила в редакцию 10.05.2020 г.

UDC 316.43

DOI: 10.30936/2227-7951-2020-12-254-262

В.С. ДИЕВ

УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: К ПОСТРОЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ

***Аннотация:** Сегодня эффективное управление становится не только фактором, но и важнейшим ресурсом развития любой страны. Национальная модель управления при этом является условием эффективности практики управления. Статья посвящена междисциплинарной проблеме формирования российской модели управления, что требует привлечения подходов, разработанных в различных отраслях знаний. Показано, почему данная проблема нуждается в философском осмыслении.*

Рассмотрены причины, препятствующие формированию российской модели управления. Отмечено, что базовыми ценностями современной российской организационной культуры являются патернализм и безопасность. Сделан вывод о том, что подобная система ценностей существенно затрудняет процесс построения инновационной экономики в нашей стране. Отмечено, что одной из задач философии управления должно стать выявление тех национальных традиций и элементов культуры, которые наиболее совместимы с современными методами и системами управления.

***Abstract:** today, effective management is becoming not only a factor, but also an important resource for the development of any country. The national management model is a condition for effective management practices. The article is devoted to the interdisciplinary problem of forming the Russian model of management, which re-*

Диев Владимир Серафимович – доктор философских наук, профессор, директор Института философии и права Новосибирского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (Новосибирск). E-mail: diev@smile.nsu.ru.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00452

quires the use of approaches developed in various fields of knowledge. It is shown why this problem needs a philosophical understanding.

The reasons that interfere to the development of the Russian management model are considered. It is noted that the basic values of the modern Russian organizational culture are paternalism and security. It is concluded that such a system of values significantly complicates the process of building an innovative economy in our country. One of the tasks of the philosophy of management should be to identify those national traditions and elements of culture that are most compatible with modern management methods and systems.

Ключевые слова: *культура, организация, рациональность, управление, принятие решений, риск, ценности, методология, субсидиарность.*

Keywords: *culture, organization, rationality, management, decision making, risk, values, methodology, subsidiarity.*

Введение. Полагаю, не требует обоснования тезис о том, что Россия — не просто страна, а отдельная цивилизация, с более чем тысячелетней историей, точно так же, как, особая цивилизация в Китае. Что же касается будущего нашей цивилизации, то тут, на мой взгляд, вопрос является открытым. У Виктора Пелевина в романе «Чапаев и Пустота» приведен такой диалог: «Мне не понравился их комиссар, — сказал я, — этот Фурманов. В будущем мы можем не сработаться. — Не забивайте себе голову тем, что не имеет отношения к настоящему, — сказал Чапаев. — В будущее, о котором вы говорите, надо еще суметь попасть. Быть может, вы попадете в такое будущее, где никакого Фурманова не будет. А может быть, вы попадете в такое будущее, где не будет вас» [4, 99]. Вслед за Пелевиным, хочу задать вопрос: в какое будущее попадет Россия, и останется ли она при этом особой цивилизацией

Положительный ответ на поставленный вопрос, как мне представляется, будет получен только тогда, когда в нашей стране сложится эффективно работающая система управления. Сейчас, к сожалению, у нас такой системы нет. Причем это в полной мере относится ко всем уровням и сферам хозяйственной жизни РФ: начиная от предприятия, организации, фирмы и заканчивая федеральным центром.

Сегодня эффективное управление становится не только фактором, но и важнейшим ресурсом развития любой страны. Уже в первой половине двадцатого века, после работ А. Файоля стало понятно, что управление — атрибут не только производства, но и неотъемлемая часть любой человеческой деятельности, где требуется задействовать знания и способности людей. В управлении нуждаются школы и фабрики, больницы, супермаркеты и футбольные клубы. После появления теории управления, уже

более ста лет во всем мире существует признание и осознание того факта, что управлять нужно, опираясь на науку, более того, этому необходимо учить, и что самое главное – управление, в основе которого лежат специальные знания, намного эффективнее других методов!

Можно привести достаточно много определений термина «управление», отличающихся степенью общности, но при всех различиях в дефинициях, основными элементами являются объект, субъект, цели, средства, результаты и условия (см. прим. 1).

Некоторые особенности российского управления. За последние тридцать лет в России не сформировалась отечественная модель управления, что является, на мой взгляд, одной из причин его неэффективности в нашей стране. Замечу, что в свое время существовала советская модель управления. При этом все эффективно «работающие» модели управления имеют явную национальную специфику, будь то немецкая, китайская, американская, японская, шведская или финская модель. Основное значение национальной модели заключается в том, что она позволяет ввести руководителя, управленца, менеджера в определенную парадигму, вооружить своеобразной «идеологией», и, как показывает мировой опыт, повышает эффективность управления на всех уровнях. Эта модель является частью системы макроуправления и определяет «правила игры» во всех сферах.

Успешные национальные модели управления сегодня широко известны. Подчеркну лишь, что каждая из них уникальна, а цивилизационные особенности могут тормозить или наоборот усиливать универсальные тенденции, присущие процессам управления. Говоря о национальной модели управления, нельзя не сказать о работах А.П. Прохорова. Он исходит из того, что «в каждый момент русская система управления пребывает в одном из двух состояний – или в состоянии стабильном, застойном, или же переходит в нестабильный, аварийно-мобилизационный, кризисный режим работы. В стабильном состоянии управление осуществляется неконкурентными, административно-распределительными средствами. С переходом к нестабильному состоянию стиль действий всех управленческих звеньев коренным образом меняется. Система управления становится агрессивно-конкурентной. Но эта конкуренция имеет мало общего с конкуренцией в западном понимании, поэтому она и не кажется таковой» [5, 84].

А.П. Прохоров убедительно показывает, что в стабильном состоянии российская модель неэффективна, но когда система переходит в нестабильный, аварийный режим работы, то, для того чтобы преследовать свои интересы, все звенья системы управления вынуждены работать результативно. При стабильном состоянии реформы невозможны. Для достижения серьезного успеха требуется перевести систему управления в неста-

бильный режим. А.П. Прохоров обосновывает свои положения, используя многочисленные исторические примеры. В частности, он отмечает, что «поскольку русская модель управления формировалась фактически в военных условиях, то она работает результативно лишь в том случае, если лютость собственного начальства становится сопоставима с жестокостью внешнего врага. То есть начальству, чтобы добиться значимого результата, должно прибегнуть к такому размаху репрессий по отношению к собственным подчиненным, к какому прибегали внешние захватчики. Система реагирует только на лютого врага, и пока начальник таковым не станет, не заработает» [5, 101-102].

Многие исследователи, приводя примеры успешного развития нашей страны, часто называют три периода: петровский, александровско-николаевский и ленинско-сталинский, большевистский. Это яркие примеры авторитарных моделей управления, которые сопровождались огромными общественными издержками и человеческими потерями. Страна добивалась успехов, но в условиях жестко централизованной власти. Возникает вполне естественный вопрос: почему российский народ привержен не демократическим ценностям, а авторитарному правлению, наведению порядка «железной рукой». Ответы на эти вопросы дает А.П. Прохоров в рамках своей модели. Полагаю, что подходы к анализу национальной специфики управления, разрабатываемые в его работах, представляют значительный интерес, но, прежде всего, для объяснения исторического опыта управления в нашей стране. Вместе с тем, считаю, что эта модель является описательной, и обращенной в прошлое. Говоря о дне сегодняшнем, замечу, что хотя многие наблюдения А.П. Прохорова представляются верными и актуальными, но они недостаточны для анализа современной практики управления. Считаю, что сегодня следует говорить о российской модели управления, которая должна быть обращена в будущее.

Важно зафиксировать также тот факт, что за последние тридцать лет в России так и не сформировалась национальная модель управления. На это имеется несколько причин, но важнейшая из них заключается в том, что отсутствует четкое понимание направления развития страны. Модель будущего страны определяет и ее настоящее. Не имея ориентиров развития, нельзя говорить о построении национальной модели управления, которая должна служить своеобразным «механизмом», с помощью которого достигаются цели, стоящие перед страной.

В современном российском обществе налицо явный дефицит стратегической ясности. При том, что выбор вектора цивилизационного развития — это кардинальный вопрос для будущего страны, без которого не-

возможно формирования модели управления. Представляется, что Россия должна отбросить сегодняшнюю модель сырьевого экспортера, которая не дает никаких перспектив большинству хорошо образованного, урбанизированного населения страны.

Проблемы формирования российской модели управления. Данная задача является междисциплинарной проблемой, поскольку она требует привлечения целого спектра подходов, разработанных в различных отраслях знаний. Задача отчасти облегчается тем, что в последние годы стала складываться новая отрасль философского знания — *философия управления*. Она призвана служить общим концептуальным и междисциплинарным основанием, обеспечивающим целостное восприятие и понимание феномена управления. Кроме того, любая отрасль знания, достигнув определенной стадии зрелости, требует философского осмысления собственных оснований, и управление не является исключением в этом ряду [3]. Философия позволяет рассматривать феномен управления в единстве науки, практики и искусства.

Можно сказать, что управление «погружено» в культуру, и его философия обязана исходить из этой посылки. Полагаю, что феномен управления должен рассматриваться только в контексте национальной культуры, традиций и менталитета. Представляется, что трудности становления рыночной экономики в нашей стране во многом порождены именно недоучетом особенностей российской истории и менталитета. Национальные традиции и психология коллективизма не могли быть трансформированы в западноевропейский «законопослушный индивидуализм» за короткий период.

Полагаю, что выявление той части национальных традиций и культуры, которая наиболее совместима с современными методами и системами управления, должно стать одной из главных задач философии управления. Наряду с национальной культурой той или иной страны очень важную роль в процессах управления играет и культура конкретной организации, содержащая собственные способы взаимодействия людей внутри. Любая организация, имеющая свою историю, в понятие «культура» включает общие подходы к решению различных проблем внутренней регуляции и адаптации к внешним условиям, принятые и выработанные в ней.

Таким образом, термином «организационная культура» буду обозначать комплекс основных подходов, которые доказали свою эффективность и которым необходимо обучать новых сотрудников с целью формирования у них восприятия и осмысления, характерного для данной организации. На основе целей, ценностей, образцов деятельности и норм поведения, принятых в организации, формируются социальный опыт и стерео-

типы восприятия мира, которые организационная культура хранит и транслирует членам организации. Важно понимать, что культура — не объект манипулирования. Она создается людьми и вместе с тем «управляет» их деятельностью. Это принципиально важно потому, что большинство элементов эффективного управления (постановка задачи, оценка, контроль, установление обратной связи и т.д.) в каждой организации до определенной степени определяется культурой. Как сказал Питер Друкер: «Культура съедает стратегию на завтрак». Если работники, включая руководителей, не приняли соответствующие модели поведения, то никакой стратегии не будет, и, следовательно, никаких значимых стратегических целей компания не сможет достичь.

Чтобы описать национальную модель управления, чаще всего используют концепцию, предложенную Г. Хофстедом. Он выделяет, как известно, пять основных параметров различий между национальными культурами управления, которые он ввел: дистанция власти; коллективизм—индивидуализм; мужественность — женственность; избегание неопределенности; долгосрочная — краткосрочная ориентация. При этом степень избегания неопределенности и риска служат одной из важнейших характеристик, с помощью которой описывается организационная культура.

Россию всё чаще называют «обществом риска», причем, вполне справедливо. Отечественное управление — это управление именно в условиях риска, который является атрибутом любой рыночной экономики. Риск напрямую связан с проблемами *безопасности*, которая часто рассматривается как антипод риска, выступает в качестве одной из основных ценностей современного российского общества, нередко используемой для обоснования и оправдания различных политических, экономических, военных, административных и других решений. Замечу, что безопасность понимается, прежде всего, как выживаемость, т.е. не развитие, а сохранение ранее приобретенного. Сегодня отношение к риску является важнейшей частью культуры организации, поскольку реализация стратегии ее развития невозможна без риска. К сожалению, современная российская организация характеризуется как система, обладающая высокой степенью избегания неопределенности и риска, как это было и в советское время [2].

Наряду с безопасностью другой базовой ценностью российской организационной культуры является *патернализм* [2]. Речь идет о такой форме управления, при которой руководство организации проявляет покровительственное отношение к своим сотрудникам и к защите их интересов. Такой стиль управления характерен для стран с патриархальными традициями (Япония, Китай, Южная Корея). Однако, если азиатский патернализм близок к авторитарному стилю управления, то российский

патернализм основан на принципе общинного коллективизма, т.е. на договоре между руководством и членами организации, согласно которому, при сохранении личных интересов руководитель берет на себя ответственность за безопасность и удовлетворение потребностей своих подчиненных.

Таким образом, в фундаменте ценностей современной российской организационной культуры лежат безопасность и патернализм. Этот факт приводит к неутешительному выводу о том, что подобная система ценностей существенно затрудняет процесс построения инновационной экономики в нашей стране. Макс Вебер писал, что политика есть «мощное медленное бурение твердых пластов». И это — не просто образное сравнение. «Твердые пласты» — национальный менталитет, культурная специфика управления, которые, действительно, с большим трудом поддаются каким-либо изменениям. Сегодня метафору М. Вебера в полной мере можно отнести и к отечественной практике управления. Но мне хочется надеяться, что в будущем на смену ей придёт толерантное отношение к риску, а принцип персональной ответственности заменит патернализм.

Цивилизационные приоритеты современной системы управления в России. Сегодня такая система строится по принципу «вертикали власти». Можно сказать, что это — иерархия современного типа, которая призвана использовать имеющийся конструктивный потенциал иерархического способа управления. Я не оговорился, у иерархического способа управления действительно есть немало достоинств. Но, если исходить из целей, которые ставит руководитель перед организацией. Напомню, что управление — это всегда целенаправленная деятельность человека. Иерархическая структура обладает устойчивостью, но она зависит от «центрального звена», т.е. от высшего должностного лица. Если последнее принимает неэффективные решения, то даже совершенная иерархия будет функционировать вхолостую или начнет работать на саморазрушение.

Уже в древнем Риме говорили, что армия ослов под руководством льва сильнее армии львов под руководством осла. Главный изъян пирамидальной структуры заключается в том, что вся информация, необходимая для принятия решений, концентрируется внизу иерархической пирамиды (у подчиненных), а вся ответственность и право на их принятие — наверху (у руководителя). Мне кажется, что в будущей национальной модели нужно переходить от «вертикали» к модели *субсидиарности*, согласно которой принятие управленческих решений должно осуществляться на самом низком или наименее централизованном уровне власти. Необходимость такой модели наглядно продемонстрировала ситуация с коронавирусом, когда стало ясно, что принятие многих решений надо передать на места, а не пытаться принимать все решения в федеральном центре.

Как известно, «вода камень точит». Иерархические организации, об­разно говоря, это — «камень» управления. Их жесткие и устойчивые во времени структуры отличаются постоянством отношений, связей и строгой социальной формализацией. Альтернативной структурой, обладающей диаметрально противоположными свойствами, является сеть. Уточняя поговорку, можно сказать, что сеть — это и есть «вода». Она не имеет устойчивой формы. Сетевые организации представляют собой малые сообщества, интегрированные общей целью, для достижения которой, самостоятельные субъекты создают временные коалиции. В них отсутствует формальное разделение ролей по рангам и, следовательно, нет «центрального звена», обладающего властными полномочиями. Одна из современных управленческих идей заключается в том, чтобы иерархические системы заменить «горизонтальными», в которых координация должна осуществляться не на иерархических принципах, а самими рабочими группами, объединёнными в сеть.

Заключение. Как утверждают многие эксперты, сегодня сетевые структуры уже получили существенные преимущества перед традиционной управленческой иерархией. Ключевым фактором стало развитие сети Интернет, что позволило преодолеть главное ограничение, прежде сдерживавшее экспансию сетевых структур, в т.ч. развитие прямых межличностных коммуникаций. Эффективные сетевые проекты могут реализовываться только в достаточно развитом и большом сетевом сообществе. До информационной революции не существовало технических возможностей обеспечения прямых контактов между достаточно большим числом субъектов. Она же способствовала экспоненциальному росту непосредственных контактов, формируя на базисе информационной сети масштабную социальную сеть.

Уже сегодня в России многие организации реформируют свою как структуру, так и культуру, включая в них сетевые элементы. Такое применение принципов сетевой методологии превращает их в организации квазисетевые, способные успешно адаптироваться в динамично меняющейся среде. Наиболее распространенным способом адаптации сетевых принципов является создание в рамках иерархической организации временных проектных структур.

Такие проектные структуры, с одной стороны, создаются не спонтанно, а формируются вышестоящим органом управления, а с другой, в своей деятельности они скорее напоминают сетевую организацию. Такой, «смешанный» вариант управления, популярный в наши дни, предполагает модель, далекую как от идеального типа иерархической организации, так и от идеального типа сетевой организации. Одно из принципиальных

отличий адаптивных организаций от классической рациональной бюрократии заключается в том, что они поддерживают инициативу низового звена сотрудников и руководителей. Кроме того, в таких организациях реализуется принцип субсидиарности. В них по другому строится система мотивации сотрудников и наряду с традиционными способами используется стремление сотрудников к самореализации. Сегодня в сфере интеллектуальной деятельности адаптивные организации уже доказали свою эффективность.

В очередной раз напомним, что управление – это целенаправленная деятельность. Поэтому сначала должна быть поставлена цель, и только потом можно говорить о формировании национальной модели управления в условиях российской цивилизации. Выбор вектора цивилизационного развития страны не прост. Эта проблема требует философского осмысления, поскольку этот выбор носит ценностный характер и опирается на национальную историю и культуру. Отмечу, что при построении будущей российской модели управления, необходимо выявить те элементы национальных традиций и культуры, которые наиболее совместимы с передовыми методами и системами управления. А это уже задача философии управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Диев В.С. Управление. Философия. Общество // Вопросы философии. – 2010. – № 8. – С. 35-41.
2. Диев В.С., Лыгденова В.В. Российская организационная культура: традиции и вызовы глобализации // Ценности и смыслы. – 2011. – № 5. – С. 101-111.
3. Диев В.С. Философия управления: область исследований и учебная дисциплина // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 2. – С. 59-66.
4. Пелевин В. Чапаев и Пустота. – М.: Вагриус, 1996. – 400 с.
5. Прохоров А.П. Русская модель управления. – М.: Эксмо, 2007. – 496 с.

Примечания

1. Управление может быть определено как преобразующая и направляющая деятельность, осуществляемая субъектом по отношению к объекту управления, обеспечивающая достижение заданной цели. Это – процесс воздействия субъекта на объект, направленный на упорядочение, сохранение, разрушение или изменение системы объекта в соответствии с поставленной целью [1]. Принципиально важно подчеркнуть, что управление – это целенаправленная человеческая деятельность.

Поступила в редакцию 10.05.2020 г.

UDC 304.2

DOI: 10.30936/2227-7951-2020-12-263-275

Р.Я. ПОДОЛЬ

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ПРОЕКТ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

***Аннотация:** В статье предпринята попытка социально-философского анализа дистанционного образования как футурологического проекта цивилизационного развития. Посредством транспарентной методологии выявляются характерные признаки социокультурных и технико-технологических факторов, обуславливающих доминирование цифровых носителей информации над книжными печатными текстами, традиционно являвшимися источниками получения знаний и развития рефлексивного мышления.*

Ускоряющийся процесс технологической сингулярности неизбежно влечет появление разнообразных виртуальных образовательных платформ, позволяющих в режиме онлайн без особых мыслительных усилий «скачивать» модусы готового информационного продукта. Расширяющиеся технологии дистанционного доступа к информативным аналогам знаний, по мнению автора, способствуют развитию новой симптоматики социального инфантилизма, идентифицированного как когнитивный инфантилизм. Дистанционное образование является объективным трендом цивилизационного развития, поэтому возникает актуальная потребность в фундаментальных исследованиях этого социального феномена в предметном поле философско-педагогической антропологии.

***Abstract:** The article attempts a socio-philosophical analysis of distance education as a futurological project of civilizational development. Using the transparency methodology, we identify the characteristic features of socio-cultural and technical-technological factors that determine the dominance of digital media over printed books, which have traditionally been sources of knowledge and the development of reflexive thinking.*

Подоль Рудольф Янович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (Рязань). E-mail: r.podol@365.rsu.edu.ru.

The accelerating process of technological singularity inevitably leads to the emergence of a variety of virtual educational platforms that allow you to “download” the modes of the finished information product in the shortest possible time and without much thought effort. Expanding technologies of remote access to informative analogs of knowledge, according to the author, contribute to the development of new symptoms of social infantilism, identified as cognitive infantilism. Distance education is an objective trend of civilizational development, so there is an urgent need for fundamental research of this social phenomenon in the subject field of philosophical and pedagogical anthropology.

Ключевые слова: *цивилизационное развитие, дистанционное образование, буккроссинг, когнитивный инфантилизм, технологическая сингулярность, цифровая культура, виртуальные информационные платформы, антропология.*

Keywords: *civilizational development, distance education, bookcrossing, cognitive infantilism, technological singularity, digital culture, virtual information platforms, anthropology.*

Ближайшее будущее некоторые футурологи называют не иначе как посткоронавирусной эпохой, которая многое изменит в нашей повседневной жизни. Некоторые из этих изменений происходят уже в наши дни и касаются они важнейшей сферы общественных отношений — образования. По какому пути пойдет образование под воздействием реалий цивилизационного развития — вопрос отнюдь не риторический и к нему сейчас приковано внимание всего общества.

Образование на весах рыночной экономики. Дистанционное образование как проект цивилизационного развития всё активнее входит в нашу повседневную жизнь. Обусловлено это, как минимум, двумя группами факторов: социокультурными и технико-технологическими. Будучи тесно взаимосвязанными друг с другом, они, в свою очередь, детерминированы кардинальными трансформациями глобального мира, в котором происходит переход от производительной экономической модели к потребительскому типу общественных отношений. Современная цивилизация все в большей степени характеризуется как эпоха потребительской культуры, в которой каждый произведенный продукт и даже важнейшие сферы социальной деятельности обретают свойства товарной стоимости.

Классическая модель креативного образования сформировалась в эпоху Возрождения, а как комплексная система социализации личности была обоснована выдающимся чешским педагогом Яном Коменским (1592-1670) в его труде «Великая дидактика» (1638) [2]. Им была предложена классно-урочная педагогическая система, которая выстраивалась на

творческом взаимодействии ученика и учителя. Будучи культурным отражением эпохи Возрождения, она была призвана формировать гармонически развитую и социально активную личность. Познавательная, просветительская и воспитательная функции всегда были неразрывными элементами классической образовательной системы, ориентированной на созидательную деятельность человека во всех сферах духовной и материальной культуры.

Однако, многовековая эпоха интенсивного промышленного производства, в которое вовлекалась подавляющая часть трудоспособного населения нашей планеты, подходит к завершению, уступая место шестому технологическому укладу в экономике, характерной особенностью которого станет бурное развитие нано- и роботосистемной техники, постепенно вытесняющей человека из производственной сферы.

Таким образом, произойдет своего рода цивилизационная «смена вех», в результате которой на смену общественному идеалу «человека-созидателя» придёт тип «человека-потребителя» [1; 4; 5]. Процесс этот уже начался, и он многое меняет в нашей жизни. Но до недавнего времени ему была недоступна сфера образования как особая область общественного бытия, напрямую связанная с интеллектуальными достижениями человечества. Капитализация общественных отношений покусилась и на эту область культуры с таким же меркантильным расчетом, как и в отношении к другим ресурсам.

В этом культурном «заповеднике» знания являются самым дорогим общественным достоянием, которые, посредством маркетинговых технологий XXI века, стали обретать свойства своеобразного продукта, активно востребованного на рынке образовательных услуг. Вместе с этим, образовательные учреждения, меняя свое классическое предназначение, стали активно встраиваться в шкалу экономической рентабельности, дабы занять наиболее престижную нишу на этом рынке. К этому тренду их подталкивала модернизация образования, ориентированная на потребительскую презентабельность предлагаемого знания как набора компетенций для обучения узкопрофильных специалистов. И если с рыночных позиций мы посмотрим на компетентностную парадигму образования, то она идеально соответствует шестому экономическому укладу цивилизационного развития. А дистанционные технологии обучения хорошо встраиваются в систему маркетинга рыночных критериев оценки знаний как утилитарного продукта, потребительскую стоимость которого можно исчислять по цифровому следу потребителей информационных образовательных серверов.

Тотальная цифровизация образовательных компетенций как «продуктового» набора знаний в последующем будет лишь обуславливать их эко-

номическую рентабельность на потребительском рынке узкопрофильных специальностей. А вот мировоззренческие и воспитательные компоненты образования пока никак не поддаются цифровизации, потому их экономическая рентабельность крайне сомнительна для потенциальных работодателей. Наверное, этим можно объяснить наметившееся обесценивание печатных носителей знания, каковыми традиционно являлись книги. На наших глазах происходит их вытеснение из образовательной среды путем тотальной замены цифровыми носителями информации. Как технологический инструментарий дистанционных образовательных платформ они вытесняют печатный текст из образовательного пространства не только посредством всемирной интернет-паутины, но и с помощью планшетных компьютеров и всевозможных «умных» устройств (мобильных гаджетов и пр.).

С появлением электронных библиотечных систем (ЭБС) значительно ускорился процесс дистанционного потребления информации, что, в свою очередь, обусловило изменение когнитивной значимости печатной продукции и публичных библиотек как книгохранилищ. Книгопечатание, как великое культурное достижение человечества, инициировало революционный прорыв не только в аккумулировании и ретрансляции знаний, но и в интеллектуальном просвещении людей. В этой связи замечательное изречение М. Горького: «Любите книгу — источник знания», может восприниматься уже нынешним молодым поколением как своеобразный культурный анахронизм.

Но следует признать, что цифровая трансформация печатного слова значительно продлевает книжную жизнь, которая, к сожалению, всегда была столь же уязвимой, как и зыбкое человеческое бытие. Литературный классик, придумавший замечательный афоризм: «рукописи не горят», скорее всего, выразил сокровенную мечту надежного сохранения рукописных и печатных интеллектуальных творений. История, в т.ч. и новейшая, помнит, как в огне пожаращ безвозвратно исчезали не только ценные рукописи, но и знаменитые библиотеки. И благодаря техническому прогрессу появилась реальная возможность надежного сохранения накопленных человечеством знаний путем переноса их на цифровые носители.

Но поскольку, социокультурные и технико-технологические трансформации образования взаимно обуславливают друг друга, постольку мы наблюдаем, как на смену сложившегося веками трепетного отношения к книге пришел утилитарный феномен, именуемый *буккрессингом*. В нем отражается нарастающая социокультурная мотивация людей по освобождению книг от локального «заточения» на домашних полках и в стеллажах публичных библиотек, предоставив им свободное массовое хождение из рук в руки. Считается, что идею буккрессинга предложил в 2001 г.

интернет-технолог Рон Хорнбекер, после чего она была активно подхвачена многочисленными пользователями социальных сетей. Статистика утверждает, что в настоящее время сторонников этого массового явления во всем мире насчитывается уже несколько миллионов, что превращает его в мощное общественное движение, разделяющее мировоззренческую позицию эскапизма.

А ведь в недавнем прошлом, книги сопровождали каждого человека с раннего детства в его познавательном стремлении отправиться в чарующую страну сказок и таинственных приключений. Добротно оформленные и великолепно иллюстрированные, они являлись прекрасным подарком близкому человеку на день рождения, и становилась его интеллектуальным проводником в мир знаний. К сожалению, те времена уходят, и современные издательства в большей степени ориентируются на выпуск утилитарной книжной продукции, всецело отвечающей тренду потребительской культуры. Известно, что потребительская психология, как разновидность массовой культуры, подвержена влиянию изменчивой моды, а последняя, как и социальный эскапизм, всегда выступала антиподом культурных традиций.

По мере возрастания компьютерной зависимости постепенно идет процесс расставания с книгами, которые становятся культурными беспризорниками и нередко оказываются в мусорных контейнерах. Вынужденно осиротевшие книги зачастую не находят дальнейшего домашнего или библиотечного приюта, и потому буккроссинг является своеобразной культурной альтернативой для продления их общественной востребованности. Человек, оставляющий книгу как ненужную вещь в любом людном месте – на скамейке сквера, на столике в кафе, в вагоне электрички или метро, поступает более цивилизованно, чем духовный Маугли, выбрасывающий книги на помойку.

Буккроссинг, как цивилизационное отражение утилитарной культуры, оказывает определенное влияние на эволюцию образовательного пространства, в котором существенно увеличивается значимость цифровых информационных технологий. Современный смартфон, планшет и то, что, бурно прогрессируя придет им на смену, намного компактнее книги, да и к тому же они позволяют потребителям информации иметь в своей сумочке или кармане целую энциклопедию знаний. При этом мобильная доступность к этим знаниям не требует наличия читательского билета в публичные библиотеки, для посещения которых ещё надо затратить определенное время. А обстоятельство дефицита времени является одним из важных признаков современного цивилизационного развития.

Когнитивный инфантилизм как поход за «легкими» знаниями. Во все времена человек стремился облегчить свое жизненное существование и

это стремление столь же естественно как и другие сладости бытия. Но в массовой культуре потребления инфантилизм охватывает все сферы социальных отношений, и нынешняя его форма будет выражаться уже не в экономии физической энергии, а в экономии рефлексивных усилий. При этом затрачивать свою умственную энергию на осмысление меняющейся картины мира, для чего требуется серьезное оперативное мышление, людям будет все труднее.

При компетентностном подходе к обучению утрачиваются навыки формирования системного мышления, а вместе с этим исчезает необходимость в больших умственных затратах на овладение теоретическим знанием. Массовому потребителю образовательных услуг будут даваться отдельные платформы для облегченного входа в информационную базу данных, где содержится ограниченный набор компетенций, чтобы ими успешно воспользоваться. На цифровых серверах знания будут располагаться «упакованными» блоками, словно продукты, расфасованные на стеллажах в супермаркете. При этом всё должно быть легко и быстро доступно, а главное, необременительно в интеллектуальном плане.

Цифровые технологии создают глобальное информационное пространство, доступное в любых уголках планеты. К тому же их неоспоримое преимущество перед бумажными носителями привлекает значительным снижением интеллектуальной и рефлексивной нагрузки на потребителей информационного продукта. А рефлексия над книжным текстом традиционно формировалась на диалоговом общении литературных героев и смысловторчестве самого автора произведения. Погружение же в этот мыслительный мир лучших творений отечественной и мировой классической литературы, к примеру, таких как «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского или «Война и мир» Л.Н. Толстого, сопряжено со значительными умственными усилиями. Зачем всё это читать, затрачивая целую уйму времени, когда достаточно запросить по интернету нужный блок информации, «изъятый» из этих эпических произведений.

Таким образом когнитивный инфантилизм породил социальный запрос на получение «легкого» знания без серьезных рефлексивных затрат. Как избежать этого, ведь дистанционные информационные порталы в перспективе по своему объемному наполнению будут способны даже заменить учителя как ведущего субъекта образовательного процесса? Думается, ответ очевиден каждому: их технологические возможности не должны противопоставляться воспитательному наставничеству педагога, возвышенное одухотворенное слово которого никогда не заменит самый совершенный искусственный интеллект. В перспективе вряд ли смогут цифровые образовательные порталы со всем своим информаци-

онным объемом оказать подобное духовное воздействие на становление человека.

Социокультурные трансформации сферы образования, обусловленные стремительным цифровым маркетинговым развитием образовательных услуг, с большой долей вероятности будут способствовать возрастанию симптомов социального инфантилизма. В данном контексте инфантилизм, как разноплановое социокультурное явление с присущими ему психологическими и экзистенциальными особенностями, можно идентифицировать как *когнитивный инфантилизм*, побуждающий к потреблению «легких» знаний, которые получены без серьёзных рефлексивных усилий. Инфантильная психология не стимулирует субъективную мотивацию к напряженному интеллектуальному труду, каковым всегда был поход за знаниями, подменяя его стремлением к оперированию готовыми информационными продуктами, заимствованными на виртуальных образовательных платформах.

Следует вспомнить, что такой легковесный путь получения знаний был проторен в отечественную образовательную среду посредством тотального внедрения тестовых технологий для проверки качества подготовки обучающихся. Все попытки педагогического сообщества доказать ограниченные возможности использования таких тестов воспринимались чиновниками от образования не иначе как ретроградство.

Таким образом, когнитивный инфантилизм отвоевывал себе место в образовательном пространстве, превращая традиционную экзаменационную форму проверки знаний, в ходе непосредственного общения ученика с учителем, в развлекательную «угадайку» из скудного набора заранее предлагаемых ответов.

Помимо того, что повальное тестирование создавало имитацию мыслительной деятельности учащихся, так оно ещё и выводило преподавателей, как наставников знаний, за пределы своих контрольных функций. Гносеологическая функция проверки знания преподавателем неизбежно способствует развитию логического мышления обучающихся, но снижение их интеллектуальной активности путем нацеливания на ограниченный выбор предлагаемых ответов, стало питательной средой для развития когнитивного инфантилизма. В наше время многие школьные педагоги с тревогой сетуют на снижение желания учеников воспринимать учебу как напряженный интеллектуальный труд. С этим инфантильным явлением столкнулись и многие родители, вынужденные непосредственно заниматься со своими чадами выполнением школьных домашних заданий в условиях нынешней коронавирусной пандемии.

Когнитивный инфантилизм в образовательной среде становится серьёзным препятствием для социализации и общественной активности

человека, что вполне соответствует потребительским общественным отношениям. На почве потребительской психологии формируется корпоративная этика, отличительным признаком которой является превалирование культа услуг перед осознанием гражданской значимости служения общественному благу. Образовывая личность, важно осознавать, что между гражданским служением и этикой корпоративных услуг пролегает непреодолимая нравственная пропасть. Мировоззрение потребительского общества нивелирует значимость служения во всех видах человеческой деятельности, а услуги становятся своеобразным фетишем в шкале утилитарных ценностей.

Этическая биполярность культа образовательных услуг, противопоставленного мотивации служения общественному благу, вполне очевидна. Можно обозначить некоторые их амбивалентные признаки. Услуга, прежде всего, прагматична, тогда как служение бескорыстно. Услуге свойственна меркантильность: «ты — мне, я — тебе», а служение исповедует нравственный принцип: «один за всех и все за одного». Наконец, услуга предполагает неустойчивость социальных отношений, выстроенных на принципах временного партнерства, не предполагающих товарищеской взаимной поддержки. Также для культа услуг моральные универсалии в общественных отношениях утрачивают свою регулятивную императивность. Есть все основания предполагать, что когнитивный инфантилизм естественным образом будет способствовать дальнейшему общественному утверждению культа услуг не только в сферах ЖКХ или туризма, где эта форма социальных коммуникаций явно проявляет свою коммерческую направленность, но и в сфере образования.

Собственно, это уже происходило в недавнем прошлом, когда расширяющийся рынок образовательных услуг породил сотни эрзац-вузов, ориентированных не на качество образования, а на доходную торговлю дипломами псевдоспециалистов. Возможно, когда-нибудь исследователи подсчитают урон, нанесенный этим сугубо коммерческим феноменом развитию национальных секторов экономики. Но уже сегодня совершенно очевиден прагматический крен образовательных услуг в сторону формирования когнитивного инфантилизма.

Поиск альтернативы. Однако, цифровизация образовательных технологий представляется неизбежной реальностью футурологического вектора цивилизационного развития. Поэтому сегодня встает вопрос не о том, чтобы отвергать или противопоставлять их традициям вербального классического образования, а об их гармоническом взаимодействии, при котором недопустимо безапелляционное нигилистическое отрицание: либо одно, либо другое. Бесспорно, позитивное преимущество дистанционных

информационных технологий проявляется в неограниченной широте образовательного пространства, охватывающего самые отдаленные уголки нашей страны.

В целях реализации такого подхода, была создана образовательная платформа «Юрайт», рекомендованная Центром развития профессионального образования в качестве информационного сервера для среднего и высшего профессионального образования. Как свидетельствует информационный портал этой виртуальной платформы, она призвана обеспечить повышение качества и доступности дистанционных форм образования для массового перехода к ним студентов, преподавателей, библиотекарей и других участников образовательного процесса. Данная образовательная платформа к настоящему времени располагает необходимыми технологическими ресурсами, обеспечивающими: чтение и реферирование текстов, обсуждение учебных материалов, прослушивание аудиодожей, прохождение адаптивного формирующего тестирования и др.

За последние месяцы аналитики «Юрайт» проанализировали темпы цифровизации отечественного профессионального образования на основе изучения цифровых следов более 150 тысяч студентов и 27 тысяч преподавателей, использовавших их информационный сервер. В результате этого исследования был сделан вывод, что профессиональное образование России стремительно движется по пути уверенной цифровой трансформации. Как говорится, тут нечего комментировать, а нужно анализировать будущие социокультурные последствия такой трансформации. Не следует сомневаться в том, что дистанционные формы обучения, при их дальнейшем технологическом развитии, в дальнейшем будут лишь усиливать свое доминирование в образовательном пространстве.

Цивилизационный вектор философско-педагогической антропологии.

Итак, широкое использование дистанционных технологий путем цифровизации информационных ресурсов знания является неизбежной реальностью, обусловленной технико-технологическим вектором цивилизационного развития. А потому эту реальность следует изучать и анализировать с позиций современной философско-антропологической науки, чтобы свести к минимуму возникающие негативные издержки. И такой ориентир был задан тематикой XXIV Всемирного философского конгресса «Учиться быть человеком» (Пекин, август 2018). Поистине, судьбоносной проблемой становится то, как глобальному человечеству в условиях прогрессирующего искусственного интеллекта и повальной робофилии, не потерять «человеческое, слишком человеческое». Речь идет не о том, что антропологическим проблемам уделяется недостаточно внимания, а о том, как актуализировать научные исследования в этой области челове-

коведения применительно к социокультурным и технико-технологическим трансформациям современного общественного развития. Словом, напрашивается новый взгляд на место и роль философско-педагогической антропологии в системе общей социальной теории.

Социологами в контексте анализа тенденций развития массовой культуры отмечается, что современный человек, живущий в реальном мире, всё более становится зависимым от виртуальных услуг, получивших широкое развитие в социальных сетях интернета. Купля и продажа этих услуг породила особый эквивалент расплаты в виде криптовалюты. Потребительский уход в пространство виртуальных коммуникаций можно соотнести с социальным явлением, получившим название эскапизм. Считается, что впервые термин эскапизм (от англ. *escape* – сбежать, спастись.) использовал английский писатель Дж. Толкиен в своем фантазийном эссе «О волшебных сказках», где он подразумевал под этим явлением виртуальное бегство человека из реального бытия в фантастический мир [7].

В этом плане заслуживает внимания работа Эндрю Эванс «Эта виртуальная жизнь. Эскапизм и симуляция в нашем медиа – мире» (1966 г.). Его книга интересна тем, что в ней эскапизм рассматривается в ракурсе деятельностного подхода. Но это не созидательная деятельность, имеющая общественную значимость, а обыденное времяпрепровождение индивида, обеспечивающее ему состояние внутренней свободы. «Когда мы говорим об «эскапистских» видах деятельности, – пишет Э. Эванс, – мы можем заметить, что некоторые из них совпадают с обычными видами деятельности – прогулками, приготовлением пищи, сном. Другие же – являются просто отдыхом: чтение, прослушивание музыки ... Многие виды деятельности могут считаться «эскапистскими» до той поры, пока они представляют альтернативу обычной жизни» [8].

Если придерживаться этой логики, то дистанционное образование, будучи альтернативой классическому очному образованию, вполне может рассматриваться с позиции эскапистского мировоззрения как *социокультурный нигилизм*. Для приверженцев такой мировоззренческой ориентации социальная реальность представляется чужбиной, а подлинным бытием индивидуальной свободы является виртуальный мир. В этом плане дистанционные технологии обучения представляются релевантными общественному отшельничеству, при котором напрочь исчезает неповторимая атмосфера школьного класса или студенческой аудитории, наполненная эмоциональными волнениями и душевной энергией обучающихся. Обидно терять личностные контакты учителя и ученика, сложившиеся в вековых традициях классического образования. Но логика развития исторического процесса наглядно являет нам примеры трансформации тра-

диций педагогического общения, с которыми всегда трудно расставаться. Хотя бы вспомним перипатетическую школу, возникшую в античной Элладе, чтобы представить себе величественного Аристотеля, любившего прогуливаться со своими учениками в саду Ликейя. Вот она – самая непосредственная в контактном общении педагогическая система, но кто сегодня с ностальгией вспоминает о ней?

Еще на одну актуальную психолого-антропологическую проблему следует обратить внимание. Исследования показывают снижение уровня интеллектуального развития современной молодежи в сравнении с биологическим возрастом. Возможно, не все выводы могут быть признаны с точки зрения их истинной безупречности, но такая статистика, основанная на расчетах индекса IQ, находит апробацию в научной литературе. В частности, встречается утверждение, «...что IQ – ай кью современного человека упал на 14 пунктов со времени начала его измерений» [4].

Уместно напомнить, что концепцию проверки интеллектуального коэффициента в 1912 г. предложил видный немецкий психолог и философ Уильям Штерн (1871-1938). Позднее, в 1916 г. она легла в основу известного теста на определение коэффициента интеллекта (IQ), разработанного французским психологом Альфредом Бине (1857-1911). В наше время существует много различных тестов IQ, для разных возрастных групп, позволяющих проверять объем интеллектуальной памяти, способность к самостоятельному логическому мышлению, умение сопоставлять, обобщать и анализировать известные исторические факты и т.д. Как бы не воспринимались научным сообществом результаты интеллектуальных тестов IQ, полностью игнорировать их статистические данные, свидетельствующие о негативном воздействии на человеческий интеллект виртуальной зависимости от социальных сетей интернета, никто не пытается.

Все же не разумно принижать значимость дистанционного обучения с учетом объективных тенденций технологического прогресса и цивилизационного развития. Так или иначе, комплексная система классической педагогической дидактики будет постепенно интегрироваться с виртуальными образовательными платформами. И чтобы этот процесс происходил с меньшими издержками, со всей актуальностью встает вопрос о проблемных исследованиях в русле современной философо-педагогической антропологии. Речь идет о том, чтобы развитие дистанционных технологий всецело связывалось со значимостью образования для социализации человека и его креативной самореализации в меняющемся мире. Образование всегда было и будет неразрывно связано с просвещением общественного сознания и культурным воспитанием человека.

Современная цивилизационная эпоха выходит на принципиально новые рубежи технико-технологического прогресса, в соответствии с которыми уместно экстраполировать технологические дистанционные формы обучения на процессы модернизации всей образовательной сферы.

В нынешних реалиях конвергенции научного знания, для философско-педагогической антропологии представляется весьма позитивной опора на синергетическую методологию, которая позволит значительно расширить ее проблемное поле и будет способствовать ее продуктивному взаимодействию с другими социально-гуманитарными науками. При этом имеется в виду необходимость включения антропологической проблематики в комплексную парадигму NBVKS конвергенции. Насущная необходимость подобного научного взаимодействия осознается многими социологами, в частности, Ю.М. Резник считает порочным, что современная: «...научная антропология в силу своей предметной специфики и методологических оснований изучает частичного, фрагментированного человека, расщепленного на кусочки — социальные, биологические (физические), культурные и пр. Фрагментация — бич современной антропологии и основная причина ее нынешнего кризиса. Это напоминает ситуацию в медицине, где лечат болезни по отраслевому признаку, а не человека в целом» [7, 181].

Заключение. Антропологический анализ цивилизационной трансформации современного образования пока уступает, на наш взгляд, футурологическим прогнозам дальнейшего общественного развития. Достаточно сослаться на предсказания известного американского футуролога и популяризатора теории «искусственного интеллекта» Рэймонда Курцвейла (род. 1948), считающего, что уже в ближайшем десятилетии возможно создание технического аналога человеческого мозга, обладающего способностью реального воздействия на мыслительную деятельность человека. Эту идею он изложил в своей первой книге «Эпоха мыслящих машин» (1990) [10], затем последовала более радикальная по замыслу «Эпоха духовных машин» (1999) [11]. В 2030-е годы, как считает Э. Курцвейл, nano процессоры могут быть встроены в человеческий мозг для считывания нейро сигналов, что приведет к «полному погружению» человеческого сознания в виртуальную реальность. Эти смелые прогнозы аргументируются разработанной им концепцией технологической сингулярности, а потому было бы наивно воспринимать их как разновидность литературного жанра фэнтези.

Таким образом «Homo sapiens», прошедший долгий эволюционный путь антропосоциогенеза, под воздействием экспоненциального совершенствования технологий «искусственного интеллекта», по прогнозам

некоторых западных аналитиков, мутирует в новый тип «Homo technogenus». Уже в наше время императивные моральные универсалии общественной жизни рискуют быть «унесенными ветром» безудержного научно-технического прогресса. Образная метафора о классической культуре, «унесенной прогрессом» технологической сингулярности заимствована из книги отечественного философа В.А. Кутырева «Унесенные прогрессом: Эсхатология жизни в техногенном мире», в которой автор дает неутешительный прогноз о том, что в XXI веке классическое образование превратится в программирование, т.е. в управление знанием. По его мнению, впереди нас ждет смена коммуникативного общения людей на коммутацию сигналов человеческого мозга посредством компьютера, что делает процесс мышления полностью виртуализированным [4].

В завершении, следует подчеркнуть, что футурологический вектор цивилизационного развития будет определять наиболее актуальные направления проблемных исследований философско-педагогической антропологии, одним из которых может быть транспарентный анализ социокультурных и технико-технологических факторов трансформации образовательной сферы. Наряду с этим, философско-антропологические проблемы дистанционного образования, при всей их технологической значимости, предстоит рассматривать в когнитивном дискурсе приоритета креативной сущности человека как главного субъекта цивилизационного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каблуков Е. Шестой технологический уклад // Наука и жизнь. – 2010. – № 4.
2. Коменский Я.А. Великая дидактика. – СПб: Типография А.М. Котомина, 1875. – 282 с.
3. Королёв А.Д., Пырин А.Г. Унесённые прогрессом // Вестник российского философского общества. – 2017. – № 2. – С. 56-58.
4. Кутырев В.А. Унесенные прогрессом: Эсхатология жизни в техногенном мире. – СПб., 2016. – 300 с.
5. Меньшиков С.М., Клименко Л.А. Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу. – М., 2014. – 288 с.
6. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. – М.: Дело, 2011. – 232 с.
7. Резник Ю.М. Человек за границами культуры и социальности // Личность. Культура. Общество. – 2009. – Т. III. – Вып. 1 (3). – С. 179-195.
8. Толкиен Дж.Р.Р. Чудовища и критики и другие статьи. О волшебных сказках: – М.: Elsewhere, 2006. – 328 с.
9. Evans A. *This Virtual Life: Escapism and Simulation in Our Media World.* – Natal: Fusion, 2001. – 275 p.
10. Kurzweil R. *The Age of Intelligent Machines.* – Cambridge: MIT Press, 1992. – 579 p.
11. Kurzweil R. *The Age of Spiritual Machines: When Computers Exceed Human Intelligence.* – London: Penguin, 2000. – 388 p.

Поступила в редакцию 05.05.2020 г.

UDC 304.2

DOI: 10.30936/2227-7951-2020-12-276-284

А.С. СОКОЛОВ, Н.А. СТЕПАНОВ

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КАК УСЛОВИЕ ПОИСКА ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ

***Аннотация:** В сфере теоретической подготовки специалистов гуманитарной сферы одной из актуальных задач является овладение междисциплинарными принципами в исследовательской практике. Междисциплинарный подход приобретает сейчас особое значение. Это связано с превращением истории в междисциплинарную научную сферу, интегрирующую результаты исследований многих социальных и гуманитарных дисциплин.*

В организации высшего образования современному выпускнику высшей школы не хватает системности подготовки в области гуманитарного знания. Такая ситуация характеризуется как минимум содержательной дискретностью, когнитивными разрывами сознания студентов. История как гуманитарная дисциплина должна стать моделью «методологии полного цикла». Междисциплинарность при поиске и обосновании цивилизационной идентичности выступает универсальным как исследовательским, так и образовательным принципом. Социальная история может дать обоснование и анализ специфики российской цивилизации как модели социальной жизни. Историческая социология, изучая социальные структуры разных обществ, социальные «скрепы» общества ответит на вопрос в каком обществе мы живем?

Соколов Александр Станиславович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и философии Рязанского государственного радиотехнического университета им. В.Ф. Уткина (Рязань). E-mail: falcon140770@yandex.ru.

Степанов Николай Александрович – кандидат философских наук, доцент, руководитель центра социальной теории и проблем управления Рязанского государственного радиотехнического университета им. В.Ф. Уткина (Рязань). E-mail: nikolaiastepanov@gmail.com.

Abstract: *In the field of theoretical training of humanitarian specialists, one of the most urgent tasks is to master interdisciplinary principles in research practice. An interdisciplinary approach is now becoming particularly important. This is due to the transformation of history into an interdisciplinary scientific field that integrates the results of research in many social and humanitarian disciplines.*

In the organization of higher education, a modern graduate of a higher school lacks systematic training in the field of Humanities. This situation is characterized at least by meaningful discreteness, cognitive gaps in students' consciousness. History as a humanitarian discipline should become a model of "full-cycle methodology". Interdisciplinarity in the search for and justification of civilizational identity is a universal research and educational principle. Social history can provide justification and analysis of the specifics of Russian civilization as a model of social life. Historical sociology, studying the social structures of different societies, the social "bonds" of society, will answer the question in which society do we live?

Ключевые слова: *высшее образование, социальная история, социальная теория, междисциплинарность, цивилизационное развитие.*

Keywords: *higher education, social history, social theory, interdisciplinarity, civilizational development.*

Постановка проблемы. Дискуссионное пространство научного альманаха по проблемам социальной теории как нельзя лучше располагает к поиску новых ипостасей исторического знания. Центральным вопросом научного поиска мы считаем, в данном случае, вопрос о соотношении категорий «история», «социология», «социальная история», «междисциплинарность» и определение их содержания.

Здесь следует вспомнить подход Ю.М. Резника, заключающийся в том, что «социальная теория — это общая концептуальная и методологическая часть социальных наук, охватывающая круг "универсальных" проблем социума и прежде всего проблемы институционализации, структурной организации социума, социальной дифференциации и социальных изменений, которые находятся в центре внимания всех социальных наук, а не только социологии. Их междисциплинарный статус сегодня уже никто не оспаривает...» [9, 309].

Формы междисциплинарного синтеза истории и социальных наук. Следует учесть, что междисциплинарность, как способ существования и развития научного знания, имеет свои предпосылки не столько в научной императивности, предлагающей внешний стимул для неё, сколько в логике развития любой отрасли научного знания, в т.ч. и истории, при достижении определенного порога её развития, который требует выхода за пределы самого предмета и логики отраслевой науки.

Можно сформулировать в этой связи несколько тезисов.

1. В части организации высшего образования, современному выпускнику высшей школы, в частности, инженеру, на наш взгляд, не хватает системности в подготовке в области исторических, гуманитарных и социальных науках. Так, структура содержания современного отечественного высшего образования, формализованной квинтэссенцией которого являются образовательные стандарты, не предполагает развитие у выпускника вуза междисциплинарной логики и способности к комплексному пониманию многообразия окружающего мира.

Технократически выстроенное, т.е. «привязанное» к функциональной и социально-экономической структуре общества, советское высшее образование развивало у студента способность системного взгляда на мир, но в пределах своей профессиональной парадигмы. Отсутствие междисциплинарного понимания мира приводило к тому, что, например, экономист, понимающий как работает экономика, не был в состоянии полноценно ею управлять, поскольку не был обучен видеть социальные и политические аспекты данной науки.

2. В части структурирования гуманитарного знания в высшей школе можно констатировать отсутствие *преемственности* и содержательного единства преподаваемых дисциплин. В частности, это проявляется в отсутствии междисциплинарности и полипарадигмальности в этом процессе. Расширение предметного поля истории как образовательного феномена имеет принципиальную перспективу преодоления указанных противоречий организации гуманитарного образования в вузе.

3. Признание специфики исторического познания не отрицает, а во многом предопределяет значение теоретического компонента в исторических исследованиях. Он проявляется и в стремлении к конструированию макромоделей, осмыслению исторического целого [7, 32]. На всём протяжении параллельного существования истории и социологии, обе науки продуктивно и активно взаимодействуют. Их близость основывается на том, что история, подобно социологии, стремится находить, реконструировать, расшифровывать и сохранять представления и данные о минувшем, а также запечатлевать для потомков точный образ уходящего мира. Схожесть обеих дисциплин предопределена и тем, что социология, как и история, в своей преобладающей части занимается исследованием социальных фактов, социальных действий индивида, групп, народов и т.д. Можно согласиться с мнением, что история в социологии составляет один из важнейших элементов ее научного, профессионального самосознания [2, 20].

Взаимоотношения истории и социологии началось с первых моментов существования социологической науки. К началу XX в. складывается

новое направление исторической мысли — *социальная история*. Первоначально эта дисциплина исследовала те же проблемы, которыми занимается социология: социальная стратификация и мобильность, общественное сознание и поведение, факторы динамики общественного развития, ценности и предпочтения людей. При этом она противопоставляла себя традиционной политической истории. Показательно, что на протяжении XX в. историки эффективно осваивали исследовательские методы социологии (контент-анализ, построение моделей и другие), а также её терминологию и понятийный аппарат.

Становление и расцвет социальной истории, как ведущей исторической дисциплины, связывается с движением за междисциплинарную историю, обогащенную теоретическими моделями и исследовательской техникой социальных наук, в противоположность традиционной истории, которая рассматривалась исключительно как область гуманитарного знания. В русле этого интеллектуального движения, развивающегося в изменяющихся условиях на протяжении второй половины XX в. и родилась новая социальная история, которая выдвинула задачу интерпретации прошлого в терминах, описывающих внутреннее состояние общества, его отдельных групп и отношений между ними [9, 62].

4. В настоящее время существует несколько версий социальной истории. Одна из них — социологическая, выявляющая условия деятельности различных социальных групп и процессы, происходящие в них, другая — социокультурная, изучающая социокультурные практики и рассматривающая процесс формирования социального в деятельности культурных субъектов [4, 462]. Внимание социального историка привлекают: взаимодействие государства с обществом, влияние общественности на политику, участие в политическом процессе различных социальных групп. В социальной истории чрезвычайно велик интерес к обществу, к его структурам — сословиям, классам, социальным слоям, а также к протекающим в нём социальным процессам, общественным движениям — рабочему, женскому, демократическому.

В 1960-1970-е гг. среди ученых велись обсуждения относительно междисциплинарного взаимодействия истории и социологии, в ходе которых явственно обнаружилось, с одной стороны, стремление социологов к освоению исторического материала («историзация» социологии), а с другой — поворот части «новой историографии» к теоретической и социальной истории, к поискам общей модели, которая позволила бы связать отдельные исследования, сравнить и обобщить их [9, 22].

5. В последнее время возрастает интерес к *исторической социологии*, которая ставит своей задачей изучение социальных изменений и тенден-

ций в развитии общества, выявление закономерностей, развитие новой теории, способной обеспечить более убедительные и исчерпывающие объяснения исторических явлений и структур. В силу специфики задач такая социология отличается от социальной истории более интенсивным и всесторонним использованием социологического инструментария [5, 57].

Актуализировалась проблема изучения «историзации» социологии. Историческая социология использует инструментарий всей науки об обществе, переосмысливая материал, собранный и описанный на языке исторической науки, в социологических понятиях и концепциях, и познавая явления прошлого с самого начала с помощью инструментария социологии [6, 50].

В настоящее время в связи с процессами глобализации, информатизации, развития средств коммуникации, расширяется диапазон отбираемых и актуализируемых традиционных культурных образцов различных обществ. Усиливается их подвижность, интенсифицируются процессы взаимообмена, заимствования, диффузии [1, 243]. Это можно в полной мере отнести и к исследованию проблем исторической социологии: исторической урбанистике (изучение динамики числа городов и горожан, изменения функций городов, профиля социальной структуры городского населения), индивидуальной и групповой мобильности (анализ демографической ситуации, структуры семьи, функции полов).

6. Применение социологических моделей анализа межличностных взаимодействий дало импульс развитию *контекстуальной исторической биографии*, которая, опираясь на сетевую концепцию социальной структуры, объясняет поведение исторического индивида плотностью и интенсивностью межличностных контактов [11, 170]. Усиление роли социологии в историческом исследовании привело к возрастанию социологизма в историческом познании. Данный принцип исторического исследования направляет ученого на поиск общего и закономерного в исторической действительности. Он позволяет интерпретировать познавательную деятельность историка с позиций «нейтрального наблюдателя» [3, 464]. Предметная область классической модели исследования — надиндивидуальная историческая действительность, что ориентирует исследователей на изучение социальных отношений, процессов и структур.

В преподавании дисциплин гуманитарного цикла можно вспомнить четкую структуру советского периода: исторический, философский и социально-философский, политико-экономический (не чисто экономический) и социолого-политологический модули, имеющие в своей методической и методологической основе единый познавательный стержень и единую организационную основу. В настоящее время за гуманитарную

подготовку студентов «отвечают» история и философия, оставляя вне внимания целый пласт познавательных и социальных проблем. Такая ситуация характеризуется, как минимум, содержательной дискретностью и когнитивными разрывами в сознании студентов. Междисциплинарность, как основа мировоззренческой зрелости и целостности личности, а также её адекватной социализации в мире, остается вне образовательного поля гуманитарных наук.

В таких условиях фундаментальные вопросы, в частности связанные с поиском цивилизационной идентичности, остаются внешними и неустраиваемыми в студенческой среде.

Таким образом, для современного отечественного вузовского образования одним из актуальных вопросов является поиск моделей такого структурирования дисциплин, которые бы взяли на себя функции полного методологического контента гуманитарного знания. В частности, преподавание истории должно включать в себя элементы междисциплинарности и полипарадигмальности, превращая блок социально-гуманитарных дисциплин в модель «методологии полного цикла», включающую в себя момент познавательной рефлексии универсального характера. Полагаем, что этот тезис здесь обозначен в большей степени как проблема для обсуждения и дальнейшего научного поиска.

Социальная история на пути поиска цивилизационной идентичности России. И.П. Кондаков определяет цивилизационную идентичность как наиболее широкую и обобщенную категорию в ряду иных социокультурных идентичностей — этнонациональной, конфессиональной, социально-политической, региональной и т.п. [3].

Полагаем, что можно попытаться рассмотреть цивилизационную идентичность как отношение между социальными субъектами, складывающееся по поводу поиска качественной определенности рода, родового соотношения с другими субъектами разных уровней, а также принадлежности к субъекту самого высокого уровня. Субъекты цивилизационной идентичности — индивид, группа, этнос, собственно цивилизация. Каждый из них может соотносить себя с цивилизацией, тем самым определяя свою цивилизационную идентичность. Под термином «родовое» мы понимаем наиболее глубокое свойство субъекта, закрепленное в поколениях и «защищенное» от частных и несущественных социокультурных трансформаций. Это, своего рода, глубинная идентичность, субидентичность. Именно суб-, а не над-, где «над-» — нечто, связанное с надстройкой, то, что возникает в результате работы с миром идей. Цивилизационная идентичность как *субидентичность* складывается постепенно в результате совокупности объективных процессов, происходящих в глубинах социума.

Обращение к проблематике цивилизационной идентичности, как правило, происходит в периоды сложного, переломного развития субъекта с целью «проверки» или поиска верного вектора дальнейшего пути и обязательного соотнесения себя с общим контекстом мирового развития. Здесь возможны два варианта: первый — поиск «своей» цивилизации с пониманием своего места в общем цивилизационном контексте (пример — прибалтийские страны постсоветского периода); при этом этот поиск может оказаться не совсем удачным (как например, в Украине); второй — вскрытие своей цивилизационной сущности и обоснование собственного типа цивилизации. Россия идет по этому пути, так как ей не удалось найти своё место в западной цивилизации.

Однако, несмотря на объективный характер становления цивилизации, цели поиска содержания и смысла цивилизационной идентичности — актуальнейшая задача, как для института науки, так и для сферы образования. Формирование цивилизационного мировоззрения населения есть одно из главных условий эффективного функционирования общества в соответствии со своей цивилизационной миссией.

Междисциплинарность, при поиске и обосновании цивилизационной идентичности, выступает универсальным как исследовательским, так и образовательным принципом. Во-первых, невозможно феномен такого уровня абстракции, как цивилизационная идентичность, «вскрыть» с помощью инструментария одной отрасли знания. Полагаем, что междисциплинарный подход позволяет вычлениить и применить универсальные, общие для разных отраслей научного знания исследовательские способы и приемы. Во-вторых, соответственно, транслировать полученный результат возможно только на подготовленную почву культуры. А для этого необходимо, чтобы сознание людей было способно воспринимать междисциплинарную логику.

Таким образом, мы выходим на понятие цивилизационного сознания людей, которое, с одной стороны, является чертой их цивилизационной идентичности, с другой — междисциплинарным феноменом. Примерами междисциплинарного подхода в истории являются, в частности, «социальная история» и «историческая социология», о которых идет речь в данной работе.

От социальной истории, в силу специфики её предмета — акцентирование внимания на исторической динамике всеобщих моделей социальной жизни, мы вправе ожидать обоснование и анализ специфики российской цивилизации на всем протяжении истории, определение её места в мировом сообществе. В частности, популярный ныне тезис о России как самостоятельной цивилизации — весьма яркое проявление мышле-

ния как раз в сфере социальной истории и смежных дисциплин. Вопрос в том, чтобы дать полное и строгое обоснование этому тезису. А это возможно лишь при анализе всех возможных исторических моделей разных типов цивилизации, поиске их общих и специфических характеристик указанных моделей. И главное — понять, вправе ли мы в принципе претендовать на самостоятельный путь отдельной цивилизации или это может оказаться губительным для России.

В стране уже есть негативный опыт использования готовых технологий организации собственного цивилизационного пространства. Но никто из ученых пока не доказал их принципиальную неэффективность, как и то, что наша цивилизация устроена по-другому. Скорее произошло наоборот, поскольку у нас не получилось применить эти технологии, то мы сделали вывод, что Россия — другая цивилизация. При этом нам близко понимание цивилизационного формата России. Но это вопрос для дальнейшего анализа, требующий междисциплинарного опыта исследований.

Историческая социология, в свою очередь, могла бы ответить на вопросы, вставшие вновь перед нашими соотечественниками: в каком обществе мы живем? Что такое Россия? С одной стороны, позитивный и однозначный ответ на этот вопрос рядом российских последователей Маркса, сумевших обозначить социальную канву общества (истинную или ложную), в советский период истории дал мощный цивилизационный рывок, сопровождавшийся колоссальными социальными приобретениями и потерями (с одной стороны — «от сохи к ядерной бомбе», с другой — чудовищные человеческие и материальные потери во внешних и внутренних войнах и фактически поделенный пополам мир). С другой стороны, попытки изменить общество без глубокого теоретического обоснования, квинтэссенцией чего стал тезис одного из прошлых лидеров страны — «мы не знаем страну, в которой живем», а также утверждения ведущих отечественных социологов в начале 1990-х гг. — «страна потеряла качественную определенность», едва не привели к гибели нашей цивилизации.

От анонимии общества только на одной прагматике, только на логике здравого смысла и даже на выдающемся ручном управлении невозможно перейти к целостному устойчивому обществу. И пока, с разной степенью успешности, создается новая страна: появляются новые отрасли экономики (нефтепереработка, сельское хозяйство, здравоохранение), иные вертикали и горизонтالي управления и формы гражданского общества (как последнее голосование за поправки к Конституции), возникает новое качество цивилизации в целом. Задача социальной истории и исторической социологии — проанализировать такие феномены, как социальные институты в качестве скреп общества, и возникающий диссонанс

между ними, при котором основные институты зачастую «работают» вхо-
лостую, вне связи друг с другом, самодостаточные и закрытые).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гофман А.Б.* В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность // Вопросы социальной теории. – 2010. – Том IV. – С. 241-254.
2. *Гофман А.Б.* Семь лекций по истории социологии. – М., 2006. – 224 с.
3. *Кондаков И.В.* Цивилизационная идентичность России: сущность, структура и механизмы // Вопросы социальной теории. – 2010. – Том IV. – С. 282.
4. *Лубский А.В.* Социологизм в историческом познании // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. – М., 2014.
5. *Маловичко С.И.* Социальная история // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. – М., 2014. – 543 с.
6. *Миронов Б.Н.* Социология и историческая социология: взгляд историка // СОЦИС. – 2004. – № 10. – С. 55-63.
7. *Миронов Б.Н.* Историческая социология: опыт и перспективы // СОЦИС. – 2005. – №1. – С. 41-53.
8. *Поршнева О.С.* Концепции и методы социологии в историческом исследовании // Вестник РУДН. Серия «История». – 2006. – № 2. – С. 31-39.
9. *Резник Ю.М.* Социальная теория: предмет и междисциплинарный статус // Вопросы социальной теории. – 2007. – Том I. – Вып. 1 – С. 306-320.
10. *Репина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. – М.: ЛКИ, 2009. – 320 с.
11. *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Кругъ, 2011. – 416 с.
12. *Романовский Н.В.* Социология и история: перспективы взаимодействия // Вестник РГГУ. Серия «Философия, социология, искусствоведение». – 2010 – № 3. – С. 13-29.

Поступила в редакцию 05.05.2020 г.

Contents (in Russian language)	3
Foreword (<i>V.A. Lektorskiy</i>)	5

Section 1. IMAGES OF THE CIVILIZATIONAL FUTURE OF RUSSIA: SOME PROJECTS AND POSSIBILITIES OF THEIR INTEGRATION

(Yu.M. Reznik)

1.1. On the approach to interpretation and reconstruction of civilizational projects in Russia (instead of introduction)	17
1.2. Some projects of civilization for Russia (endeavor in projective reconstruction)	25
1.2.1. The images of spiritual organization of civilization life	26
« <i>Civilization of spirit</i> » (<i>Hegel</i>)	26
« <i>Civilization of life</i> » (<i>A. Schweitzer</i>)	32
« <i>The Orthodox civilization</i> » (<i>S. Huntington</i>)	35
1.2.2. Sophianic nature, all-unity and integralism as principles of designing the Russian civilization	39
« <i>Civilization of common doing</i> » (<i>N.F. Fyodorov</i>)	39
« <i>Civilization of Sophia</i> » (<i>V.S. Solovyov</i>)	43
« <i>Integral civilization</i> » (<i>P.A. Sorokin</i>)	46
1.2.3. All-humanity as a way of imagining the Russian civilization	49
« <i>Slavonic civilization</i> » (<i>N. Ya. Danilevskiy</i>)	49
« <i>Eurasian project</i> » (<i>N.S. Trubetskoy</i>)	53
<i>Endeavour in modern interpretation of all-humanity</i> (<i>A.V. Smirnov</i>) ...	58
1.3. Comparison of various projects of Russia's civilizational future and ways of their integration	63
1.4. Is the «integral» project of Russian civilization possible? (Conclusion)	74
<i>Appendix. Does the «universal human» civilization exist, and what place is allotted to Russia in it? (Discussion with V.M. Mezhuev and N.V. Motroshilova) .....</i>	96
Literature and notes	115

Section 2. CIVILIZATIONAL OUTLINES OF RUSSIA IN THE 21ST CENTURY

AFANASOV N.B. (<i>Moscow</i>) Retro-Future Shock And Russian Civilizational Project	121
--	------------

BESPALOVA T.V. (<i>Moscow</i>) The Future Of Russian Civilization: Some Ideological Outlines	131
GLUKHOVA O.Yu. (<i>Cheboksary</i>) Russian Civilization as Viewed by Contemporary Chinese Philosophers	143
KAZIN A.L. (<i>Saint Petersburg</i>) The Orthodox Socialism as a Russian National Idea	150
MARKOV B.V. (<i>Saint Petersburg</i>) The Imperial and Civilizational Projects of the Future of Russia	160
PEREPYOLKIN L.S. (<i>Moscow</i>) Russia and Its Civilizational Future: Advantageous Points (An Anthropologist's View)	172
RAZUMOV V.I., ONISHCHENKO O.R. (<i>Omsk</i>) Russian Society in the 21st Century: Are the Limits of Growth Reached?	187
ROMANOV D.D. (<i>Moscow</i>) The Future of Russian Civilization: A Mystic-Intuitivist Aspect	197
TITOV R.V. (<i>Volgograd</i>) The «Dead Lift of the Will» as unique feature of Russian Civilization	204
TYUGASHEV E.A. (<i>Novosibirsk</i>) Cyril And Methodius Tradition in Understanding Russian Civilization	212
FEDOTOVA V.G. (<i>Moscow</i>) The Role of Modernization in Civilizational Project for Russia	222
SCHERBINA V.N. (<i>Kiev</i>) Problems of Rethinking the Civilizational Coordinates of Ukrainian Society in the Face of Modern Challenges	237

Section 3. SOME PROBLEMS OF CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT OF CONTEMPORARY RUSSIA

GORDOVA T.V., KORNEEVA G.K. (<i>Ryazan</i>) The Civilizational Prospects of Higher Education in Russia	248
DIEV V.S. (<i>Novosibirsk</i>) Management in Russian Civilization: Towards Construction of National Model	254
PODOL' R.Ya. (<i>Ryazan</i>) Distance Learning as a Project of Russian Civilizational Development	263
SOKOLOV A.S., STEPANOV N.A. (<i>Ryazan</i>) Inter-disciplinary Character of Historical Studies as Condition of Civilizational Identity Search	276
Contents (in English)	285

Научное издание

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ: НАУЧНЫЙ АЛЬМАНАХ.
Том XII. 2020. РОССИЯ КАК ЦИВИЛИЗАЦИЯ БУДУЩЕГО / Институт философии РАН, Научно-координационный совет по философским проблемам социальной теории; под редакцией Ю.М. Резника. — М.: Издательство Независимого института гражданского общества, 2020. — 288 с.

ISSUES OF SOCIAL THEORY. SCIENTIFIC ALMANAC. Vol. XII. 2020.
RUSSIA AS A CIVILIZATION OF THE FUTURE / Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Scientific Coordination Council on Philosophical Problems of Social Theory; edited by Yu.M. Reznik. — M.: Publishing house of the Independent Institute of Civil Society, 2020. — 288 p.

Editorial board: Yu.M. Reznik (Moscow, IF RAS), N.B. Afanasov (Moscow, IF RAS), V.G. Nikolaev (Moscow, NRU HSE), N.A. Stepanov (Ryazan, RSRTU).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-48892 от 12 марта 2012 г. Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Электронная версия альманаха размещена на сайтах Научной электронной библиотеки (см.: <https://elibrary.ru/contents.asp?titleid=32326>) и Института философии РАН (см.: <https://iphras.ru/vst.htm>).

Адрес редакции: 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Институт философии РАН. Научно-координационный совет по философским проблемам социальной теории.

Компьютерная верстка: М.В. Николаев

Корректор: Ю.В. Манакова

Сдано в набор: 21.06.2020. Подписано в печать: 21.07.2020. Формат 60/90 1/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. — 18. Тираж 500 экз. заказ № 93087.

Отпечатано в типографии «OneBook.ru» ООО «Сам Полиграфист»
129090 г. Москва, Протопоповский пер., д. 6
www.onebook.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК
